

**АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ
ТЕРРИТОРИИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сборник научных трудов

Издательство Алтайского
университета

Барнаул 2001

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
кандидат исторических наук **В.В. Горбунов**;
кандидат исторических наук **А.А. Казаков**;
кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров**;
кандидат исторических наук **С.В. Неверов**;
кандидат исторических наук **А.Б. Шамшин**;
М.Ю. Кузеванова (ответственный секретарь)

А 52 Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья: Сборник научных трудов /
Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 174 с.

ISBN 5-7904-0210-0

В сборнике, кроме статей обобщающего характера, представлены развернутые публикации археологических материалов, полученных при раскопках средневековых погребально-поминальных комплексов Алтая и сопредельных территорий. Приводятся также сведения о случайных находках, музейных коллекциях и сборах разных лет. Отдельные работы касаются вопросов реконструкции этнокультурных контактов и политических ситуаций, конкретных категорий памятников и предметных комплексов. Высказанные авторские позиции являются своеобразными приглашениями к дискуссиям по проблемам средневековой истории Южной Сибири на новом исследовательском уровне.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, а также на широкий круг лиц, интересующихся Алтаем.

***Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект №00-06-80393
«Этнокультурная история Алтая в эпоху средневековья»),
а также в рамках НИР кафедры археологии,
этнографии и источниковедения АГУ по теме
«Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье»***

*На обложке, кроме публикуемого копия, изображение крылатого хищника в виде бляхи-накладки
на сумку из кургана 3 памятника эпохи средневековья Екатериновка-III
(раскопки 1988 г. В.С. Удодова; рисунок О. Чекрыжевой; увеличено; бронза с позолотой)*

ISBN 5-7904-0210-0

А.С. Боровков

Барнаул

НАБОР УКРАШЕНИЙ ВЕРХОВОГО КОНЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ*

Весной 2000 г. сотрудник Лаборатории исторического краеведения БГПУ В.Б. Бородаев сообщил автору о хранящемся в фондах Историко-краеведческого музея пос. Шипуново (Шипуновский район Алтайского края) уздечном наборе снаряжения верхового коня эпохи средневековья (ОФ, №1313). Летом этого же года, во время работ на территории района археологической экспедиции БГПУ (начальник отряда А.Н. Телегин), сотрудники Шипуновского районного музея любезно передали для изучения комплект фрагментов уздечного набора, состоящего из бронзовых с позолотой изделий, часть из которых располагалась на кожаных ремнях.

К предоставленным материалам прилагалась пояснительная записка, где указывалось, что это «украшения конской сбруи, найденные у Сурьей Сопки Комаришенского сельсовета, работниками Новосибирской геодезической партии в 1983 г.».

Сурья Сопка – местное название естественной возвышенности, которая находится примерно в 10–12 км к северо-западу от села Комариха Шипуновского района Алтайского края. На самой сопке, по словам местного жителя, установлен знак – пункт государственной геодезической сети.

На топографической карте масштаба 1:2000 пункт имеет высотную отметку 173. Обследование места находки не производилось. В настоящее время материалы возвращены на постоянное хранение в Историко-краеведческий музей пос. Шипуново.

Необходимо отметить то, что в феврале 1993 г. В.Б. Бородаев, работая в фондах Шипуновского районного музея, зарисовал, детально описал и выяснил у сотрудника музея И.И. Фомченкова обстоятельства находки уздечных украшений. Согласно полученным сведениям, в августе 1983 г. группа геодезистов раскопала на Сурьей сопке одиночный курган, где и были обнаружены бляхи узды. Сам И.И. Фомченков выезжал спустя несколько дней на место находки, но курган, по его словам, был уже зарыт и разровнен.

Таким образом, в 1983 г. работники Новосибирской геодезической партии в ходе полевых изысканий случайно или целенаправленно потревожили погребение, где находились указанные украшения. Возможно, некоторые артефакты были утрачены или не найдены. Не исключено и то, что часть бронзовых блях осталась у находчиков. Во всяком случае, в нашем распоряжении оказались следующие изделия:

- 1) наконечник ремня – овально-прямоугольной формы, с основанием в виде обратной фигурной скобки, с заостренным носиком и фигурно-скобчатым бортиком (5 экз.) (рис. 1.-2);
- 2) подпрямоугольная бляха с фигурно вырезными сторонами (7 экз.) (рис. 2.-2);
- 3) подпрямоугольная бляха с фигурно вырезными сторонами и пятиугольной петелькой (6 экз.) (рис. 2.-1);
- 4) распределитель ремней, имеющий полусферическую центральную часть, подпрямоугольные лопасти с фигурно-скобчатыми бортиками (2 экз.) (рис. 3);
- 5) сердцевидная бляха-накладка с V-образным верхним краем, заостренным носиком и фигурно-скобчатыми бортиками (8 экз.) (рис. 1.-1);

* Пользуясь случаем, автор выражает благодарность сотруднику ЛИК БГПУ В.Б. Бородаеву, преподавателю кафедры отечественной истории БГПУ А.Н. Телегину, директору Музея археологии и этнографии Алтая при АГУ В.В. Горбунову, учителю истории средней школы пос. Шипуново В.В. Зырянову и студентке исторического факультета АГУ Т.Г. Шиготаровой за оказанную помощь и ценные консультации в процессе подготовки материалов к публикации.

- б) налобная бляха сердцевидной формы (1 экз.) (рис. 4);
- 7) неподвижно-щитковая пряжка с овальной рамкой и гладким щитком пятиугольной формы. Рамка при переходе в щиток имеет подпрямоугольный выступ (1 экз.) (рис. 1.-3);
- 8) тренчик – прямоугольной формы с nervyрой (1 экз.) (рис. 2.-3);
- 9) плоская нагрудная бляха-подвеска, без позолоты, пятиугольной формы с полусферическим умбоном по центру (1 экз.) (рис. 5).

По мнению В.Б. Бородаева, последняя из перечисленных вещей не относится к публикуемой уздечной гарнитуре, так как она, во-первых, покрыта плотной обветренной патиной, чем отличается от других украшений; во-вторых, выделяется техникой нанесения орнамента (чеканка) и собственно декором; в-третьих, на ней отсутствует позолота. На основании этого делается вывод, что подвеска обнаружена на поверхности земли, возможно, в другом месте и к находке уздечного набора из погребения на Сурьей сопке не имеет никакого отношения. По заключению В.Б. Бородаева, верхний край бляхи был обломан еще в древности, а отверстие для крепления сделано уже позже, для вторичного использования в виде подвески.

Так или иначе, но сотрудник Шипуновского музея И.И. Фомченков, отвечая на вопросы В.Б. Бородаева об обстоятельствах находки бляхи-подвески, настаивал на том, что украшение происходит из погребения на Сурьей сопке и передано геодезистами в комплекте с другими уздечными бляхами. На этом основании мы относим бляху-подвеску к публикуемому снаряжению верхового коня.

Все изделия, за исключением налобной бляхи, украшены элементами геометрического и растительного орнаментов: многолепестковые розетки, исходящие из розеток четырех-пятиугольные лепестки, парносимметричные волутообразные побеги и т.д. (рис. 1–5).

Бляхи оголовья с тыльной стороны имеют бронзовые шпеньки и фиксаторы (рис. 1–4). С их помощью изделия крепились на ремнях: фиксирующая пластина надевалась на пронизанный сквозь кожу шпенек, после чего верх его расклепывался. Аналогичный способ крепления бронзовых украшений на ремнях узды прослежен на материалах из курганного могильника Шадринцево-I [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 171]. На тыльной стороне распределителей, помимо фиксаторов, присутствует цельная бронзовая пластина, которая повторяет форму тройника и придает соединению ремней большую жесткость (рис. 3).

Благодаря тому, что на некоторых бляхах сохранились фрагменты кожаных ремней, позволяющие установить их первоначальное взаиморасположение, нам удалось воссоздать правый щечный ремень, а также, по аналогии с ним, реконструировать и левый. Различный характер соединений ремней на распределителях позволяет говорить о наличии в одном случае ремня переноса без подгубной его части, а в другом – налобного и подбородного ремней (рис. 3). На налобном ремне с помощью двух блях-накладок и дополнительного раздвоенного ремня крепилась крупная сердцевидная бляха (рис. 4).

Отсутствие в нашем распоряжении затылочной и подбородной частей узды допускает лишь графическую их реконструкцию (рис. 6). Возможно, что крепление в этих местах осуществлялось посредством отдельных ремней – затылочного и подбородного, снабженных пряжками и тренчиками (рис. 6). Надо отметить, что наконечники ремней шире, чем отверстие пряжки (рис. 1.-2, 3). Пропустить ремень с наконечником сквозь рамку пряжки невозможно. Вероятно, исходящие от распределителей ремни с сердцевидными бляхами-накладками пропускались сквозь рамку пряжки, застегивались, а после этого крепился наконечник, который исключал возможность полного расщепления ремней. Тренчик осуществлял фиксацию одного ремня поверх другого (рис. 7). Регулировать напряжение ремней узды, а также надеть ее на голову лошади и снять, можно было, на наш взгляд, посредством перемещения затылочного и подбородного ремней с пряжками.

Аналогичное по конструктивным особенностям оголовье было обнаружено *in situ* в погребении второй половины IX – первой половины X вв. н.э. курганной группы Объезд-

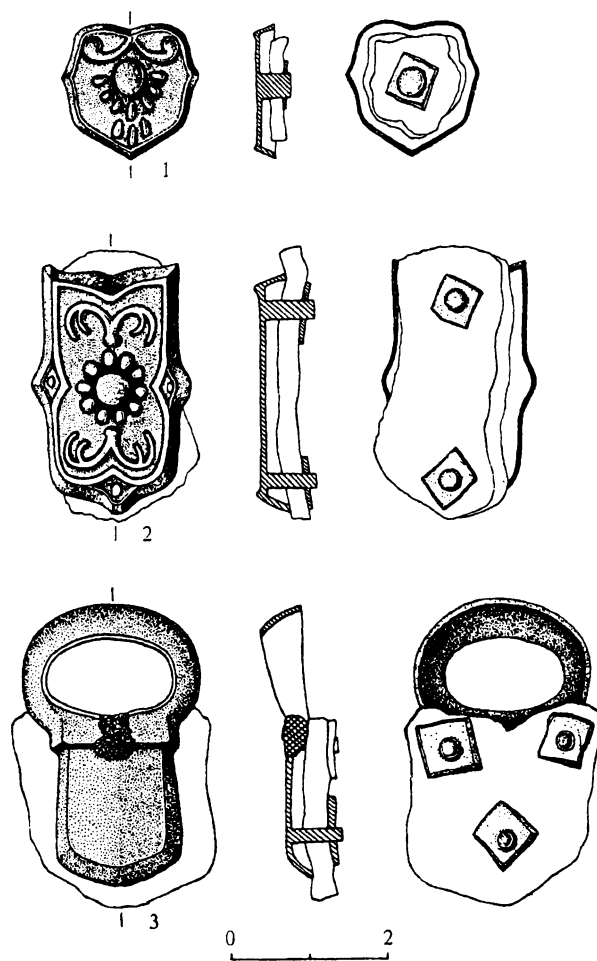

Рис. 1. Пряжка, наконечник ремня и бляха узды

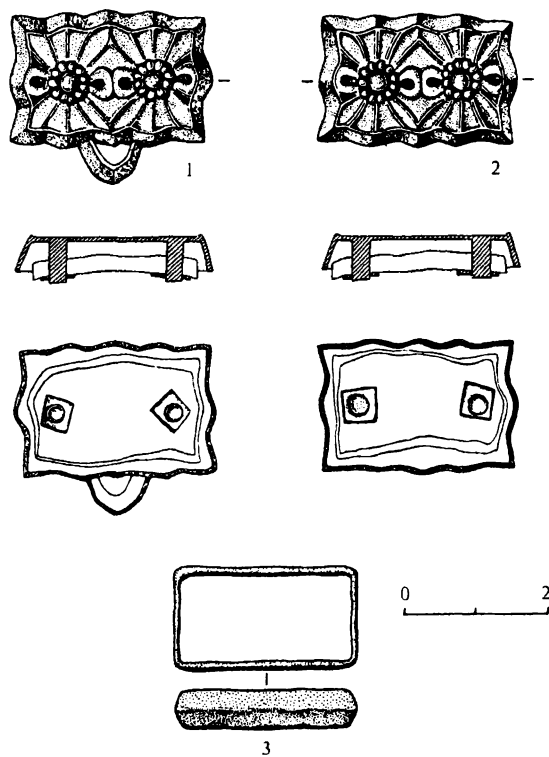

Рис. 2. Тренчик и бляхи узды

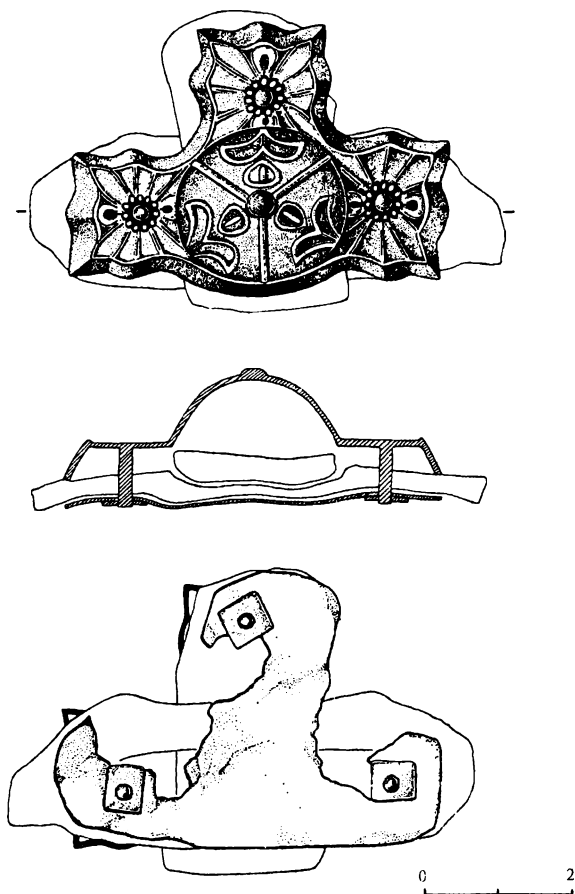

Рис. 3. Распределитель ремня

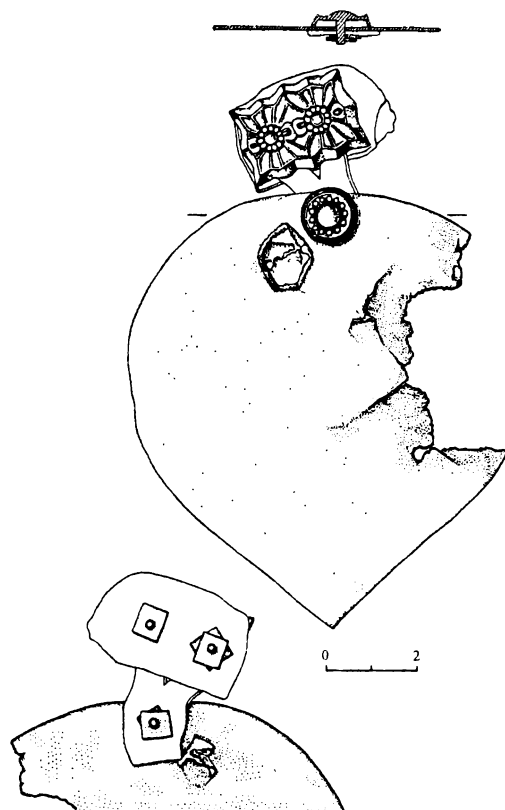

Рис. 4. Налобная бляха

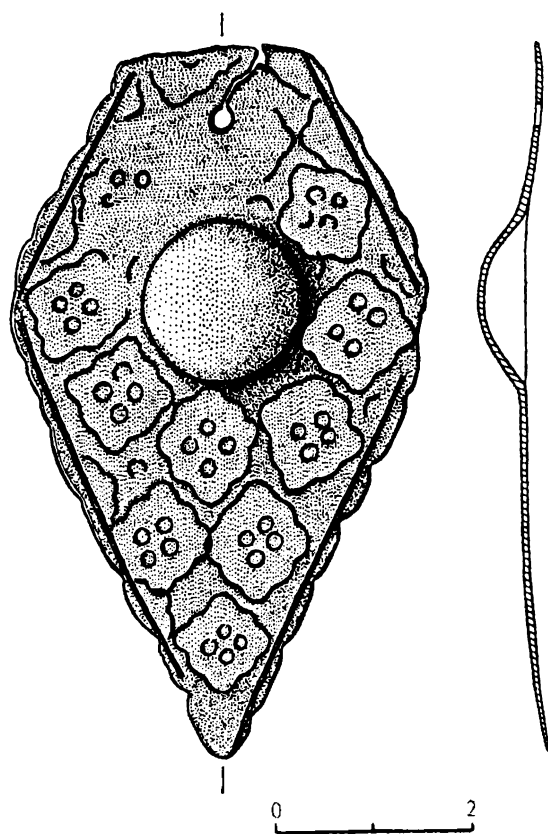

Рис. 5. Нагрудная бляха

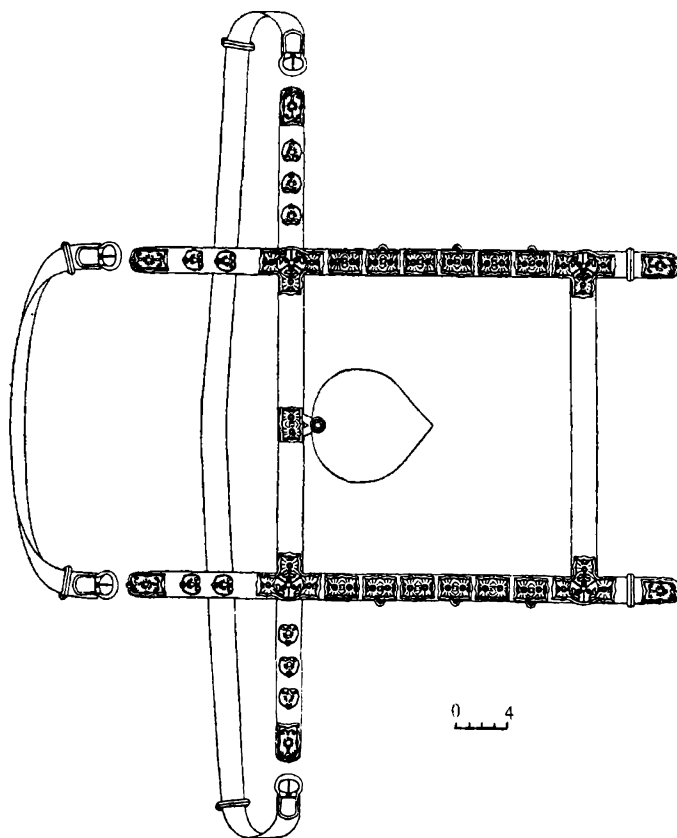

Рис. 6. Реконструкции узды

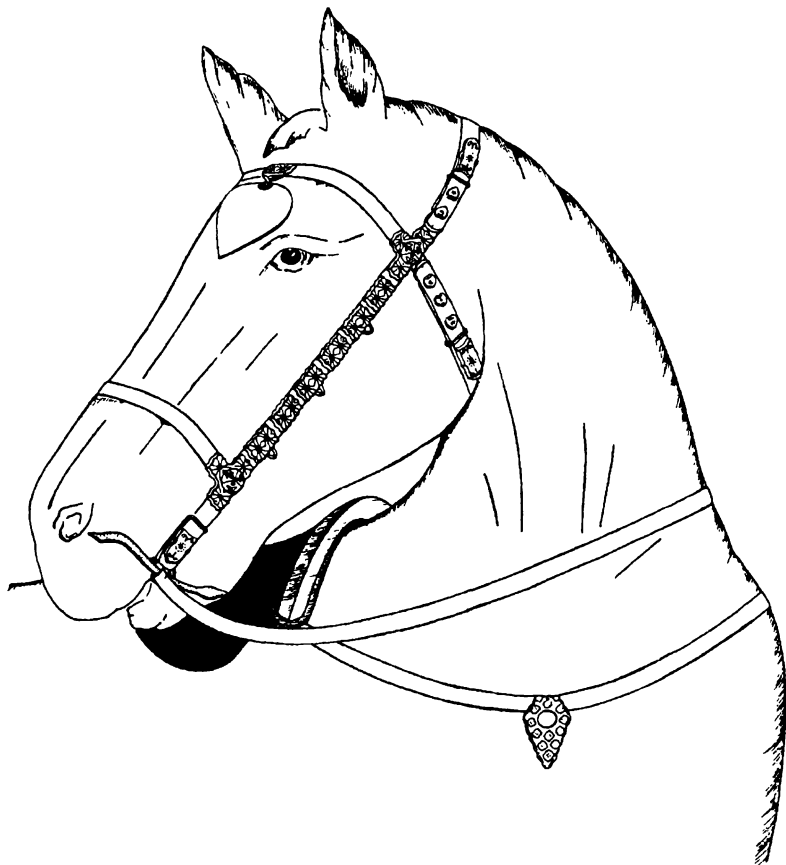

Рис. 7. Реконструкция снаряжения верхового коня

ное-II Шипуновского района Алтайского края [Телегин А.Н., 1999а, с. 145]. Там подбородная и затылочная части пропускались сквозь пряжки, закрепленные на отдельном ремне, затем застегивались и фиксировались с помощью тренчиков [Телегин А.Н., 1999б, с. 33].

Как отмечалось выше, часть кожаных ремней и бронзовых изделий отсутствует. Допуская возможность иной реконструкции узды, автор в настоящей работе предлагает лишь один из ее вариантов (рис. 6, 7).

Принадлежность представленных в нашей работе украшений снаряжения верхового коня к материальной культуре средневекового населения северо-западных предгорий Алтая несомненна. Для определения более узкой датировки уздечного набора мы опирались на предложенную Т.Г. Шиготаровой]классификацию и типологию распределителей ремней, а также на ее анализ основных типов оголовий сrostкинской культуры [Шиготарова Т.Г., 2001а, б]. Публикуемый распределитель ремней узды (рис. 3) относится к обозначенному типу 7. Он характеризуется полусферической центральной частью, подпрямоугольными лопастями и декором. Такие изделия датируются в рамках второй половины IX – первой половины X вв. н.э., а по оформлению и основным конструктивным особенностям отражают культурную традицию сrostкинского населения Алтайской лесостепи [Шиготарова Т.Г., 2001а, с. 113, рис. 1.-10].

Такая деталь реконструированной узды, как наличие блях с петелькой в комплекте с налобной бляхой, зафиксированная среди уздечных наборов сrostкинской культуры, также не противоречит вышеуказанным хронологическим границам [Шиготарова Т.Г., 2001б, с. 376, рис. 1.-8].

Таким образом, публикуемые украшения верхового коня следует отнести к кругу древностей Грязновского этапа сrostкинской культуры в рамках второй половины IX – первой половины X вв. н.э. [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 187].

Библиографический список

- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163–191.
- Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Обьездное-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999а. Вып. X. С. 143–145.
- Телегин А.Н. Отчет об аварийных раскопках курганной группы Обьездное-II в Шипуновском районе Алтайского края 1998 г. Барнаул, 1999б. 34 с. (Архив ЛИК БГПУ).
- Шиготарова Т.Г. Распределители ремней конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001а. С. 112–115.
- Шиготарова Т.Г. Реконструкция основных типов оголовий сrostкинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы ХLI РАЭСК. Барнаул, 25–30 марта 2001 г. Барнаул, 2001б. С. 376–378.

В.В. Горбунов, С.М. Ситников

Барнаул

ИССЛЕДОВАНИЕ АВАРИЙНОГО КУРГАНА СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ КАЙГОРОДКА-V*

В 1999 г. археологическим отрядом ЛИК БГПУ под руководством С.М. Ситникова был обследован аварийный курган на известном ранее могильнике Кайгородка-V [Горбунов В.В., Ситников С.М., 2000, с. 226].

Памятник открыт В.С. Удодовым в 1984 г. на левобережье Бурлы, в окрестностях одноименного села (Хабарский район Алтайского края). Он располагался на высокой распаханной гриве и состоял из двух земляных насыпей, образующих цепочку по линии Ю33-СВВ. Курган №1 (западный) имел диаметр 12,0 м при высоте 0,3 м, а курган №2 (восточный) – диаметр 18,0 м, высоту 0,5 м.

При повторном обследовании насыпи курганов оказались практически полностью с nivelированными в результате ежегодной распахки. В центре кургана №2 обнаружили обломки костей конского скелета и металлические изделия от уздечного набора. Предпринятая расчистка разрушения выявила целое скопление предметов снаряжения верхового коня и костей животного, которые располагались на уровне древней поверхности. Севернее этого скопления проявился контур могильной ямы, зачищенный по уровню древнего горизонта. Цветность заполнения могилы и измененные границы ямы указывали на древнее ограбление. После необходимой фиксации данный объект был законсервирован, а впоследствии полностью доисследован.

Местонахождение костей лошади и предметов позволяет реконструировать первоначальное положение животного относительно могилы. Конь был погребен на уровне древней поверхности, вдоль юго-юго-западной стенки могильной ямы. Непотревоженными оказались кости задних ног и фрагмент таза лошади, южнее и юго-восточнее которых находились отдельные конские кости (фрагмент таза, копыта, кость передней ноги, нижняя челюсть, фрагмент верхней челюсти) и предметы уздечного набора (рис. 1). Они были повреждены и растащены плугом, но сохранили определенную компактность. Площадь скопления составляла 2,0х1,6 м. Несомненно, что некоторые кости и вещи к моменту их обнаружения были утрачены. Расположение нетронутых частей скелета и характер разбросанности остальных костей и предметов позволяют говорить о том, что конь лежал на животе с подогнутыми ногами и был ориентирован головой на юго-восток-восток. При этом захоронению подверг-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №00-06-80393.

лась не целая туша коня, а ее имитация в виде передней (голова, ноги) и задней (таз, ноги) частей, уложенных в анатомическом порядке.

Скопление вещей, найденных при захоронении коня, представлено следующими предметами: налобной бляхой сердцевидной формы (рис. 1.-1; рис. 2.-1), наносным султанчиком из трубки и пластины (рис. 1.-2; рис. 2.-2), двумя фигурно-8-видными бляхами-накладками (рис. 1.-3; рис. 2.-3, 4), наконечником ремня в комплекте с фигурно-пятиугольной бляхой-накладкой (рис. 1.-4; рис. 2.-8), четырьмя наконечниками ремней в комплекте с тренчиками (рис. 1.-5; рис. 3.-1-4, 6-9), четырьмя отдельными наконечниками ремней (рис. 1.-6; рис. 2.-5-7; рис. 3.-5), пятью пряжками (рис. 1.-7; рис. 3.-10-14) и железными удилами с 8-видными внешними звеньями, кольцами для повода и стержневидными псалиями S-видной формы (рис. 1.-8; рис. 4.-1).

Могильное пятно имело подовальную форму (первоначально, видимо, подпрямоугольную с округлыми краями), размерами 2,48х1,6 м, с ориентацией длинной осью по линии ЮВВ-СЗЗ (рис. 1). Глубина могильной ямы от уровня древнего горизонта достигала 1,54 м. В заполнении могилы встречены отдельные кости человека (нижняя челюсть, ключица, позвонки, ребра, фаланги пальцев рук и ног) и предметы сопроводительного инвентаря, лежащие в беспорядке. Первоначальное положение сохранили лишь берцовые кости правой ноги и нож. Судя по ним, умерший был уложен вытянуто на спине, головой на юго-восток-восток. Сопроводительный инвентарь представлен семью железными наконечниками стрел (рис. 1.-9; рис. 4.-2-4; рис. 5.-16), двумя железными ножами (рис. 1.-10; рис. 4.-7; рис. 5.-15), костяной цуркой (рис. 1.-11; рис. 5.-4), фрагментом железного меча (рис. 1.-12; рис. 5.-14), двумя железными гвоздями (рис. 1.-13; рис. 5.-9, 10), двойной бронзовой бляхой на деревянной основе (рис. 1.-14; рис. 5.-1), бронзовой бляхой с загнутыми краями (рис. 1.-15; рис. 5.-2), бронзовым тройником от стрелкового пояса (рис. 1.-16; рис. 5.-3), железной пряжкой (рис. 1.-7; рис. 5.-11), обломками железных колец (рис. 1.-18; рис. 4.-6; рис. 5.-12, 13) и фрагментами кожаных ремней с отпечатками блях-накладок (рис. 1.-19; рис. 4.-5; рис. 5.-5-8).

Наибольший интерес среди инвентарного комплекса кургана №2 Кайгородки-V представляет набор вещей, найденный среди костей лошади. В него входит почти полная гарнитура для оголовья верхового коня (рис. 2; рис. 3; рис. 4.-1). Несмотря на то, что предметы конского оголовья найдены в потревоженном состоянии, их состав позволяет довольно уверенно реконструировать количество ремней узды и расположение на них украшений и функционально значимых изделий. Оголовье состояло из налобного, наносного, двух нащечных, подбородочного, подгубного и затылочного ремней. Налобный ремень был украшен соответствующей бляхой (рис. 2.-1), к наносному ремню крепился султанчик (рис. 2.-2). Нащечные ремни крепились к скобам псалий двумя комплектами наконечников, тренчиков и пряжек (рис. 3.-1, 2, 6, 7, 10, 11) и были украшены перед ними двумя бляхами-накладками (рис. 2.-3, 4). Помимо этого, в местах перекрещивания нащечных ремней с налобным и наносным подвешивались четыре декоративных ремешка, украшенные наконечниками и бляхами-накладками (рис. 2.-5-8). Последних должно было быть не менее 12 штук, т.е. по три на каждый ремень, но сохранилась только одна. Застегивание затылочного, подбородочного и подгубного ремней производилось при помощи трех наконечников, тренчиков (один из них утрачен) и пряжек (рис. 3.-3-5, 8, 9, 12-14). На всех видимых деталях оголовья лицевая сторона сделана из серебра (?), покрытого позолотой (рис. 2; 3.-1-3, 6-8, 10-12), и только комплекты подбородочного и подгубного ремней изготовлены целиком из бронзы (рис. 3.-4, 5, 9, 13, 14).

Данная узда по своему составу и типам изделий наиболее близка оголовьям из сродственных памятников второй половины X – первой половины XI в. н.э., например, из Шадринцева-1 и Филина-1 [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 5.-10-13; рис. 6; рис. 7.-4; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1999, рис. 1; рис. 2.-1], хотя и отличается от них использовани-

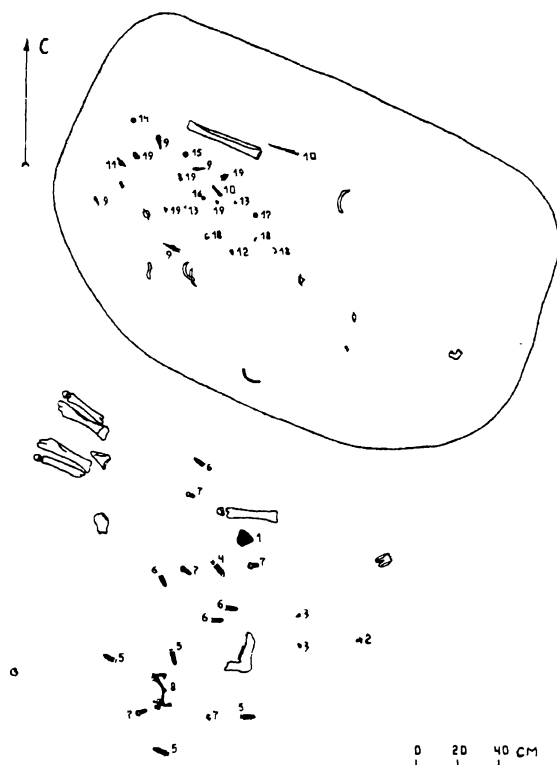

Рис. 1. Курганный могильник Кайгородка-V, курган №2. План погребения

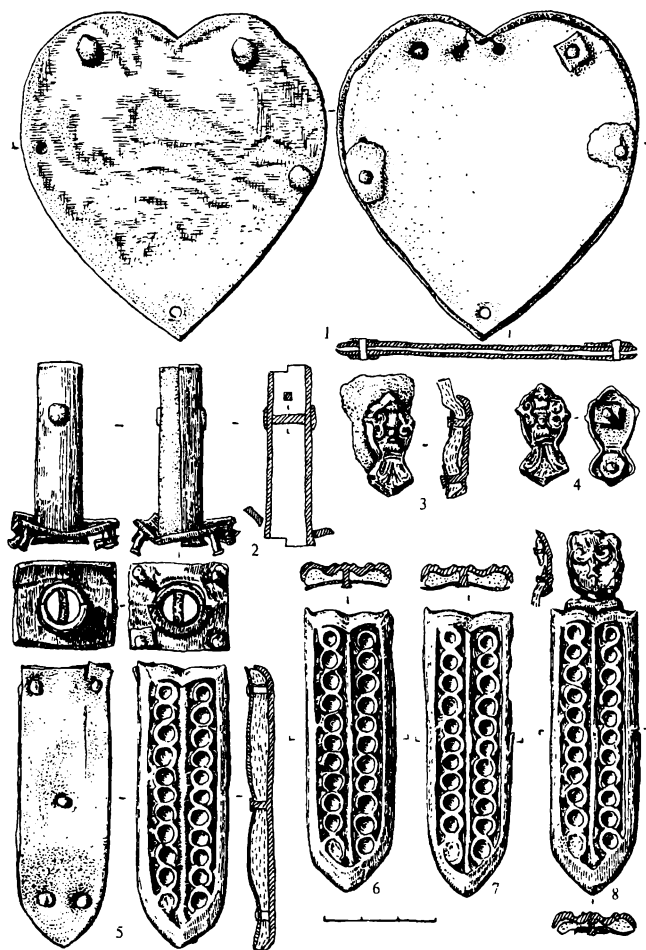

Рис. 2. Курганный могильник Кайгородка-V, курган №2. Гарнитура конского оголовья (бронза, серебро, позолота, кожа)

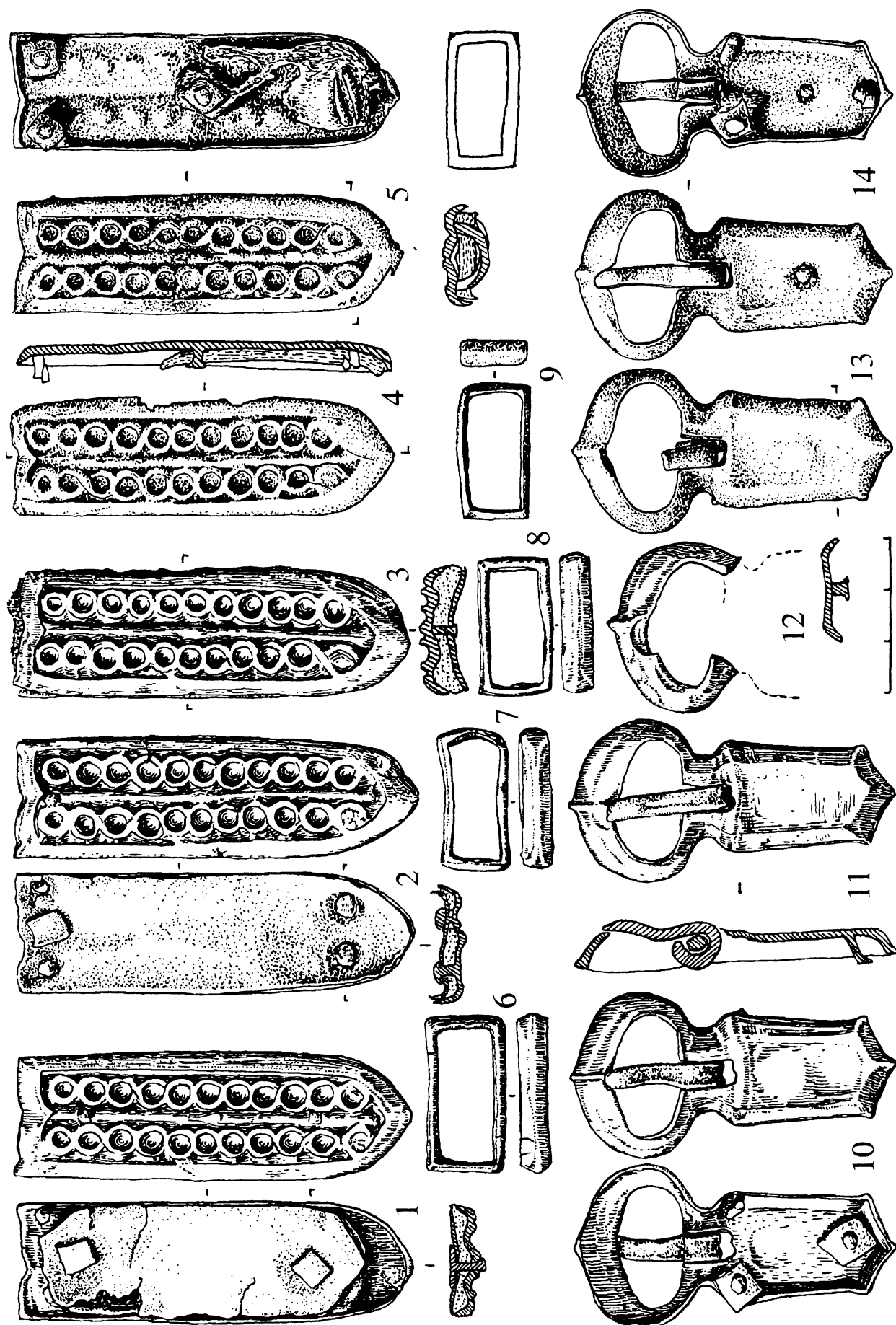

Рис. 3. Курганный могильник Кайгородка-V, курган №2. Гарнитура конского оголовья (бронза, серебро, позолота, кожа)

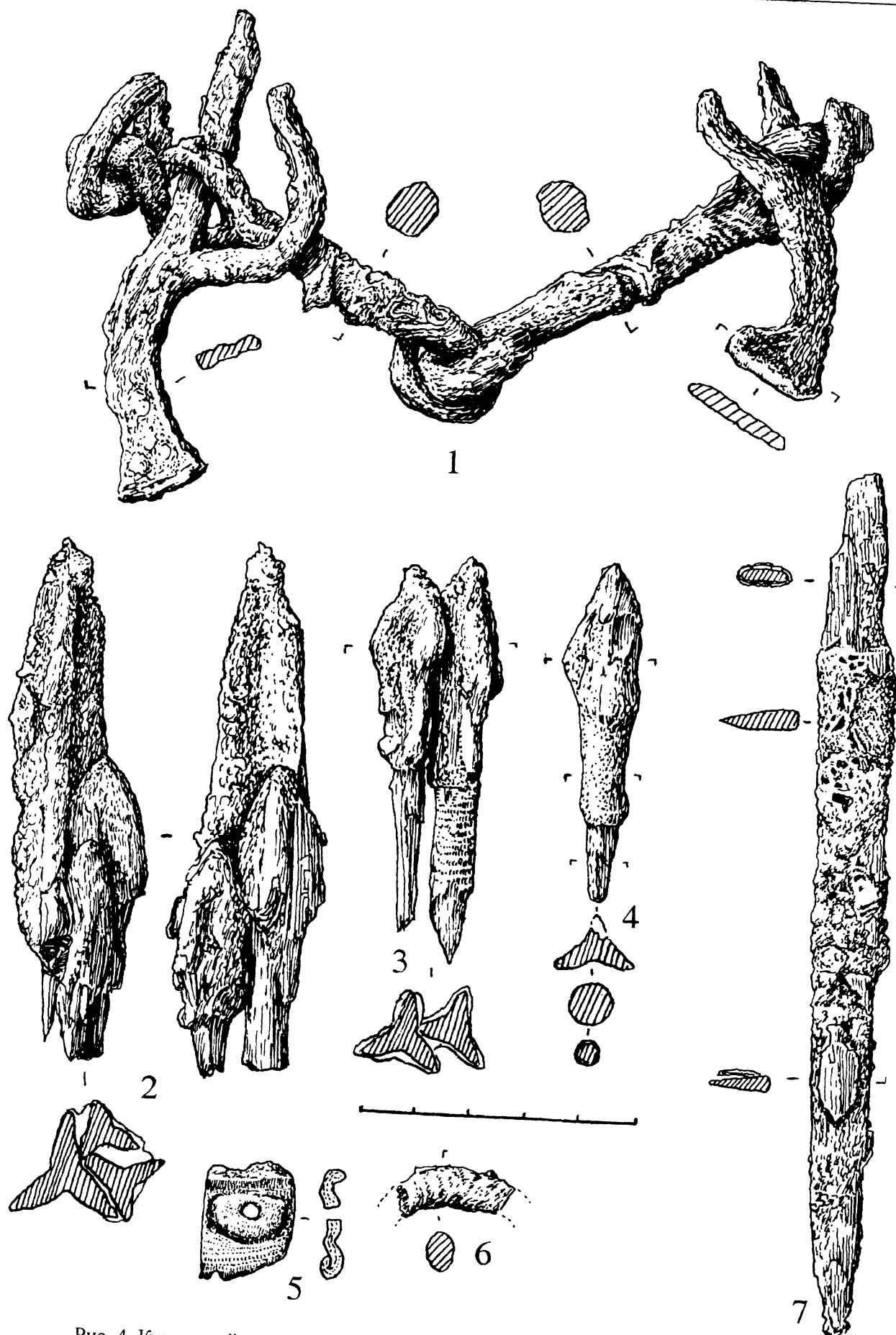

Рис. 4. Курганный могильник Кайгородка-V, курган №2. Инвентарь погребения (железо, дерево, кожа)

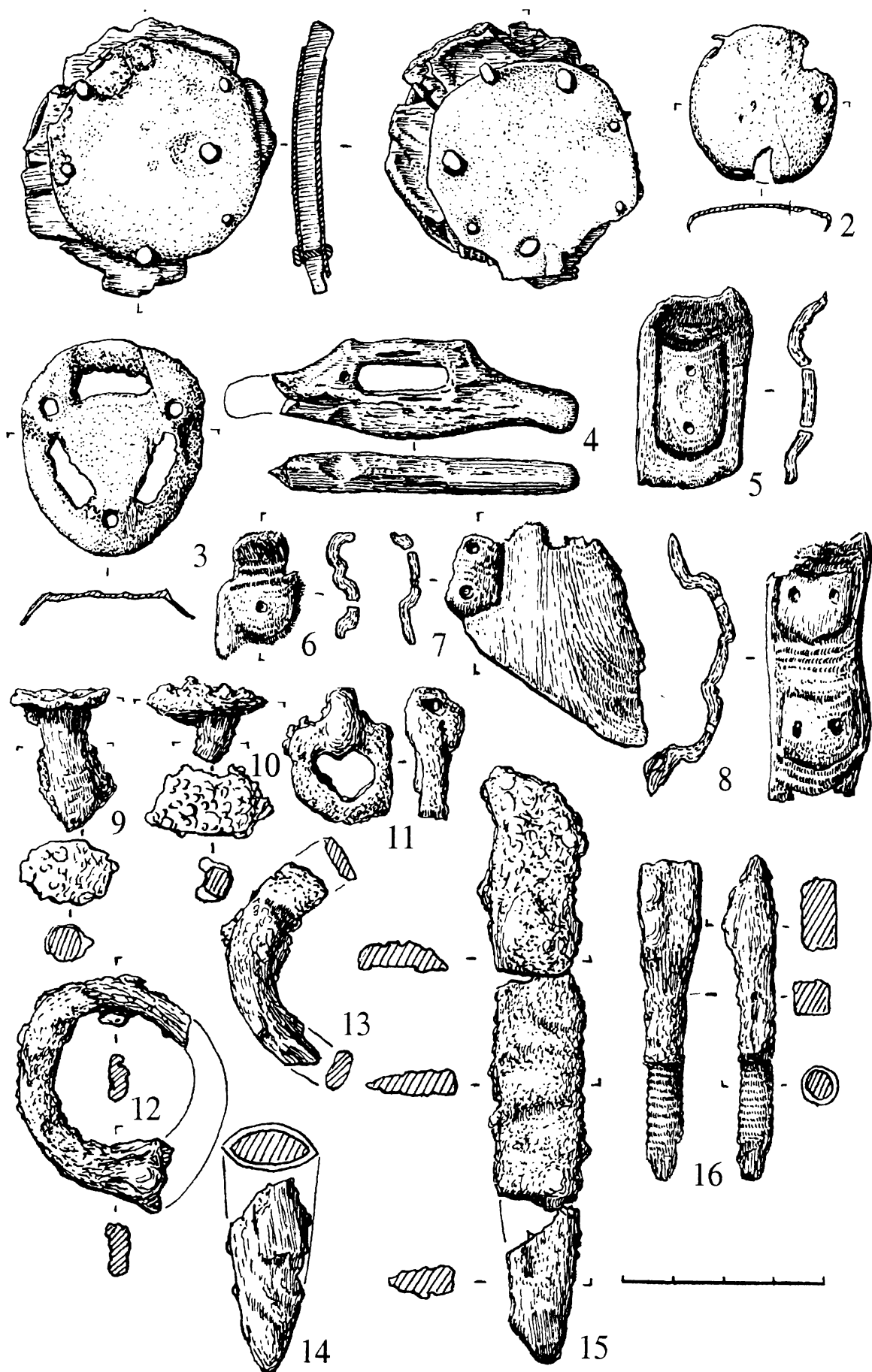

Рис. 5. Курганный могильник Кайгородка-V, курган №2. Инвентарь погребения (бронза, железо, дерево, кость, кожа)

ем деталей для застегивания ремней. Отдельные аналогии предметам нашего уздечного набора встречены и за пределами ареала сrostкинской культуры в памятниках X–XI вв. н.э. [Мажитов Н.А., 1981, рис. 71.-1; Трифонов Ю.И., 1987, рис. 97.-42; Сунчугашев Я.И., 1979, табл. XXX.-4, 9].

Помимо узды, надетой на лошадь, в кайгородкинском кургане встречены остатки еще одного уздечного набора, который был положен в саму могилу (вероятно, в ноги человека). От него сохранились лишь кожаные ремни с отпечатками пятиугольных (рис. 5.-7,8) и овально-прямоугольных (рис. 4.-5; рис. 5.-5,6) блях-накладок, также характерных для сrostкинских украшений второй половины X – первой половины XI вв. н.э.

Такой датировке кургана №2 Кайгородки-V не противоречат и остальные предметы инвентаря, найденные в погребении. Они часто встречаются в памятниках сrostкинской культуры X–XII вв. н.э. и известны в синхронных памятниках юга Западной Сибири, Восточного Казахстана и Южного Урала [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 3.-2, 7; Адамов А.А., 2000, рис. 14.-2; рис. 42.-2–4; Илюшин А.М., 1999, рис. 16.-2; рис. 50.-6; Трифонов Ю.И., 1987, рис. 81.-3; рис. 94.-4–6; рис. 97.-38; Мажитов Н.А., 1981, рис. 69.-5; рис. 68.-10].

Погребальный обряд и инвентарь, зафиксированные на Кайгородке-V, обнаруживают наибольшее сходство с памятниками сrostкинской культуры. Близкая аналогия обряду известна в могиле 4 кургана №1 на памятнике Шадринцево-1, где находилась имитация туши коня из передней (голова, шея) и задней (таз, ноги) частей, уложенных на уровень древнего горизонта рядом с могильной ямой [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 165–166, рис. 1.-4; рис. 2.-6]. На голове лошади была надета узда с полным комплектом украшений и функциональных изделий, а в самой могиле (тоже ограбленной) находился второй комплект узды, при отсутствии конского скелета.

Следует отметить, что способ захоронения лошади, встреченный на Кайгородке-V и Шадринцево-1, отличается от «классических» погребений в сопровождении целой туши коня (тюркская традиция) или шкуры коня (кыпчакская традиция) и представляет собой их смешение. Такая ситуация могла иметь место на территории Лесостепного Алтая на шадринцевском этапе сrostкинской культуры во второй половине X – первой половине XI вв. н.э., когда в составе местных могильников появляются отдельные курганы или погребения кыпчаков (ингумация со шкурой коня), переселившихся после ослабления Кимакского каганата [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 179; Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 178].

Памятник Кайгородка-V находится в Северо-Западной Кулунде – пограничной территории для ареала сrostкинской и кыпчакской культур. Здесь по реке Бурла исследовано достаточное число курганных могильников сrostкинского и кыпчакского населения, расположенных зачастую рядом друг с другом. Последние отличаются погребениями по обряду ингумации со шкурой коня, вокруг наиболее знатных сооружены прямоугольные ограды из сырцовых кирпичей [Могильников В.А., 1999, с. 64]. Данные сооружения копируют собой каменные ограды кимаков Восточного Казахстана [Могильников В.А., 1999, с. 68] и, безусловно, были переняты кыпчаками в период их вхождения в Кимакский каганат. Ничего подобного не встречено в сrostкинских курганах данной территории, наиболее элитные из которых окружены рвами, но не имеют оград. Видимо, ассимилятивные процессы между сrostкинским населением и кыпчаками проходили в несколько иной плоскости, чем у кыпчаков и кимаков. Одним из отражений этого и явился способ погребения с имитацией туши коня. В данном плане интересно упоминание В.А. Могильникова [1999, с. 65] о частичном захоронении конского скелета в составе головы, ног, лопатки, крестца и части позвонков из кыпчакского кургана 4 памятника Заозерная.

На основании рассмотренных аналогий курганный группу Кайгородка-V следует датировать второй половиной X – первой половиной XI вв. н.э. и отнести к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры Лесостепного Алтая. В кургане №2 этого памятника был по-

хоронен знатный мужчина-воин, о чем свидетельствуют богатые украшения узды и оружие, который мог иметь смешанное тюрко-кыпчакское происхождение, отразившееся на способе его погребения.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 137–141.
- Горбунов В.В., Ситников С.М. Результаты обследования двух аварийных памятников эпохи средневековья в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 226–230.
- Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981. 163 с.
- Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 64–68.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163–191.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.
- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979. 192 с.
- Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115–246.

П.К. Дашковский

Барнаул

КОРГОН-I – НОВЫЙ ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Проблемам этнокультурной истории народов Горного Алтая эпохи средневековья посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей. Однако, несмотря на это, отдельные сюжеты и вопросы обозначенного исторического периода изучены еще недостаточно полно. В данном случае речь идет, прежде всего, об исследовании памятников культуры енисейских кыргызов в горной части Алтая. Археологических объектов кыргызов на указанной территории известно сравнительно немного, поэтому исследование каждого нового памятника представляет значительный научный интерес для южно-сибирской медиэвистики.

В 1999 г. Коргонская археологическая экспедиция АГУ проводила аварийные работы в долине р. Коргон в Усть-Канском районе Республики Алтай на могильнике Коргон-I [Дашковский П.К., 2000а; 2000б], который обследовался и картографировался автором в 1998 г. [Дашковский П.К., 1999]. В процессе работ было раскопано три кургана, один из которых относится к кругу памятников енисейских кыргызов на Алтае.

Курганный могильник Коргон-I расположен в 3 км к югу от с. Коргон на левом берегу одноименной реки. В 0,15 км к западу от памятника протекает небольшая речка Луговушка. В настоящее время на могильнике зафиксировано 12 курганов, вытянутых в цепочку в направлении ЮВ-СЗ (рис. 1). Такая ориентация могильника обусловлена особенностями ландшафта, в частности изгибом реки и лесного массива в таком же направлении.

Курган №8 находился в 1,4 м к северу от кургана №10 (рис. 1). Диаметр каменной насыпи составлял с запада на восток – 8,5 м, а с юга на север – 9,0 м, а ее высота достигала 0,6 м от уровня современной поверхности. Насыпь кургана была сложена преимущественно из сланцевых плит разного размера. Максимальное число отмеченных слоев в центре сооружения – шесть. В процессе снятия каменной насыпи по периметру кургана зафиксированы крупные камни, которые в совокупности с более мелкими камнями, вероятно, образовывали кольцевую выкладку шириной до 50 см. Под каменной насыпью, на уровне древнего горизонта, обнаружено погребение с трупосожжением площадью 3,5х2,0 м. Остатки погребенного человека представляли собой мелкие обломки кальцинированных костей. Среди них встречались древесные угольки – свидетельства погребального костра. Наибольшее скопление кальцинированных костей человека находилось в центральной части захоронения. Здесь же зафиксированы компактно лежащие пять наконечников стрел, нож и четырехдырчатый соединитель ремней (рис. 5). Все предметы изготовлены из железа.

Достаточно подробно основные категории инвентаря из кыргызских курганов Алтая, раскопанных в предшествующие годы, охарактеризованы Д.Г. Савиновым [1979] и Ю.С. Худяковым [1980, 1990 и др.]. Поэтому рассмотрим вещевой комплекс из указанного кургана в русле разработок этих исследователей.

Наконечники стрел. Принципы классификации оружия дистанционного боя разработаны Ю.С. Худяковым для материалов эпохи средневековья Горного Алтая [Худяков Ю.С., 1980, с. 79–88; 1990, с. 190–191]. В этой связи найденные в кургане №8 железные наконечники стрел можно отнести к двум группам (по форме сечения пера) и к трем типам (по форме пера).

Группа I. Трехлопастные.

Тип I. Асимметрично-ромбические. Включают 3 экз. (рис. 5.-1, 3, 4). Длина пера составляет 4,5–5,0 см, его ширина – до 2,0 см, длина черешка – до 4,5 см. Эти наконечники характеризуются наличием остроугольного острия, пологих плечиков, упора. Наконечники такого типа известны в памятниках VI–XII вв. в Минусинской котловине, Туве, Казахстане, Монголии [Худяков Ю.С., 1980, с. 79–88, табл. XVIII.–1–9, табл. XIX.–1 и др.], а также непосредственно в Горном Алтае, в частности в кургане №1 могильника Яконур, датированного второй половиной IX–X вв. [Савинов Д.Г., 1979, с. 162; Худяков Ю.С., 1990, с. 194, рис. 1.-7, 14, 16].

Тип 2. Вытянуто-ромбические. Включает 1 экз. (рис. 5.-5). Длина пера – 5,5 см, его ширина – 4,2 см, длина черешка – 4,0 см. Наконечники данного типа встречены в кургане №1 из могильника Яконур [Худяков Ю.С., 1990, с. 190, рис. 1.-2, 4, 5, 8, 9, 11, 13]. В тоже время, в отличие от коргонского экземпляра у яконурских наконечников этого типа ширина пера всего 2,0 см.

Группа II. Трехгранные.

Тип I. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. (рис. 5.-2). Длина пера – 4,5 см, его ширина – 1,5 см, длина черешка – 4,3 см. Других наконечников этого типа в кыргызских курганах IX–X вв. Горного Алтая не обнаружено. Однако они хорошо известны по синхронным кыргызским памятникам Минусинской котловины и Тувы [Худяков Ю.С., 1980, с. 79–88].

Нож. Другая категория находок, обнаруженная в кургане №8, – это черешковый однолезвийный нож (рис. 5.-6). Общая длина сохранившейся части ножа 6,5 см. Нож аналогичного типа найден и в одном из курганов на могильнике Яконур [Худяков Ю.С., 1990, с. 199, рис. 1.-18].

Распределитель ремней. Диаметр четырехдырчатого распределителя ремней составляет 4,6 см (рис. 5.-6). Полных аналогий указанной вещи автору не известно, однако есть вещи достаточно близкие к указанному экземпляру. В частности, в Туве, в кургане №1 из могильника Ангор-Хову и в кургане №18 из могильника Шанчиг обнаружены аналогич-

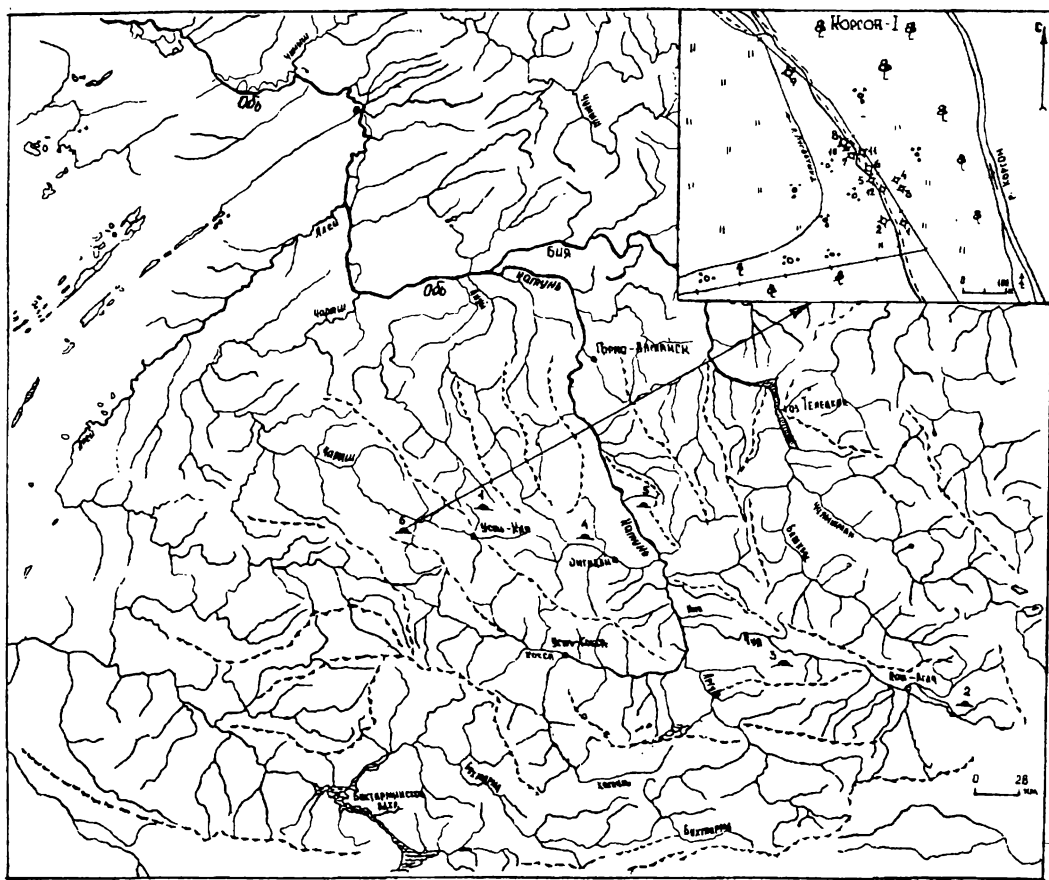

Рис. 1. Карта распространения погребений с трупосожжением на территории Горного Алтая:
 1 – Яконур; 2 – Узунтал-ХIII; 3 – Ак-Таш; 4 – Кара-Коба-I; 5 – Кок-Эдиган;
 6 – Коргон-I. План могильника Коргон-I

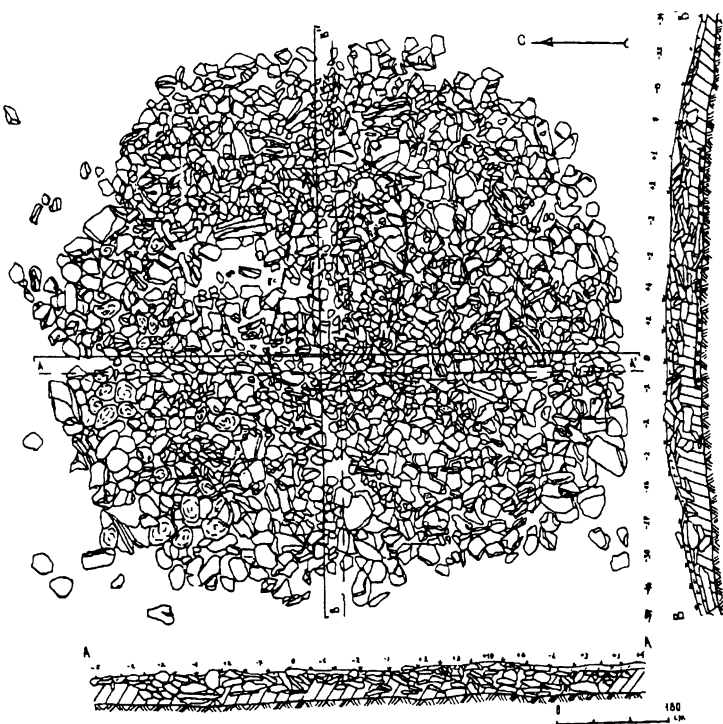

Рис. 2. План каменной насыпи и разрез бровок кургана №8 могильника Коргон-I

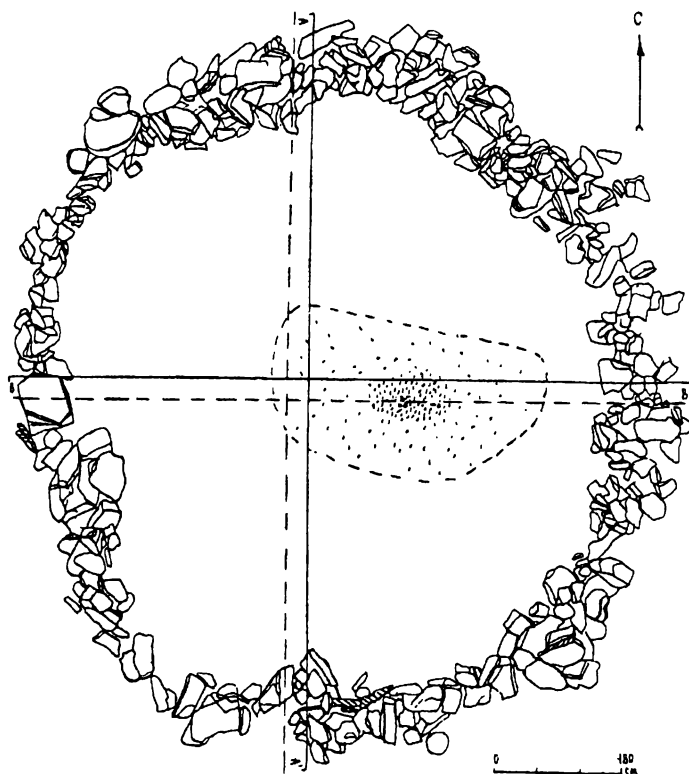

Рис. 3. План каменной кольцевой выкладки и погребения с трупосожжением из кургана №8 могильника Коргон-I

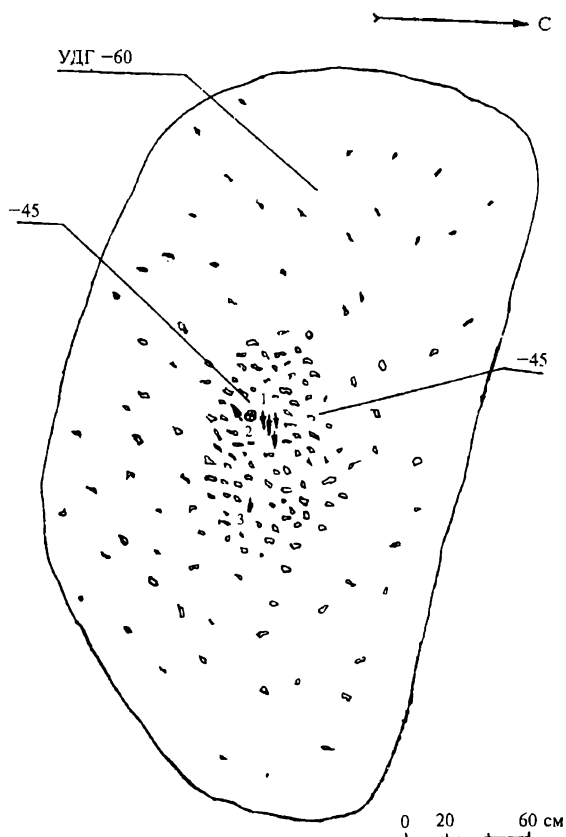

Рис. 4. План погребения с трупосожжением в кургане №8 могильника Коргон-I:
1 – скопление наконечников стрел; 2 – распределитель ремней; 3 – нож

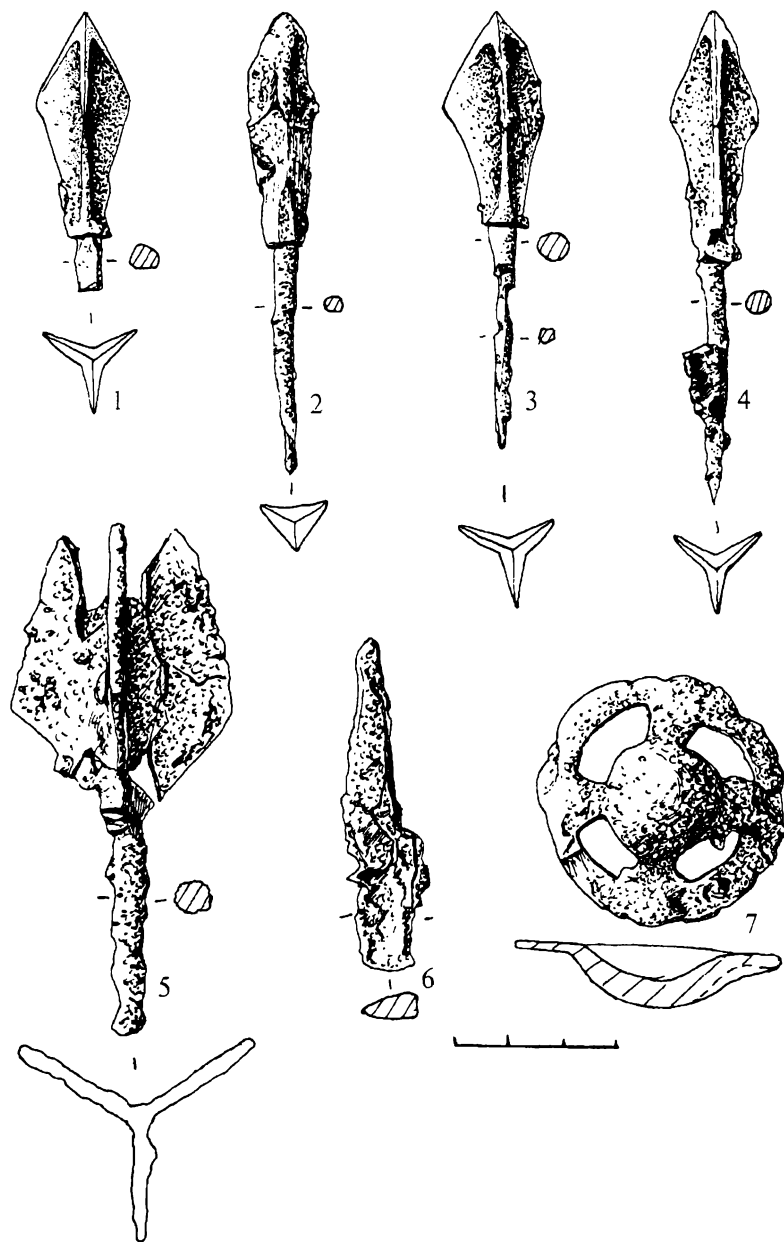

Рис. 5. Находки из кургана №8 могильника Коргон-I: 1–5 – наконечники стрел; 6 – нож; 7 – распределитель ремней

ные распределители ремней, но не с четырьмя, а с тремя отверстиями. Один памятник датируется второй четвертью X в., вероятно, второй половиной X в., а другой – второй четвертью X – началом XI вв. [Длужневская Г.В., Семенов В.А., 1990, с. 78–80].

Особенности погребального сооружения и сопроводительного инвентаря, достаточно типичные для кыргызских памятников «эпохи великодержавия», позволяют в целом датировать курган №8 из могильника Коргон-I второй половиной IX–X вв.

В настоящее время непосредственно на территории Горного Алтая известны шесть памятников, где зафиксированы погребения, совершенные по обряду кремации (рис. 1). Это такие могильники, как Яконур (курганы №1, 4) [Грязнов М.П., 1940], Узунтал-XIII [Савинов Д.Г., 1979, с. 161–167], Ак-Таш [Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 162], Кара-Коба-I (курганы №31, 47) [Могильников В.А., 1990, с. 159], Кок-Эдиган (курган №1) [Худяков Ю.С., 1996, с. 49; 2000], Коргон-I (курган №8) [Дашковский П.К., 2000б].

Все указанные курганы датируются в пределах IX–XII вв. Кроме того, на данной территории обнаружены еще археологические объекты другого характера, в частности поселение Куях-Танар [Худяков Ю.С., 1990, с. 193], городища Большой Яломан, Кайсын [Могильников В.А., 1990, с. 168], а также памятники рунической письменности, которые исследователи также связывают с кыргызским населением Горного Алтая. В последнем случае речь идет, прежде всего, о надписях из Мендур-Соккона [Савинов Д.Г., 1994, с. 59].

Памятники енисейских кыргызов появляются в Горном Алтае в так называемую «эпоху великодержания», после 840 г., т.е. со второй половины IX в. Это было связано с военной экспансией кыргызов в различные районы Центральной Азии: Восточный Туркестан, Монголию, Восточный Казахстан и на Алтай. Важно отметить, что экспансия енисейских кыргызов являлась не просто военным завоевательным походом, а была обусловлена общим ходом исторического развития этого региона [Савинов Д.Г., 1994, с. 47]. Поэтому не случайно под их властью, или во всяком случае под контролем, за сравнительно короткий срок оказалась огромная территория. Вероятно, кыргызские правители в ряде случаев довольствовались формальным признанием своей власти в отдельных регионах. В этом отношении показательным является этнополитическая ситуация IX–XII вв. в Горном Алтае. Небольшое количество кыргызских памятников, охвативших практически весь Горный Алтай (рис. 1), как раз свидетельствует о том, что он был включен в состав Кыргызского каганата без серьезных военных столкновений с местным населением – тюрками. Это обстоятельство обусловлено тем, что тюрки Горного Алтая в это время выступили в качестве союзников кыргызов против уйгуров [Худяков Ю.С., 1990, с. 192]. Очевидно, в награду за это тюркское население Алтая смогло сохранить достаточную самостоятельность и независимость. Об этом, в частности, свидетельствует богатство тюркских погребений указанного периода, что было бы, вероятно, невозможно обнаружить в погребениях «покоренного и зависимого» населения [Худяков Ю.С., 1990].

Расселение по Горному Алтаю небольших воинских контингентов кыргызов оказало определенное влияние на материальную культуру алтае-телеских тюрков. Так, среди местного населения распространяются стремена с приплюснутой дужкой [Савинов Д.Г., 1994б, с. 150], лировидные подвески [Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 117] и ряд других предметов, характерных для культуры енисейских кыргызов. Не исключено, что постепенно происходило смешение кыргызского и местного населения. Об этом, кроме указанных выше данных, свидетельствует, во-первых, расположение кыргызских погребений непосредственно вместе с курганами местного, тюркского, населения, на что уже обращали внимание ученые [Могильников В.А., 1989, с. 139; Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с. 73]. Это обстоятельство зафиксировано на могильнике Кара-Коба-I, где кыргызские курганы №31 и 47 расположены рядом с тюркскими памятниками. Аналогичная ситуация зафиксирована и на могильнике Коргон-I, на котором кыргызский курган №8 находится в одной курганный группе с другими погребальными сооружениями, из которых два раскопанных объекта (курганы №7, 10) датируются эпохой средневековья [Дашковский П.К., 2000б]. Причем курган №10, который расположен непосредственно возле кыргызского кургана, возможно, относится к завершающему этапу тюркской культуры Горного Алтая. Эти факты еще раз косвенно подтверждают достаточно стабильные отношения с местным населением, поскольку в противном случае по религиозным и идеологическим причинам кыргызы, вероятно, не стали бы хоронить своих умерших на одних некрополях с тюрками в непосредственной близости от их курганов.

Во-вторых, интересным представляется исследование курганов №1, 2 на могильнике Юстыд-XIV, относящееся к поздне-тюркскому времени, к концу IX-началу X вв. [Кубарев Г.В., 1995, с. 172]. Своеобразие этих курганов заключается в особенностях надмогильных сооружений в виде подквадратной по форме каменной насыпи, горизонтальной кладки плит, ориента-

ции ограды по сторонам света и т.д. По мнению Г.В. Кубарева [1995, с. 172–173], эти курганы вполне сопоставимы с памятниками типа минусинских чаатасов. Смешанный же характер погребального обряда, зафиксированный в этих курганах, возможно, является следствием контактов пришлых кыргызов и местного тюркского населения. При этом исследователь также отмечает, что окончательное этнокультурное определение этих памятников будет возможно после изучения аналогичных объектов в Минусинской котловине.

Несмотря на то, что взаимодействие между кыргызами и алтае-телескими тюрками фиксируется по археологическим источникам, тем не менее процесс ассимиляции пришлого кыргызского населения в Горном Алтае протекал несколько в меньшей степени, чем, например, в северо-западных предгорьях [Савинов Д.Г., 1994а, с. 59]. В этом районе Алтая в настоящее время известно несколько погребений с трупосожжением на могильниках Гилево, Корболиха-VIII [Могильников В.А., 1973, с. 39–42; Медникова Э.Б., Могильников В.А., Суразак А.С., 1976, с. 262] и Новофирсово-VII [Алехин Ю.П., 1990, с. 62]. В данном случае примечательным является то, что курган №3 на могильнике Новофирсово-VII содержал под одной насыпью три захоронения: одно по обряду кремации и два – по обряду ингумации. По мнению Ю.П. Алехина [1990, с. 65], такая специфика погребального обряда свидетельствует об этническом смешении местного (кимакского) и пришлого кыргызского населения. Аналогичная ситуация наблюдается и в Восточном Казахстане, в районе Верхнего Прииртышья, входившего в область расселения кимаков [Арсланова Ф.Х., 1972; Савинов Д.Г., 1994а, с. 59].

Рассматривая этнокультурную ситуацию в Горном Алтае в IX–XII вв., важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Если картина первоначального пребывания кыргызов в этом регионе во второй половине IX–X вв. представляется достаточно ясной, то для последующего периода (XI–XII вв.) ситуация несколько меняется. Во-первых, уменьшается и без того незначительное число кыргызских памятников на данной территории. Это возможно, связано с процессом смешения кыргызского и тюркского населения и оттоком части кыргызов в Туву и Минусинскую котловину [Могильников В.А., 1990, с. 160]. В то же время не стоит исключать еще недостаточную изученность этих памятников на Алтае. Во-вторых, остается неясным вопрос о взаимоотношениях в XI–XII вв. кыргызов и тюркского населения. Кроме того, в средневековой археологии пока окончательно не решена судьба кыргызов в Горном Алтае, господство которых на данной территории закончилось в начале XIII в. после завоевательных походов монголов. Не исключено, что какая-то часть кыргызов могла остаться на Алтае и после монгольского завоевания. В то же время удельный вес этой части населения был явно небольшим, учитывая, что даже в «эпоху великодержавия» и наивысшего могущества Кыргызского каганата на указанной территории проживало незначительное количество представителей рассматриваемого этнического объединения.

В заключение необходимо отметить, что период распространения памятников енисейских кыргызов в Горном Алтае во второй половине IX–XII вв. остается до настоящего времени одним из слабо изученных в истории Алтая. Это обусловлено, прежде всего, недостаточной источниковой базой для полномасштабных исследований. В то же время уже сейчас известен ряд интересных памятников кыргызов в этом регионе, дальнейшее изучение которых позволит существенно продвинуться в решении многих проблем этнокультурного развития Алтая в эпоху средневековья. Первоочередной задачей в ближайшее время является накопление фактического материала, что, правда, весьма затруднительно, если учитывать сложившуюся ситуацию в Республике Алтай. При успешном выполнении обозначенной задачи будет возможно осуществить более четкое выделение этапов развития культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае, подобно тому, как это сделано для Тувы и Минусинской котловины.

Библиографический список

- Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 62–75.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье // Поиск и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 53–73.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. Эйлиг-Хем-III как источник по средневековой истории Тувы. М., 1998. 84 с.
- Грязнов М.С. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. №1. С. 17–21.
- Дашковский П.К. К археологической карте Усть-Канского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 173–175.
- Дашковский П.К. Аварийные работы в долине р. Коргон // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000а. Вып. XI. С. 213–215.
- Дашковский П.К. Исследование кыргызского кургана на могильнике Коргон-I в Горном Алтае // Студент и научно-технический прогресс (XXXVIII МНСК). Новосибирск, 2000б. С. 37–38.
- Длужневская Г.В., Семенов В.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 76–85.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. 165 с.
- Кубарев Г.В. О памятниках типа минусинских чаатасов на Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 171–175.
- Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а. С. 46–52.
- Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981б. С. 54–59.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
- Медникова Э.Б., Могильников В.А., Суразаков А.С. Работы на Верхнем Алее // АО 1975 г. М., 1976. С. 262.
- Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. М., 1972. С. 39–42.
- Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 138–140.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.
- Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. Вып. 1. С. 161–169.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994а. 215 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние курганы Бертекской долины. Новосибирск, 1994б. С. 146–152.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.
- Худяков Ю.С. Проблемы культурогенеза кыргызов на территории Алтая и Прииртышья // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 50–52.
- Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник культуры енисейских кыргызов на средней Катунь // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 48–50.
- Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 70-летию... В.И. Матющенко. Омск, 2000. С. 208–215.

В.Д. Кубарев

Новосибирск

ИЗВАЯНИЕ, ОГРАДКА, БАЛБАЛЫ**(о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий)¹**

Обзор литературы. В последние два десятилетия появился ряд монографий, статей и сообщений, посвященных каменным изваяниям и мемориальным памятникам древних тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии [Азбелев П.П., 1990, 1991; Байбосынов К., 1996; Бабенков К.Н., 1996; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1998, 2000; Бородовский А.П., 1994; Боталов С.Г., 1996, 1996а; Васютин А.С., 1980, 1981, 1982, 1983, 1983а, 1983б, 1984, 1985; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983; Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., 1985, 1986, 1987; Герасимов А.Н., 1991; Григорьев Ф.П., Загородный А.С., 1995; Данченко Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П., 1988; Ермоленко Л.Н., 1987, 1989, 1991, 1991а, 1992, 1994, 1995, 1995а, 1999; Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К., 1985; Ермоленко Л.Н., Кадырбаев М.К., 1991; Илюшин А.М., 1983, 1987, 1991, 1991, 1992, 1995; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997; Ignace Bourdeois, Jean Bourdeois, Ghent et al., 1999; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994; Костюков В.П., 1994, 1997, 1998; Кубарев В.Д., 1980, 1980а, 1984, 1988а, 1997, 2000; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Кубарев В.Д., Якобсон Е., Цэвээндорж Д., 1994; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е., 1998; Кубарев В.Д., Ли Хон Джон, 1999; Кубарев Г.В., 1992, 1997, 1998; Kubarev G.V., 1997а; Кубарев Г.В., Журавлева А.Д., 1998; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., 1991; Кызласов И.Л., 1988, 1994, 1994а, 1998; Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992; Леус П.М., 2000; Лоранс Каммарат, 1998; Мартынов А.И., Абсалямов М.Б., 1979; Марсадолов Л.С., 1991; Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А. и др., 1998; Мамадаков Ю.Т., 1985, 1994; Могильников В.А., 1981; 1992, 1994, 1995, 1996; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983; Новгородова Э.А., 1989; Новгородова Э., Печерский А., 1986; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995; Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995; Овчинникова Б.Б., 1992, 1998; Овчинникова Б.Б., Федорова С.С., 1992; Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987; Савинов Д.Г., 1983, 1984, 1992, 1994а, 1997; Сорокин С.С., 1981, 1987; Соенов В.И., Соенов М.И., 1992; Соенов В.И., Глебов А.М., 1997; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, 1997; Соловьев В.С., 1985; Суразаков А.С., 1981, 1983, 1985, 1987, 1988, 1990, 1990а, 1993, 1993а, 1996; Табалдиев К.Ш., Солтобаев О., 1992; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999; Тетерин Ю.В., 1991; Федорова С.С., 1991; Худяков Ю.С., 1995, 1998; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченко Г.П., 1988; Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993; Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., 2000; Чариков А.А., 1987, 1991; Чевалков Л.М., 1986; Черемисин Д.В., 1995; Юматов К.В., 1998, 1999].

Оригинальные позднетюркские поминальные сооружения исследованы и в Западной Сибири [Троицкая Т.Н., 1990; Адамов А.А., 1992].

В 1969 г. была создана СМИКЭ (в 1995 г. переименована в Российско-Монголо-Американскую), которая с небольшими перерывами работает на территории МНР до сегодняшнего дня. Судя по опубликованным результатам экспедиции, Западная Монголия остается настоящим археологическим заповедником, где наряду с многочисленными древнейшими памятниками: палеолитические местонахождения, петроглифы и керексуры, широко распространены курганы ранних и средневековых кочевников, древнетюркские поминальные комплексы. Только на территории двух аймаков Монгольского Алтая, по нашим сведениям, сосредоточено более 200 каменных изваяний. Многие из них пострадали, не выдержав испы-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта №85 по программе «Интеграция СО РАН».

тание временем, но в глухих малодоступных горных ущельях они сохранились практически в первозданном виде. Любой исследователь понимает, что именно такие памятники представляют большой научный интерес и перспективны для получения новых данных по древней истории народов Центральной Азии. Но, к сожалению, до сих пор нет единого монографического издания каменных изваяний Монголии, хотя первые печатные сообщения о них появились еще в прошлом веке [Потанин Г.Н., 1881, с. 72–73, рис. 34; Granz J.G., 1910, p. 29–30, taf. XIII–XIV; и т.д.]. Тем не менее за последние два десятилетия российскими и монгольскими коллегами осуществлен ряд публикаций об уникальных памятниках древнетюркской культуры.

По результатам работ СМИКЭ в 1979–1982 гг. Ю.С. Худяковым [1985, с. 168–184] была написана статья, в которой классифицированы рядовые тюркские оградки Монголии. В 1986–1987 гг. древнетюркские мемориальные памятники у северных отрогов хребтов Хан-Хухий и Тогтохын-Шил исследовались сотрудниками СМИКЭ Ю.С. Худяковым и Ю.А. Плотниковым [1990, с. 111–125].

Вторая Российско-Монголо-Американская экспедиция (1993 г. – и по настоящее время, проект «АЛТАЙ») проводит исследования в Монгольском Алтае (Баян-Ольгийский аймак). Главной целью ее работ является изучение древних петроглифов. Но в результате этого открыты новые памятники древнетюркской культуры, о чем появилось несколько лаконичных сообщений [Кубарев В.Д., 1995, с. 158–162; 1996, с. 136–139; Кубарев В.Д., Якобсон Е., Цэвээндорж Д., 1994, с. 136–140; 1995, с. 324–325; 1998, с. 258–259] и ряд специальных работ, опубликованных в России [Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1995, с. 149–163; 2000, с. 48–56; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1999, с. 169–173] и Германии [Kubarev V.D., Zevendorz D., 1997, p. 571–580].

Среди монгольских коллег изучением средневековых памятников особенно последовательно и целенаправленно занимается Довдойн Баяр. Следует назвать и положительно оценить три сводные монографии по тюрко-монгольским изваяниям. Две из них изданы в Улан-Баторе [Баяр Д., 1997; Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д., 1999], третья – в Южной Корее [Байэр Д., 1994]. Нельзя не отметить и публикацию местных краеведов Т. Бямбадоржа и Ч. Амартушвина [1998, с. 116–124], в которую вошли 90 каменных фигур из Увсунурского аймака. Крупным достижением в области исторической науки надо назвать издание монгольскими коллегами своеобразной энциклопедии древних памятников, в которой значительное место отведено произведениям монументального искусства – оленным камням и каменным изваяниям тюрко-монгольского времени [Монгол нутаг..., 1999]. По содержательной части (от каменного века до ламаистских храмов) и прекрасному оформлению она не уступает другой обобщающей книге, изданной в Германии 20 лет назад [Novgorodova E., 1980]. Большой резонанс в научном мире получила и монография В.Е. Войтова [1996], подводящая итог многолетним исследованиям «каганско-княжеских» мемориалов Монголии² русскими, монгольскими, советскими и зарубежными учеными.

Следует отметить еще одну сводную работу китайских археологов Ван Бо и Ци Сяошаня [1996] о каменных изваяниях Синьцзяна и Внутренней Монголии. В ней также приводятся отдельные группы древнетюркских изваяний Алтая, Монголии, Тывы и Семиречья. Неизвестные российским археологам каменные изваяния, собранные в музеях Восточного Туркестана, опубликованы Ю.С. Худяковым [1998а, с. 592–594].

Появление новых материалов и публикаций дает возможность вновь вернуться к дискуссионным вопросам о происхождении и назначении поминальных сооружений древних тюрков. Некоторые положения, реконструкции и выводы автора, введенные в научный оборот 17 лет назад отдельной главой «Поминальные сооружения» в сводной монографии

² Сожаление, высказанное П.М. Леусом [2000, с. 207] по поводу слабой изученности «княжеских могил» – поминальных памятников тюркской знати, представляется нам неуместным. В.Е. Войтовым учтено, обследовано и изучено 87 мемориалов, материалы которых представляют собой серьезный научный вклад в древнетюркскую археологию Центральной Азии.

о древнетюркских изваяниях Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 41–81], в настоящее время подверглись критике и требуют коррекции и новых контраргументов. Они необходимы, прежде всего, в отношении интерпретации таких главных элементов тюркских оград, как «памятный столб», дерево и балбалы.

Типология и хронология. Предложенная автором классификация алтайских оградок (выделено пять типов на основе анализа 116 раскопанных объектов) принята многими исследователями [Васютин А.С., Елин В.Н., 1983, с. 118–122; Савинов Д.Г., 1984, с. 69–70; Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 59; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 115; Соенов В.И., Глебов А.М., 1997, с. 152; Могильников В.А., 1992, с. 187; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 96; и др.]. Она, как оказалось, применима и для других синхронных памятников подобного рода, исследованных на сопредельных с Алтаем территориях [Овчинникова Б.Б., Федорова С.С., 1992, с. 83; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 120–124; Костюков В.П., 1994, с. 150; Боталов С.Г., 1996, с. 372; Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, с. 170]. И это понятно, так как Алтай был прародиной тюрков, и его население постоянно находилось в сфере политического влияния всех каганатов. Вместе с тем труднодоступная страна в центре Азии служила резерватом и северной провинцией в рамках тюркских государственных объединений. Эта этногеографическая особенность и определяет как своеобразие, так и сходство алтайских погребально-поминальных комплексов с тывинскими и монгольскими памятниками. Некоторыми учеными предложены свои классификации, не учитывающие типологические и хронологические схемы, разработанные их предшественниками. Так, Ю.С. Худяков [1985, с. 168] считает их «ныне устаревшими». В одной из первых своих статей А.М. Илюшин, используя опубликованные материалы В.Д. Кубарева и новые находки из 13 оградок Кудыргэ, даже не упомянул о нашей периодизации алтайских оградок. Он выделил «две хронологические группы VII–VIII вв. и IX–X вв.» бытования кудыргинских оградок, и предложил I группу отнести к кудыргинским и катандинским «типам погребальных сооружений, а вторую – к курайской культуре» (? – В.К.) [Илюшин А.М., 1983, с. 13]. Классификацию древнетюркских поминальных оградок Алтая дополнил новыми типами и А.С. Васютин [1983б, с. 7, 10].

В.Е. Войтов [1996, с. 25], критически рассмотрев нашу типологию (хотя в своей работе он часто вынужден на нее опираться), разработал свой вариант, взяв за основу методические принципы Б.Я. Владимирцова и Ю.С. Худякова. Но если классификация В.Е. Войтова, в основном, посвящена «княжеским» мемориальным памятникам Монголии, и в его книге, надо отдать должное автору, собраны воедино, упорядочены и интерпретированы многочисленные новые данные, то Ю.С. Худяковым была предпринята попытка создания еще одной классификации «рядовых» древнетюркских поминальных комплексов Монголии. Базисной основой для нее послужило обследование всего десяти различных по планировке памятников (в их числе раскопаны две малые оградки и заложены два шурфа на памятнике Дадга Хушот), попавших в поле зрения Ю.С. Худякова [1985, с. 168], в ходе нескольких разведочных маршрутов одного из отрядов СМИКЭ. В классификации Ю.С. Худякова не нашлось места идентичным памятникам Алтая, Тывы и Хакасии. Им были посвящены две строки: «Исследования последних лет позволили уточнить датировку древнетюркских поминальных комплексов и выделить в их составе различные типы» [Худяков Ю.С., 1985, с. 168].

На наш взгляд, создание классификации так называемых «рядовых» тюркских оградок Монголии невозможно без привлечения материалов из аналогичных памятников соседних регионов, где они уже достаточно хорошо изучены. Вряд ли целесообразно предлагать каждому исследователю свою, пусть даже самую «супернаучную» классификацию поминальных объектов для отдельных территорий, невзирая на то обстоятельство, что в ней будут рассматриваться одни и те же единокультурные памятники древних тюрков. Речь идет о Тыве и Алтае, где сосредоточено значительное число древнетюркских изваяний и оградок, иссле-

дованных и опубликованных. Несомненно, что и наша типология алтайских оградок «ныне устарела», но дополненная в свое время периодизация А.А. Гавриловой тремя новыми типами, предоставила возможность предложить и более расширенную хронологию алтайских каменных изваяний [Кубарев В.Д., 1984, с. 45–46], количество которых в настоящее время приближается к 300 памятникам.

Недостатки нашей классификации вполне очевидны, о чем автор писал еще в начале ее создания [Кубарев В.Д., 1979, с. 150]. В то время мы располагали довольно ограниченным объемом сведений о тюркских оградках, который сейчас значительно пополнился. Только на Алтае за последние двадцать лет раскопано более 130 оградок. Как и следовало ожидать, некоторые из них «...не могут быть отнесены ни к одному из типов древнетюркских оградок, выделенных А.А. Гавриловой и В.Д. Кубаревым» [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995, с. 170]. А сама классификация не является безупречной [Могильников В.А., 1992, с. 197] и требует «...дополнительных исследований и корректировки» [Григорьев Ф.П., Загородный А.С., 1995, с. 178].

Известно, что любая классификация должна быть построена на сходстве и различии конструктивных особенностей однокультурных памятников, а также подчинена выявлению общих закономерных связей и вариаций внутри одной группы. Но всякая типология является достаточно грубым инструментом, не всегда позволяющим улавливать все нюансы и даже существенные признаки, характеризующие древнетюркские поминальные мемориалы. Каждый из них (от сооружений знати до оградки рядового кочевника) при сходстве основных элементов все-таки имеет и свои индивидуальные черты, отражающие локальные, временные, социальные и половозрастные категории в традициях поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии. Наша типология, конечно, носит самый общий – условный характер. И, возможно, поэтому случаются курьезы, связанные с неразработанностью, в полной мере, данных об алтайских оградках. Так, П.П. Азбелев [1990, с. 10], анализируя устройство поминальных сооружений на Арбатском чаатасе, пришел к выводу о возможности сопоставления этих памятников (по композиции основных элементов) с поминальными оградками юстыдского типа. Не имея ничего против такой корреляции³, автору не совсем понятно, почему разнотипные оградки, привлекаемые в качестве аналогий, объединены П.П. Азбелевым в один, юстыдский, тип?

При классификации поминальных памятников необходимо учитывать сохранность всех частей комплекса. Некоторые исследователи выделяют в отдельную группу памятники, которые включают: «...комплексы без стел и балбалов. Такие объекты свидетельствуют о том, что по каким-либо причинам (например, если умерший не убил за свою жизнь ни одного врага, ему не ставили балбалы) обряд не был совершен полностью» [Худяков Ю.С., 1985, с. 181]. Или читаем: «Могила (оградка. – В.К.) без балбалов, вероятно, содержали пепел женщин и детей: они многочисленнее мужских могил. Это вполне понятно, если учесть, что при поражении увести труп павшего товарища очень трудно и далеко не все мужчины-воины попадали после смерти на приготовленные для них оградки» [Гумилев Л.Н., 1959, с. 112]. Вряд ли можно согласиться с такими выводами и тем более с такой интерпретацией, потому что «внеоградные» объекты: изваяния, стелы, балбалы, каменные выкладки, и т.п. могли быть утрачены сразу же после их установки или уже в наше время (преднамеренное разрушение, вывоз, перемещение изваяний и т.п.). Подобные памятники, наверное, не следует включать в классификационную схему, хотя в свое время мы отнесли их к оградкам яконурского типа. Возможно, прав А.С. Васютин [1983б, с. 115], увидев в этом типологическую нечеткость. Но мы весьма условно отнесли к яконурскому типу почти все рядом стоящие оградки, исследованные нашими предшественниками. Они часто называли тюркские оградки «плиточными могилами», «площадками» или «холмиками». В дальнейшем может

³ В долинах рек Юстыд и Барбургазы раскопаны три кургана, насыпи которых по конструкции и форме идентичны оградкам отдельных енисейских чаатасов [Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 1995, с. 108–111, рис. 1; Кубарев Г.В., 1995, с. 171–175].

быть следует отказаться от включения в периодизацию и таких объектов, в которых со временем исчезли внешние определяющие признаки оградок.

Попытка В.Е. Войтова [1996, с. 70] пересмотреть последовательность сооружения четырех оградок в комплексе Дьер-Тебе (Восточный Алтай) представляется нам несостоятельной. Предложенные периоды (VI–VII вв. и VII–VIII вв.) не могут быть приняты, не только из-за большого хронологического разрыва, но и потому, что все сооружения объединяет одинаковый элемент конструкции (семейного?) мемориала – наличие корневищ от деревьев во всех четырех оградках. Эта (этнографическая?) особенность, впервые отмеченная в поминальных сооружениях тюрков-тугу, остается пока единственным и важным источником для реконструкции еще одной разновидности поминального обряда, бытовавшего у населения Восточного Алтая в середине X в.

Также пока преждевременны попытки алтайских археологов решить проблему генезиса и этнокультурной принадлежности некоторой части оградок Алтая. Так, Ю.Т. Мамадаков [1994, с. 59], раскопав семь объектов (кудыргинского и яконурского типов), выделил их в особый вид ритуальных сооружений булан-кобинской культуры. Находя много общего в основных чертах устройства булан-кобинских сооружений и тюркских оградок, Ю.Т. Мамадаков все-таки считает первые более древними, датируя их I в. до н.э. – II–III вв. н.э. На чем же основано такое убеждение? Ю.Т. Мамадаков [1994, с. 59], отмечая, «...что датировка оград, вообще, независимо от их культурной принадлежности, без серии находок в них, весьма сомнительна», сам не придерживается своего тезиса. Вся хронология комплекса ритуальных сооружений Булан-Кобы построена на сравнительно-типологическом анализе одной пряжки и четырех наконечников стрел, найденных в одной оградке из семи исследованных. Приведенные параллели из погребально-поминальных памятников Саяно-Алтая для обоснования ранней даты булан-кобинских оградок не убеждают в этом, ввиду длительного применения указанной категории находок в вооружении кочевников. В другой публикации Ю.Т. Мамадакова и В.В. Горбунова [1997, с. 117, с. 127, рис. IX.-11, 12], посвященной новым материалам древнетюркских курганов Катанды, наконечники стрел подобного типа уже датированы VII–VIII вв. К этому же времени относит костяной наконечник стрелы с «раздвоенным насадом» (Уландрык-I, к. 10) и Г.В. Кубарев [Сальникова И.В., 1999, с. 151, 155, рис. 2]. Не является культурно-хронологическим индикатором и ориентация булан-кобинских оградок углами по странам света, а также ряды балбалов, отходящие от них на юго-запад. Такая нетипичная планировка тюркских поминальных комплексов уже известна не только для отдельных «поминальников» Алтая (Курота, Кор-Кечу, Кара-Коба, Кара-Тенеш, Чобурак, и др.), но и характерна для отдельных памятников Монголии, Тывы, Казахстана и Кыргызстана.

В таком же аспекте – удревнении поминальных памятников алтайских тюрков – рассматривали свои материалы (из двух оградок у с. Курай) В.И. Соенов и А.В. Эбель [1996, с. 115–118]. Они также сравнивали находки из оградок с предметами из гунно-сарматских и древнетюркских погребений Саяно-Алтая, однако в результате так и не определились в датировании исследованных ими памятников.

Типология алтайских оградок, как мы уже говорили, может быть пересмотрена и дополнена с учетом новейших данных. К примеру, ограда на перевале Ян-Гобо, отнесенная ранее автором к поминальным сооружениям тюркской знати, может быть выделена в отдельный тип⁴. Хотя в ней и соблюдены основные принципы планиграфии древнетюркских культово-поминальных памятников: ограда, ориентированная сторонами по странам света, изваяние (в данном случае его замещал оленный камень), цепочка балбалов, установленная в восточном направлении. Но конструкция ограды (47 массивных плит), ее большие размеры (13,5х13,5 м), отсутствие вала и рва и необычное сооружение в виде прямоугольного каменного ящика в центре не характерны для мемориалов знати и, конечно же, для тюрк-

⁴Пока воздержимся от этого, так как памятник остается единственным на Алтае.

ских малых оградок. Уже в первой публикации мы обращали внимание на уникальность этого памятника, до сих пор остающегося единственным в своем роде на Алтае [Кубарев В.Д., 1984, с. 53–55; с. 218, табл. XXXIX]. После исследований С.Г. Кляшторным и В.Е. Войтовым Бугутского храмового комплекса в Монголии стало более понятным назначение и хронология оградки в Ян-Гобо. Несомненно, заслуживает внимания наблюдение В.Е. Войтова [1996, с. 68–70], отметившего явные совпадения в планиграфии, конструктивных элементах и одинаковом составе находок в двух памятниках. Эта характерная особенность и отсутствие изваяний резко выделяют их из основной массы тюркских поминальных сооружений. Первая согдийская надпись на Бугутской стеле, посвященная памяти кагана Таспара, позволила считать комплекс самым ранним датированным мемориальным памятником древнетюркского времени [Кляшторный С.Г., Лившиц А.М., 1971, с. 121].

Рассматривая нашу периодизацию алтайских оградок, В.Е. Войтов [1996, с. 24] делает замечание автору, что «...первые сведения об оградке юстыдского типа на Алтае... сообщены Л.Н. Гумилевым». Действительно, он упоминает о единственной оградке в долине р. Улаган, расположенной выше аила Тушагар. Но Л.Н. Гумилев [1959, с. 110] визуально определил ее как «тюркютскую могилу». Погребением он считал и «третий вариант квадратной могилы с каменными обелисками», обследованной им, на правом берегу Улагана [Гумилев Л.Н., 1959, с. 110]. На самом деле, это была смежная, прямоугольной формы оградка с тремя стелами в трех отсеках. Мы осматривали описанный ритуальный объект до раскопок и после его исследования А.М. Илюшиным и М.Г. Сулейменовым [1997, с. 95, с. 100, рис. 4]. Как и следовало ожидать, в результате никаких новых материалов не получено. По мнению многих археологов, обоснованному опытом археологических раскопок, указанный тип монументальных памятников относится к поздней бронзе или даже к раннему железному веку. В центре другой оградки (сооруженной из четырех массивных плит), открытой Л.Н. Гумилевым и упомянутой В.Е. Войтовым, при раскопках найдено 13 железных предметов. Исследователи датировали этот памятник IX–X вв. находками из него и совершенно справедливо отнесли оградку к уландрыкскому типу [Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 96, с. 102, рис. 6]. Поэтому замечание В.Е. Войтова мы можем принять с вышеизложенными комментариями, а о попытке Л.Н. Гумилева в определении этнической принадлежности памятников телесам (толосам), не подкрепленной археолого-этнографическими данными, следует сослаться и присоединиться к мнению Л.П. Потапова. Он писал по этому поводу: «Его (Л.Н. Гумилева. – В.К.) инициатива привлечь к рассмотрению проблемы археологический материал не увенчалась успехом в силу недостаточной компетенции автора в археологии» [Потапов Л.П., 1987, с. 55].

Одна оградка юстыдского типа исследована А.С. Суразаковым [1990а, с. 68] в могильнике Курота-II. Находок нет.

Четыре оградки юстыдского типа обследованы нами в 1998 г. на южном берегу оз. Хурган-Нуур (Монгольский Алтай). Они, как и оградки на р. Юстыд, сооружены из четырех массивных плит, поставленных на ребро, и имеют небольшие размеры: 1) 1,5х1,5 м; 2) 2,8х2,8 м; 3) 2,9х2,8 м; 4) 2,5х2,5 м. С восточной стороны оградок стоят четыре небольших изваяния и четыре ряда поваленных балбалов (не более 10-ти в каждом). Оградки внутри не имеют каменной наброски (то же самое наблюдается и в юстыдских памятниках Алтая), а на одной из плит снаружи слабыми штрихами нанесен рисунок в виде «косой сетки». Аналогичный геометрический орнамент, называемый еще «ромбической сеткой», особенно характерен для значительной части «княжеских» мемориальных памятников [Войтов В.Е., 1986, с. 77, рис. 3.-2]. Известен подобный орнаментальный мотив и на одной из плит горно-алтайской оградки в степи Макажан [Кубарев В.Д., 1984, с. 209, табл. XXX.-3]. Войтов В.Е. [1986, с. 88] видит в орнаментах, украшавших плиты каменных ящиков, отличительные знаки, которые «...указывают на определенную этническую принадлежность «владельцев» по-

минальных сооружений...». Мы видим в орнаменте ромбовидной сетки рисунок терме – решетки юрты. Другие орнаменты на плитах монгольских мемориалов также сюжетно близки к рисункам, которыми декорируют двери монгольских юрт [Майдар Д., Дарьсурен Л., 1976, табл. 20, 37, 42, 49].

По мнению В.Е. Войтова, оградка с каменной «наброской» и деревом в ней была характерна для всех социальных групп населения Первого тюркского каганата. В более позднее время «...оградка сохраняется лишь в среде «кара будуна», а на мемориальных ансамблях аристократии она трансформируется в четырехплитовые ящики»⁵ [Войтов В.Е., 1996, с. 118]. Возможно, такое заключение справедливо для поминальных памятников Центральной Монголии, но в Алтае «четыреплитовые ящики» – оградки из четырех массивных плит, типичны как для рядовых «поминальников», так и для сооружений тюркской элиты. Они не являются отражением социальных различий тюркского населения Алтая, как это предполагается для поминальных сооружений Монголии. В тех и других наличие деревьев-столбов⁶ свидетельствует не об эволюции мемориалов кочевой знати, а о едином мировоззрении алтайских тюрок, а также о длительном параллельном развитии двух различных традиций – двух типов поминальных сооружений: юстыдского и аютинского. К главным признакам, позволяющим выделить из большой массы алтайских оградок сооружения знати, необходимо отнести возведение вала и рва вокруг оградок, а также установку более реалистичных (как правило, с воинскими атрибутами) изваяний. Но следует заметить, что отдельные алтайские изваяния, выполненные с большой тщательностью и мастерством (изваяние «Кезер» в Курайской степи, изваяния в Кеме-Кечу из долины р. Аргут и др.), стояли у обычных оградок яконурского типа, а вал и ров на этих памятниках отсутствовали. Из 11 мемориалов тюркской знати, открытых на Алтае [Кубарев В.Д., 1984, с. 51–55; Савинов Д.Г., 1994, с. 151–152], в пяти находилось по две оградки, окруженных одним общим валом и рвом. В соседней Монголии тоже известно пять аналогичных по конструкции мемориалов [Войтов В.Е., 1996, с. 49].

Вывод Ю.С. Худякова [1985, с. 181] о том, что «...наличие... наряду с одинарными, двойных оградок, пока не может быть убедительно объяснено», представляется нам излишне пессимистичным. Достаточно большое число парных оградок в Алтае и Монголии, объединенных в единый и одновременный комплекс, свидетельствует не об «...отступлении от канона...» [Худяков Ю.С., 1985, с. 181], а о достаточно распространенном обычае древних тюрок устанавливать парные изваяния мужчин-воинов. Подобные мемориалы, особенно хорошо сохранившиеся в горах Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 51–52, 55, 198, изв. 114 и 115, с. 212, изв. 198 и 199], были призваны восхвалять ратные подвиги выдающихся представителей древнетюркской знати и дружинной верхушки. Возможно, парные изваяния изображали двух соправителей (шада-сада), одновременно выполнявших функции военных предводителей. Их погребения, исследованные в Алтае, резко выделяются на фоне массовых древнетюркских курганов рядовых кочевников. Во-первых, большими размерами каменных насыпей; во-вторых, большим числом захоронений лошадей (до четырех) с одним челове-

⁵ Ю.С. Худяков [1985, с. 175–177] называет поминальные сооружения тюркской кочевой знати «саркофагами», хотя многие исследователи давно отказались от этого устаревшего, заведомо дезориентирующего термина, не соответствующего функциональному назначению памятников. Мнение о том, что «...саркофаги распространены исключительно в Монголии» [Худяков Ю.С., 1985, с. 182], также следует считать ошибочным.

⁶ Остатки стволов деревьев или столбов найдены в каменном «ящике», раскопанном В.В. Волковым [1981а, с. 26] в Шан Тэнгэрин тал. Они также зафиксированы в четырех плитовых «ящиках» комплекса Дадга Хушот [Худяков Ю.С., 1985, с. 177, с. 178, рис. 11, 12], известного еще под одним названием – Худуу-Нур [Войтов В.Е., 1996, с. 49, рис. 31, 32]. Такое сочетание главных элементов: каменный ящик из четырех плит + дерево + керамика в Дадга-Хушот, имеет прямую культурно-хронологическую связь с алтайскими оградками юстыдского типа (четыре массивных плиты в виде ящика + дерево + жертвенные сосуды из керамики и металла). Усиливает сходство конструкция одной из алтайских оградок юстыдского типа, раскопанная нами в степи Макажан [Кубарев В.Д., 1984, с. 209, табл. XXX]. С восточной стороны ее стояло изваяние, с керамическим сосудом у основания фигуры, а весь комплекс, окруженный валом и рвом, в целом напоминает подобные мемориальные сооружения Монголии [Войтов В.Е., 1996, с. 27–60].

ком; в-третьих, многочисленными дорогами предметами, оружием и доспехами [Кубарев В.Д., 1987, с. 250–251; Кубарев Г.В., 1991, с. 60–61; 1997, с. 16; Kubarev G.V., 1997, р. 665–687]. Как и парные поминальные оградки с изваяниями двух знатных тюрок (выполненных, очевидно, одним мастером), курганы дружинной аристократии сооружались парами и, очевидно, одновременно. Об этом говорит идентичность всех черт погребальной обрядности и сходный набор богатого инвентаря. В древнетюркском обществе с его родоплеменным делением существовал и параллельный обычай символических парных захоронений знатных воинов (по-братимов?) в одной общей могиле-кенотафе [Савинов Д.Г., 1987, с. 80] или в отдельно возведенных, но рядом расположенных, больших курганах [Кубарев В.Д., 1985, с. 138].

Четыре поминальных сооружения представителей тюркской дружинной аристократии в последние годы открыты на территории Монгольского Алтая⁷ [Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 1995, с. 324; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е., 1998, с. 261–262]. Их конструктивные характеристики по всем параметрам особенно близки синхронным памятникам российского Алтая и Тывы. Эта небольшая группа поминальных комплексов заполняет еще одну лакуну, устраняя разрыв в цепочке распространения меморативных памятников из центральных районов Монголии на западную окраину древнетюркского мира.

Исходя из вышеприведенных наблюдений автора и фактических данных, нельзя согласиться и с противоречивым выводом Б.Б. Овчинниковой [1992, с. 208], что «...поминальные оградки тюрок и «орхонские храмы» являются равноправными поминальными сооружениями, не имевшими между собой ничего общего» (курсив мой. – В.К.). Подобное заключение, кстати, ничем не аргументированное, вообще нельзя принять, так как сравнительный анализ планиграфии, а также корреляция составных частей ритуальной архитектуры орхонских комплексов и рядовых оградок показали их полное тождество [Кубарев В.Д., 1984, с. 59–63]. «Четыре памятника у Цайдамских озер служат эталоном, по которому можно сверять все остальные тюркские поминальные сооружения. Их планировка на местности по существу не отличается от большинства рядовых каменных оградок» [Войтов В.Е., 1985, с. 131]. К такому же выводу (о функциональном единстве азиатских поминальных оградок и орхонских мемориалов) пришли и другие ученые [Грач А.Д., 1955, 1961; Кызласов Л.Р., 1964, 1969; Шер Я.А., 1964, 1966; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994; Юматов К.В., 1998; и др.].

Далее рассмотрим случаи вторичного использования тюрками более древних памятников и возникшие в связи с этой традицией проблемы датирования. Иногда для сооружения стенок оградок тюрки использовали оленные камни и мегалитические стелы, находящиеся рядом с местом сооружения мемориала [Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988, с. 206, с. 216–217, табл. II.-9, табл. III; Войтов В.Е., 1996, с. 52]. Раскопки такой оградки, сложенной из четырех оленных камней (местность Шан Тэнэрин тал, Монголия) выявили остатки деревянных столбов (центрального и углового), а также часть позвонков теленка [Волков В.В., 1981а, с. 26, с. 143, табл. 20.-1–3]. Древнетюркская ограда (7х7 м), обследованная нами в 1998 г. на правом берегу р. Могой (Монгольский Алтай), была заполнена кварцитовыми гальками, а ее стенки сложены из огромных каменных блоков (древних стел?). В восточной стороне на одном из трех камней ограждения сохранились изображения серьги и чекана, характерные для оленных камней. Еще один оленный камень с главными символами (три косых линии, серьга и рельефный пояс) установлен с восточной стороны этой же ограды. На восток от него отходит ряд из 20 балбалов, высотой не более 0,5 м каждый.

Древние тюрки также часто использовали более древние «поминальные» (?) оградки раннего железного века, дополняя их изваяниями, балбалами и кольцевидными выкладками из камней. Подобные памятники известны на Алтае и в Монголии. Изваяния, стоявшие в центре оградок, открыты нами в долинах рек Аргут, Коксу и в окрестностях Баян-Ольгий [Кубарев В.Д., 1984, с. 206, изв. 165; с. 210, изв. 188; 1997, с. 143, с. 179]. Они выполнены

⁷ Они требуют отдельного детального рассмотрения и полной публикации материалов.

на ранних стелах, датируемых эпохой бронзы или ранним железным веком. Об этом свидетельствуют такие факты: небольшие размеры и прямоугольная форма оградок, ориентация стел гранями по странам света и нанесение на них только основных деталей лица. Раскопки подобных оградок с «лицевыми» изваяниями в степи Макажан и в логу Чадыр не дали никаких материалов. Такие же результаты получены при исследовании более 10 оградок с центральными стелами в долинах рек Юстыд и Барбургазы [Кубарев В.Д., 1979, с. 32–33; 1986, с. 183; Кубарев В.Д., Якобсон Е., Масумото Т., 1993, с. 64]. Об использовании древних стел под изваяния автор уже писал, но хочется еще раз обратить внимание коллег на яркий и убедительный пример Чадырского комплекса, где три невысоких стелы были даже не перенесены из небольших оградок раннескифского времени. На их широких гранях, обращенных на восток, выбиты человеческие лица, а сам ритуал поминовения совершался в 100 м на восток от изваяний, в специально сооруженных оградках [Кубарев В.Д., 1984, с. 21, с. 225, табл. XLVI]. Случаи вторичной обработки древними тюрками энеолитических стел и оленных камней, превращенных затем в изваяния, повсеместно зафиксированы и в других регионах Центральной Азии [Грач А.Д., 1961, с. 40; Кубарев В.Д., 1984, с. 183, изв. 28, 29, с. 194, изв. 97, с. 218, изв. 223, с. 224, изв. 236, 243; 1997, с. 143, 179; 2000, с. 104–106; Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987, с. 190, рис. 1.-4, 5, 10; Войтов В.Е., 1996, с. 52, 87, рис. 53.-7; Варенов А.В., 1993, с. 67–68, рис. 4.-4; Худяков Ю.С., 1998, с. 596; Кубарев В.Д., Цэвэ-эндорж Д., 2000, с. 51; и др.]. Следует еще сказать о своеобразном рационализме в использовании тюрками древних монументальных памятников. В Западной Монголии найдены двусторонние каменные изваяния, выполненные в разное время на одном монолите⁸ [Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1990, с. 115, рис. 2.-6; Баяр Д., Эрдэнэбаатор Д., 1999, с. 162, рис. 73]. Наверное, одиноко стоящие стелы и даже целые их ряды у древних могил предков, по воззрениям древних тюрков, более всего подходили для «вселения» в них душ своих умерших сородичей. По-видимому, практиковался и обычай использования древних памятников для ритуальных целей без разрушения или переоформления их конструкций. Достаточно было поднести жертвенные предметы к основанию стелы в оградке, чтобы считать правило обряда выполненным. Такой комплект железных изделий (VIII–IX вв.) найден с южной стороны «раннескифской» стелы, установленной в центре оградки, раскопанной в долине р. Талдуры [Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 131–132, 138, рис. 12, 13]. Известны также случаи, когда с восточной стороны древней оградки с монументальной стелой в центре устанавливались тюркские изваяния [Вайнштейн С.И., 1958, с. 237, табл. 116; Худяков Ю.С., 1985, с. 171, рис. 4.-10, 11; Кызласов И.Л., 1998, с. 154, рис. 8; с. 59, рис. 13] или небольшие стелы с рядами балбалов у оградок в долине р. Цаган-Гол, Монголия (наши исследования 1998 г. – В.К.). Семантика таких синкретичных комплексов наиболее сложна, потому что очень часто в них отсутствуют датирующие находки и признаки культурной принадлежности. Поэтому ряд исследователей очень субъективно интерпретирует подобные памятники. Так, И.Л. Кызласов [1998, с. 146] для определения времени и даже этнической принадлежности эдигейских надписей и рисунков на стелах из Тывы фактически применил довольно сомнительный метод А.Д. Грача [1968, с. 209–210], который по руноподобным тамгам на стеле из Хачы-Хову определил время ее установки (VI–VII вв.), а в каменных выкладках, расположенных перед стелой, видел самые ранние захоронения тюрков, выполненные по обряду трупосожжения⁹. Ту же ошибку повторяет Ю.С. Худяков [1985, с. 182, рис. 4.-10, 11], интерпретируя мегалитическую стелу с поздней тамгой как древнетюркский

⁸ Существует и мнение о том, что вторичная установка антропоморфных стел, оленных камней и более ранних каменных фигур верхней частью в землю символизирует уничтожение сакральной силы, заключенной в головешке-навершии любого изваяния. С теми же представлениями связано и другое действие: отбивание голов у тюркских скульптур [см.: Скрынникова Т.Д., 1997, с. 149–189].

⁹ П.П. Азбелевым [1991, с. 161] предложена другая версия: «...в ямках-«ячейках» хоронили остатки сожженных кыргызских дружинников».

«памятный столб». Л.Р. Кызласов [1979, с. 78] подверг критике правильность такой односторонней трактовки. Но И.Л. Кызласов в целой серии статей продолжает обосновывать свои хронологические «этюды» на неубедительном тезисе переиспользования тюркских «поминальников» при нанесении надписей. В одной из работ И.Л. Кызласовым [1988, с. 125] только по палеографическим признакам определяется дата надписей и рисунков на стелах из долины р. Эдигей (Тыва) и делается вывод «...против связи этой письменности с тюрками-тугю». В другой публикации И.Л. Кызласов [1998, с. 146], приводя результаты раскопок двух поминальных оградок этого же памятника Эдигей, неожиданно приходит к противоположному заключению «...о культовой деятельности самих тюрков-тугю уже в IX–X вв. – в эпоху, представленную на Эдигее резными рисунками и руническими надписями». Если в первой работе И.Л. Кызласов [1988, с. 117] только предполагал, что надписи датированы поздним временем, чем сооружение самих оградок, то во второй статье он более категоричен: «...вторичное использование их (тюрков-тугю. – В.К.) собственных оградок... никаких сомнений не вызывает» [Кызласов И.Л., 1998, с. 146]. Заметные противоречия в определении И.Л. Кызласовым принадлежности рунических надписей то тюркам-тугю, то «средневековым хакасам» можно объяснить¹⁰. Они связаны с возрастающим числом находок в алтайских оградках и погребениями с конем, датируемых позже VIII в., т.е. ко времени, когда, по мнению многих ученых, оградки тюрками уже не сооружались, а территория Алтая с его населением входила в Уйгурский, а затем и в Кыргызский каганаты. Новейшие археологические исследования сибирских ученых корректируют эту точку зрения [Васютин А.С., 1983б, с. 9; Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., 1987, с. 107–114; Савинов Д.Г., 1983, с. 160; 1987, с. 80–89; 1994, с. 146–152; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1990, с. 124; Кубарев В.Д., 1992, с. 25–36; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 54–58, рис. 17–19; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 1995, с. 281; Кубарев Г.В., 1991, с. 60–61; 1992, с. 91–92; 1995, с. 126–130; 1995а, с. 164–180; 1997, с. 1–18; 1998, 290–298; Кубарев Г.В., Журавлева А.Д., 1998, с. 25–31; Kubarev G.V., 1997, p. 233–249; 1997а, p. 665–687; 1998, pp. 21–22; Бородавский А.П., 1994, с. 82; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 93–103; Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 396–404; Тетерин Ю.В., 1999, с. 113–128; Соловьев А.И., 1999, с. 125; и др.].

Первым таким сигналом к пересмотру общепринятой хронологии древнетюркских поминальных сооружений послужила радиоуглеродная дата, полученная в комплексе на холме Дьер-Тебе в Восточном Алтае¹¹. К IX–X вв. относятся железные предметы из двух оградок уландрыкского типа (со стелой в центре), раскопанных в устье р. Большой Ильгумень на могильнике Кор-Кечу [Васютин А.С., 1983, с. 193; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983, с. 21]. Наше предположение о датировании подобных памятников V–VI вв. не подтвердилось. Автор и не настаивал на этом, так как «отсутствие других материалов по оградкам уландрыкского типа затрудняет определение даты их сооружения» [Кубарев В.Д., 1979, с. 156].

¹⁰ Противоречивые выводы И.Л. Кызласова связаны также с его желанием убедить археологов о существовании у древних тюркских народов Саяно-Алтая, кроме двух известных алфавитов (орхонского и енисейского) третьей письменности, названной им южноенисейской [Кызласов И.Л., 1988, с. 108–140; 1994, с. 53–54]. По его мнению, «...научкой установлено, что енисейское письмо было создано средневековыми хакасами...» [Кызласов И.Л., 1988, с. 124], а большинство известных рунических надписей Алтая принадлежит именно к новой южноенисейской письменности – «местного варианта енисейского письма...» [Кызласов И.Л., 1998, с. 103]. Вместе с тем И.Л. Кызласов, говоря о проникновении на Алтай «...характерного древнехакасского обычая создания надгробных надписей...» [1998, с. 103], опровергает свой же вывод, «...что известные наскальные надписи Алтая созданы его аборигенным населением (алтайскими тюрками), а не пришлыми носителями енисейского письма древними хакасами» [Кызласов И.Л., 1994, с. 89]. Не сомневаясь в высоком профессионализме И.Л. Кызласова – большого знатока рунических текстов Евразии, хотелось бы услышать и мнение известных тюркологов по поводу открытия им новой письменности и совершенно нового прочтения древнеалтайских надписей, которые уже были переведены его предшественниками.

¹¹ Проба угля, взятая из оградок, дала дату: 945±27 лет. Она позволяет отнести поминальные сооружения к известным тюркским изваяниям «Акташ» к IX–X вв. [см.: Кубарев В.Д., 1978, с. 93–94].

Но А.С. Васютин и В.Н. Елин [1983, с. 121] почему-то считают, что «...новые данные... позволяют пересмотреть существующую периодизацию алтайских оградок...», хотя речь идет только об уточнении хронологии одного из пяти типов алтайских оградок. Еще две оградки уландрыцкого типа исследованы в долине Средней Катунь на могильниках Бике-I и Чобурак-I [Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 85, рис. 48; Бородавский А.П., 1994, с. 76, рис. 6.-5]. Датированных находок в оградках не найдено, однако А.П. Бородавский [1994, с. 76] допускает возможность отнесения их к периоду VI–VIII вв., «...после которого они, как правило, не сооружались». Такое заключение находится в противоречии с приведенными выше фактами, а предполагаемая дата оградок в Чобураке мало аргументирована.

Одна прямоугольная оградка со стелой в центре раскопана на могильнике Дохло у с. Куяс. В ней найдены железные кольчатые удила, которые авторы датируют VI–VII вв. [Соенов В.И., Соенов М.И., 1992, с. 72]. В Тыве, в окрестностях пос. Кызыл-Даг, недавно исследована одна оградка уландрыцкого типа, не давшая никаких материалов [Ермоленко Л.Н., 1995, с. 188].

Интересное предположение высказано П.П. Азбелевым по поводу редкого варианта поминальных оград уландрыцкого типа, т.е. с белым валуном вместо стелы в центре оградки. Он видит в этом обычае предпосылки к использованию каменных монолитов белого цвета для тюркских изваяний, а особенно после сооружения мемориала Кюль-Тегину и его супруге, статуи которых были выполнены из мрамора [Азбелев П.П., 1991, с. 161]. Действительно, для большого числа наиболее реалистичных изваяний Алтая, Тывы и Монголии подбирались мраморизованный известняк, светло-серые алевролиты и сланцевые породы светлых тонов. Автором ранее было предложено несколько иное объяснение подмеченной закономерности. Не исключая сакрального значения белого цвета, наверное, необходимо учитывать и прагматическую цель мастера: на уже готовой скульптуре идеально белого цвета было легче передать всю цветовую гамму богатого костюма и аксессуаров знатного тюрка. Возможно, они раскрашивались в разные цвета [Кубарев В.Д., 1984, с. 82–83; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2000, с. 53]. Подтверждают это некоторые сюжеты из героического эпоса тюрко-язычных народов Центральной Азии, фольклор алтайцев и тувинцев, археологические данные [Плетнева С.А., 1974, с. 58, рис. 28а; Ермоленко Л.Н., 1994, с. 157].

Вероятно, к одному из вариантов оградок уландрыцкого типа должны быть отнесены и отдельные памятники, раскопанные И.Л. Кызласовым [1998, с. 143] в тувинском могильнике Эдегей. Основанием для включения их в один типологический ряд служат стелы в центре и по углам ограды, а также наличие «лицевых» изваяний и балбалов с восточной стороны. Идентичной конструкции оградка раскопана нами в долине р. Барбургазы [Кубарев В.Д., 1979, с. 147, рис. 13]. С.Г. Кляшторный в свое время обратил наше внимание на удивительное сходство барбургазинского памятника с редким мемориальным ансамблем, открытым им в 1976 г. в окрестностях Сайхан сомона Булганского аймака [Kliachtornyi S.G., 1994, s. 52–53]. О нем упоминает в своей работе и Д.Г. Савинов [1994, с. 86]. Оба исследователя затрудняются датировать комплекс, включающий квадратную вымостку и четыре каменных изваяния. Однако на основании стилистических особенностей изваяний – «гермообразных стел», они предполагают их очень ранний возраст. В еще одной краткой публикации монгольского археолога Д. Баяра [1999, с. 109–110] приводится более точное название этого же памятника: «Нарийн Хурэмтийн», а также записаны сообщения местных жителей об изваяниях. По их словам, всего было пять каменных фигур: одна – в центре, четыре – по углам, балбалы или какие-либо другие сооружения отсутствовали. По фотографиям указанных авторов хорошо прослеживаются четыре сохранившихся изваяния (пятое – утрачено). Центральное изваяние – несомненно древнетюркское (с сосудом в правой руке), на трех других – показаны черты лица, напоминающие личины окуневских стел и антропоморфных оленных камней Монголии и Алтая [Савинов Д.Г., 1994, с. 86–88]. Монгольские антропо-

морфы из Нарийн Хурэмтийн имеют явно выраженный европеоидный облик. Конечно, «антропологический тип» мог быть задан формой камня, но подбор древним каменотесом именно таких узких блоков для изваяний эпохи бронзы очень характерен. А это уже позволяет выделить из общего массива разновременных каменных фигур самые ранние образцы древней скульптуры. К аналогиям, приведенным Д.Г. Савиновым [1994, с. 87] можно добавить некоторые «лицевые» изваяния Алтая и Синыцзяна [Кубарев В.Д., 1997, с. 95, 143, 177; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988, с. 220, табл. VI.-8, 9; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1995, с. 163, рис. 4.-14; Ван Бо, Ци Сяошань, 1996, с. 52–74, изв. 156–162, 169, 171, 193; и т.д.]. Редкий и оригинальный комплекс в Нарийн Хурэмтийн несомненно создан тюрками, которые либо использовали для своего ритуального сооружения древние изваяния, либо установили в центр квадратной каменной вымостки тюркскую скульптуру (?). Подобные вымощенные площадки-«оградки» со «сторожевыми» камнями или стелами по углам, датируемые эпохой поздней бронзы, имеются в большом числе на Юго-Восточном Алтае [Кубарев В.Д., 1980, с. 83, 88, рис. 9.-7], в Тыве [Грач А.Д., 1960, с. 61–62, 64, рис. 77; Кызласов Л.Р., 1979, с. 37, рис. 22.-1] и в Монголии [Потанин Г.Н., 1881, с. 56, фиг. 22; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1990, с. 118–119; Кубарев В.Д., Якобсон Е., Цэвээндорж Д., 1994, с. 138]. Как правило, они не содержат погребений и сосредоточены у подножия отдельных (выдающихся формой вершин) гор. Наверное, их устройство связано с древним культом гор. Еще один вид ритуального памятника, сходный по планировке с барбургазинским, исследован в местности Хушотын-Тал (Архангайский аймак, Монголия). Он представлял собой небольшую ограду «плиточной могилы» (4,5х4,0 м), по углам которой ранее стояли четыре оленных камня, а еще один оленный камень (№5), расположенный в юго-восточном углу сооружения, возможно, был центральным. Ее раскопки, как и других подобных «могил» (с оленными камнями по углам оград), не обнаружили никаких следов погребений [Волков В.В., 1981, с. 486–487; 1981а, с. 165, табл. 42.-3–7; Новгородова Э.А., 1989, с. 229–230]. В данном случае прослеживается очевидная связь между главными элементами конструкции описанных памятников и керексурами с квадратными оградками, на углах которых водружены каменные глыбы, удлиненные валуны или пирамидальные кучки камней. В центре насыпей керексуров такого типа найдены вертикально стоящие оленные камни [Кубарев В.Д., 1980, с. 88, рис. 9.-1; Новгородова Э.А., 1989, с. 213, рис. 14]. При внешнем, формальном сходстве планировки сравниваемых памятников назначение их различно. Стелы барбургазинских и эдегейских оградок, вероятно, маркируя углы сторон света¹², одновременно являлись «вехами» для вывешивания голов жертвенных животных [Кубарев В.Д., 1979а, с. 156] или опорами (угловые столбы отдельных оградок Юстыда, Малталу и т.д.) для навеса над символическим «жилищем души умершего». И.Л. Кызласов [1998, с. 146], проведя параллель между устройством эдегейских и барбургазинских оградок, воздержался от объяснения назначения этой важной детали тывинских памятников. «Гермообразные» стелы-изваяния из Нарийн Хурэмтийн, может быть, выполняли охранные функции ритуальной площадки, в центре которой находилось изваяние древнего тюрка. Керексуры, особенно те, которые имели в центре насыпей оленные камни, были культовыми памятниками [Кубарев В.Д., 1979, с. 23, 36–38]. В них, кроме костей различных жертвенных животных, встречаются и погребения, которые А.Д. Грач [1971, с. 98–99] считал человеческими жертвоприношениями. Но все эти разновременные объекты объединяет одна общая и архаичная концепция мандалы – модель космоса и мироздания, в которой реализуются основные принципы организации сакрального пространства в древней и средневековой архитектуре культовых памятников Центральной Азии.

¹² Эта характерная черта поминального обряда семантически перекликается с находкой в одной из оградок могильника Айрыдаш-I четырех керамических сосудов, стоявших по углам сооружения [Суразаков А.С., 1988, с. 39], а также с оградкой из Кураты-II «...оформленной по углам более крупными камнями» [Суразаков А.С., 1990, с. 69].

«Памятный столб», дерево, модель жилища. Ни один исследователь поминальных объектов древних тюрков не мог вразумительно объяснить, почему остатки многих «памятных столбов», упоминаемых в китайских хрониках, оказались обуглены в верхней части. Зачем они (если это были столбы) поджигались? И чем «памятный столб» отличается от обычного, вкопанного в центре оградок, или от столбов, установленных по углам оградок? На сей счет у Ю.С. Худякова своя оригинальная точка зрения. Он полагает, что в ямках, обнаруженных в центре оградок, стояли «памятные столбы» [Худяков Ю.С., 1985, с. 80], или в других работах уже читаем: «...обрубки стволов деревьев» [Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999, с. 29; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 224]. Ю.С. Худяков, видимо, под впечатлением статьи В.А. Могильникова [1992, с. 192], отрицая устройство над алтайскими оградками каких-либо построек, наличие столбов или деревьев [Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999, с. 28–29] и тем самым отвергая нашу реконструкцию, основанную на археолого-этнографических материалах [см.: Кубарев В.Д., 1997, с. 26, 33], все же считает возможным предположить, что «более необходимой частью ритуала являлось сооружение «здания при могиле», если под ним подразумевать саму оградку...» [Худяков Ю.С., 1985, с. 179]. Интересно, чем же «оградка-здание» отличалось от подразумеваемой нами «оградки-жилища», графическую реконструкцию¹³ которой Ю.С. Худяков [1999, с. 29] называет «срубной избушкой с четырехскатной крышей», а В.А. Могильников [1992, с. 192] – «срубной постройкой». Хотя еще совсем недавно Ю.С. Худяков [1985, с. 180] писал: «Сооружение памятного деревянного столба, возможно, было связано с представлениями о «мировом дереве». Видимо, поэтому в некоторых алтайских оградках сохранились столбы с остатками корневой системы». Наверное, только недавними исследованиями и находками в Тыве можно объяснить, почему Ю.С. Худяков изменил свой взгляд на один из главных элементов в конструкции тюркских оградок. Новые данные, по мнению Ю.С. Худякова и С.А. Ким [1999, с. 29], «...существенно дополняющие известные материалы по поминальной обрядности древних тюрков», получены в результате изучения трех оградок на могильнике Алкаак. Но на этой же странице авторы констатируют: «Находки в раскопанных оградках немногочисленны» [Худяков Ю.С.,

¹³ В наших рисунках, воспроизводящих общий вид наземных поминальных сооружений древних тюрков, были использованы исключительно новые археологические данные, полученные автором в результате комплексного исследования более 50 оградок Алтая. Для гипотетического восстановления всех циклов поминальной обрядности тюрков были привлечены также этнографические материалы по религиозно-мифологическим представлениям тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Расхождение в отдельных деталях двух реконструкций, опубликованных в разные годы [Кубарев В.Д., 1978, с. 96, рис. 9; 1984, с. 80, рис. 16], было обусловлено различными, конструктивными особенностями алтайских поминальных сооружений, возможно, связанных с двумя этносами теле и тугю. Такое же различие в типах погребально-поминальных памятников сохранилось на Алтае до настоящего времени: небольшие срубы над могилами теленгитов [Тошакова Е.М., 1978, с. 131, рис. 20] и каркасно-столбовые навесы с шестью над могилами казахов [Коновалов А.В., 1983, с. 117]. Автор осознает, что предложенные варианты реконструкции древнетюркского поминального обряда являются прозаической, почти бытовой версией, не претендующей на полное объяснение семантики тюркских оградок и последовательности ритуальных действий, проводившихся в них. По-видимому, все стороны шаманистического в своей основе ритуала, по крайней мере его виртуальная часть, никогда не будут раскрыты до конца. Возможности археологии в этой области остаются весьма ограниченными. Достоверность нашей реконструкции неожиданно подтвердилась при изучении позднетюркских поминальных комплексов на Южном Урале. Из шести оградок с изваяниями в двух обнаружены неглубокие ямки по периметру плитового ограждения, а также ямы в центре сооружений. В их заполнении найдены остатки обугленных столбов или шестов. Особенно необычной по конструкции оказалась оградка №5. Ее очертания наблюдались на материковом грунте по полосам обугленного дерева (шириной до 8 см и толщиной до 5 см). Они «...фиксировались как остатки квадратного (2,2х2,2 м)... сруба, сложенного из брусьев и помещенного в специально подготовленное... углубление» [Костюков В.П., 1994, с. 145–147, рис. 3]. По мнению автора раскопок, в пользу нашей трактовки тюркских оградок как моделей зимних жилищ кочевников, получены дополнительные материалы: остатки обугленных столбов, следы сгоревшего деревянного сруба – «все это свидетельствует о наличии первоначально объемных деревянных конструкций» [Костюков В.П., 1994, с. 156]. Исследованные жертвенно-поминальные комплексы Кошкарбая, Каменного Амбара и Аксака наиболее близки алтайским мемориальным памятникам Узунтала и Юстыда [Боталов С.Г., 1996, с. 372, Бабенков К.Н., 1996, с. 248].

Ким С.А., 1999, с. 29], а на наш взгляд, и вполне традиционны. Они, как и в десятках рядовых «поминальников», представлены обломками костей лошадей и овец, углями, остатками столбов и стволов деревьев в неглубоких ямках по центру и периметру плитового ограждения. Только в одной оградке найден фрагмент керамики и «амулет» в виде каменного диска. Однако принципиально важным для реконструкции поминального обряда древних тюрков ученые считают факт нахождения в одной из оградок Алкаака «обрубка ствола дерева, корнями вверх», и на этом основании делают категоричный вывод, «...что никаких деревьев с развесистой кроной в древнетюркских оградках не было и быть не могло. По-видимому, обрубки стволов деревьев... устанавливались внутри ямок в процессе поминального обряда до сооружения насыпи и не были предназначены, для того чтобы выситься над поверхностью земли» [Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999, с. 29]¹⁴. Но подобное объяснение не отвечает на вопрос: «Для чего в ямках оградок Алкаака помещались «отрубленные стволы» деревьев?» Не объясняют авторы и назначение остатков столбов, обнаруженных с внешних сторон плитового ограждения. Обугленный ствол в одной из таких ям они связывают с применением огня в обряде и «освящением оградки» [Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999, с. 29]. Это все, что могут предложить исследователи для интерпретации своих находок в оградках Алкаака.

Совершенно очевидным и закономерным представляется автору нахождение остатков столбов деревянной постройки над оградками (подобной этнографическим надмогильным сооружениям алтайцев и казахов), как, впрочем, и остатков стволов лиственницы с корневищами (оградки Дьер-Тебе и Алкаака), которые сохранились в земле. Наверное, нет такой необходимости объяснять и доказывать очевидную истину. Ведь со времени возведения древнетюркских мемориалов прошло более 1000 лет, а такой срок едва ли выдержит любая деревянная постройка. И тем не менее прецеденты хорошей сохранности над современной поверхностью земли остатков столбов и стволов деревьев в древнетюркских оградках известны на Алтае. Уже 20 лет назад такие случаи отмечены нами в западной части Чуйской степи: у с. Мухор-Тархата, Ортолык, пос. Чаган-Узун и с. Бельтыр. Одна такая оградка с изваянием и балбалами раскопана нами в устье Чаган-Узуна. В центре ее обнаружен неошкуренный ствол лиственницы, нижний конец которого был заострен и помещен в яму на глубину 1,2 м, а верхняя часть, сильно обугленная, возвышалась над оградкой более чем на 1,0 м¹⁵. Еще три случая сохранения до наших дней остатков деревянных конструкций в тюркских оградках зафиксированы у с. Кокоря: «В центре одной из оградок (могильник Кызыл-Чин-III) обнаружен торчащий обломок лиственничного бревна...» [Васютин А.С., 1980, с. 195]; на холме Каман-Тон, снаружи оградки с изваянием, у ее северо-восточного угла из земли торчал обломок лиственничного столба [Кубарев В.Д., 1984, с. 163]; в ограде №7 могильника Котыр-Тас-I вместо плит ограждения в одной из сторон найдено бревно [Суразаков А.С., 1993, с. 50]. Феномен такого явления объясняется суровыми климатическими условиями высокогорной полупустынной Чуйской степи. Но даже в соседней Курайской степи, расположенной гораздо ниже, а также в бассейне Урсула в 14 оградках, раскопанных С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой, наблюдалась хорошая сохранность дерева. В центре исследованной ими оградки с известным изваянием «Кезер» (урочище Тото) был обнаружен обугленный в верхней части «толстый обрубок дерева» диаметром 70 см [Киселев С.В., 1951, с. 545].

¹⁴ На рисунке 10 из статьи Ю.С. Худякова и С.А. Ким [с. 40] корни на обрубке ствола дерева не обозначены. Судя по рисунку 14 (с. 44), и во второй оградке на стволе не было ни сучков, ни корневищ. Такое несоответствие рисунков и их описания вызывает сомнение в достоверности данных, полученных авторами при раскопках.

¹⁵ Крупный образец, отрезанный от ствола дерева из оградки в Чаган-Узуне, хранится в фондах ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Диаметр ствола – 37 см, а подсчет годовичных колец позволил И.Ю. Слюсаренко определить возраст дерева приблизительно в 350 лет. В Тыве в некоторых раскопанных оградках также сохранились «...нижние части некогда стоявших здесь высоких, одиночных и впоследствии сожженных деревянных столбов» [Кызласов Л.Р., 1969, с. 30]. В Восточном Казахстане в самом начале изучения поминальных оградок А.В. Адрианов нашел в одной из них «...остатки обуглившегося нетолстого ствола лиственницы» [1916, с. 47].

Если обратить внимание на значительную толщину стволов деревьев (или столбов) и глубину ям (до 1 м и глубже), то можно прийти к выводу об установке достаточно больших и высоких деревьев (столбов).

В нашем, несомненно уникальном случае, когда устроители мемориала на холме Дьер-Тебе оставили корни у деревьев, вкопанных в центре оград, логично представить, что были сохранены и ветви на этих деревьях. И совсем неважно, каким образом эти деревья были вкопаны: корнями вниз [Кубарев В.Д., 1979, с. 96–98, рис. 9] или корнями вверх [Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999, с. 29], так как обе позиции являются символическим обозначением верхнего мира [Герасимова К.М., 1989, с. 170–173]. Образ мирового дерева, растущего корнями вверх, был известен как в шаманской практике [Штернберг Л.Я., 1936, с. 211; Анисимов А.Ф., 1952, с. 198], так и во многих мировых религиях [Eliade M., 1957, p. 259–260]. Рисунки деревьев корнями вверх или вниз выполнены на шаманских бубнах алтайцев и тосох хакасов [Иванов С.В., 1955, с. 168–169, рис. 1, 2, с. 221, рис. 21], символика которых, как считает Л.Р. Кызласов, была уже известна в раннем средневековье [1990, с. 263, рис. 2]. Изображения священных, может быть шаманских, деревьев с кроной и корнями присутствуют и в петроглифах Каракола [Мартынов А.И., 1985, с. 83, рис. 1; Кубарев В.Д., 1988, с. 136, рис. 79].

В мировоззрении народов Южной Сибири дерево – сакральный центр и космическая ось, связывающая воедино три мира [Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М. и др., 1988, с. 32; Потапов Л.П., 1992, с. 539]. Дерево у многих народов мира связано также с мифологическими представлениями о жизни во всей ее полноте (древо жизни) и противопоставлении смерти, гибели (древо смерти) [Иванов В.В., Топоров В.Н., 1991, с. 396–397]. Идея зарождения и смерти у дерева, например, воплощена в реальном обряде вторичного рождения императора киданей, который несколько раз обходил деревья, установленные корнями вверх, т.е. обращенными к небесному своду [Е Лун-ли, 1979, с. 524]. Она унаследована и сохранилась в традиционных погребально-поминальных циклах тюрко-язычных народов Сибири: проводы умершего от родового дерева, захоронения праха шаманов в дупле, воздушные погребения на помосте среди ветвей деревьев [Дьяконова В.П., 1975, с. 67; Тоцакова Е.М., 1978, с. 129; Герасимова К.М., 1989, с. 207; и др.], а также в верованиях и религиозных пережитках современных алтайцев [Кыпчакова Л.В., 1983, с. 141–148; Чанчибаева Л., 1978, с. 90–103].

Следует согласиться с емким определением С.И. Аджигалиева [1994, с. 113] о полисемантической любого древнего объекта с вертикальной экспозицией: «...всякое сооружение (стела, пагода, мавзолей и т.п.) теоретически может впитывать в себя несколько семантик: мировое дерево, жертвенный столб, модель мира (жилища) и т.д.».

Таким образом, данные, приведенные Ю.С. Худяковым и С.А. Ким, якобы опровергающие интерпретацию автора, не убеждают, а более того (как это ни парадоксально) своими находками в оградках Алкаака еще раз подтверждают правомерность наших выводов и реконструкций поминальных сооружений древних тюрков.

Балбалы. Более 20 лет назад автором впервые предложен нетрадиционный взгляд на семантику пазырыкских и тюркских балбалов [Кубарев В.Д., 1979, с. 93–96; 1980а, с. 62–63; 1984, с. 66–69, рис. 16; 1997, с. 21–25]. Он не был принят многими исследователями [Сорокин С.С., 1981, с. 39; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 122; Войтов В.Е., 1996, с. 85; и др.]. Хотя другие археологи своими открытиями и новыми исследованиями фактически поддерживали нашу гипотезу, подтвердив тем самым право на ее существование [Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В., 1984, с. 24; Шульга П.И., 1989, с. 42; Ольховский В.С., 1989, с. 59; Ермоленко Л.Н., 1991, с. 168; Аджигалиев С.И., 1994, с. 138–143; Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф. и др., 1996, с. 109; Овчинникова Б.Б., 1998, с. 208; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 58; Вадецкая Э.Б., 1999, с. 16; и др.].

С.С. Сорокиным [1979, с. 115; 1981, с. 23–39], независимо от наших выводов, сначала в тезисной форме, а затем в более обоснованной статье была изложена близкая точка зрения

на семантику «внекурганных», в том числе и монументальных памятников. При этом необходимо заметить, что С.С. Сорокин, ссылаясь на малоизвестную публикацию П.П. Хороших [1972, с. 93–96] в монгольском археологическом журнале, был солидарен с ним в объяснении назначения рядов оленных камней, трактуемых ими как сэргэ – коновязные столбы. Итак, С.С. Сорокин [1979, с. 115] полагал, что оленные камни могли служить коновязями. Непонятно только, почему он считал [Сорокин С.С., 1981, с. 39, сноска 44], что такой же точки зрения (оленные камни – сэргэ) придерживался и автор данной статьи? В.Е. Войтов [1986, с. 85], не заметив этой неточности, ненамеренно отнес В.Д. Кубарева и других сибирских археологов к отряду исследователей, развивших гипотезу, предложенную П.П. Хороших и С.С. Сорокиным. Наверное, следует еще раз напомнить коллегам авторскую версию семантики оленных камней, в которых я вижу изображения «...особо почитаемых, героизированных предков» [Кубарев В.Д., 1979, с. 86], но никак не коновязные столбы. К тому же сам С.С. Сорокин [1981, с. 37] относил балбалы к объектам, не являющимися «единицами счета врагов, убитых лично погребенным. Скорее это памятники сопричастности, меты присутствия на поминальных торжествах родственников, соплеменников и даже иноплеменников»¹⁶. В следующей своей работе С.С. Сорокин [1987, с. 16] уже как бы объединяет в одну группу все «внекурганные» памятники (стелы, оленные камни, ограды, изваяния, балбалы, и др.), резюмируя, что «...эти памятники сближаются с сэргэ во всем многообразии их семантики и главное – в значении дома, домашнего очага». Тем самым в результате своих рассуждений С.С. Сорокин [1987, с. 13] ушел от конкретного определения функций неразрывных элементов единого поминального комплекса, придя к заключению, что они «имели отношение к деятельности людей, а не к погребальному или поминальному обряду». Такой вывод явно алогичен по отношению к главной задаче исследователя – реконструкции первоначального вида погребально-поминальных сооружений и связанных с ними идеологических представлений древних и средневековых кочевников Центральной Азии.

В.Е. Войтов [1996, с. 87–88, рис. 50.-1, 2, 52, 53], для обоснования и подтверждения общепринятой точки зрения о семантике рядов каменных балбалов у оградок и каганских мемориалов как символов убитых врагов, приводит в качестве доказательства антропоморфность некоторых балбалов. Но все они, несомненно, древнее (в том числе и «лицевые» изваяния) самих тюркских скульптур и вторично установлены в ряду балбалов. Да и сам В.Е. Войтов [1996, с. 86] отмечает: «Нередко в качестве антропоморфных балбалов использовались обломки оленных камней». Поэтому трудно понять, почему он, так же как и А.Д. Грач¹⁷ [1955, с. 429–430], многие из них (в том числе и стелы, напоминающие человеческую фигуру) называет «главными балбалами» [Войтов В.Е., 1996, с. 86–88]. Но уже давно доказано, что они функционально идентичны тюркским изваяниям, установленным у восточной стороны оградок [Кызласов Л.Р., 1969, с. 26; Кубарев В.Д., 1979, с. 24–27; 1979а, с. 154; Худяков Ю.С., 1985, с. 182; Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987, с. 195]¹⁸. Если следовать предложенной В.Е. Войтовым терминологии, то «главный антропоморфный балбал» (замещающий изваяние) и есть тот самый «главный враг», поставленный первым в ряду среди других балбалов – «рядовых вражеских воинов». Но это уже другая семантика, когда само изваяние, стела или оленный камень, по мнению ряда ученых, принадлежали могущественному врагу [Веселовский Н.И., 1915, с. 3–39; Грач А.Д., 1955, с. 428–431; Альбаум Л.И., 1960, с. 95–100; и др.]. Как известно, она стала главной концепцией А.Д. Грача, которую он подробно изложил в своей книге о древнетюркских изваяниях Тывы. А.Д. Грач

¹⁶ К такому же выводу пришел и автор статьи, однако, предложив считать балбалы коновязными столбами – своеобразными знаками присутствия (внимания) определенных людей (родственников, соплеменников и гостей) на поминальном пиршестве [Кубарев В.Д., 1984, с. 69].

¹⁷ В сводной монографии о тюркских изваяниях Тывы А.Д. Грач [1961, с. 54–55] уже изменил свой взгляд, полагая, «...что главные стелы... – это синонимы изваяний».

¹⁸ Л.Р. Кызласов, Ю.А. Плотников, Ю.С. Худяков и В.А. Могильников называют их «главными плитами».

последовательно и упорно отстаивал свою точку зрения, но научный спор закончился не в его пользу. Две рецензии на книгу А.Д. Грача, подвели черту под дискуссией о назначении тюрокских изваяний и балбалов, продолжавшейся более 100 лет [см.: Кызласов Л.Р., 1964, с. 349–354; Шер Я.А., 1964, с. 355–357]. Уже в то время Я.А. Шер [1964, с. 356] писал, что отрывки из китайских хроник, «...описывающие погребальный обряд у тюрок, смущали многих археологов, изучавших каменные изваяния. Не следует забывать, что все фрагменты текстов, где речь идет о балбалах, имеют до и после себя значительные лакуны, которые либо затрудняют смысловую реконструкцию текста, либо делают ее невозможной». Наше неприятие письменных источников, поясняющих назначение балбалов, и новая их интерпретация вызвали резкие возражения В.Е. Войтова [1996, с. 85], который уверен в том, что археологическими данными нашу гипотезу подтвердить нельзя. Не считая необходимым полемизировать по этому поводу с автором, он не замечает других странных, на наш взгляд, объяснений древними китайцами назначения балбалов, находя перспективным направлением дальнейшую научную разработку еще одного их применения – в качестве подставки для «размещения остатков жертвенных животных» [Войтов В.Е., 1996, с. 85; см.: также, Сорокин С.С., 1981, с. 37]. Если понимать такое прочтение текста китайских летописей, в буквальном смысле, то на веши – балбалы, символизирующие убитых врагов, точнее на их головы, оказывается, еще ставились или вешались черепа лошадей и овец, принесенных в жертву умершему тюрку (?! – В.К.). Некритичное следование китайским хроникам рождает и такие любопытные пассажи: «...черепа животных развешивались на балбалах»¹⁹ [Худяков Ю.С., 1985, с. 180]. С.И. Аджигалиев [1994, с. 140] также не исключает возможности проведения у балбалов различных жертвенных обрядов. Но археологические раскопки рядов балбалов, проведенные А.В. Адриановым, М.П. Грязновым, Л.Р. Кызласовым, П.И. Шульгой, В.И. Соеновым, А.В. Эбелем, Ю.Т. Мамадаковым и В.Д. Кубаревым, оказались в этом плане безрезультатными.

Л.Н. Гумилев [1993, с. 261] при обследовании алтайских балбалов отметил две различные «...формы: островерхую и плоскую... тут оттенен важный этнографический признак – головной убор. Степняки и сейчас носят островерхий малахай, а алтайцы – плоскую круглую шапочку... когда тюркюты в VII в. пришли на Алтай, то их врагами были, с одной стороны, аборигены-алтайцы, а с другой степные племена, предки казахов. Очевидно, тюркюты в VII–IX вв. вели борьбу на оба фронта, что и отразилось в изображении балбалов. Если это справедливо, то мы можем отметить, что борьба со степью была более удачной, так как из 486 балбалов, изученных нами, 329 остроголовы, а 157 плоскоголовы». Вывод Л.Н. Гумилева, конечно, субъективен и вызван желанием ученого видеть в балбале фигуру человека. Но такое объяснение весьма импонирует и В.Е. Войтову, который (как мы уже выше писали) также различает в монгольских балбалах антропоморфные черты. Наши наблюдения на Алтае и в Монголии, где осмотрены сотни балбалов, показали, что большинство их действительно подбирались по форме и высоте: небольшие (высотой не более 0,5 м) необработанные камни, как правило, были четырехгранными или прямоугольными в сечении. Верхняя часть балбалов имеют самую разнообразную форму, что никак не согласуется с разной формой головных уборов. Если не было подходящих блоков, использовали удлиненные рваные камни и даже валуны.

Логично представить, что у изваяний, на которых показано оружие (палаш, сабля или кинжал), должны стоять «балбалы – враги», убитые умершим. Но это не так. Например, на известном аютинском комплексе в Кош-Агачском районе Алтая, где найдены две фигуры знатных тюрокских воинов, балбалы (46 камней) имеются только у южного изваяния, у се-

¹⁹ Эту нелепость заметил и П.М. Леус [2000, с. 208]: «Трудно представить, как можно развесить черепа животных на невысоких каменных балбалах... во-первых, это неудобно, во-вторых, их будет не видно издалека, а, в-третьих, как же быть, если балбалов нет, – ведь многие каменные оградки не имеют их».

верного нет ни одного камня. В настоящее время в Российском Алтае автору известно 286 изваяний. Если от этой цифры отнять смещенные с первоначальных мест установки, вывезенные в музеи и утраченные изваяния (104 экз.), то из оставшихся *in situ* 182 памятников, только 58 каменных фигур имеют ряды балбалов. В их числе 15 изваяний тюрков показаны с оружием, 43 – без него. Любопытно также, почему еще 20 каменных изображений воинов с оружием, стоящих с восточной стороны алтайских оградок, вообще не имели балбалов? Несложные расчеты показывают, что балбалы чаще всего устанавливались у изваяний, изображающих невооруженных тюрков. Но еще гораздо большее число балбалов находится рядом с необработанными стелами, заменяющими изваяния. Приведенные данные косвенным путем еще раз позволяют усомниться в трактовке балбалов как символов убитых врагов и укрепляют авторскую версию назначения и использования их в качестве «вечных» коновязей²⁰. В число новых фактов, подтверждающих нашу гипотезу, может быть следует включить находку балбала со сквозным отверстием в верхней части камня, который до сих пор стоит в ряду подобных каменных коновязей на могильнике Джолин-I в долине р. Юстыд. Несомненно, камень (с отверстием естественного происхождения) был специально подобран и послужил вполне утилитарным целям – для привязывания повода (чумбура) лошади²¹ во время проведения поминального обряда. Автором также обследованы каменные коновязи, которые чаще всего находятся с южной стороны зимних жилищ монгольских казахов [Кубарев В.Д., 1997, с. 24; Кубарев В.Д., Ли Хон Джон, 1999, с. 76]. Еще в глубокой древности удачно выбранные в горах места для зимников, наскальные изображения вокруг них (датируемые от эпохи бронзы до позднего средневековья), случайные находки из камня, бронзы и железа дают право утверждать, что первые каменные коновязи появились уже в III–II тысячелетии до н.э. Деревянные жилища строились и со временем разрушались, а вечные каменные сэргэ послужили многим поколениям кочевников, продолжая эксплуатироваться и в наши дни по прямому своему назначению – привязыванию лошади.

Семантика. Как известно, большинство ученых-тюркологов на основании письменных, этнографических и, что более важно, археологических источников давно пришли к выводу о поминальном характере рассматриваемых памятников. Предположение других исследователей о назначении древнетюркских оградок для захоронений по обряду трупосожжения не выдерживает критики. И не только потому, что оно фактически не подкреплено результатами раскопок, но и слабой аргументацией авторов. Наряду с Л.П. Потаповым [1953, с. 18–19] и Л.Н. Гумилевым [1959, с. 112] сторонником и прямым последователем этой концепции является А.С. Суразаков. Раскопав ряд древнетюркских оградок с немногочисленными находками, он делает заключение: «В центре каменной оградки... обнаружена неглубокая ямка для деревянного столба, к которому, возможно, привязывали остатки трупосожжений. Скорее всего, это одна из разновидностей воздушных погребений древнетюркской эпохи» [Суразаков А.С., 1985, с. 203]. Приведем аргументы из другой работы этого же автора: «В одной из айрыдашинских оградок в верхней части были найдены бронзовый наконечник ремня и калыцинированные кости (к сожалению, мелкие неопределимые фрагменты), т.е. в данном случае мы имеем вертикальный столб, к которому ремнем, по-видимому, в мешочке, были привязаны остатки сожжения» [Суразаков А.С., 1983, с. 165]. И еще одна цитата из публикации А.С. Суразакова [1987, с. 41] в доказательство уже не предположения,

²⁰ Развернутую аргументацию о балбалах-коновязях [см.: Кубарев В.Д., 1979, с. 93–96; 1980а, с. 62–65; 1984, с. 66–69; 1997, с. 21–25; Кубарев В.Д., Ли Хон Джон, 1999, с. 74–83].

²¹ Автору удалось моделировать предполагаемое расположение лошадей у балбалов во время проведения все-народного праздника «дня чабана», проводившегося на древнем могильном поле урочища Джолин (Кош-Агачский район Республики Алтай). Около десятка лошадей, привязанных к цепочке древних балбалов, были зафиксированы на слайды, которые затем демонстрировались на региональных конференциях. Подобная идея возникла в результате устной дискуссии автора с Л.Р. Кызласовым и И.Л. Кызласовым, которые утверждали, что лошади не могут разместиться у балбалов, из-за их малой высоты и небольшого расстояния между камнями.

а гипотезы: «Если принять выдвинутую ранее автором гипотезу о древнетюркских оградках как о погребениях по обряду трупосожжения с привязыванием кремированных остатков к столбу-мировому дереву, то следует заключить, что мир усопших у древнетюркских племен помещался на небосводе». И, наконец, в одной из своих последних статей А.С. Суразаков [1993, с. 51] предложил новое, теперь уже компромиссное решение, допуская, что «...можно объединить две крайние точки зрения и определить древнетюркские оградки как памятники погребально-поминального назначения. К вертикальным деревянным столбам в них, скорее всего, и привязывались мешочки с остатками погребальных костров, которые, упав со временем поверх каменных насыпей, естественно, до нас не дошли. Здесь же совершались действия и поминального цикла».

Другой исследователь В.А. Могильников [1981, с. 31], критикуя особое мнение Л.Н. Гумилева по поводу остатков кремированного праха в оградках, отметил, что оно не подтверждается археологическими материалами. Но затем уже в следующей публикации он все же не исключает возможности «...использования какой-то небольшой части оградок для погребений...», в конце концов констатируя, что «по своему назначению они остаются в большей мере загадкой для науки» [Могильников В.А., 1992, с. 193]. Да, в настоящее время уже нельзя однозначно утверждать, что все древнетюркские оградки служили местами поминания, копируя мемориальные храмы или моделируя символические жилища древних тюрков. Но о какой характеристике древнетюркского поминального обряда и хронологии оградок вообще можно говорить, если, кроме основных конструктивных элементов сооружений, которые к тому же часто индивидуальны и зависели от наличия поблизости исходного материала, в них отсутствуют какие-либо находки. Какой осязаемый вклад в историческую науку может принести, например, такой вывод отдельных ученых о назначении тюркских оградок. Они, оказывается, «...служили главным образом для ограждения места поминального подношения умершему: здесь сжигалась мясная пища, а пепел и обгорелые кости помещались в ямку в центре оградки или рассыпались на поверхности, черепа животных развешивались на балбалах» [Худяков Ю.С., 1985, с. 180].

Вместе с тем обычная древнетюркская оградка, при всей ограниченности археологических данных, является универсальным историческим объектом. Конструктивное разнообразие оградок (большие или малые, из разного числа плит или даже из валунов и рваных диких камней, отсутствие или наличие корневищ от деревьев, деревянных столбов, установка стел в центре или по углам оградки, изваяний с восточной стороны или замещение его стелой, ряд балбалов, ориентированных на восток или отсутствие такового, дополнительные оградки, каменные ящички и каменные кольца вокруг оградок и балбалов, плитовые настилы, следы огня в виде кострищ и сгоревших частей деревянных конструкций, а также находки: зернотерки, керамическая и металлическая посуда, железные ножи, предметы конского снаряжения и вооружения, кости жертвенных животных или их отсутствие) предполагает и вариационный ряд культов (неба, земли, гор, предков, храброго воина, родовых деревьев и священных животных), а также связанного с ними широкого спектра ритуальных действий. Иначе говоря, учитывая конструктивное разнообразие алтайских оградок, следует предположить, что в некоторых из них (прямо не соотносимых с погребальными памятниками, изваяниями и балбалами) могли совершаться жертвоприношения и верховным божествам древнетюркского пантеона. В рунических текстах орхонских и енисейских памятников они названы: Тенгри (Небо) – божество верхнего мира; Умай (Мать) – богиня плодородия и покровительница деторождения; Иер-Суб (Земля-Вода) – дуалистическое (наша версия. – В.К.) божество среднего мира, покровитель всего живого на земле; Эркилг – бог смерти и владыка подземного мира [Кляшторный С.Г., 1992, с. 536–537; Войтов В.Е., 1996, с. 72].

Иноземные наблюдатели отмечали у восточных тюрков обычай ежегодных (весенних) жертвоприношений лошадей и овец верховному божеству Тенгри [Pelliot, 1929, p. 214–216].

Махмуд Кашгарский упоминает о неверных тюрках, которые высокие горы и большие деревья называют «тенгри» [Mahmud, 1939–1941, III, 418]. На высокой горе проводили моления «духу Неба восточно-тюркские каганы и народ» [Pelliot, 1929, p. 213]. Почти все алтайские оградки устроены на высоких и живописных террасах, вблизи от воды и у подножия, священных в древности, гор. Большие скопления поминальных оградок на ограниченной территории, часто не связанных с погребениями тюрков, наблюдаются во многих регионах Центральной Азии. К примеру, на Алтае, в долине р. Барбургазы, обнаружено и исследовано только пять древнетюркских погребений и восемь изваяний, а число оградок составляет более 80. В соседней долине р. Юстыд открыто и раскопано восемь курганов древних тюрков, найдено девять изваяний, но количество оградок (около 150) в несколько раз превышает упомянутые памятники. Изолированные и труднодоступные святилища древних тюрков, в которых имеются только оградки, стелы, изваяния и балбалы, известны во многих других местах Алтая [Гумилев Л.Н., 1959, с. 113; Сорокин С.С., 1977, с. 57; Кубарев В.Д., 1984, с. 16; Суразаков А.С., 1983, с. 164]²². В Монголии, в приустьевой части р. Могой (Монгольский Алтай) нашими исследованиями 1998 г. открыто 6 тюркских изваяний и более 100 поминальных оградок. Излюбленные урочища, где тюрки совершали многократные жертвоприношения, есть и в Тыве [Кызласов Л.Р., 1969, с. 23]. Столь большое число тюркских оградок по отношению к другим археологическим памятникам можно попытаться объяснить: 1) длительностью традиции их сооружения (V–X вв.); 2) сезонной периодичностью (жертвоприношения весной и летом) обрядов различным божествам и обожествленным предкам; 3) погребениями с трупосожжениями. Два первых предположения, наверное, соответствуют истине, третье не подтверждается археологическими данными.

Таким образом, в отдельных оградках (без дополнительных сооружений?), возможно, как уже говорилось, совершались **жертвоприношения домашних животных древнетюркским божествам**. К их числу может быть следует отнести целые или обезглавленные, а также расчлененные костяки лошадей, найденные в некоторых оградках Алтая, Тывы и Кыргызстана. Одни ученые считают такие памятники вторично приспособленными для древнетюркских кенотафов VII–X вв. [Уманский А.П., 1964, с. 32; Кызласов Л.Р., 1969, с. 32; Овчинникова Б.Б., 1973, с. 231; Могильников В.А., 1981, с. 35; 1992, с. 135; Кызласов И.Л., 1994, с. 51, 76, сноска 38; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 224], другие – жертвоприношением в ритуальных целях [Табалдиев К.Ш., Солтобоев О., 1992, с. 135; Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 60; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 104; и др.]. К мнению последних исследователей присоединяется и автор данной публикации.

Конечно, в погребальной обрядности древних тюрков существовала традиция впускных погребений и кенотафов в насыпях более древних курганов, но вряд ли несколько редких случаев захоронения лошадей в оградках позволяют даже предполагать, «...что часть оградок служила не только поминальными сооружениями, но и местами погребения» [Могильников В.А., 1992, с. 35]. Да и кенотафы ли это? В оградке из Кара-Кобы-I, содержащей захоронение лошади, была найдена листовенничная колода. Небольшие размеры (60x24 см) и расположение у северной стенки оградки не позволяют, на наш взгляд, рассматривать ее в качестве таковой. Возможна и другая интерпретация: это было большое блюдо продолговатой формы, подобное деревянному «корытцу» с железными ножами и костями животных, найденными В.В. Радловым в одной из тюркских оградок в долине р. Тобожок [Захаров А.А., 1926, с. 74]. Аналогичное по форме блюдо с костями овцы обнаружено нами у северной стенки оградки из урочища Малталу [Кубарев В.Д., 1984, с. 168]. Остатки деревянного блюда и железный нож лежали в оградке, раскопанной в могильнике Коо-I [Васютин А.С., 1985, с. 170]. Непонятно также, почему для «кенотафного захоронения» в карако-

²² Всего на Алтае нами выявлено около 40 крупных заповедных святилищ древних тюрков, в которых имеются сотни оградок, а сами изваяния группируются от 2 до 17 в одном комплексе.

бинском сооружении не была использована вся площадь оградки, а лошадь и блюдо были буквально втиснуты между центральной стелой и плитами северной стенки оградки [Могильников В.А., 1992, с. 204, рис. 13].

Для отнесения центрального сооружения в алтайской огаде Ян-Гобо [Кубарев В.Д., 1984, с. 53–55, табл. XXXIX] к кенотафам [Кызласов И.Л., 1994а, с. 76, сноска 37] пока не приведено никаких доказательств. Совершенно необоснованной следует считать и реплику И.Л. Кызласова [1994а, с. 51, с. 76, сноска 38] об использовании одной из юстыдских оградок под впускное, древнехакасское (кыргызское. – В.К.) погребение. Металлические предметы от узды и седла из этой оградки, действительно несут на себе следы воздействия огнем [Кубарев В.Д., 1984, с. 56], но это еще не значит, что в ней фиксируется погребальный обряд с трупосожжением. Полное отсутствие каких-либо костных останков человека или даже мелких кальцинированных косточек (часто встречаемых в алтайских оградках) исключает ничем не аргументированную версию И.Л. Кызласова о погребении в юстыдской оградке. То же самое он предполагает и для жертвенного заклада металлических предметов (VI–IX вв.) у стелы раннескифского времени (?) в долине р. Талдуры (Российский Алтай) [Кызласов И.Л., 1994а, с. 51, с. 76, сноска 38]. Один из исследователей этого памятника с некоторыми оговорками относит его к уландрыкскому типу поминальных оградок Алтая [Могильников В.А., 1992, с. 188]. Однако в своей первой публикации авторы, указывая ориентацию стелы, сравнивали ее с ориентацией оленных камней, установленных внутри небольших оградок, датируемых ранним железным веком [Могильников В.А., Елин В.Н., 1993, с. 138–139, рис. 12].

Если следовать выводам упомянутых ученых, считающих находки в описанных оградках сопроводительным инвентарем погребений или кенотафов, то как объяснить назначение теперь уже многочисленных предметов, найденных в десятках других оградок, исследованных в долинах рек Катунь, Чуи, Юстыд, Барбургазы; в урочищах Айрыдаш, Кок-Паш, Кудыргэ, Булан-Кобы, Усть-Карасу, Кор-Кечу, Боротал, Большой Курманак, Нижняя Соору и т.д. Многие археологи, в их числе и автор, убедительно доказали назначение этих предметов в качестве пожертвований, попавших в оградки при проведении поминального ритуала. Тем более, что типичные древнетюркские кенотафы хорошо изучены в Саяно-Алтае [Грач А.Д., 1960а, с. 129–144; Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Савинов Д.Г., 1987, с. 80–89; 1994, с. 51; Васютин А.С., 1984, с. 194; Кубарев Г.В., 1994, с. 82–86; Бородовский А.П., 1994, с. 75–82; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117; и др.]. Они практически ничем не отличаются от реальных погребений. В них, кроме отсутствия самого умершего, соблюдены те же нормы древнетюркской погребальной практики и даже наблюдаются те же признаки социальной дифференциации, характерные для отдельных погребений знатных тюрок Алтая [Киселев С.В., 1951, с. 535–544; Кубарев В.Д., 1985, с. 146–147]. Традиция сооружения кенотафов на Алтае, зародившись в пазырыкскую эпоху, не прерывалась здесь до этнографического времени [Кубарев В.Д., 1987, с. 30; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 88; Кубарев Г.В., 1994, с. 83; Тощакова Е.М., 1978, с. 135]. Всегда это были сооружения, внешне и по структуре ничем не отличавшиеся от курганов над настоящими погребениями [Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 26], и, на наш взгляд, не было никакой необходимости устраивать кенотафные захоронения в ограниченных по площади (да еще со стелой в центре) тюркских оградках²³.

²³ Впускные погребения в тюркские оградки Алтая, по нашим данным, совершались гораздо позже, в этнографический период, когда было окончательно забыто назначение памятников. Захоронения теленгитов с многочисленными предметами исследованы автором в насыпи самой большой огады на Алтае, на холме Ян-Гобо. В одной из малых оградок, из этой же местности, найдены остатки погребения ребенка в колыбели этнографического времени. А.С. Суразаков [1993, с. 50–51] в одной из оградок могильника Котыр-Тас нашел металлическое стремя XIX-начала XX в., которое, может быть, осталось от разрушенного впускного погребения или было пожертвовано в качестве подношения «духам предков».

Вместе с тем существует особое мнение о том, что «...дифференцирующие признаки, разделяющие отдельные захоронения лошадей и кенотафы, до настоящего времени не разработаны» [Савинов Д.Г., 1994, с. 151]. Тем не менее С.П. Нестеровым [1990, с. 71] уже было предложено по известным археологическим данным три варианта захоронений лошадей: 1) лошадь с человеком; 2) лошадь с вещами человека – кенотаф; 3) лошадь взнузданная и оседланная. Последний вариант автор связывает с преждевременной гибелью боевых коней или невозможностью по каким-то причинам захоронения лошади с человеком. К перечисленным С.П. Нестеровым случаям таких специфичных захоронений нужно добавить еще более десяти подобных захоронений, исследованных в последние годы [Васютин А.С., 1984, с. 195; Илюшин А.М., 1992, с. 122; Могильников В.А., 1994, с. 94–116; Савинов Д.Г., 1994, с. 151]. В этой группе представляется возможным выделить пока еще немногочисленные ритуальные захоронения лошадей **без предметов**, под отдельной насыпью. Для них (четвертый вариант, если следовать за С.П. Нестеровым) характерной особенностью является отсутствие черепов лошадей²⁴. Вероятно, это тоже были жертвоприношения, но посвященные уже не человеку, а древнетюркским верховным божествам?

Несколько обособленно выглядит раскопанный нами ритуальный курган в могильнике Балык-Сок-1 в устье р. Куроты. Этот памятник, возможно, вобрал в себя основные черты разнообразных погребально-поминальных сооружений средневекового населения Саяно-Алтая. Каменная округлая насыпь (курганы), ряд балбалов, стоявших с западной стороны (оградки), железный котел в неглубокой яме по центру («поминальные курганы»), над ним жертва – захоронение взнузданного жеребенка с предметами человека: наконечник копья, костяные детали стека-рукояти плети (кенотафы). Появление таких синтезированных объектов, может быть, свидетельствует об их полифункциональном назначении и об эволюции шаманистских представлений древних тюрков Алтая.

Универсальность мировоззренческих концепций и многообразие культов тюркского населения Центральной Азии отражены в большой вариативности конструкций «поминальных» сооружений, изучение которых необходимо продолжить в большем объеме. От дальнейшего проведения археологических раскопок мемориальных комплексов, интенсивно разрушающихся в наше время, во многом зависит решение проблем, связанных с их генезисом, хронологией и реконструкцией идеологических представлений древних тюрков.

Таковы вкратце итоги исследования, достижения и открытия в одной из интереснейших областей древнетюркской культуры – монументальном искусстве древних народов Центральной Азии.

Библиографический список

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая // Известия Императорской Археологической комиссии. Петроград, 1916. Вып. 62. 94 с.

Адамов А.А. Тюркские поминальные сооружения лесостепного Обь-Иртышья // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 4–8.

Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994. 260 с.

Азбелев П.П. Конструкции оград минусинских чаатасов как источник по истории енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 5–23.

²⁴ Черепа лошадей также отсутствовали в некоторых синхронных кенотафах и погребениях Алтая [Гаврилова А.А., 1965, с. 67; Кубарев В.Д., 1985, с. 141; Кубарев Г.В., 1994, с. 83], что, очевидно, связано с завершающим этапом погребально-поминальной обрядности – ритуалом, происходившим рядом с курганами или в древнетюркских поминальных оградках.

Азбелев П.П. Хронология нетипичных памятников Саяно-Алтая эпохи раннего средневековья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 160–162.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. 200 с.

Альбаум Л.И. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов» // КСИИМК. М.; Л., 1960. Вып. 80. С. 95–100.

Анисимов А.Ф. Шаманский чум и проблема происхождения шаманского обряда // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1952. С. 198–238.

Байбосынов К. Каменные изваяния Жамбульской области. Алматы, 1996.

Бабенков К.Н. Жертвенно-поминальный комплекс «Аксак». Возможные варианты реконструкции // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 245–250.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Поминальные памятники древних тюрков на Среднем Енисее. По материалам экспедиций XVIII–XIX веков // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 51–63.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Вопросы происхождения, семантики, функционирования и эволюции поминальных комплексов древних тюрков Центральной Азии // Святые места: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 221–224.

Боталов С.Г. Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 369–374.

Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996а. С. 210–244.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 438 с.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998. №3. С. 60–72.

Васютин А.С. Разведка в бассейне Кокоря // АО 1979 года. М., 1980. С. 195.

Васютин А.С. Поиски ритуальных сооружений на Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С. 171.

Васютин А.С. Исследование древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 года. М., 1982. С. 192.

Васютин А.С. Новые находки из древнетюркских оградок Горного Алтая // АО 1982 года. М., 1983. С. 193.

Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983а. 16 с.

Васютин А.С. К истории исследования ритуальных памятников в Горном Алтае // Археология Южной Сибири. Кемерово. 1983б. С. 113–117.

Васютин А.С. Раскопки древнетюркских памятников в Горном Алтае // АО 1983 года. М., 1984. С. 194–195.

Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 73–79.

Васютин А.С. Могильный Кудыргэ и кудыргинская культура (в защиту памятника) // Охрана и изучения культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV. Ч. II. С. 210–214.

Васютин А.С., Елин В.Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 118–122.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Исследования в Восточном Алтае // АО 1984 года. М., 1985. С. 170.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Археологические исследования в Восточном Алтае // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 99–101.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. 1987. С. 107–114.

Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. 6. С. 220–238.

- Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // 300ИД. Одесса, 1915. Вып. XXXII. С. 3–39.
- Волков В.В. Монгольская экспедиция // АО 1980 года. М., 1981. С. 486–487.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981а. 253 с.
- Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 114–136.
- Войтов В.Е. Древнетюркские памятники на Хануе // СА. 1986. №4. С. 74–89.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VII вв. М., 1996. 152 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
- Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск, 1989. 320 с.
- Герасимов А.Н. Раскопки 1989 года в урочище Кызыл-Тей // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 52–53.
- Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. Вып. VII. С. 109–114.
- Грач А.Д. Каменные изваяния Западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // МАЭ. М. 1955. Т. XVI. С. 401–431.
- Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 7–72.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1960а. Т. 1. С. 73–150.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 94 с.
- Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.
- Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV. С. 98–99.
- Григорьев Ф.П., Загородний А.С. Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 176–181.
- Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // СА. 1959. №1. С. 105–114.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. 526 с.
- Данченко Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П. Археологические исследования в Хандыгайтинской котловине // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 90–115.
- Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 164 с.
- Длужневская Т.В. Исследование погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // АО 1978 года. М., 1979. С. 221.
- Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г.) // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. I. С. 71–106.
- Е Лун ли. История государства киданей // Памятники письменности Востока. М., 1979. Т. 35. 600 с.
- Ермоленко Л.Н. К вопросу о канонической позе изваяний с сосудом в одной руке // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 186–188.
- Ермоленко Л.Н. О реалиях древнетюркских изваяний // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 179–181.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные антропоморфные изваяния казахских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1991. 15 с.
- Ермоленко Л.Н. Древнетюркская оградка, изваяние, балбалы как культовый комплекс // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991а. Вып. II. С. 166–168.
- Ермоленко Л.Н. Описание похорон у тукю в китайских хрониках и обычай установки изваяний // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 39–42.

Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 157–165.

Ермоленко Л.Н. К вопросу о картине мира древних тюрков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 186–198.

Ермоленко Л.Н. К проблеме изваяний в «трехрогих» головных уборах // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1995а. Вып. 1. С. 54–55.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркские изваяния с птицей из Восточного Казахстана // Археология этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 86–91.

Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 137–161.

Ермоленко Л.Н., Кадырбаев М.К. Древнетюркские изваяния с верховьев реки Атасу // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 35–41.

Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // МАЭ. М.; Л., 1955. Т. XIX. С. 165–264.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Древо жизни // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 396–397.

Илюшин А.М. Периодизация и хронология древнетюркских поминальных оградок Горного Алтая VII–X вв. // Материалы XXI Всесоюзной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1983. С. 12–18.

Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке // АО 1985 года. М., 1987. С. 241–242.

Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке, посвященные памяти С.И. Руденко // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 23–35.

Илюшин А.М. Новые материалы к проблеме соотношения памятников предтюркского и раннетюркского времени Восточного Алтая // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 212–227.

Илюшин А.М. Планиграфия могильника Пазырык // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск. 1992а. Вып. III. С. 67–68.

Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 1. С. 122–125.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997. С. 93–103.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 638 с.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Хронология памятников I тыс. н.э. в устье р. Тыткескень // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 178–180.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с: илл.

Кляшторный С.Г. Древних (орхонских) тюрков мифология // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 536–537.

Кляшторный С.Г., Лившиц А.М. Согдийская надпись из Бугута // СНВ. М., 1971. Т. X. С. 121–146.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. 165 с.

Коновалов А.В. Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 112–122.

Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 138–156.

Костюков В.П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Тез. докл. Самара, 1998. С. 35–37.

Костюков В.П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 311–320.

- Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Новосибирск, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–161.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 69–91
- Кубарев В.Д. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. Новосибирск, 1980а. С. 58–70.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 136–148.
- Кубарев В.Д. Работы Восточноалтайского отряда // АО 1984 года. М., 1986. С. 182–183.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988а. С. 107–145.
- Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 25–36.
- Кубарев В.Д. Изваяние с р. Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 158–162.
- Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 136–139.
- Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая: Краткий каталог. Горно-Алтайск, 1997. 184 с.
- Кубарев В.Д. «Мифические» чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 104–108.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 206–222.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Якобсон Е., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaika. Новосибирск, 1993. №2. С. 63–68.
- Кубарев В.Д., Якобсон Е., Цэвээндорж Д. По миграционным путям высокогорного Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 136–140.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Исследования в Монголии // АО 1994 года. М., 1995. С. 324–325.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 258–265.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Алтая // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск, 1995. С. 149–163.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. №1. С. 48–56.
- Кубарев В.Д., Ли Хон Джон. Поминальные памятники Алтая. Сеул, 1999. 120 с. (на корейск. яз.)
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Исследования в Юго-Восточном Алтае // Обзорные 1993 года. Новосибирск, 1995. С. 108–111.
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Раскопки на р. Талдуайр // АО 1994 года. М., 1995а. С. 281.
- Кубарев Г.В. Новые данные по древним тюркам Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 60–61.
- Кубарев Г.В. Древнетюркское погребение с р. Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. Вып. III. С. 91–92.
- Кубарев Г.В. Древнетюркский кенотаф из Бике-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 82–86.

- Кубарев Г.В. О памятниках типа минусинских чаатасов на Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 171–175.
- Кубарев Г.В. О древнетюркском компоненте в этногенезе южных алтайцев // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995а. Т. 2. С. 20–23.
- Кубарев Г.В. Новый серебряный сосуд из Талдуайра // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск, 1995б. С. 164–182.
- Кубарев Г.В. Китайское зеркало с Юстыда // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат. конф. Барнаул, 1995в. Вып. V. Ч. 1. С. 126–130.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 18 с.
- Кубарев Г.В., Журавлева А.Д. Древнетюркская керамика Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998. №3. С. 25–31.
- Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 169–173.
- Кызласов Л.Р. Рец.: «А.Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы» // СА. 1964. №1. С. 349–355.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
- Кызласов Л.Р. О шаманизме древнейших тюрков // СА. 1990. №3. С. 261–264.
- Кызласов И.Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 108–140.
- Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 81–94.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994а. 327 с.
- Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (факты вторичного использования древнетюркских оградок VI–VIII вв. в раннем средневековье) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998. С. 145–165.
- Кыпчакова Л.В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 141–148.
- Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 56–78.
- Леус П.М. К вопросу о «княжеских могилах» древнетюркского времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 206–209.
- Лоранс Каммарат, Вим Ван Хюле, Иньяс Буржуа, Яри Хинш Миккелсен. Два сезона комплексных бельгийско-российских исследований в долине Себистея (Кош-Агачский район, Горный Алтай). Предварительные результаты // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 229–239.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 225 с.
- Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Исследования в Горном Алтае // АО 1978 года. М., 1979. С. 248.
- Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 80–87.
- Марсадолов Л.С. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 году // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991. С. 49–59.
- Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева Ж.К., Курманкулов Ж.К., Жетибаев М.И. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 году // Отчетная археологическая сессия за 1997 год. СПб., 1998. С. 7–11.
- Мамадаков Ю.Т. Раскопки памятников Горного Алтая // АО 1983 года. М., 1985. С. 223–224.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 58–63.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 396–404.

- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 28–43.
- Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.
- Могильников В.А. К проблеме происхождения древних тюрков Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 142–145.
- Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 51–56.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.
- Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Ученые записки КИРЦДСВ. М., 1989. С. 136–176.
- Новгородова Э., Печерский А. Раннесредневековые скульптуры кыпчаков // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1986. С. 22–40.
- Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 143 с.
- Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 156–177.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуни // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 167–170.
- Ольховский В.С. Оленные камни (к семантике образа) // СА. 1989. №1. С. 48–62.
- Овчинникова Б.Б. Исследование тюркских памятников на могильнике Аймырлыг // АО 1972 года. М., 1973. С. 231.
- Овчинникова Б.Б. Оградки в традиции народов Саяно-Алтая // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 206–208.
- Овчинникова Б.Б. Семантика древнетюркских оградок в Саяно-Алтае // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 206–210.
- Овчинникова Б.Б., Федорова С.С. Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтайского нагорья // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. С. 81–83.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. II. 90 с.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.
- Потапов Л.П. Алтайские телесы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 53–71.
- Потапов Л.П. Мифологии саяно-алтайских тюркоязычных народов // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 538–540.
- Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Древнетюркские каменные изваяния в долине р. Торгалыг // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 188–197.
- Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. М., 1974. Вып. Е4-2. 200 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиция и современность. Л., 1983. Вып. II. С. 155–163.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 80–89.
- Савинов Д.Г. Начальный этап развития древнетюркских каменных изваяний // Тез. докл. конф., посвященной памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992. С. 41–43.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 209 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994а. С. 146–152.
- Савинов Д.Г. «Идея» ряда в древнейших и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997. С. 126–128.

Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из древнетюркских памятников Горного Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 150–156.

Сорокин С.С. Семантика сэргэ (коновязей) и некоторых других памятников кочевого населения лесостепной Азии (к проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири. Омск, 1979. С. 112–116.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганых памятников // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23–39.

Сорокин С.С. О семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников Азии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 7–17.

Соенов В.И., Соенов М.И. Исследования средневековых поминальных и ритуальных сооружений в Горном Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 71–72.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Археология и этнография. Новосибирск, 1996. №3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Сокон-I // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997. С. 103–115.

Соловьев В.С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА. 1985. №2 С. 246–248.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуні // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 123–133.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана // ССТМЯ. М., 1997. С. 149–189.

Суразаков А.С. Исследования у с. Куяс в Горном Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С. 214.

Суразаков А.С. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском ГАНИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 163–166.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш в Горном Алтае // АО 1984 года. М., 1985. С. 203.

Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии Северной Азии. Кемерово, 1987. С. 39–41.

Суразаков А.С. Ирбисту-I // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 22–59.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990. С. 197–200.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990а. С. 56–96.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 92–97.

Суразаков А.С. Исследования в местности Котыр-Тас // Алтаика. Новосибирск, 1993. №2. С. 50–51.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993а. С. 25–45.

Суразаков А.С. О реконструкции мировоззренческих систем древнего населения Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 7–10.

Табалдиев К.Ш., Солтобоев О. Новые сведения о тюркских памятниках Центрального Тянь-Шаня // Этническая история народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 101–106.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрков Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 55–81.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине Средней Катуні // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. Вып. II. С. 151–153.

Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 113–128.

Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. 160 с.

Троицкая Т.Н. Новый тип «поминальных» памятников в Западной Сибири // СА. 1990. №2. С. 256–258.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997. С. 24–28.

Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1964. Вып. 6. С. 35–52.

Федорова С.С. Поминальные оградки древней Тувы // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. С. 45–46.

Хороших П.П. Оленные камни Монголии и Бурятии // Монголын эртний туух соелын зарим судлал. СА. Улаанбаатар, 1972. Т. V. С. 93–96.

Худяков Ю.С. древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю.С. К вопросу о формировании поминальной обрядности средневековых кыпчаков в степях Евразии // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 149–152.

Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: Учеб. пособие. Новосибирск, 1998. 119 с.

Худяков Ю.С. Материалы древнетюркской культуры из музеев Восточного Туркестана // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998а. Т. 1. С. 592–599.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченко Г.П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл-Самагалтай-Хандыгайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 54–89.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Увсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990. С. 111–115.

Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на Средней Катуні // Алтаика. Новосибирск, 1993. №3. С. 17–20.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 23–54.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю. Древнетюркский поминальник Биченг в долине реки Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. С. 417–423.

Чанчибаева Л.О. современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 90–103.

Чариков А.А. Некоторые статуи Казахстана и Омского Прииртышья // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 31–39.

Чариков А.А. Группа стеловидных статуй из Семиречья и Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 41–52.

Чевалков Л.М. Разведка в долине р. Большой Ильгумень // АО 1985 года. М., 1986. С. 290–291.

Черемисин Д.В. Исследования археологических памятников в бассейне Аргута и Джазатора // Обзор 1993 года. Новосибирск, 1995. С. 101–105.

Юматов К.В. Отражение индоевропейской эпической формулы «неувядающей славы» в каменных изваяниях степей Евразии // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 211–214.

Юматов К.В. Таштыкские погребальные маски и проблема происхождения древнетюркских изваяний // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 92–94.

Шер Я.А. Рец.: «А.Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы». М., 1961. 94 с. // СА. 1964. №1. С. 355–357.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 571 с.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Кемерово, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Granz J.G. Von meiner reise in Südsibirien und der Nordwest-Mongolei im Janre 1909 // Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsingorfs, 1910. №XXVIII. P. 1–59.

- Eliade M. Schamanismus und archaische ekstasetechnik. Zurich-Stuttgart, 1957. 356 s.
- Ignace Bourgeois, Jean Bourgeois, Ghent, Laurence Cammaert, Hugo Decler, Roder Langohr, Jari Hinsh Mikkelsen, and Wim Van Huele. Multidisciplinary archeological research in the Sebyasye valley 1996–1997 (Kosh-Agash region, Altai Republic) // *Eurasia antiqua*. Band 5. Berlin, 1999. Pp. 295–389.
- Kliachtornyi Sergueï G. Une «ile de Paques» dans les montagnes de Mongolie // *Les dossiers d'archeologie*. №194 /juin 1994/45. Francs. S. 52–53.
- Kubarev V.D., Zevendorz D. Steinstelen aus der Westmongolei // *Eurasia antiqua*. Band 2. Berlin, 1997. P. 571–580.
- Kubarev G.V. The culture of the ancient Turks of the Altai (Eski Altay Türklerinin kültürü) // *Sibirya Arastirmalari*. Istanbul, 1997. Pp. 233–249 (in English and Turkish).
- Kubarev G.V. Der Panzer eines alttürkischen Ritters aus Balyk-Sook // *Eurasia Antiqua*. Band 3. Berlin, 1997a. P. 665–687.
- Kubarev G.V. Silk finds from ancient Turkic burials in the Altai region // *Circle of Inner Asian Art. Newsletter*. Issue 8. London, November, 1998. P. 21–22.
- Mahmud al Kaşgarî, Divanü lûdat-it-türk. Ceviren B. Alalay. Cilt 1–3. Ankara, 1939–1941. T. III. 418 s.
- Novgorodova Eleonora. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980. 280 s.
- Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale. Trp. Vol. 26. 1929. P. 214–216.
- Jacobson E., Kubarev V.D. Turu-Alty (Analysis of Siberian «Sanctuary») // *Altaica*. №4. Novosibirsk, 1994. P. 18–29.
- Байэр Д. Монгол Сокинсаны энкү. Сеул, 1994. 234 с. (на корейск. яз.).
- Баяр Довдойн. Монголын тов нутаг дахь түрэгийн хун чулуу. Улаанбаатар, 1997. 148 с. (на монг. яз.).
- Баяр Д. Нарийн Хүрэмтийн хун чулуу // Монгол нутаг дахь туух соелын дурсгал (Сэдэвчилсэн лавлах). Улаанбаатар, 1999. С. 110–111 (на монг. яз.).
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д., Монгол Алтайн хун чулуун хошоо. Улаанбаатар, 1999. 166 с. (на монг. яз.).
- Бямбадорж Т., Амартушвин Ч. Увс аймагинг нутаг дахь түрэгийн уеийн зарим хун чуулуд (Тэмдэглэл) // *Археологийн судлал*. Т. XVIII, fasc. 10. Улаанбаатар, 1998. С. 116–124. (на монг. яз.).
- Ван Бо, Ци Сюань. Сычсу чжилу цаюань шижэнь яньцзю. Урумчи, 1996. 313 с (Изучение каменных изваяний степей шелкового пути – на кит. яз.).
- Майдар Д., Дарьсүрен Л.Гэр. Уланбаатор, 1976. 180 с. (на монг. яз.).
- Монгол нутаг дахь туух соелын дурсгал (Сэдэвчилсэн лавлах). Улаанбаатар, 1999. 286 с. (на монг. яз.).

А.Л. Кунгуров

Барнаул

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ, РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

В ходе разведочных полевых работ автора (как самостоятельных, так и в составе других экспедиций) за последние 25 лет накопилось достаточное количество небольших коллекций, датируемых в рамках I–XIV вв. н.э. Они представляют собой прежде всего керамические материалы (от одного до десятка фрагментов), происходящие, как правило, с многослойных поселений Верхнего Приобья. Их сводка (рис. 1), сделанная для тематического сборника, на наш взгляд, представляет определенный интерес. Некоторые объекты расположены в регионах Алтайского края, очень бедных археологическими памятниками.

Первая группа поселений располагается по берегам рек Черемшанка и Большая Чесноковка. Эти речки имеют выработанные еще в четвертичный период долины, которые пересекают Обь-Чумышский водораздел с юго-запада на северо-восток. Глубина их достигает

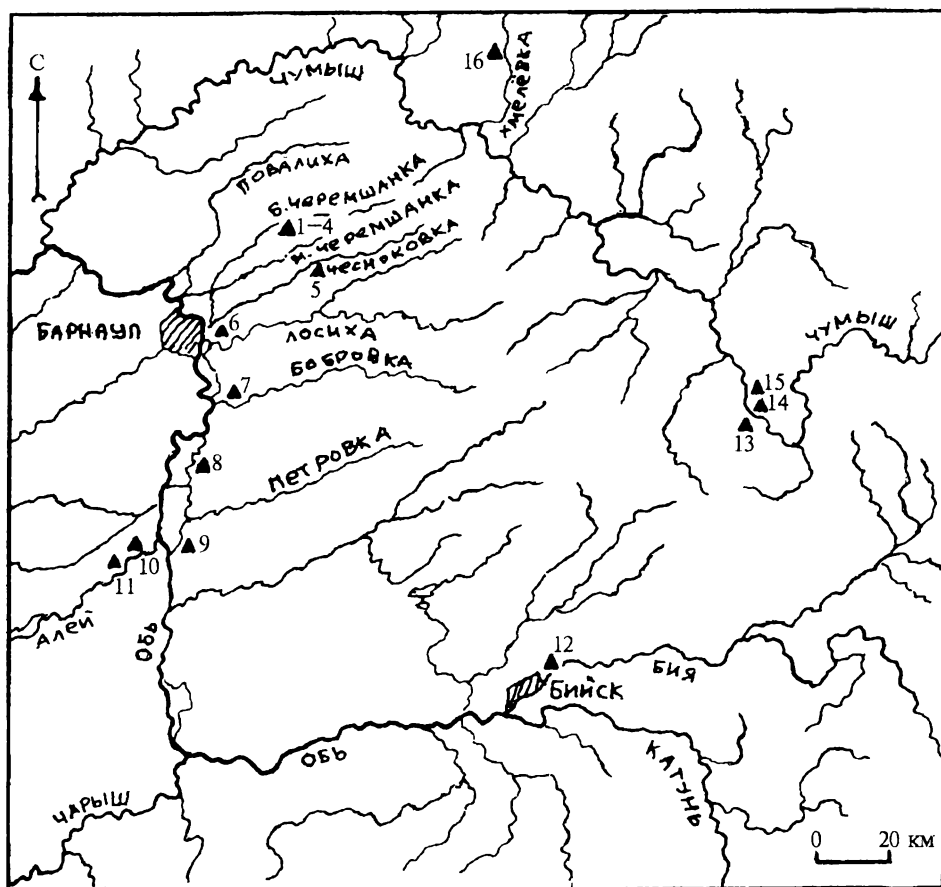

Рис. 1. Находки материалов эпохи поздней древности и средневековья в Барнаульско-Бийском Приобье: 1 – Городище Сорочий Лог; 2 – Сорочий Лог-III; 3 – Сорочий Лог-IV; 4 – Сорочий Лог-V; 5 – Чесноковка; 6 – Новоалтайское поселение; 7 – Бобровское поселение; 8 – Мезенцево-1; 9 – Ручей Смольёв; 10 – Усть-Алейка-3; 11 – Усть-Алейский елбан; 12 – Боровое-3; 13 – Степь-Чумыш. Маслозавод; 14 – Улус-2; 15 – Усть-Шамониha-5; 16 – Хмелевка-1

сотен метров. Пологие склоны долин, дополнительно изрезанные логами и ложками, заняты березовыми лесами. Обнаруженные памятники связаны с устьями таких логов, имеющих небольшие водотоки или роднички.

1. Городище (?) Сорочий Лог. Памятник располагался в створе плотины на р. Большая Черемшанка у с. Сорочий Лог. Он обнаружен В.А. Могильниковым в 1975 г. [Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С., 1976, с. 263]. Высота расположения керамики (рис. 2.-1-3) (около 20,0 м над урезом реки) и остатки земляных сооружений, напоминающих ров, позволили В.А. Могильникову предположить наличие в этом месте городища. Объект полностью разрушен при строительстве и обновлении дамбы. Обломки керамики принадлежат трем сосудам. Наиболее крупный фрагмент украшен оттисками гребенчатого штампа, образующими (сверху вниз) сначала горизонтальную линию, затем две наклонных, разделенных рядом ямок, и нижний вертикальный ряд оттисков. Два других сосуда были украшены «полулунными» оттисками полого орнамента круглого сечения. Фиксируются по четыре горизонтальных линии оттисков, в одном случае разделенных ямками (рис. 2.-3). Форма сосудов – горшковидная, с отогнутым наружу венчиком, украшенным по срезу гладкими «семечковидными» оттисками. Посуда характерна для одинцовской культуры.

2. Сорочий Лог-III. Поселение расположено на левом берегу р. Большая Черемшанка в 1 км выше створа плотины. К интересующему нас периоду относятся обломки крупного

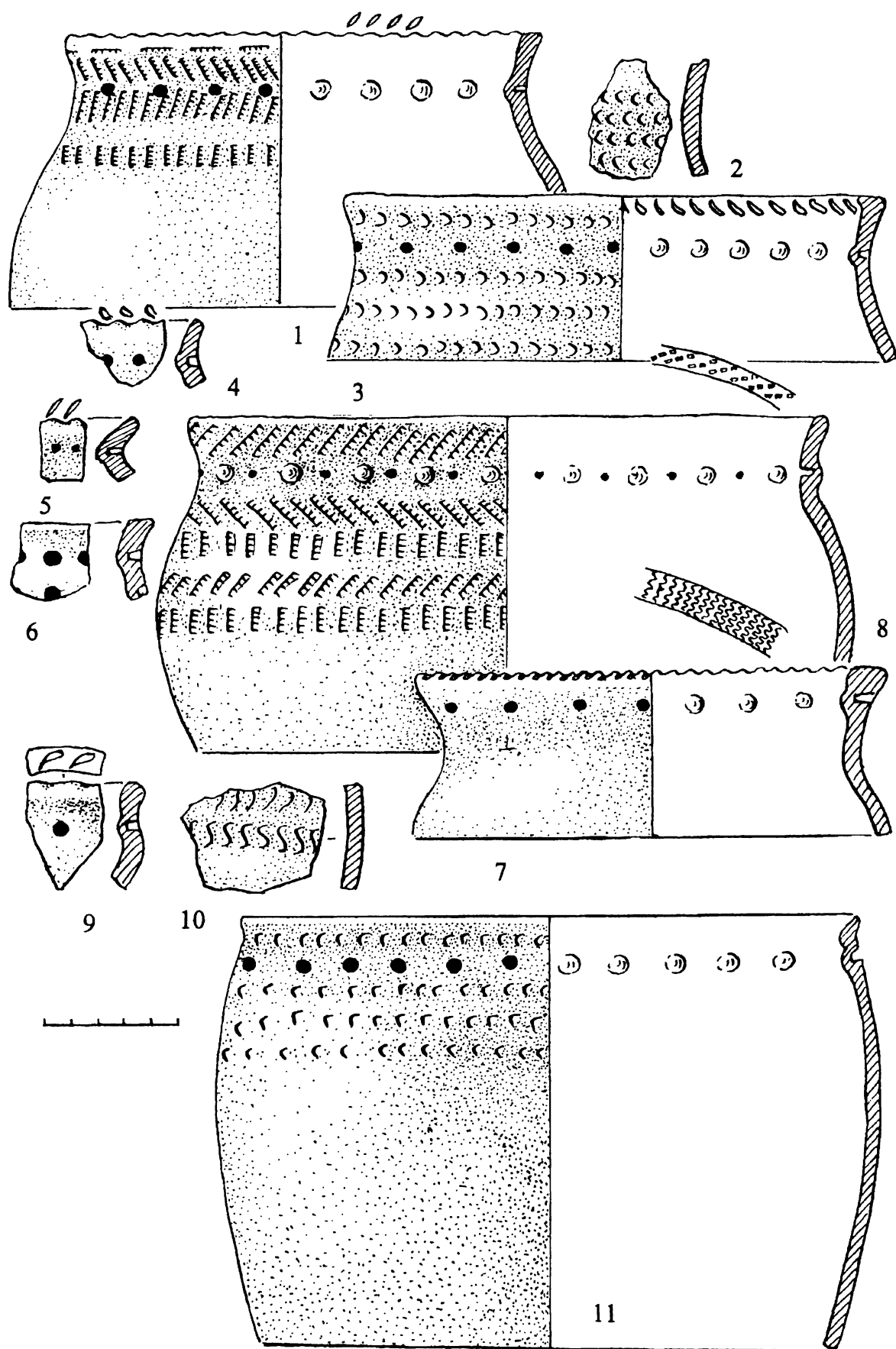

Рис. 2. Керамика с поселений на реках Чесноковка и Большая Черемшанка: 1–3 – городище Сорочий Лог; 4, 7 – Сорочий Лог-V; 5–6 – Сорочий Лог-IV; 8 – Сорочий Лог-III; 9, 10 – Чесноковка-II

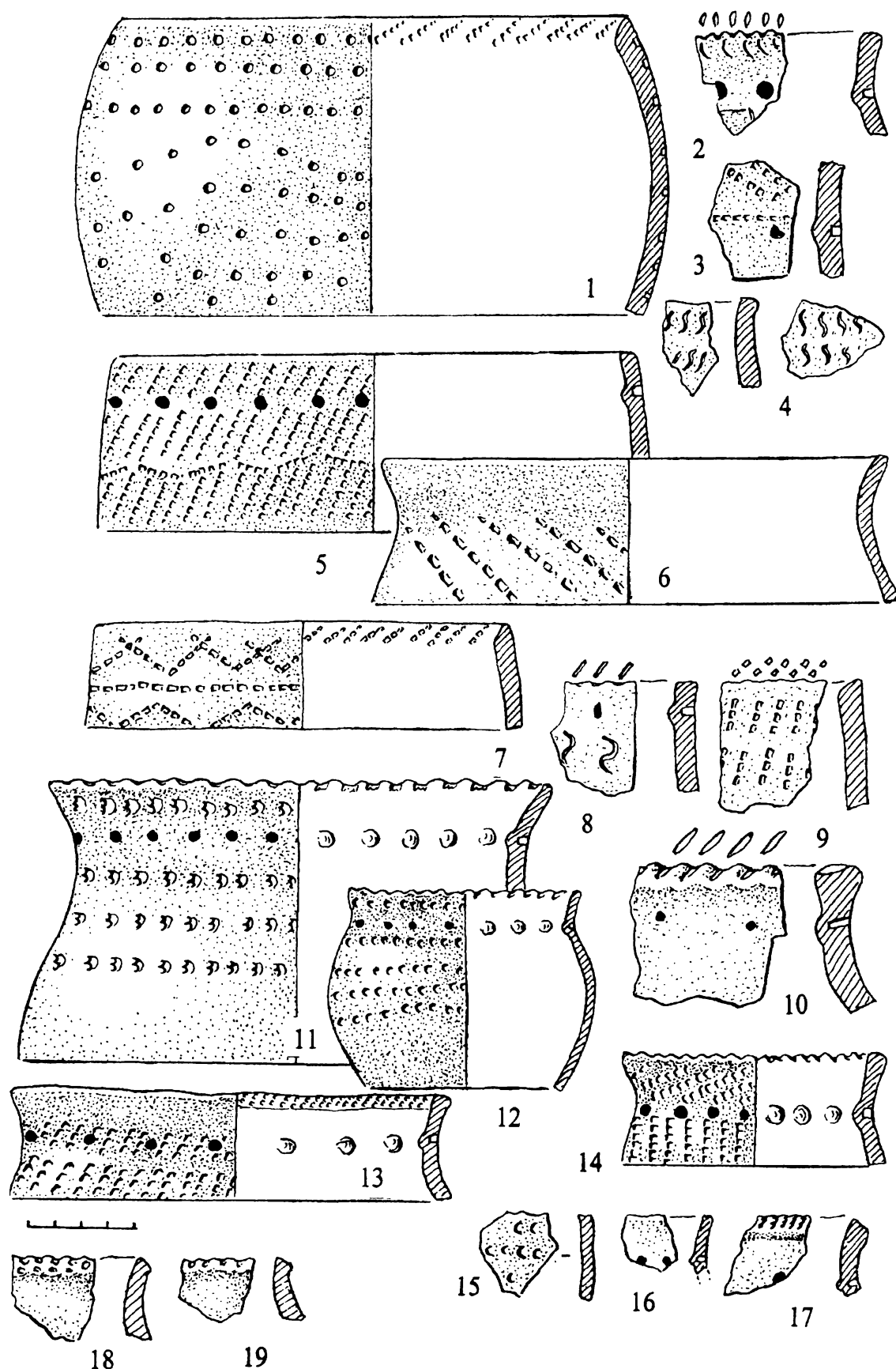

Рис. 3. Керамика с поселений Барнаульского Приобья: 1–10 – Новоалтайское поселение; 11–14 – Мезенцево-1; 15–17 – Ручей Смольев; 18, 19 – Бобровское поселение

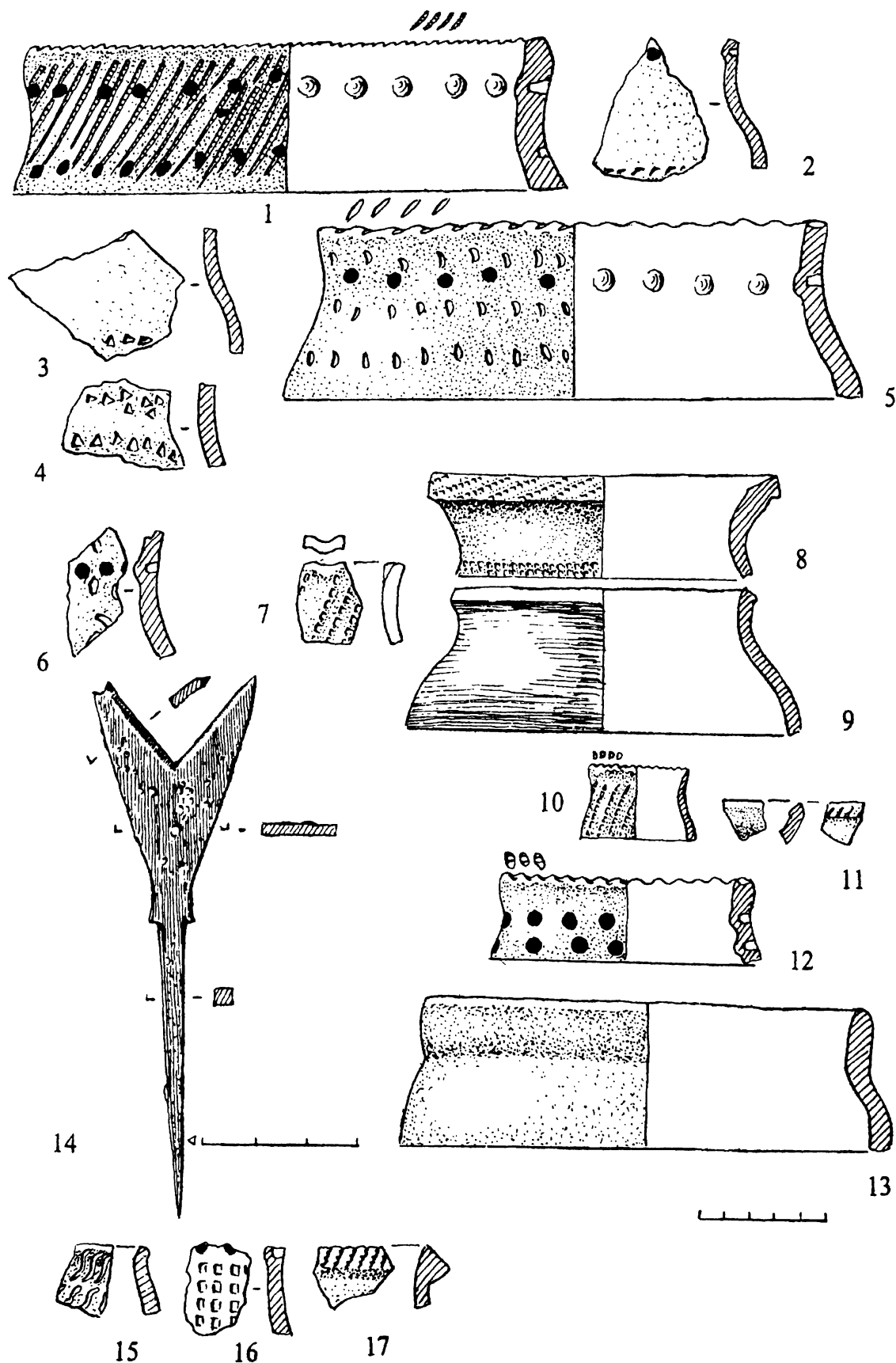

Рис. 4. Керамика и наконечник стрелы с поселения Боровое-3 (7–14) и находки с памятников Причумышья: 1 – Усть-Шамониха-5; 2, 3, 4 – Улус-2; 5, 6 – Степь-Чумыш; Маслозавод; 7–14 – Боровое-III; 15, 16 – Усть-Алейка-3; 17 – Усть-Алейский елбан

горшка с отогнутым наружу венчиком, украшенным оттисками гребенчатого штампа. По верхней трети тулова нанесены пять линий прямых и косых оттисков гребенчатого штампа. На шейке имеется полоса жемчужника с разделителем-ямками. Сосуд, видимо, относится к керамическому комплексу одинцовской культуры (рис. 2.-8).

3. Сорочий Лог-IV. Поселение расположено в 100 м выше предыдущего памятника по течению р. Большая Черемшанка, на ее правом берегу. Разрушено. Среди немногочисленных разновременных фрагментов керамики присутствуют два, видимо, одинцовских фрагмента от горшков с отогнутыми наружу венчиками, украшенными одним (рис. 2.-5) и двумя (рис. 2.-6) рядами ямок по шейке. Первый фрагмент имеет оттиски по срезу венчика, нанесенные гладким штампом.

4. Сорочий Лог-V. Поселение расположено в 1,5 км выше створа плотины на правом берегу р. Большая Черемшанка. Разрушено. Один фрагмент сосуда относится к одинцовской культуре и имеет отогнутый наружу венчик, украшенный оттисками гладкого штампа, и ряд ямок по шейке (рис. 2.-4). Второй обломок принадлежит сосуду с отогнутым наружу утолщенным венчиком, по срезу которого нанесены оттиски отступающего зубчатого штампа. Ниже края венчика нанесены ямки, образующие на обратной стороне жемчужины (рис. 2.-7). Видимо, сосуд можно датировать началом II тыс. н.э.

5. Чесноковка-II. Поселение расположено примерно в 10 км выше г. Новоалтайска и в 12 км юго-восточнее с. Сорочий Лог в районе створа плотины водохранилища на левом берегу р. Чесноковка. В разрушениях собрана разновременная керамика, среди которой присутствует фрагмент кулайского сосуда с двумя рядами оттисков «S»-видного штампа (рис. 2.-10) и обломок одинцовского горшковидного сосуда с отогнутым венчиком, украшенным по срезу каплевидными вдавлениями гладкого штампа. По шейке сосуда нанесены ямки (рис. 2.-9).

Все эти памятники находятся в зоне контакта лесостепных пространств Обь-Чумышской аллювиальной равнины и массива Приобского соснового бора. Эта территория практически не изучена в археологическом отношении, и четверть века о памятниках на реках Черемшанка и Большая Чесноковка было известно из трех строчек в Археологических открытиях 1975 г., причем статья называется «Работы в Кулундинской степи» [Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С., 1976, с. 262–263]. Керамические комплексы, подобные охарактеризованным, хорошо известны с противоположной стороны приобского соснового бора, на его границе с обской правобережной поймой – комплекс городищ и поселений на Малом Гоньбинском Кордоне, где присутствуют и кулайские, и одинцовские материалы. Видимо, древних обитателей Барнаульского Приобья привлекала территория стыка различных флористических провинций, где наилучшим образом можно было реализовать комплексное присваивающе-производящее хозяйство. Подобной территорией является также отрезок правобережья между пос. Белоярском и с. Фирсово, именующийся в литературе Фирсовский археологический микрорайон. Начало его исследования также относится к 1975 г., когда В.А. Могильников раскапывал Новоалтайский могильник раннего железного века на юго-восточной окраине г. Новоалтайска.

6. Новоалтайское поселение. Весной 1976 г. автор, участвовавший в раскопках, в ходе экскурсионного посещения окрестностей памятника обнаружил многослойное Новоалтайское поселение, расположенное в 300 м юго-восточнее могильника [Шамшин А.Б., 1993]. На протяжении ряда лет на этом памятнике, интенсивно разрушаемом распашкой и крупным песчаным карьером (в настоящее время он рекультивирован), осуществлялись сборы керамики, каменных и бронзовых изделий. Среди обширной коллекции выделяется небольшая группа фрагментов керамики, относящаяся к I тыс. и началу II тыс. н.э. Восемь сосудов закрытой баночной формы представляют кулайский комплекс поселения. Их орнаментация достаточно разнообразна: оттиски круглого по-

лого орнамента, занимающие верхнюю половину сосуда (рис. 3.-1); различные варианты гребенчатой орнаментации (рис. 3.-7,9), сочетание «гребенки» с пояском ямок (рис. 3.-3,5); фигурно-штампованная орнаментация (рис. 3.-4,8). В четырех случаях срез венчика украшен гребенчатыми и гладкими оттисками. К одинцовской культуре можно отнести фрагменты двух профилированных горшковидных сосудов с отогнутым наружу венчиком. Один имеет, кроме пояса ямок по шейке, «ногтевидные» оттиски по наружному краю венчика, оттиски гладкого штампа по срезу венчика и несохранившуюся полосу узора по плечикам, нанесенную гладким штампом (рис. 3.-2). Второй сосуд менее показателен, так как украшен косыми оттисками длинного гребенчатого штампа по плечикам (рис. 3.-6). Началом II тыс. н.э. можно датировать фрагмент горшка с утолщенным венчиком, украшенным по срезу крупными и рельефными вдавлениями гладкого штампа, образующими снаружи специфичный волнообразный карниз, и рядом ямок по шейке (рис. 3.-10).

На указанном участке правобережья Оби сконцентрировано огромное количество разновременных памятников, в том числе кулайских и одинцовских поселений и городищ. Их изучение и публикация – тема отдельной работы. Нас же интересуют небольшие, единичные находки, обычно ускользающие от пристального внимания исследователей.

7. Бобровское поселение. Памятник, расположенный на правом берегу р. Бобровка в месте выхода ее в пойму р. Обь (окраина с. Бобровка), известен в литературе как поселение большереченской культуры [Членова Н.Л., 1994, с. 153–154]. Автор, обследовавший эту местность в 1975–1976 гг. в 100 м северо-восточнее дюны, рядом с Бобровским поселением, на мысу высотой до 10 м, образованном коренным правым берегом Оби и правым берегом р. Бобровка, собрал обломки керамики, в том числе венчики двух горшковидных сосудов с украшенным гребенчатым штампом скошенным наружу срезом. Оттиски орнамента образовали волнистый карниз, нависающий над шейкой сосудов. Видимо, керамика датируется началом II тыс. н.э. (рис. 3.-18, 19).

8. Мезенцево-1. Многослойное поселение расположено на правом берегу протоки Заломная на месте бывшего села Мезенцево. Памятник в момент его обнаружения был сильно разрушен раздувом, на котором собраны каменные изделия [Шмидт А.В., 2000], керамика эпохи бронзы, раннего железного века и фрагменты четырех одинцовских сосудов характерной формы. Последние имеют пояс ямок по шейке и несколько орнаментальных полос, нанесенных полым орнаментом-трубкой (рис. 3.-12), уголком зуба животного (рис. 3.-11) и гребенчатого штампа (рис. 3.-13, 14). Все сосуды также имеют оттиски по кромке отогнутого наружу венчика.

9. Ручей Смольёв. Поселение расположено на небольшом водотоке ручья Смольёв, являющимся правым притоком Заломной между ее истоком и р. Петровкой. Визуально никакого всхолмления в этом месте не фиксируется. Керамика собрана на правом берегу ручья, разрушенном при строительстве дамбы-перехода через его русло. Видимо, культурный слой поселения залегает в пойменной обской террасе. Найдена керамика, украшенная оттисками орнамента-трубочки (рис. 3.-15), ямками по шейке сосуда (рис. 3.-16), и обломок венчика со срезанным наружу краем, украшенным оттисками отступающего зубчатого штампа и ямками по шейке сосуда (рис. 3.-17). Первые два фрагмента напоминают одинцовскую посуду, последний характерен для комплексов начала II тыс. н.э.

Район высокой правобережной поймы, ограниченный с севера протокой Заломной, а с юга – р. Большая Речка, является одним из самых перспективных для поиска памятников различных хронологических периодов. По сути дела знаменитые Ближние Елбаны – это один из его небольших участков. Многие дюнные всхолмления тянутся на протяжении нескольких километров, имеют обширную площадь и при этом совершенно не затронуты ветровой эрозией или антропогенными разрушениями.

10. Усть-Алейка-3. Многослойное поселение, обнаруженное в 1978 г. В.Б. Бородаевым, расположено на левом берегу р. Алей в его приустьевой зоне, на западной окраине с. Усть-Алейка. В этом месте изгиб Алея образует мыс, высотой около 15 м, в разрушениях которого собрана разновременная керамика. В коллекции имеются два фрагмента кулайских сосудов, украшенные «S»-видным штампом (рис. 4.-15), ямками по шейке сосуда и оттисками крупного гребенчатого штампа, расположенными ниже (рис. 4.-16) [Бородаев В.Б., 1978].

11. Усть-Алейский елбан. Крупный останец коренного левого берега р. Алей высотой 10–15 м расположен в полутора километрах выше предыдущего памятника по течению. Обломок сосуда начала II тыс. н.э. с украшенными оттисками зубчатого штампа срезанным наружу венчиком (рис. 4.-17) найден у подножья останца, обращенного к р. Алей (на уровне его высокой поймы).

Эти находки далеко не единственные в устьевой зоне Алея. В месте выхода его в пойму Оби в разные годы А.П. Уманским, В.Б. Бородаевым и В.В. Горбуновым исследовались памятники кулайской культуры и начала II тыс. н.э. Однако они располагались на дюнных всхолмлениях обской поймы между селами Усть-Алейка и Троицк.

12. Боровое-III. Многослойное поселение на восточной окраине Бийска около пос. Боровое (бывший женский монастырь). В материалах раскопок автора 1989 г., кроме находок неолита, эпохи бронзы и раннего железного века, присутствуют обломки сосудов интересующего нас времени. К кулайской культуре относится венчик сосуда со сливом, украшенный наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 4.-7), и фрагмент небольшого сосудика с отогнутым наружу венчиком с оттисками гладкого «полулунного» штампа на срезе и наклонными гребенчатыми оттисками по плечикам (рис. 4.-10). Два сосуда, видимо, можно отнести к одинцовской культуре. Один из них неорнаментирован (рис. 4.-13), другой украшен двумя поясками ямок и короткими гребенчатыми оттисками по срезу венчика (рис. 4.-12). К началу II тыс. н.э. относятся обломки «станкового» горшка со срезанным наружу венчиком (рис. 4.-9) и «вазообразного» сосуда со сложно-профилированным загнутым венчиком, срезанным наружу. Венчик украшен оттисками наклонного гребенчатого штампа, поясок гребенчатого орнамента, полностью не фиксирующегося, прослеживается на нижнем изгибе шейки (рис. 4.-8). Не исключено, что в комплекс последних находок можно включить наконечник стрелы XII–XIII вв. Наконечник – железный, черешковый, плоский, прямоугольный в сечении, вильчатый. Вилка образована треугольными остриями, заточенными с внутренней стороны. При переходе пера в черешок имеется уступ в виде прямых плечиков (рис. 4.-14).

Находки с Борового дополняют многочисленные памятники периодов поздней древности и средневековья, расположенные по правобережью Бии и по Оби, в окрестностях сел Новиково и Стан-Бехтемира до Акутихи. Следует также отметить, что большая часть памятников, включая Боровое-III, связана с кромками соснового бора.

Следующая группа находок, включенная в сводку, происходит с различных памятников Причумышья.

13. Степь-Чумыш. Маслозавод. Многослойное поселение расположено на юго-восточной окраине с. Степь-Чумыш. Памятник связан с 20-метровым цокольным мысом левого берега р. Чумыш, под которым расположен маслозавод, а чуть выше – склад ГСМ и заправка. В многочисленных разрушениях мыса собраны находки, датирующиеся временем от верхнего палеолита до средневековья. К одинцовской культуре относятся обломки двух сосудов горшковидной формы с отогнутым наружу венчиком. Один из них был украшен оттисками гладкого штампа по краю венчика, пояском ямок, образующих на обратной стороне жемчужины, и четырьмя горизонтальными линиями полулунных оттисков, один из которых расположен выше ряда ямок (рис. 4.-5). Второй сосуд представлен обломком шейки при перехо-

де ее в плечики. Он был украшен пояском близкопоставленных ямок и оттисками гладкого штампа, образующими какую-то несохранившуюся композицию (рис. 4.-6).

Улус-2. Поселение расположено на северо-западной окраине с. Победа. В разрушениях пятиметрового склона правого цокольного борта р. Чумыш собраны обломки двух-трех тонкостенных одинцовских сосудов, украшенных ямками по шейке и оттисками подтреугольного орнамента (рис. 4.-2, 3, 4).

Усть-Шамониха-5. Поселение расположено в 1 км ниже по течению Чумыша от Улуса-2. В разрушениях дороги, построенной от с. Победа к устью р. Шамониха (правый приток Чумыша), собрана разновременная керамика, в том числе обломок одинцовского сосуда (рис. 4.-1). Сосуд украшен оттисками гребенчатого штампа по венчику, пояском глубоких ямок под венчиком и пояском мелких ямок по плечикам. Вся верхняя зона сосуда покрыта наклонными оттисками гребенчатого штампа.

Хмелевка-1. Поселение расположено на северо-восточной окраине с. Хмелевка, на мысе правого берега одноименной речки (правый приток р. Чумыш). Высота мыса около 2 м. В шурфе был обнаружен развал одинцовского сосуда горшковидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуд украшен пояском ямок по плечикам и четырьмя линиями полулунных оттисков, одна из которых проходит выше ряда ямок (рис. 2.-11). Интересно то, что р. Хмелевка разделяет зону лесостепи с березовыми колками и зону темнохвойной тайги.

Представленный материал не только дополняет археологическую карту памятников кулайской, одинцовской культуры и объектов начала II тыс. н.э., но и расширяет зону их распространения в восточные районы Алтайского края. Целенаправленный поиск поселений и погребений этого периода в Причумышье позволит в дальнейшем надеяться на серьезные открытия.

Библиографический список

- Бородаев В.Б. Отчет за 1978 г. Барнаул, 1978. 111 с. Архив МАЭА при АГУ. №63.
- Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья (по материалам краеведческого музея с. Победа // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVIII. С. 221–240.
- Кунгуров А.Л. Керамика эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу времени с поселения Боровое-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 74–77.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Разведка на востоке Алтая // АО 1981 года. М., 1983. С. 206–207.
- Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С. Работы в Кулундинской степи // АО 1975 года. М., 1976. С. 262–263.
- Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 168 с.
- Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 70–82.
- Шмидт А.В. Неолитические-энеолитические материалы разведки В.Б. Бородаева и А.Л. Кунгурова с протоки Заломная 1977–1978 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 88–91.

Л.Р. Кызласов

Москва

ДИНАСТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕХАКАССКОГО ГОСУДАРСТВА

Мечи сверкают с двух сторон,
И если вы с таким трудом
Смешавшись, кровь течет.
Пустыню всю прошли,
А в смертный час кому нужны
Зачем доньне вспоминать
Награды и почет!
О полководце Ли?

Гао ши. Яньский напев

1. Пребывание Ли Лина на Среднем Енисее

Находки гуннских изделий и гуннской иероглифической надписи в качестве важнейшего элемента декора и познания Ташебинского здания, сочетавшего в себе не одну пришедшую из Западной и Восточной Азии строительно-архитектурную особенность с несомненно местными южносибирскими культурными чертами, не оставляют сомнения в том, что дворец этот был создан в эпоху включения южносибирских земель в гуннское государство [Кызласов Л.Р., 1992].

Для кого же было возведено это выдающееся во всех отношениях здание? Нет ли в письменных источниках, освещающих события, происходившие в гуннском государстве в годы, соответствующие археологически точно установленному времени сооружения и существования Ташебинского здания, упоминания об исторических фактах, сопоставимых с раскрытой раскопками необычной картиной? Такое сопоставление благодаря давнему существованию в русской исторической науке перевода китайских летописей, выполненных Н.Я. Бичуриным, было произведено еще в первые годы раскопок дворца. После работ 1940 и 1941 гг., когда эпоха создания памятника стала ясна, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашевой была высказана мысль о принадлежности здания плененному гуннами китайскому полководцу Ли Лину. Догадка была развита в следующих работах исследовательниц, поддержана С.В. Киселевым [1951, с. 479] и позднее Л.Р. Кызласовым [1960, с. 164].

Это предположение в значительной мере основывалось тогда на представлении о том, что изучены «остатки здания, построенного китайцами для китайцев» [Евтюхова Л.А., Левашева В.П., 1946а, с. 83, 84]. Ср.: [Евтюхова Л.А., 1946, с. 111]. Однако историко-архитектурный анализ самых различных особенностей Ташебинского дворца, произведенный нами в работе 1992 г., убеждает, что ныне этот предварительный вывод должен быть отвергнут. Но указание на возможного владельца дворца остается в силе и мы уже выяснили, что им был Ли Лин. В специальной литературе мысль эта подробно ранее не аргументировалась, а возражения вызвала довольно развернутые. И хотя протесты основывались прежде всего на ошибочном определении времени создания памятника [Бернштам А.Н., 1946; 1951; Чжоу Лян-куань, 1956; Вайнштейн С.И., Крюков В.М., 1976] и уже специально разобраны как нашими предшественниками [Евтюхова Л.А., Левашева В.П., 1946б], так и нами [Кызласов Л.Р., 1992], это обстоятельство не избавляет от необходимости наиболее полного изложения данных, позволяющих установить имя истинного владельца дворцового здания на р. Ташебе. Сделать это тем более необходимо, поскольку китаистами ныне обсуждаются

не только вопросы археологического датирования, но и утверждается, что полководец Ли Лин никогда не бывал в бассейне Енисея, а отбывал свой плен в землях динлинов, находившихся тогда, якобы, в более северных местах.

Поразительно, что утверждающие это авторы книги о древнем Китае, четверо известных российских синологов – специалистов по древней истории, языку и палеоантропологии Китая – в освещении вопроса о «загадочных» динлинах выставили арбитром археолога Н.Л. Членову [Крюков М.В., Переломов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983, с. 63], человека, никогда не занимавшегося ни китайским языком, ни китайской историей и археологией, ни антропологией вообще. Более того, она никогда серьезно не изучала и памятники гунно-сарматского времени. Судя по тексту книги, Н.Л. Членовой неведомо даже, что III в. до н.э. целиком еще относится к тагарской культуре, что время гуннской экспансии на Енисей представлено особыми памятниками тагарско-таштыкского переходного этапа (II–до середины I в. до н.э.), что собственно таштыкская археологическая эпоха началась в середине I в. до н.э., после окончательного ухода последней гуннской орды со Среднего и Верхнего Енисея в Среднюю Азию.

Новейшие переводы В.С. Таскина ханьских документов, как и предшествующие переводы Н.Я. Бичурина, нигде не сообщают, что генерал Ли Лин служил, находясь среди гуннов, «наместником динлинов» или же жил среди самих динлинов, как это ныне утверждает [Крюков М.В., Переломов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983, с. 63]. Напротив, все виды ханьских источников строго отличают динлинов от гяньгуней (новая русская транскрипция – цзяньгунь, применяется нами в цитатах из современных переводов), в землях которых они и помещают Ли Лина.

Следует иметь в виду, что на протяжении гуннского периода местной истории, продолжавшегося не менее 160 лет, местонахождение обоих народов менялось. В 201 г. до н.э. после разгрома гуннами государства динлинов (тагарцев), обитавших в долинах Среднего Енисея, этот народ в своей массе был оттеснен в свои северные и в северо-восточные земли – в лесостепной коридор между оз. Байкал на востоке и устьем р. Томи на западе. Тюркоязычных же гяньгуней-кыргызов гунны во II в. до н.э. передвинули с юга (из котловины Больших озер) в бассейн Среднего Енисея и Абакана. Вот почему в позднейшие времена эти народы упоминаются врозь и на разных местах обитания: динлины оказались к северу от цзяньгуней-кыргызов. Например, в 49 г. до н.э., как сообщает источник, последний северный Чжичжи-шаньюй «послал войска на запад, разбил цзяньгуней, а на севере принудил сдаться динлинов» [Таскин В.С., 1973, с. 37]. Как видим, два этих этноса были к этому времени расселены гуннами на разные земли. Здесь нельзя не сказать, что к середине I в. до н.э. государства Средней Азии уже хорошо знали, где располагалась «страна Гяньгунь». Во всяком случае, сообщается, что «правитель владения Канцзюй», находившегося на землях современного Южного Казахстана, в трудное время «к цзяньгуням немедленно отправил гонца для переговоров с Чжичжи».

По новейшему комментарию синоведа В.С. Таскина: «Динлины – тюркоязычный народ, кочевавший в Северной Азии в III в. до н.э. – V в. н.э. Занимал огромную площадь к юго-западу от Байкала до Алтая. Первоначально зависел от сюнну, но затем добился самостоятельности. Вел ожесточенные войны с сюнну и способствовал их гибели... Их язык в общем сходен с сюннским, но иногда встречаются небольшие различия» [Таскин В.С., 1990, с. 168, прим. 158]¹. По Н.Я. Бичурину, «они занимали южные земли Иркутской губернии от Байкала до Енисея» (на карте, приложенной к III тому последнего издания сочинений Н.Я. Бичурина, надпись «Динлинь» протянута от Енисея вдоль всего Прибайкалья, включая остров Ольхон) [Таскин В.С., 1968, с. 136, прим. 111; Бичурин Н.Я., 1950, т. I, с. 351, прим. I и т. III, приложения, карта].

¹Тюркоязычность динлинов, так же как и тюркоязычность гуннов, – это ошибочное мнение, не подтвержденное никакими источниками.

Это вполне соответствует тексту написанной Бань Гу «Истории ранней династии Хань», сообщающему, что шаньюй Цзюйдихоу, прогневавшись на ханьского посла Су У, прибывшего к нему в 100 г. до н.э., сослал его «на Бэйхай (т.е. Байкал) в безлюдное место, где (ему) велели пасти баранов». Около 91 г. до н.э. зимой именно на Байкале «динлины украли у Су У рогатый скот и овец...» [Таскин В.С., 1973, с. 100–104]. Из этого текста явствует, что расселение основных масс динлинов в гуннское время и В.С. Таскин, и Н.Я. Бичурин описали правильно. Это отлично подтверждают археологические данные: в Красноярской и Канской лесостепях, по Ангаре и под Иркутском обнаружены курганы и могилы с тагарским инвентарем, а также Метляевский клад. В Прибайкалье же, очевидно, находилась и ставка Вэй Люя – князя динлинов, занимавшегося делами посла Су У. Поскольку шаньюй Цзюйдихоу около 97 г. до н.э. именно «Вэй Люя поставил динлин-ваном»: «Шаньюй полюбил Вэй Люя, приблизил его к себе и дал титул динлин-вана (князя динлинов) (Хань шу, гл. 54, л. 146)» [Таскин В.С., 1973, с. 116 и 156, прим. 9].

Что же касается Ли Лина, то в 98 г., по данным Бань Гу, «шаньюй спрятал его на севере, откуда он вернулся только после смерти старшей яньчжи» в 97 г. «Шаньюй, одобрительно относившийся к поступку Ли Лина, дал ему в жены свою дочь и поставил юсяо-ваном, а Вэй Люя поставил динлин-ваном, возвысил обоих и использовал их на службе». С 98 г. до н.э. «Ли Лин жил вне ставки и, только возникали важные дела, являлся на обсуждение» [Таскин В.С., 1973, с. 115–116].

Для разбираемой здесь темы важно, что после 90, 87 и 81 гг. до н.э. шаньюй трижды просил ближе всех жившего к Байкалу Ли Лина, как давнего личного друга Су У, навестить на Байкале опального посла и после кражи оказать ему помощь несколькими десятками голов крупного рогатого скота [Таскин В.С., 1973, с. 104–106]. Последняя их встреча на берегах Байкала состоялась в 81 г. до н.э., когда Су У с девятью спутниками был отпущен на родину. Динлин-ван Вэй Люй в то время болел и в 80 г. до н.э. умер.

Из этих поездок Ли Лина, во время которых его пастухи гнали с Енисея на Байкал (через Канскую лесостепь по известному до XX в. скотопрогонному пути с Енисея в Иркутск) скот, предназначенный Су У, мы узнаем, что Ли Лин был юсяо-ваном (или, как пишет Н.Я. Бичурин, «Западным Чжучи-князем») и имел свой удел не в Прибайкалье, но в соседней с запада области, каковой являлось второе крупное и самое западное владение гуннов в Южной Сибири – «государство Гяньгунь» (позднее – «государство Хагас») [Таскин В.С., 1973, с. 104–108]. «Он был поставлен государем у хагасов, – прямо указывал Н.Я. Бичурин. – Уничтоживший Ойхорскую (уйгурскую) империю был потомок его» [Иакинф, 1851, с. 51, 443, прим. 1 и 2].

Воспроизвожу здесь начало статьи о хагасах из «Истории династии Тан», извлеченное из его первого перевода на русский язык (по изданию труда Н.Я. Бичурина 1851 г.): «**І. Хакяньсы. Хагас:** Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гегу. Жители перемешались с Динлинами. Владение Хагас некогда составляло западные пределы Хуннов. Хунны покорившегося им китайского полководца Ли Лин возвели в достоинство западного Чжуки-князя, а другого китайского же полководца Вэй Люй поставили государем у Динлинов. Впоследствии Чжичжы Шаньюй, покорив страну Гяньгунь, утвердил здесь свое пребывание, в 7000 ли от орды восточного шаньюя на запад, в 5000 от Чешы на север; почему владельцы сей страны впоследствии ошибочно Хагас называли Гегу, и Гегесы. Народонаселение простиралось до нескольких сот тысяч; строевого войска 80000. Прямо на юго-восток до Ойхорской (Уйгурской. – Л.К.) орды считалось 3000 ли; на юг простирались до гор Таньмань. Почва летом болотиста; зимою большие снега. Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались не хорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин. Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца

в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею...» [Иакинф, 1851, с. 442–444]².

Итак, никакой путаницы относительно места пребывания Ли Лина в китайских хрониках нет: «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хагас (бывшее владение Гяньгунь. – Л.К.), где потомки его царствовали почти до времен Чингиз-хана» [Иакинф, 1851, с. 51], – путаница появляется, к сожалению, лишь в публикациях некоторых современных ученых. Из «Таншу» мы узнаем о том, что местные жители много лет спустя знали и помнили, что к ним в «царство хагасов» гуннским владыкой «был поставлен государем» доблестный полководец и гуннский вельможа, ханьский урожденный аристократ и генерал Ли Лин. Около двадцати трех лет Ли Лин единолично царствовал в «государстве Гяньгунь».

Мы уже подробно рассматривали важнейшие результаты гуннского завоевания Южной Сибири, произошедшего в 201 г. до н.э. и последствия владычества гуннов над народностями Саяно-Алтайского нагорья вплоть до их освобождения около 40 г. до н.э. от регламентирующего воздействия мощного военно-бюрократического и, отчасти, рабовладельческого государства центральноазиатских гуннов [Кызласов Л.Р., 1960, с. 161–166; 1984, с. 9–25; 1993, с. 35–43]. Напомним, что эти события привели к изменению этнического состава приенисейского населения. Во II – начале I в. до н.э. на Среднем Енисее началось взаимодействие остатков динлинов с пришлыми гяньгунями и, как мы теперь видим по архитектурно-строительным особенностям Ташебинского дворца, с пленными среднеазиатами [Кызласов Л.Р., 1999]. Все они оказались подведомственны единой юрисдикции гуннского государства.

По биографиям Ли Лина и Вэй Люя мы видим, что власть гуннов над Хакаско-Минусинской котловиной и всем Саяно-Алтайским нагорьем поддерживалась с помощью специальных наместников-«государей», которые, можно думать, получая во владения свои «княжества», опирались на военные гарнизоны, не обязательно состоявшие из собственно гуннских воинов. Именно гуннскому наместнику, Западному чжуки-князю Ли Лину, и принадлежал дворец, построенный в традициях смешанной среднеазиатско-гуннской архитектуры с использованием местных мастеров и скульпторов-литейщиков [Кызласов Л.Р., 1984, с. 15–29]. Возможно, подобный же дворец был построен в городе на р. Таласе и для Чжичжи-шаньюя. В нем последний и убит в 36 г. до н.э. [Таскин В.С., 1973, с. 129].

С уходом войск северных гуннов в 40-х гг. I в. до н.э. в Среднюю Азию в Южной Сибири возникает динлино-гяньгуньский военный союз. Новая государственность на Среднем Енисее, как мы уже говорили, оказалась связана с приходом с юга тюркоязычной орды ранних кыргызов-гяньгуней. Пришел народ с языком новой языковой группы, народ – носитель государственности, регламентирующей все вплоть до языка. Тюркоязычные гяньгуни, очевидно, молодая народность раннего железного века, обладающая более высокой военной организацией, возглавила антигуннское объединение местных самодийско-угорских (динлинских) и пришлых разноразных народностей (выходцев из Средней Азии и Тувинской котловины). Общая борьба, связанная с далекими походами в Центральную Азию, проводившаяся с конца I в. до н.э. вплоть до II в. н.э., сплотила предоставленное самому себе население Среднего Енисея [Кызласов Л.Р., 1960, с. 164–166].

² Примечания Н.Я. Бичурина: «1. Динлины... занимали южные земли Иркутской губернии от Байкала до Енисея. На южных пределах Енисейской губернии, где находилась столица Хагасов, и ныне коренные жители тюркомонголы. 2. Он поставлен был государем у Хагасов. Уничтоживший Ойхорскую империю был потомок его. 3. Надобно разуметь семейств. 4. У Хангайских гор близ Орхона. 5. Слово Таньмань созвучно со словом Танну – нынешним названием хребта, который тянется от Алтая на Восток до Косогола, и в древности должен составлять южную границу Хагасов. 6. Между татарами в Сибири и Туркистане и ныне довольно белокурых. Хагасы занимали Томскую губернию и южные пределы губернии Енисейской» [Иакинф, 1851, с. 443].

К этому периоду, к концу династии Западная Хань, относится следующее сообщение китайской хроники о народе и стране гяньгуней (Kien-kun): «Они живут, смешавшись с динлинами, западнее сюнну. Их страна холодная. Они занимаются возделыванием проса и пшеницы». Очевидно, что земледелие было основной отраслью их сельского хозяйства [Joki A.J., 1952, s. 107]. Гунны же в ту пору (в I в. до н.э. – I в. н.э.) проживали в Западном Забайкалье.

Сложение социальных групп по этническому признаку сначала, во II–I вв. до н.э., тормозило развитие общественных отношений, но уже в середине I в. до н.э. наступило время сложения новой таштыкской культуры, когда по всей стране установились единые нормы жизни. И над новой эпохой по-прежнему возвышалась всем еще памятная величественная фигура ханьского генерала и гуннского наместника Ли Лина, государя страны Гяньгунь.

Рассматриваемые далее письменные источники позволяют полагать, что в это время княжеский род тюркоязычных гяньгуней-кыргызов объявил себя восприемником местной династийной традиции. Судя по изменению имени страны в хрониках гуннской эпохи, на бывших древних землях динлин в Хакасско-Минусинской котловине пришельцы гяньгуни укрепились благодаря воле гуннов. Заняв вершину местного общества силами гуннских владык, гяньгуни-кыргызы и после их ухода считали закономерным возглавить местную власть. Этим и были порождены представления о прямой кровной преемственности правителей-гяньгуней от могучего наместника шаньюев на Енисее. Было ли такое родство лишь мнимым? Вспомним, что у кыргызов, согласно китайским источникам, бытовала легенда, утверждавшая божественное происхождение их первопредка. По записям «Ю-ян цзацзу» (VIII в.), он произошел от соития бога с коровой в горной пещере [Кызласов Л.Р., 1984, с. 32]. Совместить легенду с идеей происхождения правителей от земного человека возможно было только в рамках прямой династийной традиции, оставив седому прошлому миф о чудесном предке всего богоизбранного народа гяньгуней. Нельзя исключить, что правящий род кыргызов, полагая себя осененным небесной благодатью [Кычанов Е.И., 1997, с. 278, 279], включил в свой состав сына Ли Лина и его уже отюреченных потомков. Маловероятно, что сделано это было без всяких на то реальных оснований. Многоженство являлось привилегией не только ханьской, но и гуннской знати (в особенности в стране, где, согласно источнику, «мужчин было менее, нежели женщин»). Дарованная Ли Лину в 97 г. до н.э. в жены дочь шаньюя Цзюйдихоу, вполне возможно, оказалась вскоре на положении старшей супруги, управлявшей разросшимся семейством из молодых (не кыргызских ли?) жен генерала и всего его потомства. Когда «в 1-м году эры правления Юань-пин», т.е. в 75 г. до н.э. Ли Лин внезапно заболел и умер, то среди его многочисленных детей к власти, согласно обычаям, пришел, очевидно, его старший сын.

Сын и державный наследник Ли Лина, кровный внук шаньюя, как мы уже говорили, упоминается под 56 годом до н.э. в «Истории ранней династии Хань» как могущественный гуннский вельможа, который во времена «великой замятни», когда у гуннов на Орхоне оказалось сразу пять шаньюев, «опять объявил шаньюем дувэя Уцзе» [Таскин В.С., 1973, с. 340]. Но попытка нового хозяина Ташебинского дворца оказалась неудачной, так как «шаньюй Хуханье поймал Уцзе и обезглавил его». Надо полагать, что сын Ли Лина (имя которого не называется ввиду широкой популярности имени его отца) благополучно возвратился на Ташебу.

Если, по всем расчетам, шаньюй Цзюйдихоу в 97 г. до н.э. женил Ли Лина на своей дочери, то их сын родился в 96–95 г. до н.э. и, значит, в 56 г. до н.э. ему исполнилось 39–40 лет, а в 40 г. до н.э. ему было 55–56 лет. Едва ли он в этом возрасте принял активное участие в политической жизни послегуннского периода истории населения Хакасско-Минусинской котловины. Но зато внуки покойного державного наместника, а по матери – правнуки самого гуннского шаньюя, вполне могли активно участвовать в становлении молодой государственности объединенных племен Южной Сибири. Возникшее кровное родство со вторым лицом в гуннском государстве – Западным чжуки-князем Ли Лином (в лице его детей, вну-

ков и правнуков) – узаконило политические претензии верхушки пришлых гянгуней на прямое наследование власти гуннов над Саяно-Алтайским нагорьем.

Так или иначе, но в раннеташтыкское время, вероятно, зародилась и окрепла династийная традиция, просуществовавшая затем всю эпоху древнехакасского (кыргызского) средневековья и утверждавшая, что аж – правитель страны из царского рода Хырфыс – происходил от генерала-наместника Ли Лина. Эта идея не только создавала историко-политическое обоснование для возвышения аристократического рода гянгуней-кыргызов внутри страны, но и много значила в дипломатическом общении со всей Южной Сибирью и Центральной Азией, а также с великим Срединным китайским государством. Веками она утверждала истинность наследственных прав царского рода древних хакасов на владение всеми землями Саяно-Алтая, впервые объединенными в гуннском наместничестве, а затем, во второй половине I в. до н.э., в самом начале создания древнейшего государства в истории аборигенных народов Сибири – Северной Азии, занятыми гянгунско-динлинским военным союзом.

В том, что это династийное поверие имело местные южносибирские корни, убеждают сообщения, помещенные в разделе «Хагас» хроники «Синь Таншу», составленной по ранним документам в XI в. Подтверждение существования ранее отмеченных представлений в самом древнехакасском обществе встречаем в «Таншу» (гл. 217) в повествовании о центральноазиатских уйгурах, где сказано: «Хагасы по поражении хойху (уйгуров. – Л.К.) взяли Тхай-хо царевну (китайку. – Л.К.); и как они по происхождению от Ли Лин считали себя в родстве с Домом Тан (курсив мой. – Л.К.), то и послали даганей (тарханов. – Л.К.) препроводить царевну ко Двору». Из этого текста, повествующего о грозных событиях 840 г., когда древнехакасские армии захватили территорию поверженного Уйгурского каганата, явствует: в середине IX в. государи хакасов сами объявили китайскому Двору, что они происходят от древнего гуннского князя-полководца, урожденного ханьца Ли Лина, управлявшего их страной около 1000 лет тому назад. «Родство с Домом Тан» заключалось в том, что и могущественная династия Тан возводила свое происхождение к тому же роду Ли, к которому принадлежал Ли Лин – первым танским императором в 618 г. стал Ли Юань. Его сын Ли Шиминь был знаменитым императором под именем Тай-цзун. Недаром, быть может, некоторые современные синологи отмечают, что «аппарат управления Кыргызского каганата, как раз гораздо более, чем Тюркский и Уйгурский, был построен по китайскому образцу» [Кычанов Е.И., 1997, с. 125].

Китайская сторона признала генеалогию древнехакасских владык еще раньше. В правление Цзин-лун (706–711 гг.) император Чжун-цзун «подозвал (хакасского) посланника к себе и сказал ему: ваш царствующий Дом происходит из одного со мною рода и я отличаю его от прочих вассалов». Спустя 130 лет император У-цзин «крайне обрадовался», когда в китайскую столицу прибыл в 843 г. первый после одержанной великой победы посланник хакасского государя-аждо по имени Чжуву Хэ-со. Китайский историограф привел расшифровку инородного имени: «Чжуву есть прозвание, Хэ значит «отважный», со – левый, т.е. «искусный стрелок с левой руки». Император У-цзун «посланника, приехавшего с данью из столь отдаленной страны, поставил выше посланника из королевства Бохай (в Маньчжурии (712–926 гг.). – Л.К.); приказал сановнику Чжао Фан с бунчуком отправиться в Хагасское государство обласкать Двор; указал министрам и членам из Хун-лу-сы (имперской канцелярии. – Л.К.), увидевшись с посланником, составить через переводчиков описание гор, рек и народных обычаев той страны³. ...А как хагасы открыли свободное сообщение со Срединным государством, то надобно написать портрет их государя, для показа будущим векам. Указано Хун-лу[-сы] найти живописца; еще указано, чтоб Аждо (государя хакасов. – Л.К.),

³ До нас дошло, что в эпоху Тан существовала книга Люй Шу «Иллюстрированное сообщение о дани, преподнесенной на дворцовом приеме кыргызами». Книга хранилась при императорском дворе (см: [Шефер Э., 1981, с. 359]).

как происходящего из одного рода с царствующим в Китае Домом, внести в царскую родословную» [Бичурин Н.Я., 1950, с. 334, 351, 355, 356].

Этот указ императора был направлен на прославление и увековечение имени одного из самых великих и повсеместно прославленных своими победами государя-ажо Древнехакасского государства по имени Алп Урунгу. Это он открыл своими деяниями целую эпоху, удачно названную В.В. Бартольдом «Кыргызским великодержавием». Считающий себя прямым потомком Ли Лина, Алп Урунгу, правил государством в самый ответственный и тяжелый, почти полувековой, период борьбы с мощным центральноазиатским Уйгурским каганатом. Именно этот знаменитый аж сумел исключительно точно рассчитать все материальные, человеческие и морально-нравственные силы своего государства и его соседей-союзников, чтобы в затяжной войне 820–847 гг. под личным боевым руководством обеспечить в итоге полный разгром Уйгурского каганата. Добившись победы, создав на развалинах старого новую мировую державу – Древнехакасский каганат, он настолько истощил свои собственные жизненные силы, что умер в том же 847 г., находясь в последнем военном походе на далеких шивеев, обитавших в верховьях р. Амур.

Известно, что при танском дворе дела большой государственной важности решались следующим образом: «продуманно соединили южное и северное, сверили со старинными книгами и так учредили...» [Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1984, с. 16]. Известно также, что при дворе в начале VIII в. существовало «Управление по историографии» (позже – «Историографическое бюро»), книгохранилища для ранних исторических сочинений, начиная с эпохи Чжоу. Танские историографы прекрасно знали события, происходившие при ранних и поздних Ханях. Об этом прямо свидетельствует историк-теоретик Лю Чжи-цзи (он же Лю Цзы-сюань, 661–721 гг.) в своем известном сочинении 710 г. «Ши тун» («Проникновение в историю») [Вяткин Р.В., 1977, с. 62–83].

Едва ли первые танские императоры для укрепления своего положения на престоле не распорядились, «сверясь со старинными книгами», составить историю своих предков. Несомненно, что историографы танского времени без документальных первоисточников ничего не знали бы ни о государстве Гяньгунь (Цзяньгунь), ни о динлинах, ни о смешении их с гяньгунями, ни об истории с Ли Лином. Между тем «Синь Таншу» сообщает: «Хагас есть древнее государство Гяньгунь... Жители перемешались с динлинами. Владение Хагас некогда составляло западные пределы хуннов. Хунны покорившегося им китайского полководца Ли Лина возвели в достоинство *западного* Чжуки-князя (выделено мной. – Л.К.)» [Бичурин Н.Я., 1950, с. 350–351].

Из многих сообщений следует, что историографы танской эпохи и позже имели дело не с давней китайской легендой о Ли Лине, а с имеющимися в их распоряжении древними письменными источниками, на которые они нередко ссылаются. Например, в энциклопедии X в. «Тайпинхуанюйцзи» прямо сказано: «Ибо в «Сиюйцзи» («Записки о Западном крае») сочинения Цзя Хуэя говорится: «Имеющие черные волосы и черные глаза – это потомки Ли Лина». Поэтому их самоназвание есть «потомки дувэя» (главноуправляющего, т.е. Ли Лина. – Л.К.)» [Кюннер Н.В., 1961, с. 55; Кызласов Л.Р., 1992, с. 55–61].

Другим примером великолепного знания древних документов и использования установившейся литературной традиции являются доклады Ли Дэ-юя, первого министра танских императоров Вэнь-цзуна (827–841 гг.) и У-цзуна (841–846 гг.). Автор-министр ссылается на массу источников и в первую очередь на исторические данные эпохи Хань. Ли Дэ-юй использует версию о существовании родства Дома Тан и древнехакасских каганов «через Ли Лина, который, попав в плен, был назначен наместником во владения хакасов» [Супруненко Г.П., 1975, с. 81].

Таким образом, несмотря на некоторую неясность указаний сохранившихся до нас ханьских сочинений, современные историки не имеют оснований игнорировать прямые указа-

ния танских летописцев о пребывании Ли Лина в период его пленения в 99–75 гг. до н.э. и в бытность его наместником гуннов в древнем «государстве Гяньгунь» или во «владении Хагас». Все это было документально известно как танским, так и последующим историкам. Знания об этом, возможно в записи, веками сохранялись, как мы видели, и на Среднем Енисее.

Знаменательно, что время пребывания Ли Лина «государем гяньгуней» на Енисее точно совпадает с археологически установленной датой обитания построенного по инициативе гуннских властей и в первую очередь, очевидно, по распоряжению самого Ли Лина Ташебинского дворца.

2. Государь страны Гяньгунь

Кем же был гуннский князь Ли Лин? Ли Лин – ханьский аристократ, генерал, имевший второе имя Шао-цин. Рано умерший отец его Ли Данху был сыном знаменитого полководца Ли Гуана. Лин был хорошим воином, искусно ездил верхом и стрелял из лука, в молодости имел высокое звание окольничего и занимал должность придворного смотрителя императорского дворца Цзяньчжан, построенного в 104 г. до н.э. Он был доброжелателен к людям и скромно держался с низшими, чем приобрел широкую известность.

Император У-ди, считая, что Ли Лину присущи черты характера его деда, приказал ему командовать отрядом из 600 всадников, затем назначил на должность генерала конной стражи, и Ли Лин стал командовать корпусом в пять тысяч лучников. Далее Ли Лин успешно участвовал во многих военных операциях и под верховным командованием своего деда – военачальника Ли Гуана. «Жизнеописание Ли Лина» составляет главу 54 в «Истории ранней династии Хань» историографа Бань Гу [Таскин В.С., 1973, с. 109–117; Pfizmaier P., 1863].

Быть может, лучшую характеристику Ли Лину дал защитник генерала перед императором, впоследствии пострадавший за это, великий ханьский историк Сыма Цянь (145–87 гг. до н.э.). Вот его слова: «Я, Придворный Историограф, так скажу. В преданьях передают: «Кто честен и прям, тому приказывать не надо; кто с честью не знаком, тому приказывать нет пользы». Это о командующем Ли сказано. Я смотрю на это так: командующий Ли был чистосердечен, как бывают чистосердечны простые люди; он не умел говорить цветисто; когда же наступил час его смерти, в Поднебесной безмерно скорбели о нем – знавшие его и не знавшие. Он был честен и прямодушен, простые воины и дафу верили ему. Есть пословица: «Персик и слива не умеют говорить⁴, но к ним не зарастает тропа». В этих коротких словах заключен большой смысл» [Алиханова Ю.М., Никитина В.Б., Померанцева Л.Е., 1984, с. 312; Сыма Цянь, 1972, с. 26].

В 99 г. до н.э. Ли Лин, стремясь помочь ведущему трудную степную войну Эршискому военачальнику Ли Гуан-ли, во главе малого корпуса из 5000 пехотинцев выступил в поход из города Цзюйяня, который находился на реке, ныне именуемой Эцзин-гол, на месте позднейшего Хара-хото – Ицзина [Таскин В.С., 1973, с. 111; Казин В.Н., 1961, с. 277], т.е. там, где южная пустыня Алашань переходит в северную каменную степь Гоби. В течение 30 дней Ли Лин двигался на север, не встречая войск врага. Заманив ханьский корпус в безлюдные горы, конница гуннов окружила отряд, но в начале была разбита и потеряла до 13 тысяч человек. Только после подхода 80 тысяч свежих гуннских всадников, небольшое войско Ли Лина стало отходить на юг, ведя постоянные сражения и нанося урон неприятелю. Шанью уже было собирался отступать, когда начальник разведки китайского корпуса предал

⁴ Использована игра слов: фамилия «Ли» и слово «слива» пишутся одним и тем же иероглифом.

своих и рассказал предводителю гуннов, что отряд Ли Лина не имеет резервов, стрелы на исходе и солдат осталось всего около полутора тысяч. Загнав китайцев в ущелье и завалив камнями выходы из него, гунны с окружающих высот расстреливали врага. Видя полную безнадежность положения, Ли Лин распустил своих воинов и сдался.

Через год император Китая У-ди получил ложные сведения о том, что Ли Лин в плену обучает гуннов военному делу для борьбы против ханьских войск. Придя в ярость, император казнил мать Ли Лина, его младших братьев, жену и детей. Великого первого историографа древнего Китая Сыма Цяня, который пытался защищать Ли Лина, подвергли традиционной и страшной в глазах китайца каре – его приказано было кастрировать, дабы прервать его род [Таскин В.С., 1973, с. 115].

Так отпрыск древнего аристократического рода генерал Ли Лин был полностью лишен надежды вернуться на родину.

Однако в действительности он вел себя на чужбине иначе. За то, что Ли Лин приказал пленному солдату убить китайского изменника Ли Сюя, истинного учителя гуннских воинов, старшая жена шаньюя (яньчжи) возненавидела Ли Лина и хотела его убить. Вот тогда-то, в 98 г. до н.э., «шаньюй спрятал его на севере, откуда он вернулся только после смерти старшей яньчжи» в начале 97 г. до н.э.

Вероятно, 98 г. до н.э. и является годом переезда Ли Лина «на север», т.е. на Средний Енисей, где, согласно его положения, началось строительство Ташебинского дворца, а позднее, уже в 97 г., когда шаньюй Цзюйдихоу, «одобрительно относившийся к поступку Ли Лина, дал ему в жены свою дочь и поставил юсяо-ваном (по Н.Я. Бичурину, «западным Чжуки-князем»), а Вэй Люя поставил динлин-ваном (с пребыванием в Прибайкалье. – Л.К.), повысил обоих и использовал на службе... Ли Лин жил вне ставки и, только когда возникали важные дела, являлся на обсуждение» [Таскин В.С., 1973, с. 115–116; Бичурин Н.Я., 1950, с. 73, 75, 351].

Можно полагать, что князь Ли Лин около 97–96 гг. до н.э. уже жил с новой семьей в своем отстроенном Ташебинском доме, где родился и упоминаемый в связи с событиями 56 г. до н.э. «сын Ли Лина». По данным Н.Я. Бичурина, как помним, «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас, где потомки его царствовали почти до времен Чингиз-хана» [Таскин В.С., 1973, с. 34; Бичурин Н.Я., 1950, с. 73, 75, 334, 351].

То, что шаньюй Цзюйдихоу пожаловал высокие княжеские титулы иноземцам Ли Лину и Вэй Люю за их службу, свидетельствует о произошедшем уже к этому времени подрыве значения гуннской родовой аристократии. Что давало звание правящего князя в государстве гуннов, видно из следующих слов правителя прибайкальских динлинов Вэй Люя: «был пожалован титулом вана (князя. – Л.К.) и сейчас имею несколько десятков тысяч народа, а мои лошади и скот заполнили горы, вот насколько я богат и знатен». Несомненно, «князь-ван» у гуннов получал в удел немалые земли и их население. Очевидно, так же богат был на Енисее и Ли Лин.

И о его богатстве, и о том доверии и почете, которым он пользовался у гуннского правителя, как и о том, что у самого Ли Лина было в то время на душе, повествует такая история. Когда в 100 г. до н.э. заступил на царство шаньюй Цзюйдихоу, к гуннам прибыл ханьский посол Су У, которого шаньюй, из-за интриг подчиненных, не только не отпустил обратно в Китай, но и арестовал, а затем сослал на Бэйхай (Байкал), унизив до пастьбы баранов. Шаньюй никак не мог уговорить Су У изменить родине и перейти на службу к гуннам. Сначала посла искушал и уговаривал управляющий динлинскими землями Вэй Люй, но, как мы уже говорили, через 10 лет (в 90-м г. до н.э.), когда зимой «динлины на Байкале украли у Су У рогатый скот и овец» и последний оказался в бедственном положении, шаньюй, в связи с болезнью динлин-вана Вэй Люя, послал к опальному чужеземцу в качестве «главноуговаривающего» его друга князя Ли Лина, который, следовательно, жил поблизос-

ти. Ли Лин с женою привезли разной снеди, устроили для Су У, «пиршество с музыкой» и увещевали его: «Жизнь человека подобна утренней росе, к чему Вам так долго мучить себя подобным образом?». После нескольких дней пира и уговоров «Ли Лин, увидев необыкновенную преданность Су У, сказал с глубоким вздохом одобрения: «О, Вы человек высокого долга. Мои же преступления, как и преступления Вэй Люя, настолько велики, что достигают неба». Из глаз его покатались слезы и смочили ворот одежды, и он расстался с Су У. Стыдясь сам сделать подарок, Ли Лин приказал жене подарить Су У несколько десятков голов крупного рогатого скота и овец».

В 81 г. до н.э., в связи с хронической болезнью динлин-вана, князь Ли Лин еще раз приезжал с Енисея на Байкал. Теперь он провожал посла, которого спустя 19 лет шаньюй гуннов наконец-то отпускал домой. На Байкале цвела весна. Опять «Ли Лин устроил пиршество и, поздравляя Су У, сказал: «Теперь Вы возвращаетесь на родину, Ваше имя прославилось среди сюнну, а Ваши заслуги стали ясными для династии Хань и никто не превзошел Вас, Цзы-цин, даже из тех, о ком написано на древнем шелке и бамбуке или нарисовано на картинах. Я же, Ли Лин, заурядный и робкий человек, но если бы император Хань простил совершенное мною преступление и сохранил жизнь моей престарелой матери, это придало бы мне решимость смыть выпавший на мою долю великий позор... Я бы не забывал бы об этой милости ни утром, ни вечером. Однако моя семья схвачена и истреблена, это является величайшим позором и мне не на что больше надеяться. Все кончено. Я хочу лишь, чтобы Вы знали, что у меня на сердце. Человек другой страны, теперь мы расстаемся и уже навсегда». «Ли Лин встал, начал танцевать и пропел песню, в которой говорилось:

Я прошел 10000 ли, пересек пустыню
И как военачальник императора решительно бился с сюнну.
Попал в пути в безвыходное положение.
Стрелы вышли, мечи изломались.
Воины погибли, а вместе с ними
Была потеряна моя слава.
Моя престарелая мать уже мертва.
И хотя я желал бы отблагодарить императора за милости,
Как я могу вернуться обратно?

После этого из глаз Ли Лина выкатилось несколько слезинок, и он расстался с Су У» [Таскин В.С., 1973, с. 105, 106].

Был и другой случай, когда в 86 г. до н.э. ханьский посол к гуннам «...Ли-чжэн... сказал Ли Лину: «Вы тоже приняли решение [вернуться]?» Ли Лин ответил: «Мужчина, достойный этого имени, не может дважды терпеть позор!» Ли Лин прожил среди сюнну почти 24 года. В 1-м году эры правления Юань-пин (75 г. до н.э.) он заболел и умер» [Таскин В.С., 1973, с. 116, 117]. После того, как отмечавшая место его захоронения на р. Ташебе каменная статуя боевого коня была много позднее разбита, где-то среди тысяч древних могил, в пропитанной слезами, п(то)м и кровью всепоглощающей и всепокрывающей земле – некрополе многих племен и многих народов, – в вечно цветущей земле Хакасии затерялась могила Ли Лина...

Это почти все, что нам известно об утонченном ханьском аристократе, талантливом воине, суровом государе-владельце завоеванных северо-западных земель гуннского государства – огромного Саяно-Алтайского нагорья, – хозяине Ташебинского дворца, ставшим, ввиду своего единодержавного правления и наличия тюркоязычных внуков-последователей, реальным родоначальником сначала гяньгуньской, а затем средневековой древнехакасской династии. Во всяком случае, опираясь на память о первом государе, род Хырщыс оставался царствующим на Енисее вплоть до начала XVIII в. н.э.

В раннесредневековой и более поздней китайской классической литературе Ли Лин и его друг по несчастью Су У стали постоянными и любимыми образами честных героев, несправедливо пострадавших за родину. Эти древние аристократы крови и духа с драматическими судьбами, обреченные влачить свои дни вдали от Китая, среди «грубых варваров» северных стран с чуждой ханьцам духовной и материальной культурой, стали литературными метафорами. Легенда о том, что китайский аристократ, ставший высокопоставленным сановником гуннского государства, жил там в войлочной юрте, основана не на историческом факте, а всего лишь на давнем и распространенном литературном приеме. В отличие от художественных произведений китайские исторические источники даже о традиционной ставке самого гуннского шаньюя повествуют, применяя термин «тин», что в языке ханьцев означало не «юрта (хунлу)» и не «шатер (чжан)», а «дворцовое помещение» [Кычанов Е.И., 1997, с. 11, 12]. Такое словоупотребление в досконально ранжированном древнекитайском обществе, тем более в официальных дворцовых сочинениях, не могло быть случайным.

Академик В.М. Алексеев перевел одно из мастерских литературных произведений о Ли Лине неизвестного автора, который, для большего воздействия на просвещенного читателя, при публикации предпочел остаться в тени и, очевидно с благими намерениями, приписал авторство самому Ли Лину [Алексеев В.М., 1958, с. 156–166 и 21]. Отмечаем этот известный ученым-синологам давний литературный подлог как предупреждение последующим историкам, поныне иногда использующим этот текст в качестве «редкого исторического первоисточника». К сожалению, некритическое отношение приводит исследователей к ошибкам [см.: Бернштам А.Н., 1946, с. 481; Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1979, с. 132].

3. Проблема гяньгуньской прародины

Бурное гуннское завоевание Южной Сибири в 201 г. до н.э. оттеснило разбитых динлинов в издревле им же принадлежавшую лесостепную зону, вытянутую в широтном направлении от оз. Байкал до предгорий Алтая. Гунны поселили древнейшую из известных тюркоязычную народность гяньгуней-кыргызов к югу от Солгонского кряжа, на степные земли бывшего дотоле полулегендарного царства динлинов (в археологии тагарская культура, кит. Динлинго, угро-самодийско-кетоязычного государства) [Кызласов Л.Р., 1960, с. 161–166; 1984, с. 15–20]. Переселение осуществлялось, по-видимому, из котловины Больших озер Центральной Азии (оз. Хиргис). Так, безусловно, следует понимать истолкование Чэнь Вэй-ду, комментатора династии Цин: «Цзянькунь находится в нижнем течении реки Цырцысь» (р. Кыргыз, впадающая в озеро Кыргыз-нур) [Зуев Ю.А., 1957, с. 63, прим. 8]. Переселение не было однократным, но уже к 40 г. до н.э., когда последняя орда гуннов ушла с Енисея в Среднюю Азию, оставшееся население долин Среднего Енисея, Абакана и Чульма оказалось настолько консолидированным, что создало единую особую культуру, которую археологи называют таштыкской.

Гяньгуни, впервые упоминаемые древними китайскими хрониками в связи с названными событиями конца III в. до н.э., привлекают особое внимание, поскольку являются древнейшими из известных этнических тюрков в истории. Отец китайской истории Сыма Цянь (живший в конце II – начале I в. до н.э.) в своих «Исторических записках» указал, что гуннский шаньюй «Маодунь покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлин, гэгуней и синьли» [Таскин В.С., 1968, с. 41]. Из всего этого списка древних народностей только гэгунь (или гяньгунь, в современном прочтении – цзяньгунь) признаны учеными транскрибированным знакомым этнонимом кыргыз (древнетюркское «кыркыз», хакасское «хырхыс ~ хыр-гыс» [Кызласов Л.Р., 1984, с. 16–20, 24, 25, 29, 31, 32, 43, 53–68].

Это утвердившееся мнение ученых, неоднократно указывалось не только китайскими ранними и средневековыми историографами, но и косвенно подтверждено при сопоставлении с собственно древнетюркскими (с VIII в.), арабскими, персидскими, монголоязычными и другими письменными источниками. Следует, однако, указать, что этноним *кыргыз* ~ *хырғыс* ~ *кыргыз* лингвисты не сумели разложить на местные тюркоязычные основы (как, впрочем, нет убедительных этимологий с привлечением других языковых семейств), значит, такой этноним не может быть признан тюркоязычным по своему происхождению. Когда-нибудь загадка этого иноязычного этнонима будет решена.

Наша работа впервые раскрывает тайну образования ранней династической традиции в недрах зародившегося первого государства Северной Азии. Именно эта династическая традиция сохраняла почти две тысячи лет в Южной Сибири государственную власть тюркоязычного царского рода *Хырғыс*.

Каково же было происхождение *гяньгуней* и откуда они пришли в западную часть Центральной Азии, в котловину Больших озер, пока почти ничего не известно. Письменные источники отчетливо различают происхождение алтайских *тюрков-тугю* и древних *хакасов* (*кыргызов*). Это выявляется при анализе древнейших легенд, записанных по рассказам самих древних *тюрков* и *гяньгуней* в раннем средневековье и сохраненных китайскими летописями. Прародителями *тюрков-тугю* считались мальчик и волчица, поселившиеся в пещере на Алтае и породившие 10 сыновей. Их старший внук *Надулу-шад* был поставлен государем «под наименованием *Тюрк* (*Тукюе*)».

Легенда о происхождении *гяньгуней-кыргызов* иная. Летописцы записали, «что рыжеволосые и белолицые *киргызы*, отказываясь возводить свой род к волкам, как это делали другие *тюрки*, заявляли, что они происходят от спаривания Бога с коровой в горной пещере» [Шефер Э., 1981, с. 107]. Итак, *гяньгуни* настаивали на своем божественном происхождении, чего, насколько известно, не заявляла ни одна из тюркоязычных народностей древности. (Возможно, что их богом был *Быкочеловек*). Сходство разновременных легенд *тюрков-тугю* и *гяньгуней-кыргызов* состоит только в одном – и те, и другие порождены в пещерах. Но очень многие разноязыкие народы мира искони связывают место своего зарождения с нутром горы – эти представления восходят еще к палеолиту [Кызласов И.Л., 1982]. Во всех этих случаях этнические коллективы гору «своего мира» считают священной космической осью «центра Вселенной», соединяющей Землю с Небом. Поэтому прилегающая к горе территория, составляющая обитаемый мир, расценивалась как местность сакральная, расположенная ближе всего к небу [Элиаде М., 1994, с. 31–33].

Первопредки *гяньгуней* по легенде тоже вышли из пещеры, что может указывать и на их горную прародину. Возможно, что это высокогорные степи – наилучшие пастбища для скотоводов, специализирующихся на разведении крупного рогатого скота и даже *яков*. Недаром *гяньгуни* особо почитали свою праматушку-корову. Как известно, культ коровы издревле присущ *индусам* и части *гималайско-гиндукушко-каракорумским горцев*. Между прочим, персидский географ *Гардизи* даже в XI в., сообщая, что у *кыргызов* Южной Сибири «красные волосы и белая кожа», добавлял, что «некоторые из них поклоняются корове...» [Кызласов Л.Р., 1984, с. 140 и 147]. Как видим, культ коровы в средневековой Сибири – это уже не легенда.

Наконец, со II–I вв. до н.э. известно, что *гяньгуни* свято поклонялись солнцу и огню, и потому единственным погребальным обрядом у них в течение двух тысяч лет (вплоть до XVIII в.) оставалось трупосожжение. Об этом сообщают все виды письменных источников: китайских, персидских, арабских и других, включая и русские. Тот же перс *Гардизи* добавлял: «*Киргизы*, подобно *индусам*, сжигают мертвых и говорят: «Огонь самая чистая вещь; все, что попадает в огонь, очищается; так и мертвого огонь очищает от грязи и грехов»» [Бартольд В., 1897, с. 111]. Другой персидский анонимный автор в сочинении «*Худуд*

ал-Алам» (982–983 гг.) писал о народе «хырхыз»: «Они поклоняются огню и сжигают мертвых» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, с. 41].

Характерной особенностью гянгуней – кыргызов – хакасов, отмечаемой, как мы видели, начиная от легенды об их происхождении, всеми письменными источниками (китайскими, персидскими, арабскими и даже тибетскими) [Кызласов Л.Р., 1984, с. 140, 152, 153], являлась их ярко выраженная европеоидность: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами» («Синь Таншу»); «Нет красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые» (ал-Омари, XIV в.).

Итак, антропологическая характеристика гянгуней-кыргызов не позволяет предполагать, что они вышли из далекой Индии. Хотя на это, казалось бы, намекают некоторые источники (Гардизи) и особенности культуры ранних гянгуней (поклонение солнцу, культ огня, обряд трупосожжений, почитание коровы-прародительницы). Но ведь рядом с Индией, по северо-восточную сторону отрогов Кунылуна и хребта Каракорум, лежит соседняя земля – «Сериндия», как ее называли географы и исследователи начала XX в. Там вдоль гор узкой полосой, с юго-западной стороны пустыни Такла-Макан, расположены известные оазисы: Хотан, Гума, Яркенд и Кашгар. В этих городах хотя и проживало некоторое количество смуглых индусов, но издревле главным населением были европеоидные по облику потомки индоевропейских народов, в том числе саков и тохаров. Хотано-сакский язык и написанные на нем документы датируются вплоть до VIII–X вв. н.э. включительно. С появлением гянгуней (кыркызов) связано, возможно, и появление во II–I вв. до н.э. на Енисее «кладов» в бронзовых котлах, которые в сакское время мы ранее застаем в Заилийском Алатау (пос. Иссык) и на оз. Иссык-куль. Это, несомненно, жертвенные комплексы.

Таким образом, вовсе не исключено, что склоны и высокогорные степи прилегающих к оазисам Сериндии горных хребтов Кунылуна и Каракорума некогда являлись прародиной гянгуней-кыргызов, переселенных затем гуннами с юга на далекий север. Такое предположение, отчасти объясняет особенности гянгуньского предания, обычаи и ярко выраженный европеоидный физический тип самого народа. Все это гянгуняне принесли на север и, став господствующей силой, старательно поддерживали почти две тысячи лет последующей своей истории.

В этом случае, может быть, понятнее становится и то, что «основная экспансия хакасов в IX в., по данным восточных и западных мусульманских авторов, была направлена в сторону Восточного Туркестана. Уже в 841–842 гг. древнехакасские войска, преследуя уйгуров, захватили часть Джунгарии, ворвались в Восточный Туркестан и в марте 843 г. покорили себе города Бэйтин (Бешбалык) и Аньси (Куча), дойдя до Кашгара... Восточнотуркестанский поход был сравнительно кратковременным и к началу X в. хакасы вернулись на территорию Северо-Западной Монголии и Тувы» [Кызласов Л.Р., 1984, с. 74–75]. Но какова же была цель столь дальнего похода и какими были его последствия? Все это, к сожалению, осталось неизвестно.

Между прочим, с Хотаном торговые и культурные связи государство хакасов (с царским родом Хырфыс во главе) поддерживало в течение весьма длительного времени. Заключив в VIII–IX вв. постоянное торговое соглашение, хотанские купцы-индоевропейцы и правители Древнехакасского государства создали на договорных началах крупную торговую факторию, которая разместилась в Северной Хакасии того времени – там, где вблизи Оби сходились излучины Томи и Чулыма. Хотанские купцы и местные тюрки называли новый город Гаустана (индоевропейское название Хотана) или Гаустина по-тюркски (по-русски: Грустина). Это был центр международной торговли и перевалочная база для диковинных южных товаров, меняемых на драгоценную пушнину, мамонтовые бивни, мускус, оружие и другие продукты Севера [Кызласов Л.Р., 1995; 1997]. Хакасские охранные отряды сопро-

вождали торговые караваны восточнотуркестанских, тибетских и среднеазиатских купцов от Семиречья и до самой Гаустины. Эта торговля продолжалась до начала XVIII в., вплоть до прихода русских казаков.

Как оказалось, и для русских до Хотана было «подать рукой» – дорога очень давно проторена. Есть вполне достоверное сообщение о том, что в начале XX в. одна старообрядческая община с женщинами и детьми в поисках «Земли обетованной» в короткое время сухими степями и полупустынями с Южного Алтая добралась до оз. Лобнор, а оттуда, обогнув пустыню, перешла прямо в Хотанский оазис [Белослюдов А., 1916, с. 32–35]. Выяснилось, что староверы, скрывавшиеся в горно-таежных дебрях Саяно-Алтая, хорошо знали древний маршрут верблюжьих купеческих караванов в Хотан и услугами проводников при этих переходах не пользовались.

Других источников для решения поставленной проблемы пока не имеется.

Здесь высказана только гипотеза. Может быть, единственно возможная на сегодняшний день. Гяньгуни (кыргызы) для истории приенисейских племен имели такое же значение, как русы (варяги) для истории восточных славян.

Библиографический список

- Алексеев В.М. Китайская классическая проза. М., 1958.
- Алиханова Ю.М., Никитина В.Б., Померанцева Л.Е. Литература Древнего Востока. Иран, Индия, Китай. Тексты. М., 1984.
- Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. СПб., 1897.
- Белослюдов А. К истории Беловодья // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1916. Т. 38.
- Бернштам А.Н. Рец.: Евтюхова Л., Левашева В. Раскопки китайского дома близ Абакана // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. 1946. Т. III. №5.
- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина», или Конец одной легенды // СЭ. 1976. №3.
- Вяткин Р.В. Письмо Лю Чжи-цзи об отставке // Китай: история культура и историография. М., 1977.
- Евтюхова Л.А. Древнекитайское здание на Енисее // ВДИ. 1946. №1.
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946а. Вып. 12.
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Ответ А.Н. Бернштаму // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946б. Т. 3. №6.
- Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I в. н.э. // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, экономики, философии и права. Алма-Ата, 1957. Вып. 2.
- Иакинф, монах. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Ч. 1.
- Казин В.Н. К истории Хара-хото // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. V.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. №2.

- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кызласов Л.Р. О городе гуннского наместника на р. Ташебе // Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.
- Кызласов Л.Р. Эпоха разложения первобытнообщинных отношений и создание ранней государственности // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
- Кызласов Л.Р. Загадка Грустины и Серпонова – торговых городов средневековой Сибири (по «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна) // ВМУ. Серия 8. История. №1. 1995.
- Кызласов Л.Р. Загадка Грустины и Серпонова, торговых городов средневековой Сибири // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 87. Helsinki, 1997.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дзонг: переднеазиатские архитектурные каноны на Енисее // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1992.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Супруненко Г.П. Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими народами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. Р.В. Вяткина. М., 1972. Т. 1.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. Вып. 1.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М., 1973. Вып. 2.
- Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. М., 1990. Вып. 2.
- Чжоу Лян-куань. Развалины дворца в китайском стиле, обнаруженного в Южной Сибири // Каогу сюэбао. Пекин, 1956. №4. (на кит. яз.).
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.
- Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- Joki A.J. Die Lehnwörter des Sajansamoedischen. Helsinki, 1952.
- Pfizmaier P. Die Heerführer Li-Khuang und Li-ling // Sitzungsberichte d. phil.-hist. Classe d. K. Akademie der Vissenschaft zu Wien. 1863. Bd. XLIV.

В.А. Могильников

Москва

КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Политическая ситуация и этническая карта Южной Сибири и Центральной Азии резко изменились в 40-х гг. IX в. В 841 г. древние хакасы, возглавляемые правящим родом Кыргызы, разгромили Уйгурский каганат и распространили свои владения на Туву, Монголию, Забайкалье, Причутье, Кузнецкую котловину, Алтай и его степные предгорья с прилежащими районами Верхнего Прииртышья. Присутствие древнехакасского компонента во второй половине IX–X вв. в указанном обширном регионе констатируется распространением погребений по обряду трупосожжения, совершенного вне места захоронения, под небольшими курганами на древнем горизонте или в неглубоких ямах. В предгорьях северо-западного Алтая такие погребения исследованы на верхнем Алее, в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края в курганных могильниках Гилево-I–V, IX, XV, Корболиха-II, VIII (см. карту). Примечательной особенностью этих некрополей является то, что курганы с трупосожжениями расположены в одних цепочках, по соседству с курганами, содержащими погребения по обряду трупоположения с конем или без коня, характерными для местного кимакского населения. Наиболее полно такое сочетание и наибольшее количество курганов с трупосожжениями представлено в курганном могильнике Гилево-I–V, в связи с чем данный некрополь целесообразно охарактеризовать полностью, а на остальных памятниках

выделить только курганы с кремациями, поскольку они там единичны при полном преобладании курганов с ингумациями. Краткая суммарная характеристика курганов с трупосожжениями могильника Гилево-I–V была дана нами в кратком тезисном изложении [Могильников В.А., 1972, с. 39–41]. Здесь остановимся на ней подробнее.

Курганный могильник Гилево-I–V располагался на длинном, довольно узком мысовидном выступе скальных пород, покрытых осадочными отложениями, который вдавался в пойму правого берега Алея и своим постепенно понижающимся окончанием-стрелкой подходил к реке, пересекая пойму (карта; рис. 1). Вкупе с подобным, но меньшим мысом на левом берегу Алея он был выбран для створа плотины Гилевского водохранилища и использован при сооружении плотины в качестве ее основания и естественного продолжения. Вдоль гребня мыса цепью, подразделяющейся небольшими промежутками на пять отрезков и ориентированной в общем направлении Ю-С, располагались 42 кургана, которые в соответствии с отрезками цепи получили наименование Гилево-I–V. Нумерация проведена от стрелки мыса к наиболее высокой части в его основании, где располагались наиболее крупные курганы группы Гилево-V. Здесь находились только курганы с трупоположениями. Число насыпей в отрезках цепочки неодинаково. В группе Гилево-I находилось три кургана, Гилево-II – 5, Гилево-III – 25, Гилево-IV – 2, Гилево-V – 7 насыпей (рис. 1).

Большинство насыпей похожи друг на друга. Это небольшие сооружения круглые или слегка овальные, диаметром преимущественно 6–8 м, высотой около 0,2 м, расплывшиеся. Полы их плавно сливаются с окружающей поверхностью почвы. Лишь небольшое число насыпей имели большую величину. Своими размерами выделялись курган 5 в группе Гилево-V, достигавший 20 м в диаметре и 0,65 м высоты, и курган 1 той же группы диаметром 6 м, высотой 0,75 м. Насыпи были задернованы и почти все имели в центре западины – следы старых грабительских раскопок, которые, как оказалось, очень сильно разрушили погребения. Насыпи курганов сложены из плотного чернозема с мелкой щебенкой. Подстилающая их погребенная почва также представляет собой чернозем со щебенкой и по цвету, и по структуре почти не отличается от насыпи. Это позволяет заключить, что насыпи курганов возводились из взятого по соседству грунта. Ниже погребенной почвы шел коричневатый суглинок со щебенкой, покрывавший слагающие мыс скальные породы.

Переходим к характеристике исследованных курганов в порядке их нумерации.

Гилево-I

В группе насчитывалось три кургана.

Курган 1 (разграблен), диаметр 7 м, высота – 0,4 м, в центре – грабительская воронка диаметром около 4 м, глубиной 0,4 м. На глубине 0,25 м в насыпи шла каменная наброска в виде кольца диаметром 4–4,25 м из одного ряда булыжников. В насыпи встречались отдельные разрозненные кости лошади, в том числе – три копыта. В 1,4 м к востоку от центра кургана на глубине 0,3 м обнаружено несколько кальцинированных косточек (рис. 2). В насыпи найдены также три фрагмента русской глазурованной керамики и мелкие обломки грубых лепных сосудов без орнамента, характерных для русской лепной посуды местного производства. Присутствие этой керамики объясняется существованием в дореволюционное время по соседству с курганом русского выселка. Под центром кургана в материке находилась овальная могильная яма размером 1,8х1,2 м, глубиной 0,9 м от вершины кургана, 0,37 м от уровня материкового суглинка, в котором она выкопана. Стенки ямы наклонные, дно в середине на 0,1 м глубже, чем по бокам. В заполнении ямы встречены три фрагмента керамики, орнаментированных рядом ямок и широкими резными пролощенными полосами (рис. 2.-4, 5), обломки глиняного котла (рис. 2.-3, 6, 7), маленький бесформенный обломок железного предмета и железная оковка (рис. 2.-2).

Ввиду разграбленности кургана характер погребения неясен. Форма и размер могильной ямы позволяют предположить скорее всего захоронение по ритуалу труположения, а кусочки кальцинированных косточек в насыпи не исключают возможности наличия погребения с кремацией.

Курган 2, диаметр 13 м, высота – 0,35 м, в центре – грабительская западина глубиной 0,1 м. Под центром кургана – подпрямоугольная могильная яма с закругленными углами, несколько расширенная в западной части, размером 2,7х1,6 м, глубиной 0,25 м от уровня материка, ориентированная 3-В (рис. 3). Против юго-западного угла могильной ямы и вдоль ее западной стенки на уровне древнего горизонта лежал скелет лошади на животе с подогнутыми ногами, без головы, обращенный передней частью туловища на ССЗ, почти на север. Южная половина могильной ямы была заполнена камнями от глубины чуть ниже уровня древнего горизонта и ниже. Кроме того, могильная яма на уровне горизонта была, очевидно, перекрыта бревенчатым накатом, остатки которого лежали вдоль над заполнением не заделтой грабительским прокопом западной части ямы и поверх слоя выкида к югу от могилы. К югу от края ямы остатки наката из восьми бревен простирались на 1,8 м (рис. 3).

Восточная половина ямы была перекопана при ограблении кургана, и в ней ничего не сохранилось. Остатки погребения лежали в западной части ямы. В северо-западном углу ее находилось немного мелких кусочков пережженных костей и угольков. К югу от них, у западного конца могильной ямы, лежали удила с 8-видными концами (рис. 4.-5) и пара 8-видных стремян (рис. 4.-10(1-3)). Чуть южнее их лежал второй комплект конской сбруи (рис. 4.-10(4-6)), представленный удилами с 8-видными концами, аналогичными вышеуказанным, но снабженными большими кольчатыми псалиями (рис. 4.-9). Тут же находилась аналогичная вышеописанным вторая пара 8-видных стремян с приплюснутой петлей путлища и широкой подножкой (рис. 4.-8). Одно из этих стремян лежало в 25 см к югу от другого. Удила находились поверх стремян. Очевидно, уздечка была положена на седло. Рядом со вторыми удилами лежал обломок железного палаша с загнутым в кольцо завершением рукояти (рис. 5.-7). Южнее находились остатки третьего комплекта сбруи – обломки такого же 8-видного стремени (рис. 4.-10(7)), фрагмент еще одних удил с 8-видными концами (рис. 4.-6), две железных пряжки с длинными щитками, два кольца, два железных наконечника ремня и две железных накладки на ремень (рис. 4.-1-4), представлявшие, очевидно, части уздечного гарнитура. Рядом со стремением лежал также пробой от седла (?) для приторачивания поклажи или сумы. Впрочем, возможно, что это звенья удил с отвалившимися или обломанными концами (рис. 4.-7).

Рядом с удилами и стремянами стоял распавшийся от коррозии железный котел (рис. 4.-10(11); рис. 5.-8), с западной стороны от стенок которого в расстоянии 1,5–2 см местами находилась тонкая серебряная фольга, к которой были приклепаны серебряные бляшки с изображением розетки, льва, двух грифончиков в виде сопоставленных петушков-фениксов (рис. 5.-1,3-5), растительного орнамента (рис. 5.-2), а также – серебряные накладки с гравированным растительным узором и заполнением поля мелкими кружочками, выбитыми пуансоном (рис. 5.-6). Возможно, серебряные бляшки и фольга являлись оправой железного котла. Однако не исключено, что скорее железный котел был поставлен в деревянный сосуд, венчик которого был оправлен серебряной фольгой и бляшками. Покрытие верхней части деревянных сосудов листовым благородным металлом известно со скифского времени [Волтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н., 1994, рис. 5], а оковки из листовой меди и серебра представлены у деревянных сосудов в средневековье*.

* Оковки из листовой меди от края деревянных сосудов довольно часто встречаются в обломках на городищах конца I – начала II тыс. в южнотаяжском Прииртышье, а также в отдельных курганах, наряду с глиняными сосудами. См.: [Могильников В.М., 1969, с. 84, рис. 37.-5].

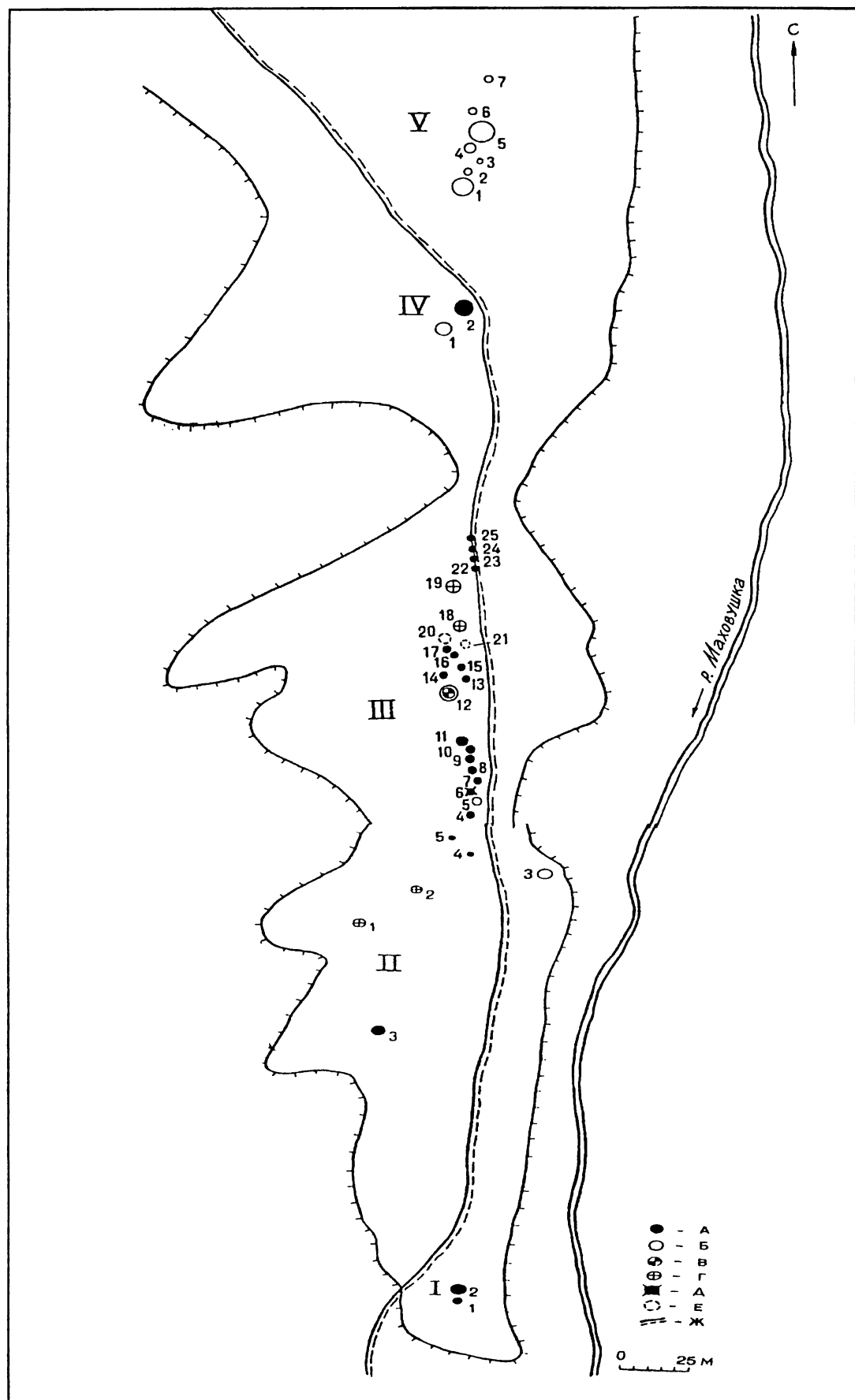

Рис. 1. План курганного могильника Гилево-I-V: А – курган с трупосожжением; Б – курган с труположением; В – кенотаф; Г – обряд четко не фиксируется из-за разграбления; Д – разрушенный курган; Е – неопределенные возвышения без находок; Ж – полевая дорога

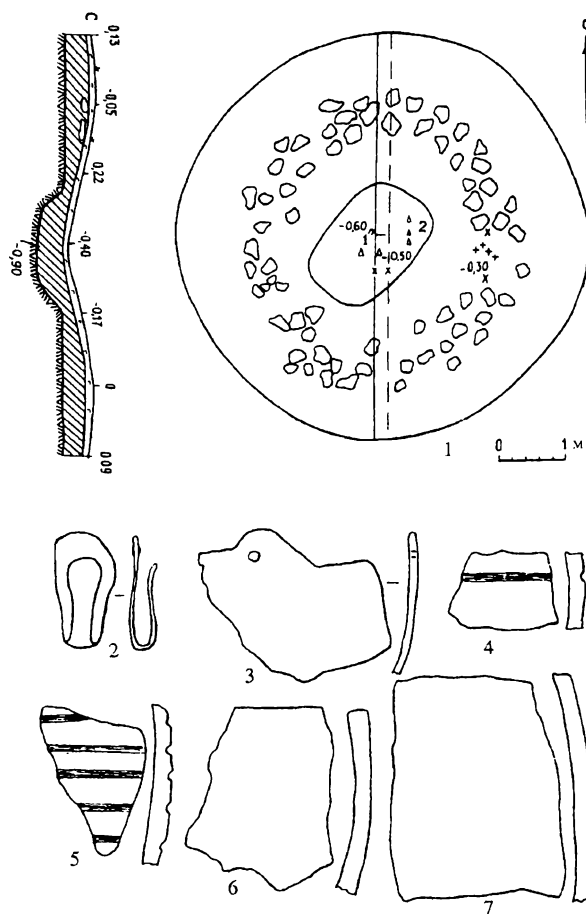

Рис. 2. Гилево-I, курган 1: 1 – план и разрез насыпи по Ю-С; 2 – железная оковка; 3–7 – фрагменты керамики

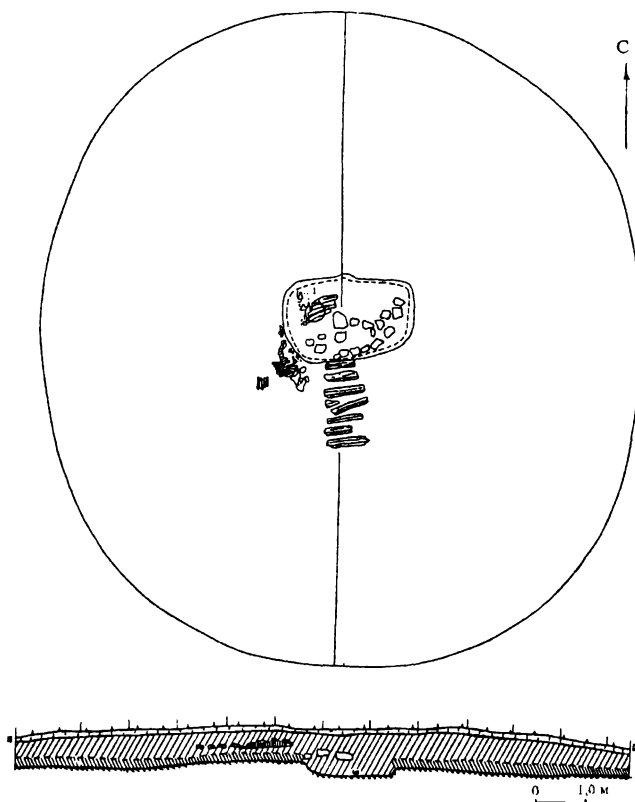

Рис. 3. Гилево-I, курган 2. План и разрез

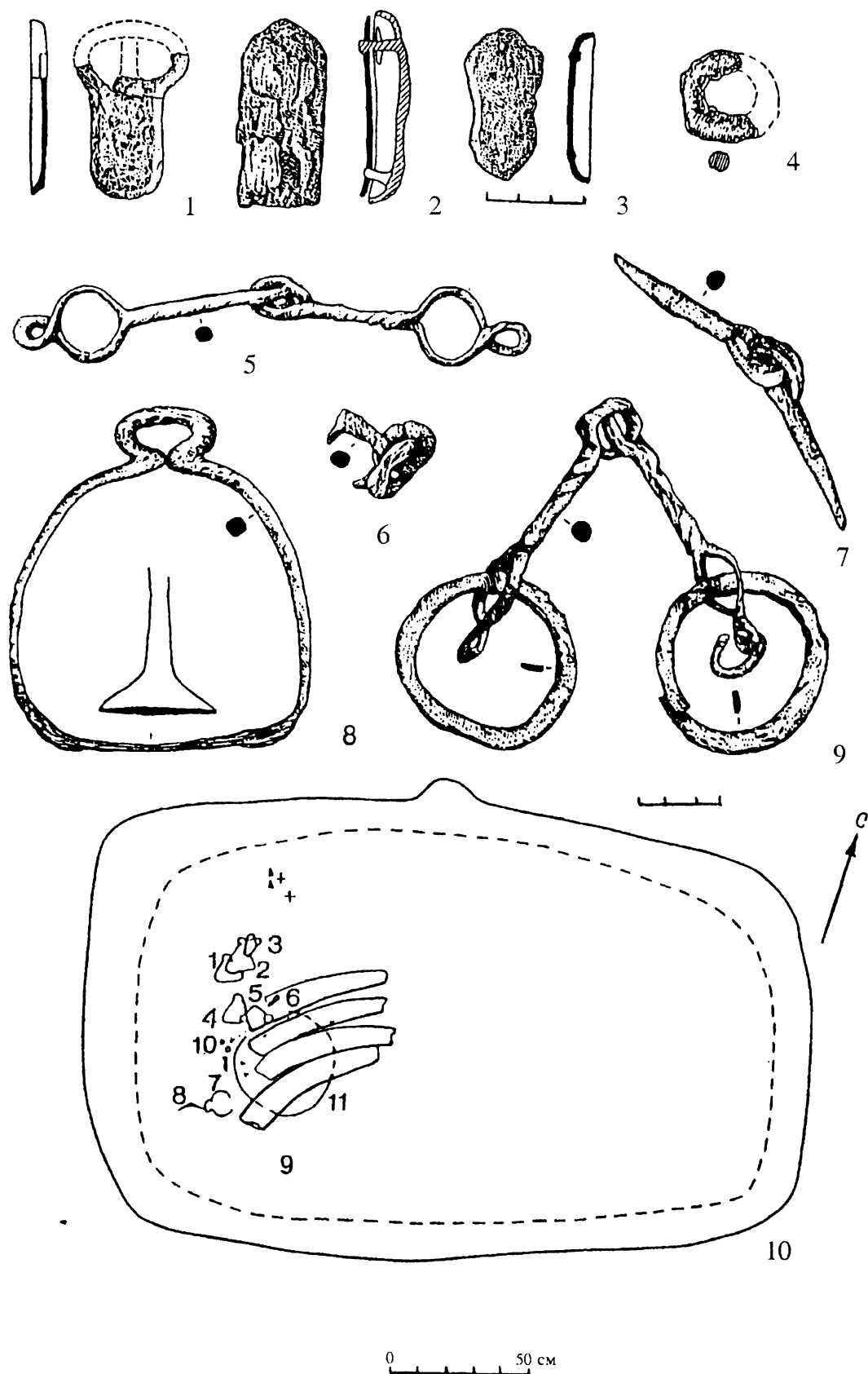

Рис. 4. Гилево-I, курган 2: 1-9 – детали сбруи, железо (1-4 – по 2 экз.; 5-7, 9 – по 1 экз.; 8 – 5 экз.); 10 – план могильной ямы (1, 2, 4, 5, 7 – стремена; 3, 5, 9 – удила (9 – обломок); 6 – обломок палаша; 8 – железный пробой, пряжки и бляшки узды; 10 – серебряные фольга с декоративными бляшками; 11 – железный котел-жаровня)

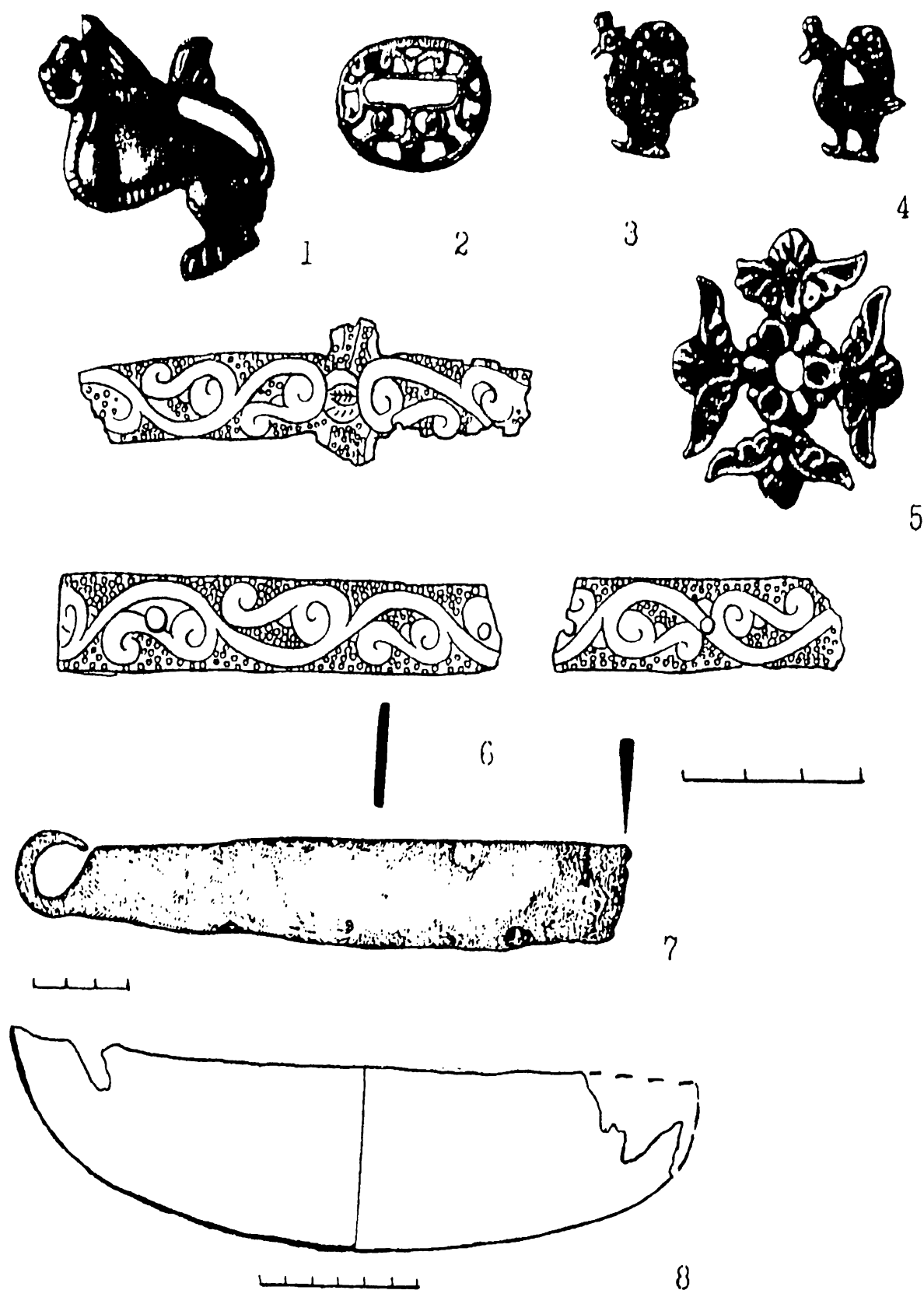

Рис. 5. Гилево-I, курган 2: 1-6 – бляшки и накладки от окантовки (?) края деревянного сосуда; 7 – палаш; 8 – жаровня. 1-6 – серебро; 7, 8 – железо

Наличие в могильной яме кальцинированных косточек и отсутствие каких-либо следов захоронения по обряду ингумации, свидетельствует, что совершено захоронение керамики несмотря на большой размер могильной ямы, форма которой идентичная могильным ямам погребений с труположениями.

Курган 3, диаметр около 10 м, раскопан Я.А. Шером в 1970 г. Под курганом находилась яма глубиной 0,8 м, в которой встречены кусочки кальцинированных костей, угольки и сильно коррозированный трехлопастный черешковый наконечник стрелы. Дата по $14C - 1050 \pm 70$ лет назад [см.: Шер Я.А. Отчет..., с. 3].

Гилево-II

Насчитывает пять курганов, три с ингумациями (№1–3), два (№4, 5), вероятно, с кремациями.

Курган 1 (разграблен), диаметр 8 м, высота – 0,28 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3 м, глубиной 0,27 м. Под центром кургана – могильная яма размером 2,2х1,1 м, подпрямоугольной формы, глубиной в материке 0,45 м, ориентированная З-В. Стенки слегка наклонные, дно в центре углублено по отношению к краям. В заполнении могильной ямы на глубине 0,4 м найдена челюсть лошади, на глубине 0,45 м у дна – бабка лошади, а около южной стенки могилы – черешок железного наконечника стрелы.

Разграбленность кургана не позволяет уверенно говорить об обряде погребения. Судя по размерам могильной ямы и по тому, что черешок от наконечника стрелы не имел следов пребывания в огне, можно предполагать, что здесь было захоронение по обряду ингумации.

Курган 2, диаметр 6 м, высота 0,19 м, в центре – углубление от грабительского прокопа диаметром 2,5 м, глубиной 0,14 м. В насыпи кургана, на глубине 0,2 м, в 1,1 м к западу от центра, встречена кость лошади. Под центром кургана – овальная могильная яма размером 1,6х1,3 м, глубиной от уровня материка 0,45 м, ориентированная ЮЮВ-ССЗ. В заполнении найдены четыре кости лошади и один неопределенный обломок кости, лежавшие в беспорядке. Погребение разграблено. Судя по размерам могильной ямы, можно предполагать наличие здесь погребения с ингумацией или кенотаф.

Курган 3 (6), диаметр 12 м, высота 0,36 м, в центре – грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0,5 м. Под насыпью, около уровня древнего горизонта, в 2,7 м к юго-востоку от центра кургана находилась выкладка размером 0,7х0,75 м, подпрямоугольной формы из одного слоя камней (рис. 6). На той же глубине, в 2,5 м к ССВ от центра, лежал берестяной колчан плохой сохранности с разрушенными коррозией наконечниками стрел (рис. 6.-1(7)), точное количество которых не устанавливается. Под юго-западной полкой кургана, на глубине 0,2 и 0,5 м, встречены остатки древесного тлена размером 0,5х0,4 и 0,6х0,5 м, возможно, остатки каких-то деревянных предметов. Под северо-западной полкой найдены на глубине 0,25 м обломок железного трехлопастного наконечника стрелы, а на глубине 0,35 м – наконечники ремней – железный (рис. 6.-9) и серебряный позолоченный, украшенный растительным орнаментом (рис. 6.-6). Кроме того, в насыпи кургана попадались отдельные разрозненные кости животных и человека, выкинутые из могильной ямы при частичном разрушении погребения.

Под центральной частью кургана находилась почти квадратная с закругленными углами могильная яма размером на уровне материка 2,5х2,5 м, углублявшаяся в материк на 0,85 м (рис. 7.-12). Стенки ямы наклонные и ориентированы по странам света. Могила содержала коллективное погребение трех человек (взрослого мужчины 35–55 лет и двух подростков 7–9 и 9–11 лет, здесь и далее определения Н.Н. Мамоновой в Институте этнографии АН СССР). Погребенные лежали рядом, на спине, вытянуто, головами на восток. При этом костяк мужчины лежал вдоль южной стенки ямы и в наибольшей мере был разрушен при

ограблении кургана. Вдоль северного бока этого погребенного было расположено копьё, от которого сохранился железный втульчатый наконечник (рис. 7.-11), лежавший с правой стороны от черепа острием к восточной стенке могилы. С обеих сторон от черепа лежали пять железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 7.-1-5), а также кусочек угля. С этим же костяком, очевидно, связаны найденные в западной перекопанной части заполнения могилы в перемещенном состоянии костяной язычок от пряжки (рис. 6.-10), а также костяной наконечник ремня, имитирующий по форме металлические наконечники (рис. 6.-5), железный напильник (рис. 7.-10) и наконечники стрел (рис. 7.-6,7).

Кости подростков плохой сохранности, хотя их скелеты не были нарушены при ограблении. У среднего костяка в области пояса лежали 8 железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 7.-12(14)), направленных остриями вверх, в сторону черепа. Возле левой тазовой кости северного погребенного обнаружены три костяных черешковых наконечника стрел плохой сохранности, а рядом с левой бедренной костью находился сильно коррозированный маленький железный нож. Между бедренными костями помещалось железное тесло (рис. 7.-9). В 15 см к востоку от него и справа от правой бедренной кости – три бронзовых сердцевидных бляшки, а также округлая бляха-распределитель от перекрестия ремней портупей (рис. 6.-4).

К западу от этих костяков, в заполнении у дна могильной ямы, находилась бронзовая якорьковидная бляшка-подвеска, подобная представленным в памятниках Казахстана IX–X вв. [Арсланова Ф.Х., 1968, вклейка, рис. 178], железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы и две накладки треугольной формы из листового серебра (рис. 6.-2, 3).

В заполнении могильной ямы встречались мелкие кусочки угля. Положение костяков, их сохранность и инвентарь позволяют считать, что все трое, мужчина и оба подростка, были погребены одновременно.

Курган 4 (7), диаметр 5,8 м, высота 0,25 м – со стороны южного края и 0,08 м – северной стороны, что объясняется расположением кургана на склоне мыса, понижающемся к югу. Под насыпью на уровне древнего горизонта к СЗ, ЮЗ и СВ от центра, на глубине 0,15 и 0,25 м находились скопления мелких угольков, возможно, связанных с останками трупосожжения на стороне.

Курган 5 (8), диаметр 5,85 м, высота 0,25 м. Под насыпью, на древнем горизонте, на глубине 0,24 м, в 0,8 м к ССЗ от центра, на пространстве 0,8х0,6 м находилась золистая прослойка с мелкими угольками толщиной около 1 см, вытянутая с востока на запад. Вещей нет.

Гилево-III

В группе (отрезке цепочки) насчитывалось 25 курганов, в том числе с трупосожжением – 16, ингумация с конем – 1, кенотаф – 1, предположительно трупоположений – 2 (разграблены), неопределенных – 5.

Курган 1 (9), диаметр 6 м, высота 0,15 м. Под насыпью, около уровня древнего горизонта, было выложено кольцо из булыжников весом 5–6 кг, лежавших на некотором расстоянии друг от друга. Под центром кургана – подпрямоугольная с закругленными углами яма размером 1,75х1,05 м, глубиной 1,15 м от уровня материка, ориентированная З-В, заполненная мешаным суглинком со щебенкой. Находок не обнаружено. Возможно, это кенотаф.

Курган 2 (10), диаметр 6 м, высота 0,2 м. Около центра, под северо-западной полой насыпи, встречены мелкие кусочки пережженных косточек, угольки и железный наконечник ремня (рис. 8.-4), подобный представленным в курганах аскизской культуры [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 44.-1].

Курган 3 (11), диаметр 6 м, высота 0,17 м. Около центра на древнем горизонте, на глубине 0,15 м, встречены мелкие кусочки пережженных костей и угольки.

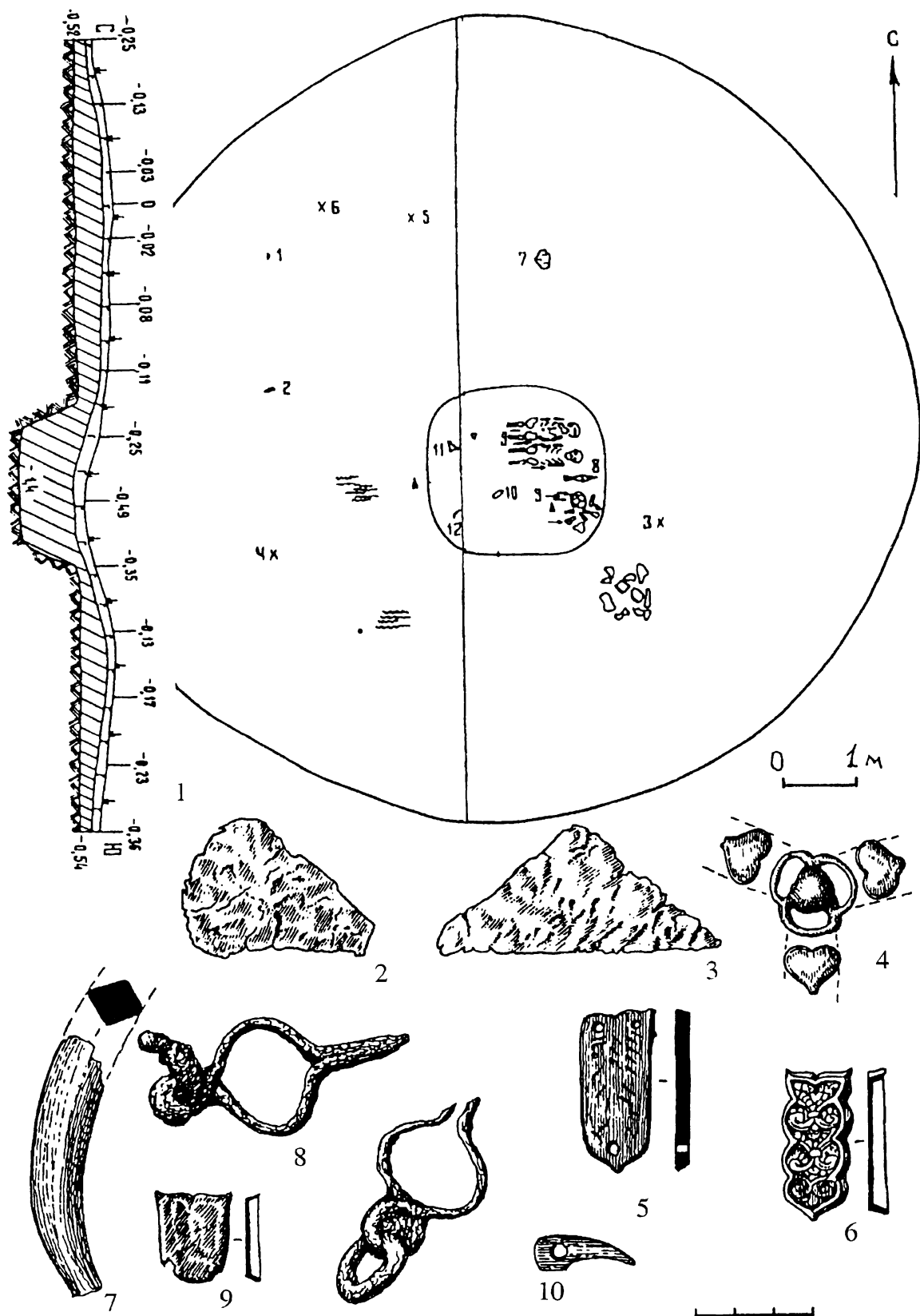

Рис. 6. Гилево-II, курган 3: 1 – план и разрез (1, 9 – наконечники стрел; 2 – медный наконечник ремня; 3–6 – отдельные кости животных; 7 – куски бересты (от колчана – ?); 8 – наконечник копья; 10 – костяной наконечник ремня; 11 – две серебряные накладки; 12 – костяной язычок (от подпружной (?) пряжки). 2, 3 – декоративные накладки; 4 – бляхи портупеи; 5, 6, 9 – наконечники ремней; 7 – псалий; 8 – удила; 10 – язычок пряжки. 2, 3 – серебро; 4, 9 – медь; 5, 7, 10 – кость; 6 – медно-серебряный сплав с позолотой; 8 – железо

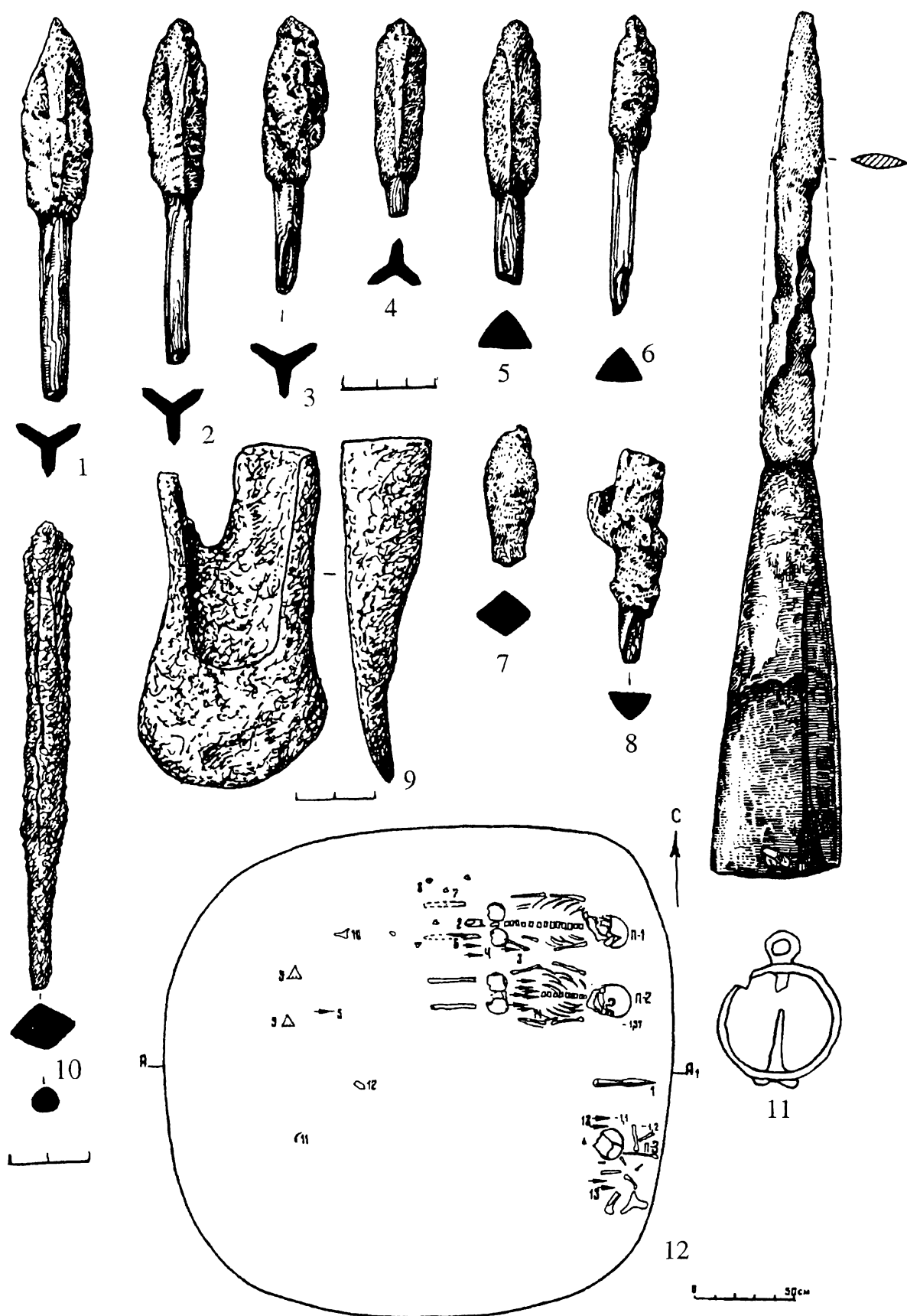

Рис. 7. Гилево-II, курган 3: 1-8 – наконечники стрел; 9 – тесло; 10 – напильник; 11 – наконечник копья. Железо. 12 – план погребения (1 – наконечник копья; 2 – тесло; 3-5, 13, 14 – железные наконечники стрел; 6 – нож; 7, 8, 10 – бронзовые бляхи от портупеи; 9 – серебряные накладки; 11 – костяной язычок подпружной (?) пряжки; 12 – костяной наконечник ремня; 15 – напильник)

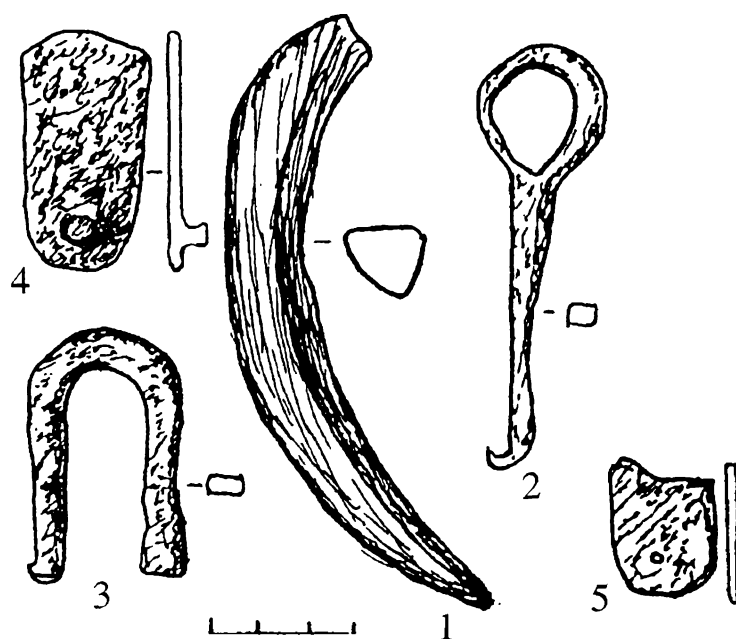
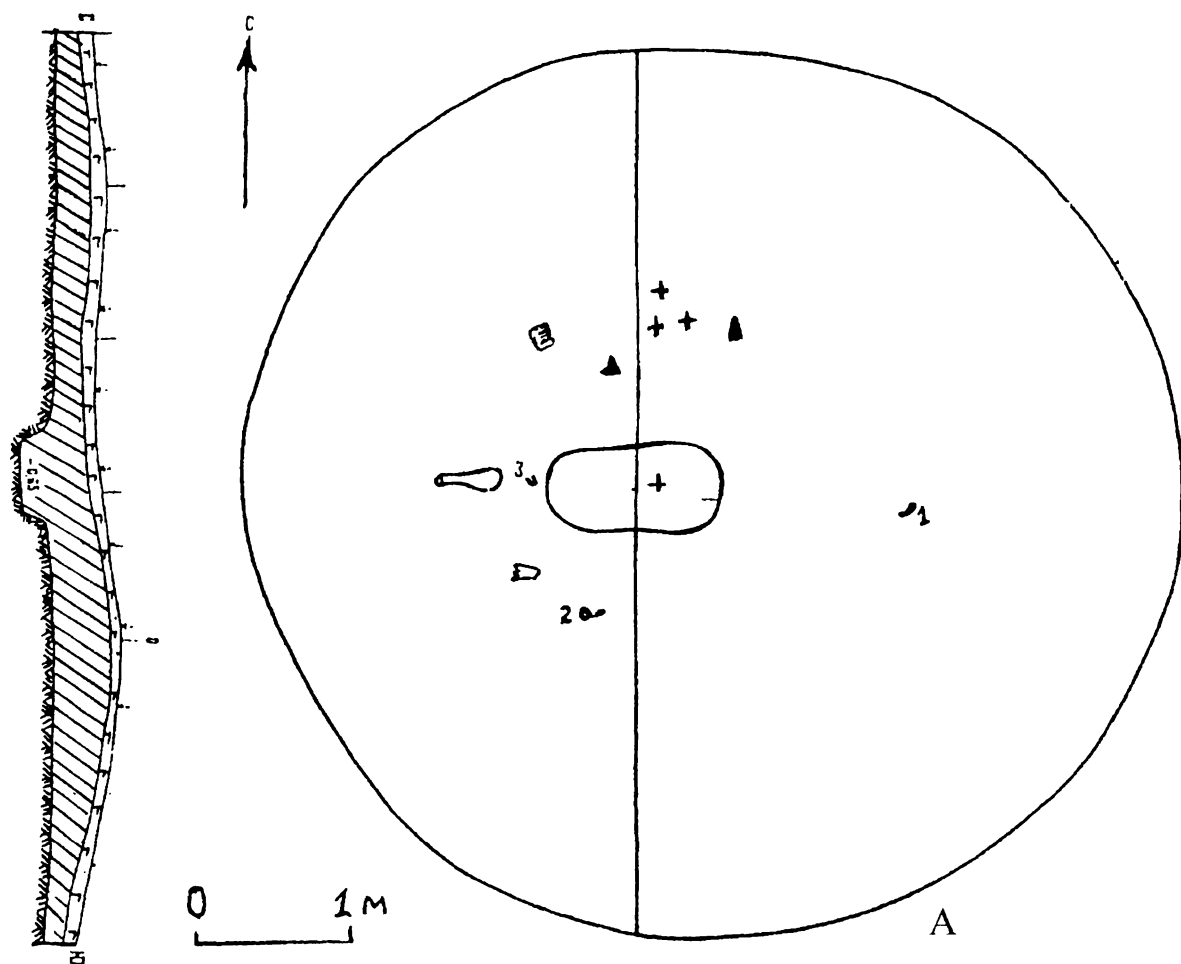

Рис. 8. Гилево-III. А, 1-3 – курган 4; 4 – курган 2; 5 – курган 14. 1 – клык кабана; 2-5 – железо

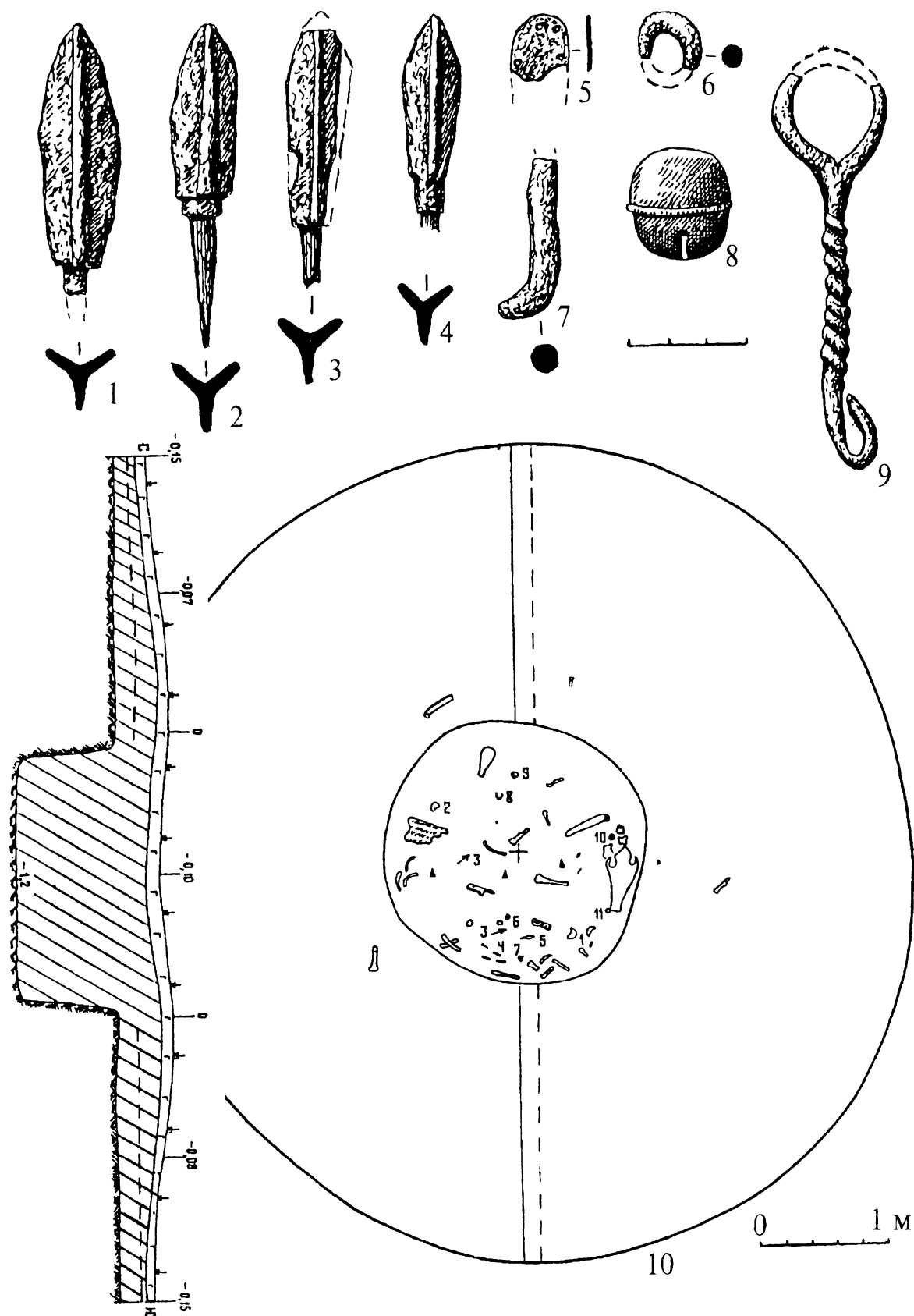

Рис. 9. Гилево-III, курган 5: 1–4 – наконечники стрел; 5 – панцирная пластина; 6 – кольцо от узды (2 экз.); 8 – обломок предмета; 8 – бубенчик; 9 – звено удила. 10 – план и разрез кургана (1, 2 – обломки черепа человека; 3 – наконечники стрел; 4 – черешки от наконечников стрел; 5 – нож; 6, 7 – обломки железных предметов; 8, 9 – железные кольца; 10 – бубенчик; 11 – удила)

Курган 4 (12), диаметр 6 м, высота 0,23 м, в центре – грабительская воронка диаметром 2,5 м, глубиной 0,17 м. В 1,5 м к северу от центра насыпи, на глубине 0,3 м, около уровня древнего горизонта встречены мелкие кусочки пережженных косточек. В насыпи, на глубине 0,2 м, в 1,2 м к востоку от центра кургана найдена подвеска из клыка кабана (рис. 8.-1, А(1)), а в 1 м к ЮЮЗ от центра кургана, на древнем горизонте, на глубине 0,3 м, обнаружено звено железных однокольчатых удил (рис. 8.-2), а в 1,1 м к западу от центра кургана, на глубине 0,25 м, лежала железная скоба от деревянного или костяного псаля (рис. 8.-3). В насыпи встречались также мелкие кусочки угля, а на глубине от 0,15 до 0,3 м найдены шесть костей лошади, происходящие от двух особей (здесь и далее определения В.П. Данильченко в Институте археологии АН СССР).

На уровне материкового суглинки выявлена овальная яма размером 0,9х0,6 м, углублявшаяся в материк на 0,15 м, ориентированная З-В. В ней встречена одна пережженная косточка. Под курганом захоронены останки трупосожжения, совершенного на стороне.

Курган 5 (13), диаметр 6 м, высота 0,15 м, в центре – грабительская воронка диаметром 2 м, глубиной 0,1 м. В насыпи встречались отдельные кости лошади и неопределенные обломки трубчатых костей (предположительно человека), выкинутые при ограблении могилы.

Под курганом совершенно захоронение человека (женщина (?) 20–35 лет) с конем. Под центральной частью насыпи овальная могила яма размером 1,95х1,85 м, глубиной от уровня материка 0,8 м, с почти вертикальными стенками, ориентированная ЗСЗ-ВЮВ. Погребение разграблено. В заполнении ямы в беспорядке лежали кости скелетов лошади и человека (рис. 9.-10). В первоначальном положении сохранился череп лошади, лежавший у восточно-юго-восточной стенки могилы мордой вниз, с шейными позвонками, уходившими к северу, что свидетельствует скорее всего о том, что лошадь была уложена на дно могильной ямы на одном уровне с человеком, вдоль северо-северо-восточной (северной) стенки могилы. При этом ее голова с шеей была завернута вдоль восточной стенки к югу, в сторону головы человека. Другие кости лошади были раскиданы при ограблении. Лопатка лежала в северо-западной части могилы, а три конских ребра – в юго-западном углу.

Погребенная была уложена, видимо, вдоль южной стенки могильной ямы головой на ВЮВ. Кости ее перемешаны, большая их часть находилась в южной половине могилы. В юго-восточном углу лежали ребра, обломки черепной коробки и часть верхней челюсти (рис. 9.-10). Коленная чашечка лежала около середины могилы, ближе к северо-западному концу. Другой фрагмент черепа человека найден у северо-западной стенки могилы, а коренной зуб – в юго-восточной части могильной ямы. В заполнении могильной ямы встречались мелкие угольки, а в западной половине, около дна могилы, сохранились кусочки древесного тлена с остатками бересты.

Под шейными позвонками лошади, у восточной стенки могильной ямы, находился медный бубенчик, очень тонкий, штампованный, с одной щелевидной прорезью (рис. 9.-8). Подобные бубенчики хорошо известны в древностях степей Евразии VIII–IX–XI вв. [Кызласов Л.Р., 1969, табл. II.- 98]. Остальной инвентарь изготовлен из железа и очень сильно коррозирован, порой настолько, что невозможно определить первоначальную форму предмета. В зубах лошади находились однокольчатые удила с перевитыми стержнями, которые частично рассыпались (рис. 9.-9). В средней части северной половины могильной ямы найдены обломки двух железных колец (рис. 9.-6), происходящих, очевидно, от конской сбруи. Около южной стенки могилы встречено скопление бесформенных кусков железа, вероятно, обломки стремян и железные черешки от наконечников стрел, перья которых разрушились. Сохранились четыре железных трехлопастных черешковых наконечника стрел (рис. 9.-1–4), аналогичных представленным в кургане 3 Гилево-II (рис. 7.-1–4). Рядом с черешками от наконечников стрел, в южной половине могилы, найден маленький железный нож, а также фрагменты железных панцирной пластины (?) и стержня (рис. 9.-5, 7). Вышеупомянутые

остатки древесного тлена с берестой, возможно, происходят от берестяного колчана. Состав инвентаря – набор стрел, пластины от панциря, сопроводительное захоронение коня – характерен для мужчин-воинов и ставит под сомнение правильность антропологического определения (женщина?).

Курган 6 (14), диаметр 6 м, высота – 0,28 м. В средней части грабительская воронка диаметром 3,5 м, глубиной 0,17 м. Под дерном, на глубине 0,2 м, в 0,6 м к северо-западу от центра насыпи обнаружено ребро лошади. Других находок не встречено. Вероятно, курган разрушен грабителями.

Курган 7 (15), диаметр 6 м, высота 0,25 м, в центре – грабительское углубление диаметром 2 м, глубиной 0,05 м. Около центра кургана, близ уровня древнего горизонта, на глубине 0,15–0,25 м, встречено относительно большое количество мелких пережженных косточек и угольков. Вещей не обнаружено (рис. 10.-А).

Курган 8 (16), диаметр 8 м, высота 0,2 м, в центре западина диаметром 3 м, глубиной 0,1 м. Под центром кургана, на глубине 0,15–0,2 м, около уровня древнего горизонта и в небольшом углублении почвы (до 0,1 м). встречены мелкие угольки. Представлена картина, аналогичная кургану 4 Гилево-II. Вещей не найдено. Предположительно – остатки трупосожжения.

Курган 9 (17), диаметр 6,4 м, высота 0,24 м. В насыпи встречен ряд мелких углистых пятен диаметром 5–10 см, толщиной до 0,5–1 см. Кроме того, отмечены три углисто-золистых пятна с находками пережженных и сырых костей, а также фрагментов железных панцирных пластин (рис. 11.-1–14). Одно из них размером 0,4х0,8 м находилось в 1 м к западу от центра, около уровня древнего горизонта, на глубине 0,19 м. Здесь тонким слоем почти в одной плоскости лежали мелкие пережженные косточки, угольки, обломок сырой трубчатой кости и две железные пластинки от панциря (рис. 11.-15). Второе пятно диаметром 0,9 м находилось в 1,5 м к ССВ от центра кургана, также на уровне древнего горизонта, на глубине 0,25 м. В нем встречены мелкие пережженные косточки, угольки, зола и фрагмент железной панцирной пластины. Третье пятно размером 1х0,55 м, вытянутое с юга на север, находилось в 2,2 м к юго-востоку от центра насыпи, на глубине 0,18 м, тоже близ уровня древнего горизонта. В нем найдена зола, обломок сырой трубчатой кости и фрагмент железной панцирной пластины. Помимо вышеперечисленных находок под юго-восточной полкой насыпи, на глубине 0,08 м, встречен обломок трубчатой кости животного (барана – ?), а вблизи центра насыпи – несколько железных панцирных пластин, слипшихся между собой из-за коррозии (рис. 11.-4,7). На всех панцирных пластинах прослеживаются следы воздействия огня.

Курган 10 (18), диаметр 6,2 м, высота 0,35 м. В насыпи, около уровня древнего горизонта находились мелкие угольки. В 0,7–1 м к юго-западу от центра встречены скопления мелких угольков, кусочки пережженных костей, обломки сырых трубчатых костей животных, фрагменты тонких железных панцирных пластин, бронзовая бляшка с четырьмя умбонами (рис. 12.-10–13), по форме напоминающая бляшки, происходящие из могильника Капчалы [Левашова В.П., 1952, рис. 1.-22]. Располагались они также на уровне древнего горизонта, на глубине 0,35 м. На той же глубине, в 1,7 м к востоку от центра кургана, находилось углисто-золистое пятно размером 2,1х0,65 м, вытянутое по линии Ю-С, в котором найдены семь железных черешковых трехлопастных наконечников стрел, крупная железная подпружная пряжка с язычком на вертлюге (рис. 12.-1–7,14), подобные представленным в древнехакасских памятниках IX–X вв. [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 34.-5, рис. 37], маленький железный нож (шило или пробойник), обломки железных панцирных пластин (рис. 12.-8,9,15–22). На том же уровне, в 0,3 м к западу от этого пятна, встречены угольки, мелкие кальцинированные косточки и обломок кости животного. Вероятно, в этом кургане совершено два погребения с сожжением, на что указывает наличие двух пятен с находками мелких кусочков

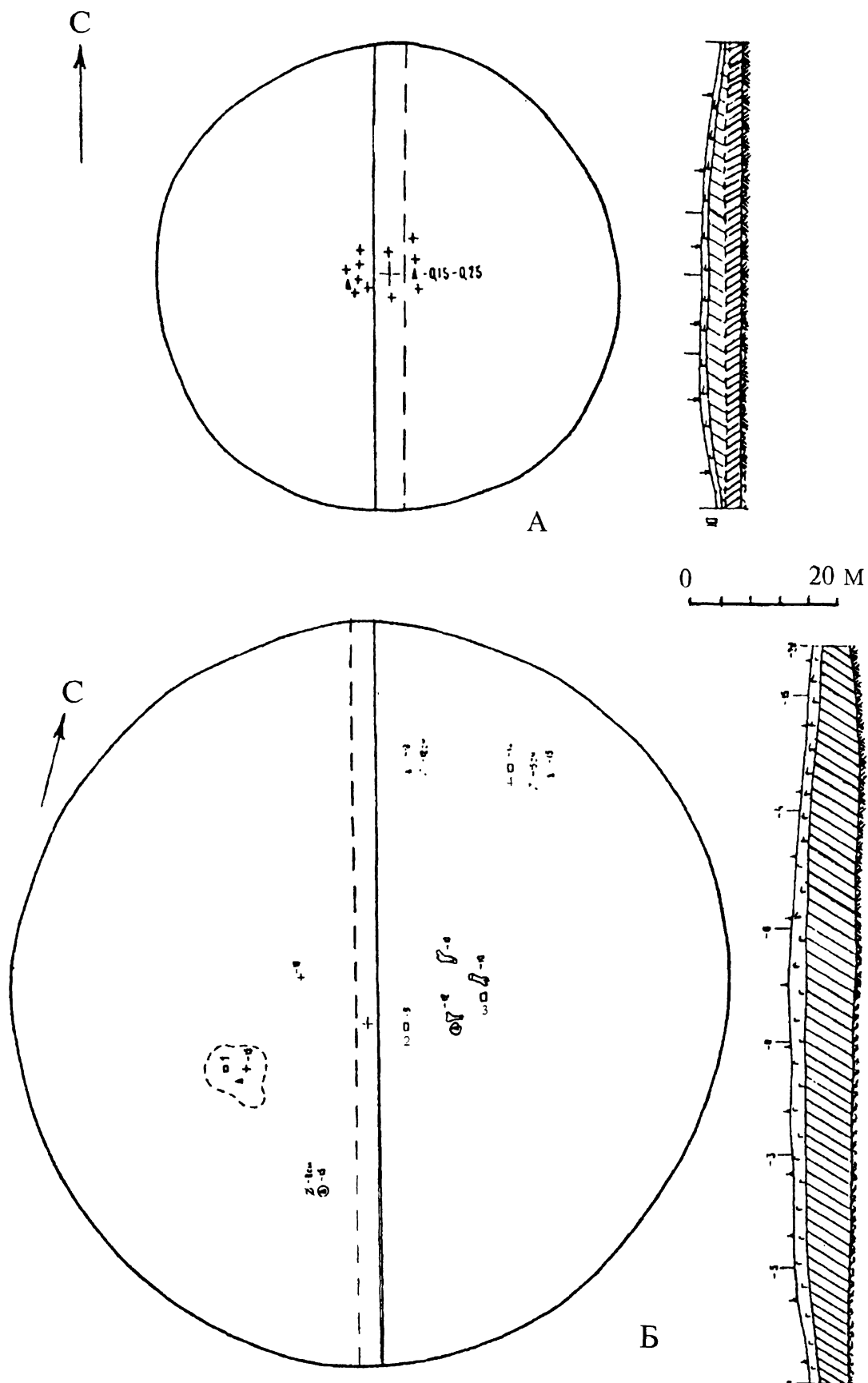

Рис. 10. Гилево-III, планы и разрезы курганов: А – курган 7; Б – курган 11
(1-4 – фрагменты панцирных пластин)

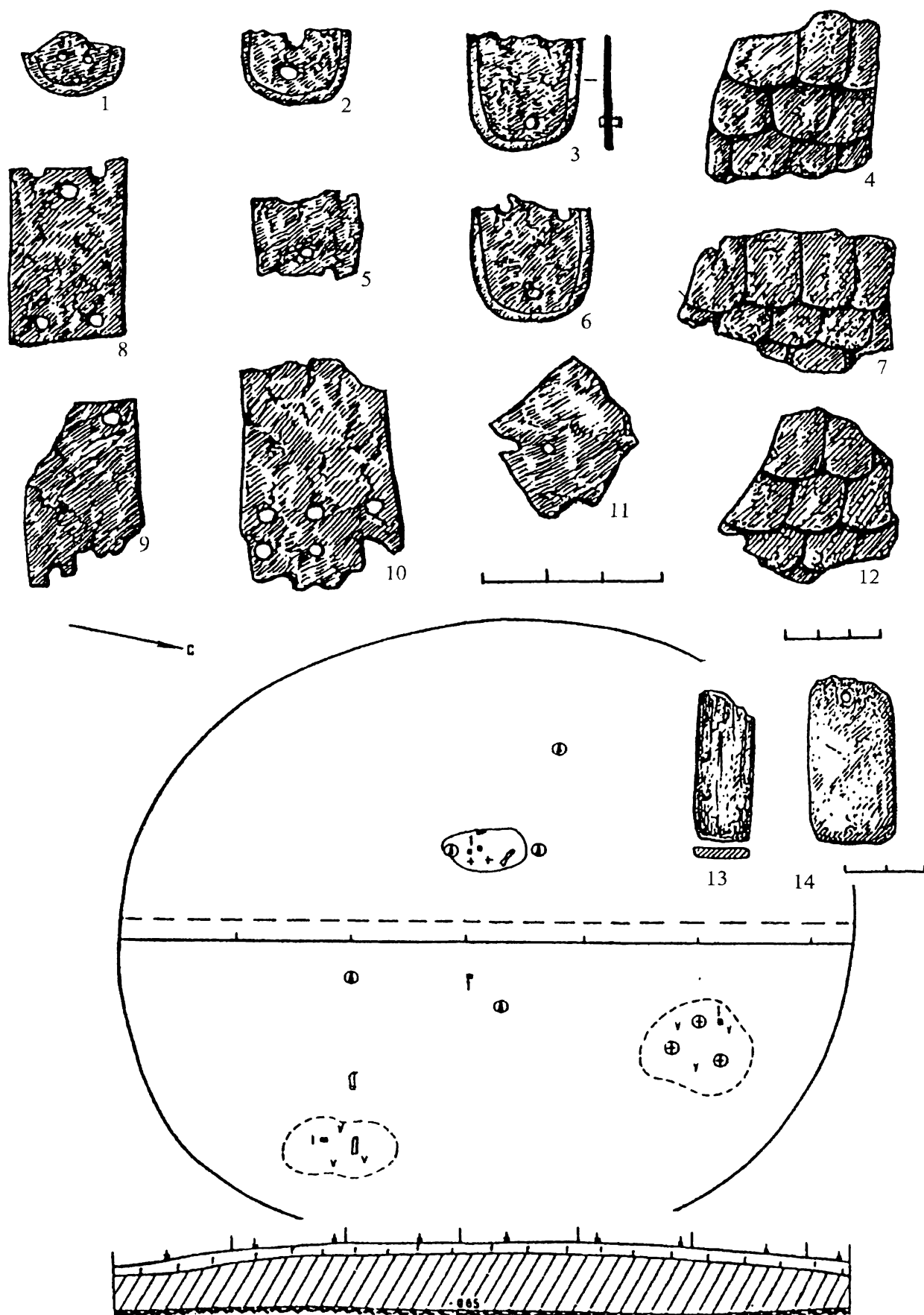

Рис. 11. Гилево-III, курган 9: 1-14 – панцирные пластины (4, 7, 12 – фрагменты наборного панциря). Железо. 15 – план и разрез кургана 9

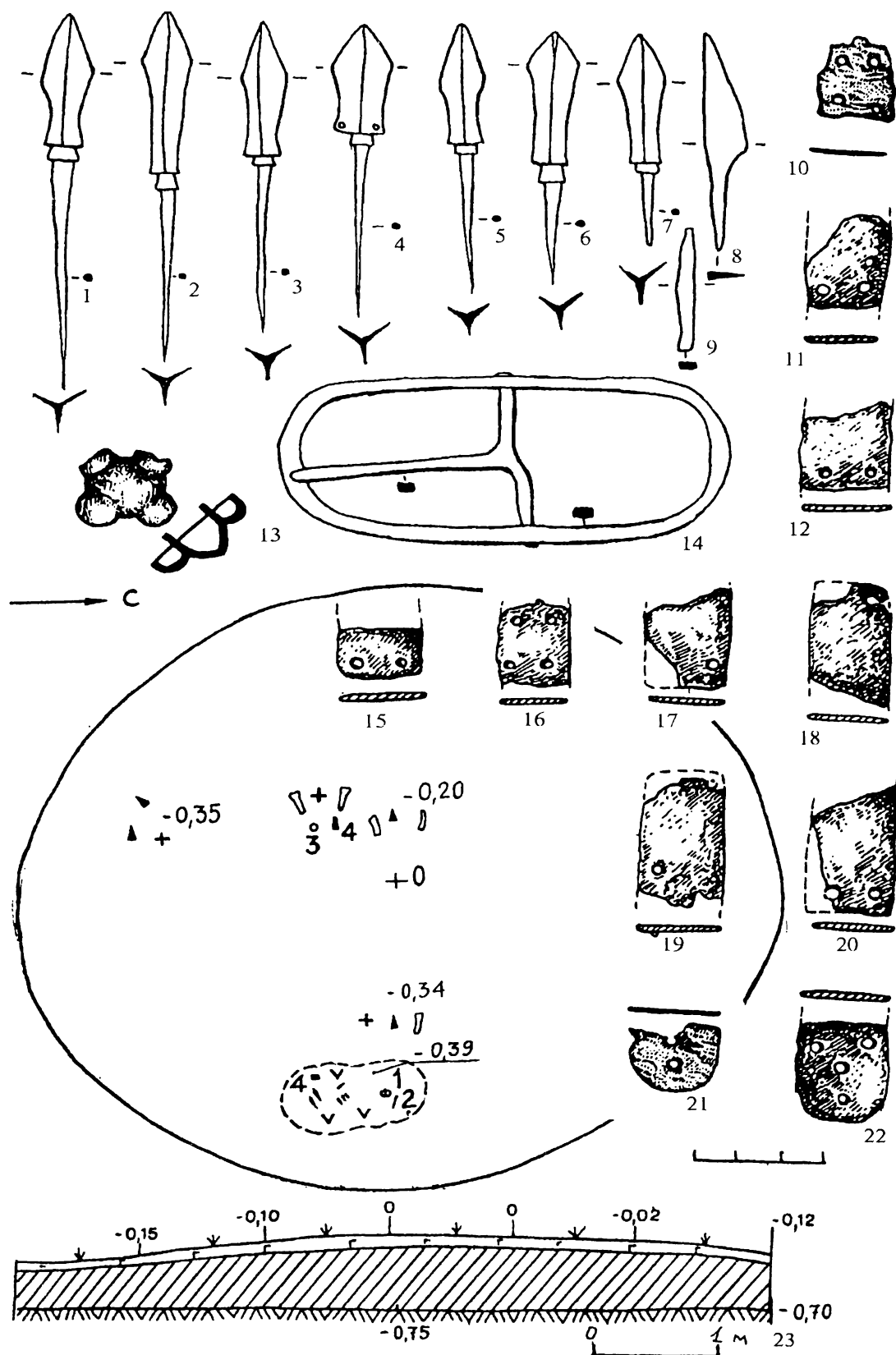

Рис. 12. Гилево-III, курган 10: 1-7 – наконечники стрел; 8 – нож; 9 – шило, проколка; 10-12, 15-22 – фрагменты панцирных пластин; 13 – бляшка; 14 – подпружная пряжка. 13 – медь, остальное – железо. 23 – план и разрез кургана (1 – подпружная пряжка; 2 – семь железных трехлопастных наконечников стрел; 3 – медная бляшка; 4 – панцирные пластины)

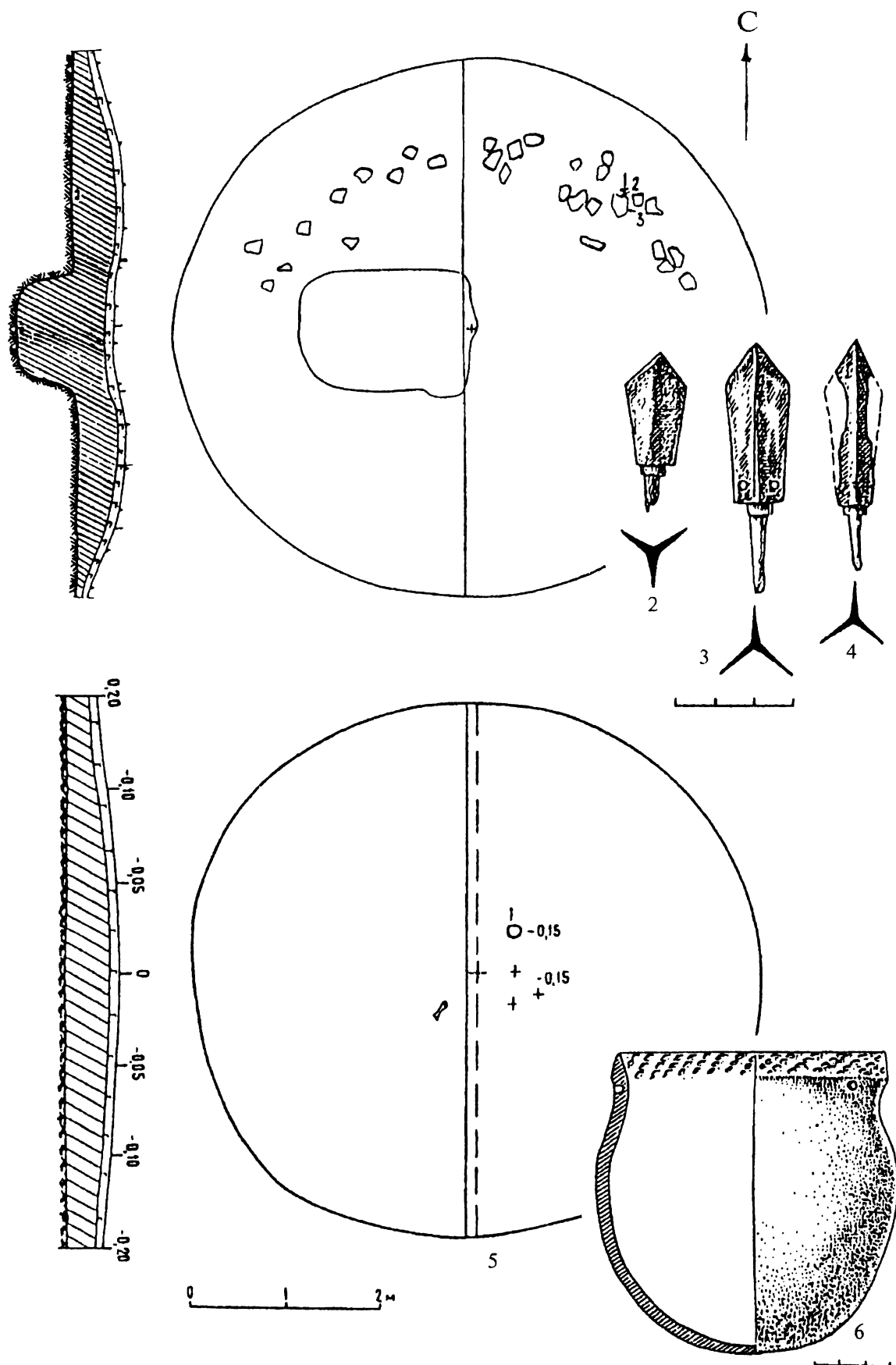

Рис. 13. Гилево-III: 1-4 – курган 12; 5, 6 – курган 22. 2-4 – железо; 6 – глина

кальцинированных костей, угольков и вещей со следами огня. В кургане 9, возможно, было даже три погребения, судя по наличию трех подобных пятен.

Курган 11 (19), диаметр 6,5 м, высота 0,25 м. В 1,2 м к ЮЗ от центра кургана, на глубине 0,15 м, на пространстве 0,4х0,5 м находился слой с мелкими угольками, в котором встречены мелкие кусочки кальцинированных костей и фрагменты железных панцирных пластин, аналогичных найденным в курганах 9, 10 (рис. 11, рис. 12). Кроме того, в насыпи и на древнем горизонте обнаружено шесть мелких углистых скоплений. В 1,5 м к ЮЮЗ от центра кургана, на глубине 0,15 м, – скопление мелких угольков диаметром 8 см. В 0,8 м к востоку от центра, на глубине 0,12 м, – углистое скопление диаметром 6 см. В 1,8 м к ССВ от центра, на глубине 0,1 м, – углисто-золистое скопление диаметром 0,12 м. В 2,2 м к СВ от центра, на глубине 0,15 м, – углисто-золистое скопление диаметром 0,15 м. В 0,2 м от него найдена железная панцирная пластина. Железные панцирные пластины и обломки сырых костей животных находились также вблизи центра кургана около углистого скопления диаметром 6 см и пятна с находками кусочков кальцинированных костей, описанного выше.

Курган 12 (20), диаметр 8 м, высота 0,6 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3 м, глубиной 0,17 м. Под северной полой насыпи, на глубине 0,2 м находилась наброска-выкладка из камней, лежавших в один ряд, между которыми в 2,8 м к северо-востоку от центра находились три железных черешковых трехлопастных наконечника стрел (рис. 13.-1-4), аналогичных представленным в курганах тюхтятской культуры [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 37] и также покрытых огневой патиной.

Под насыпью – подпрямоугольная с закругленными углами яма размером 2,25х1,8 м, глубиной 0,8 м от уровня материка, ориентированная 3-В. Торцовые стенки ее почти вертикальны, боковые – наклонные, так что у дна ее длина осталась почти неизменной, а ширина сократилась до 1,2 м. В заполнении встречено четыре обломка костей, не поддающихся определению. Очевидно, что погребение разграблено или тут был кенотаф.

Курган 13 (21), диаметр 8 м, высота 0,35 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3 м, глубиной 0,1 м. Вблизи центра кургана, около уровня древнего горизонта, встречены мелкие кусочки пережженных костей и угольки (рис. 14.-1).

Курган 14 (22), диаметр 7,5 м, высота – 0,68 м. Северная полая насыпи более крутая, чем южная, которая сильнее расплылась в сторону склона мыса. После снятия первого штыка насыпи в 1 м к востоку от центра, на глубине 0,2 м, обнаружены угольки и зуб лошади, а в 1,2 м к ЮВ от центра, на глубине 0,3 м, найдена тонкая железная панцирная пластина с закругленным концом и отверстиями от заклепок (рис. 14.-2). В 1,1 м к ЮЮЗ от центра, на глубине 0,37 м, находились мелкие кусочки кальцинированных костей.

Курган 15 (23), диаметр 10 м, высота 0,35 м. Под восточной полой насыпи, на древнем горизонте находилось нечто вроде вымостки размером 0,7х0,8 м, сложенной из одного ряда мелких камней, под которой никаких находок не обнаружено. Под центральной частью насыпи, около уровня древнего горизонта находились мелкие угольки и фрагменты кальцинированных костей, располагавшихся так же, как в кургане 13. Среди угольков, на глубине 0,3 м обнаружена цилиндрическая белая стеклянная бусина (рис. 14.-3).

Курган 16 (24), диаметр 6 м, высота 0,2 м. Около центра кургана, на уровне древнего горизонта находились мелкие кусочки пережженных костей и угольки, располагавшиеся так же, как в курганах 13, 15.

Курган 17 (25), диаметр 6 м, высота 0,3 м. В 0,8 м к ЮВ от центра, на глубине 0,2–0,3 м, близ древнего горизонта, находились мелкие кусочки кальцинированных костей, серебряные пряжка и наконечник ремня, а также железное стремя с широкой прорезной подножкой с ребром жесткости и петлей путлища в высокой пластине на ножке (рис. 15.-1–3). Аналогичные вещи представлены в тюхтятской культуре IX–X вв. [Кызласов Л.Р., 1969, табл. III.-72, рис. 39.-14,15], а форма стремени тяготеет к стремени VIII–IX вв.

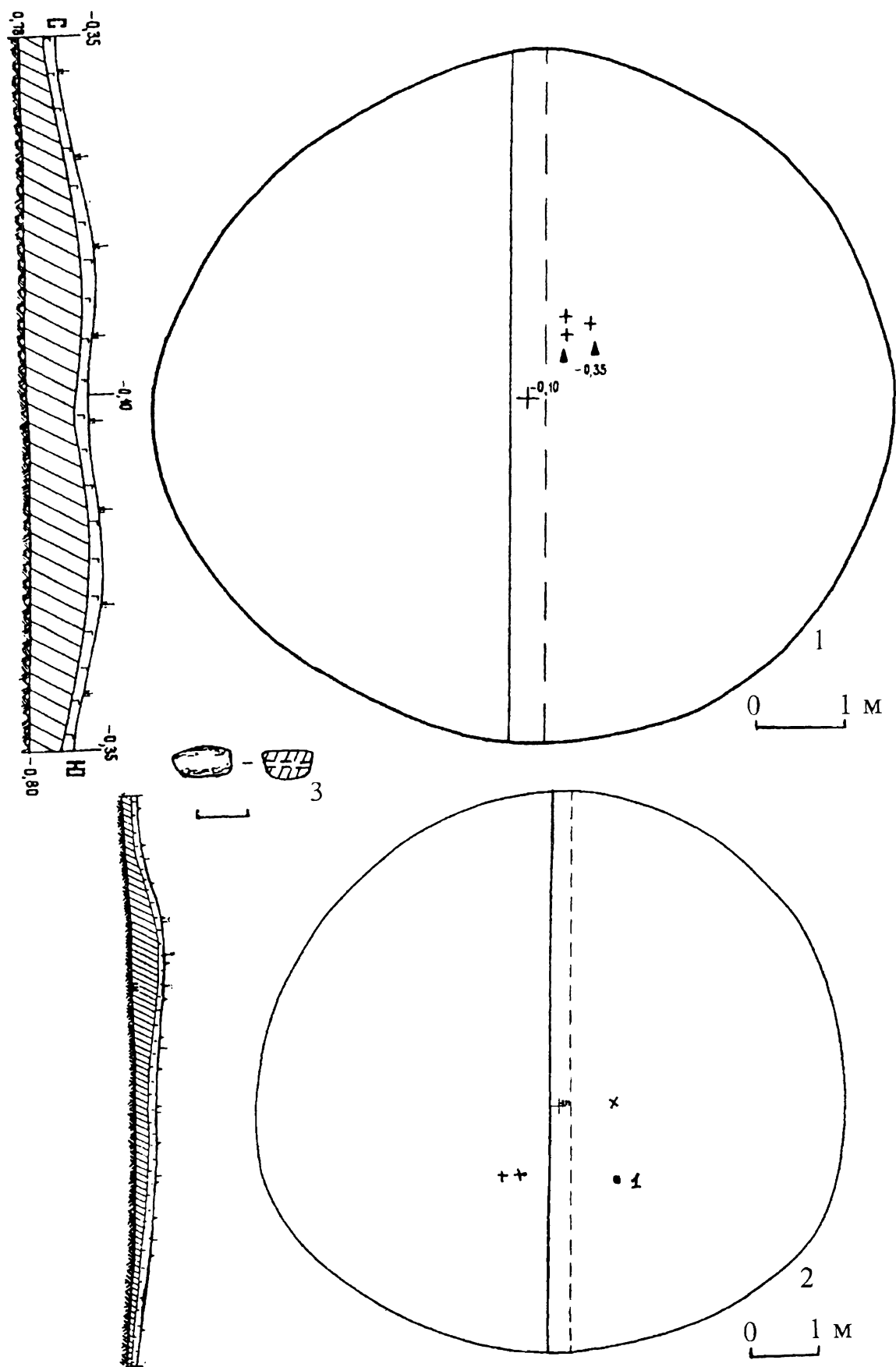

Рис. 14. Гилево-III: 1 – курган 13; 2 – курган 14; 3 – курган 15, стеклянная бусина

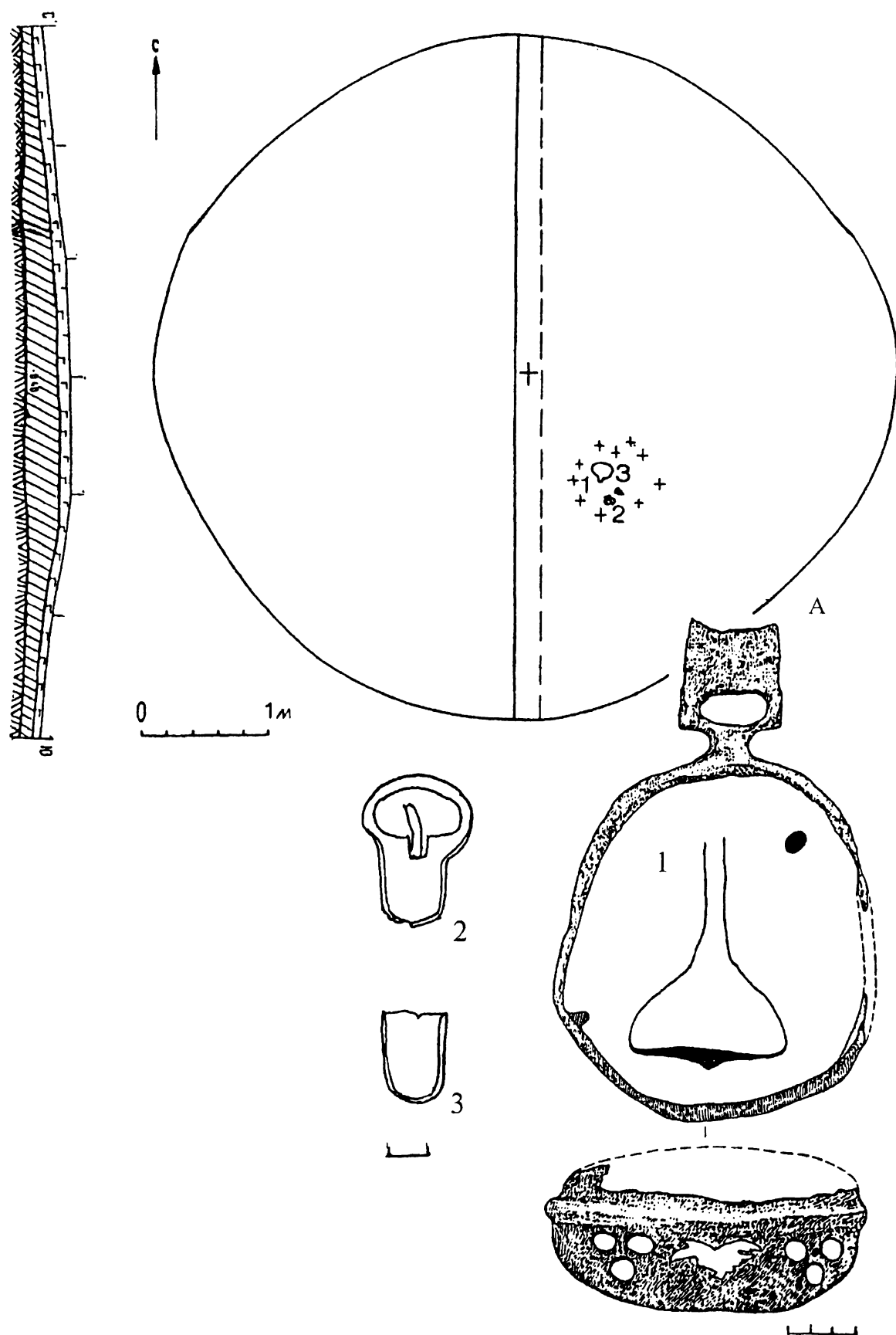

Рис. 15. Гилево-III, курган 17: А – план и разрез кургана
(1 – стремя, 2 – пряжка; 3 – наконечник ремня). 1 – железо; 2, 3 – серебро

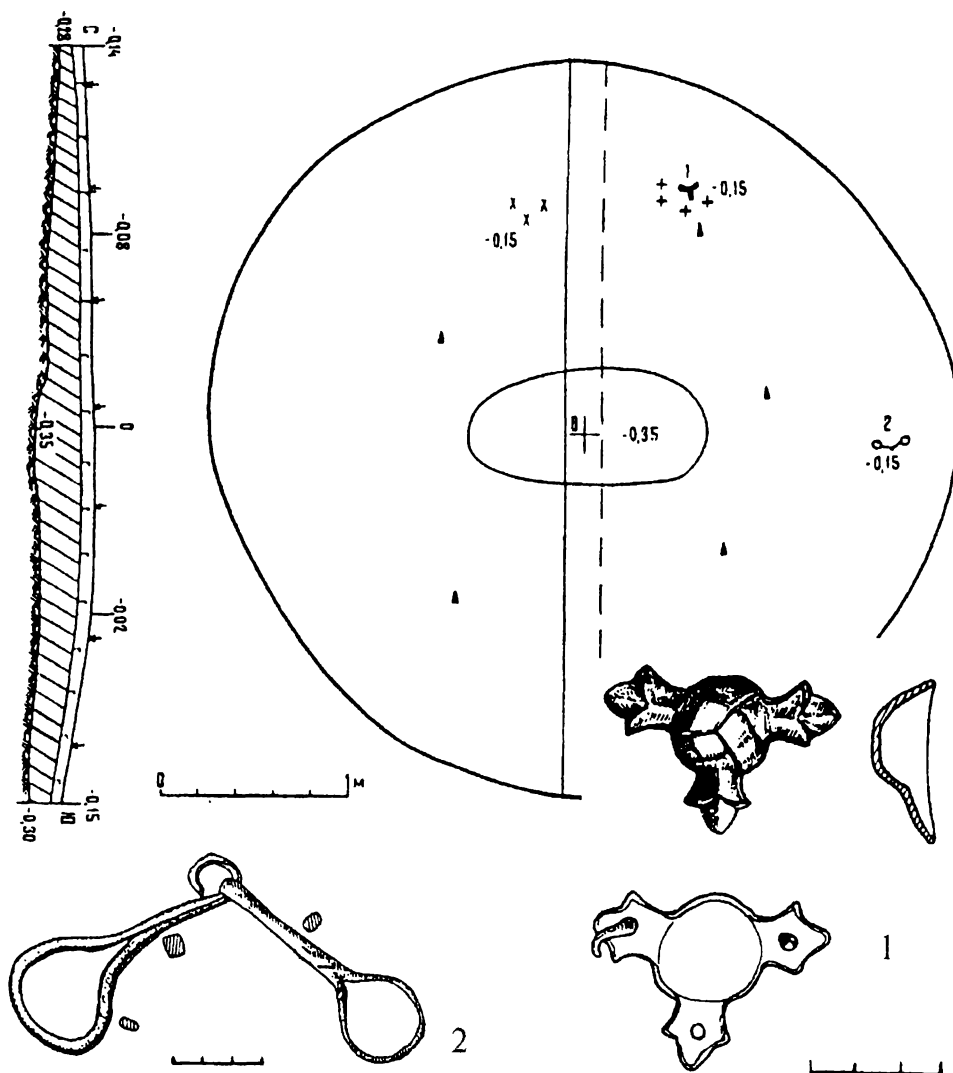

Рис. 16. Гилево-III, курган 23: 1 – серебряный тройник; 2 – железные удила

Курган 18 (26), диаметр 6 м, высота 0,18 м, в центре – грабительское углубление диаметром 2 м, глубиной 0,12 м. В 1 м к ЮВ от центра, на глубине 0,2 м встречена кость животного. На уровне материка выявлена овальная яма размером 1,1х0,9 м, углублявшаяся в материк на 0,2 м, ориентированная 3-В. Находок в ней не обнаружено. Погребение – или кенотаф, или разграблено.

Курган 19 (27), диаметр 8 м, высота 0,3 м. В центре кургана была недавно вырытая яма диаметром 3 м, глубиной 0,7 м, которая полностью разрушила центр. В полах ничего не обнаружено.

Курганы 20 (28) и 21 (29) представляли собой весьма неопределенные возвышения диаметром 6–7 м, высотой 0,1–0,15 м, под которыми ничего не найдено.

Курган 22 (30), диаметр 6 м, высота 0,2 м. Около центра, на древнем горизонте, на глубине 0,15 м находились мелкие кусочки пережженных костей, обломок сырой трубчатой кости, а также – фрагменты грубого лепного сосуда, орнаментированного крупной гребенкой по венчику (рис. 13.-5,6).

Курган 23 (31), диаметр 4 м, высота 0,15 м. Под северо-восточной полкой насыпи, на древнем горизонте, на глубине 0,15 м, встречены кусочки пережженных костей, угольки и серебряная бляха-тройник от перекрестия ремней (рис. 16.-1). К западу от кусочков пережженных костей находились фрагменты сырых костей животных, а в 1,4 м от центра курга-

на, на том же уровне, найдены железные двусоставные однокольчатые удила (рис. 16.-2). В насыпи попадали отдельные мелкие угольки.

Под центром кургана находилась овальная яма размером 1,2х0,5х0,35 м, ориентированная по линии З-В, врезавшаяся в материк на 0,05 м, в которой находок не обнаружено.

Курган 24 (32), диаметр 8 м, высота 0,27 м. Под западной полой насыпи, на глубине 0,2 м, найдены фрагменты сырых и полуобожженных костей, а под восточной полой на той же глубине лежал камень.

Курган 25 (33), диаметр 5 м, высота 0,25 м. Под насыпью, на древнем горизонте, на глубине 0,2–0,3 м, к северу и северо-востоку от центра найдены кусочки угля, пережженных костей и необожженная кость животного. На этой же глубине мелкие кусочки пережженных костей, угли и обломки сырых костей животных встречены под юго-западной полой кургана.

Гилево-IV

Включало два кургана, в том числе №1 – с погребением по обряду трупоположения с конем, №2 – с трупосожжением (?).

Курган 1 (34), диаметр 10 м, высота 0,37 м. В центре – грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0,57 м (рис. 17). В средней части насыпи, в районе грабительской воронки, встречены разрозненные кости человека (зуб, обломки ребер, трубчатых костей, в том числе локтевой кости, фаланги пальцев) и лошади (резец, обломки ребер).

Курган содержал коллективное погребение двух взрослых мужчин (35–55 и 20–35 лет) с ребенком в возрасте до семи лет и в сопровождении коня. Под центром кургана – подпрямо-

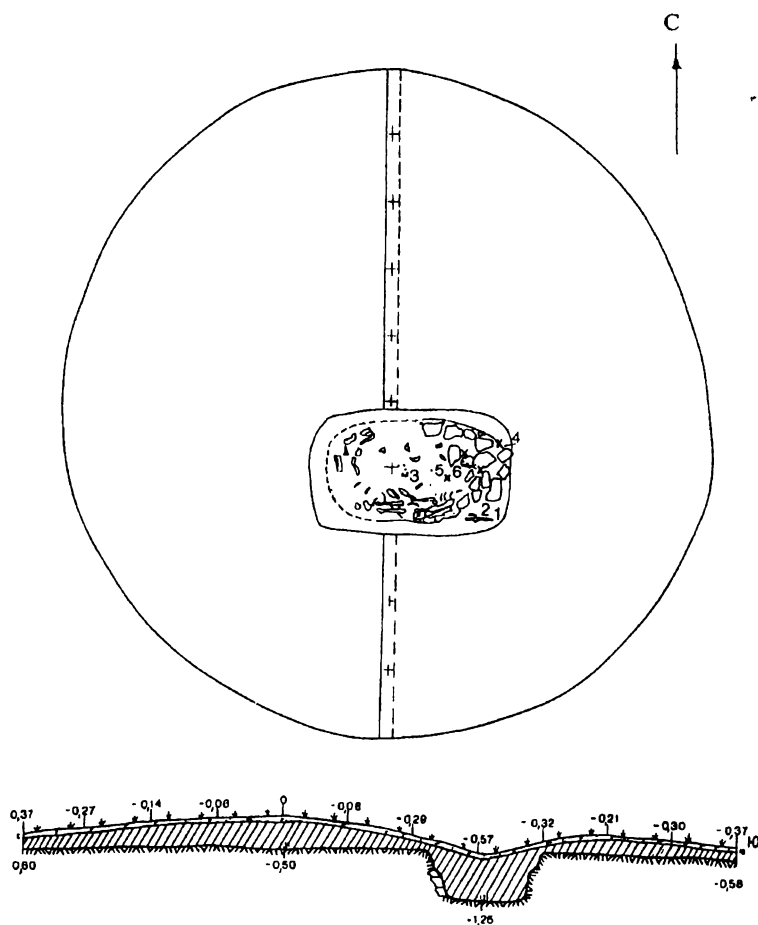

Рис. 17. Гилево-IV, курган 1: 1 – наконечник копья; 2 – обломок костяной накладки; 3 – нож; 4 – обломки железных предметов; 5 – панцирные пластины; 6 – бронзовая бляшка; 7 – наконечники стрел

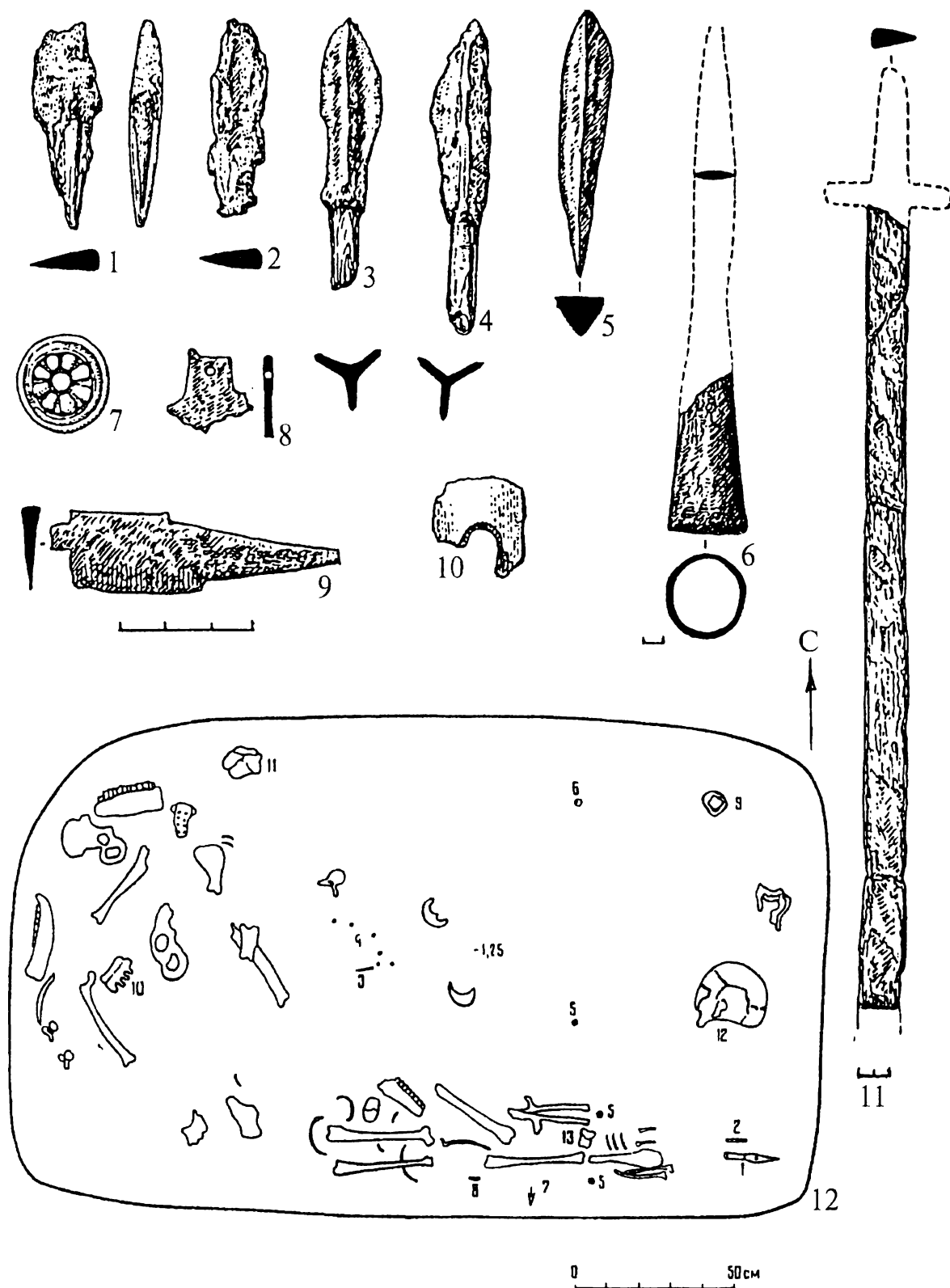

Рис. 18. Гилево-IV, курган 1: 1, 2, 9 – обломки ножей; 3–5 – наконечники стрел; 6 – наконечник копья; 7 – бронзовая бляшка; 8 – фрагмент панцирной пластины; 10 – обломок костяного предмета; 11 – фрагменты клинка палаша; 12 – план погребения (1 – наконечник копья; 2 – обломок костяного предмета; 3 – обломки ножа; 4 – фрагменты железных предметов: 5 – панцирные пластины; 6 – бляшка; 7 – наконечники стрел; 8 – черешки от наконечников стрел; 9 – копыта лошади; 10 – крестец лошади; 11, 12 – черепа взрослых; 13 – череп ребенка)

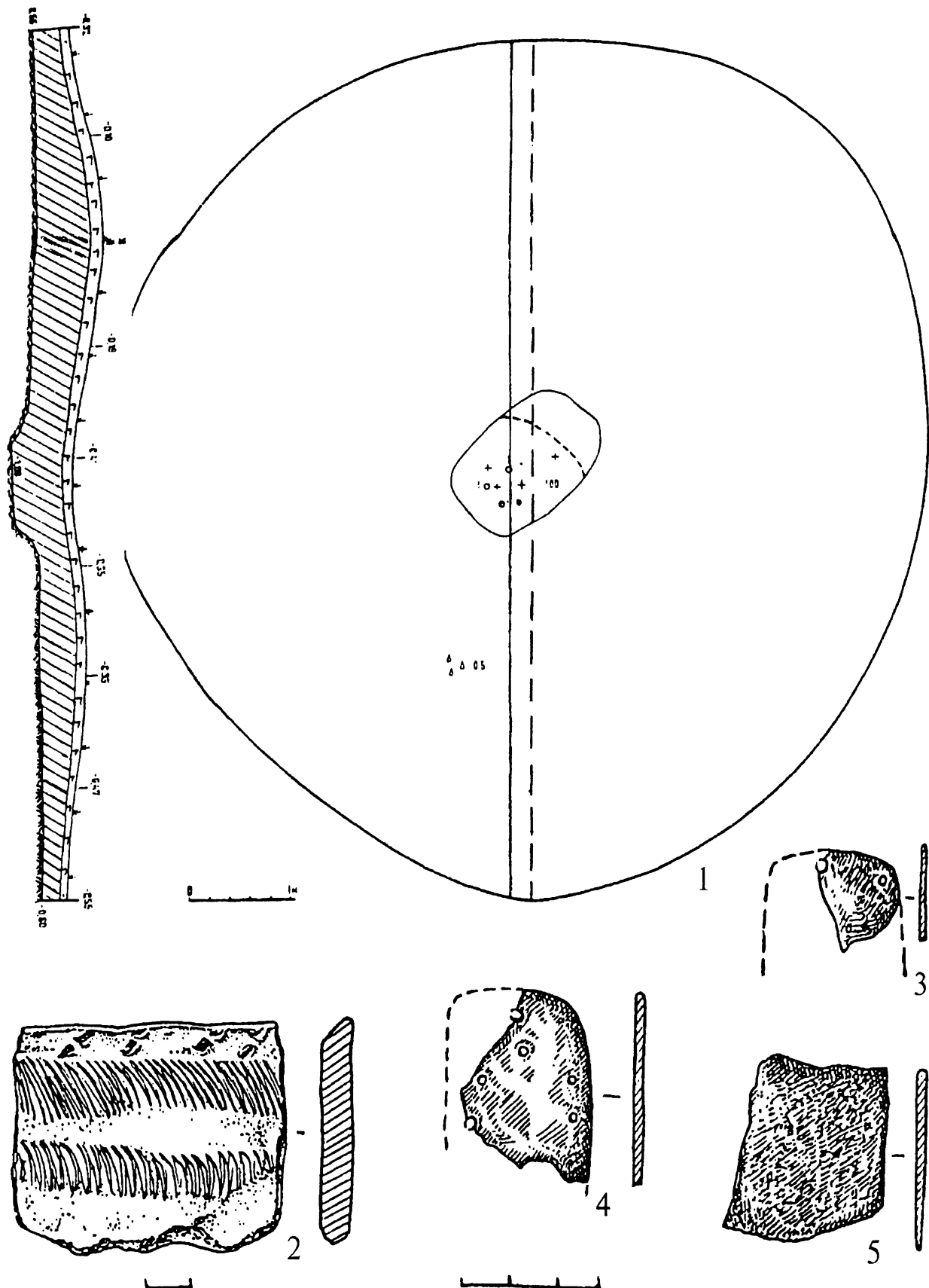

Рис. 19. Гилево-IV, курган 2: 1 – план и разрез; 2 – венчик сосуда;
3, 4 – обломки панцирных пластин; 5 – обломок железного предмета

угольная могильная яма с наклонными стенками, размером на уровне материка 3,0x1,75 м, у дна – 2,5x1,4 м, глубиной 0,7 м от горизонта материка. При этом яма прорезала не только плотный суглинок со щебнем, но и была нижней частью вырублена в скальной породе. Затем при совершении погребения яма была завалена частью камнями, отколотыми, вероятно, при копании могилы, частично – суглинком со щебенкой.

Погребение разрушено при ограблении. В заполнении между камнями и в суглинке находились разрозненные кости человека и лошади. В заполнении попадали также отдельные мелкие угольки и кусочки несгоревшего обуглившегося дерева. В придонной части ямы кости людей и лошади были хаотически перемешаны. В западной части могилы встречены кости человека – две крупных бедренных, тазовые, крестец, отдельные позвонки, обломки трубчатых. На выступе северной стенки лежали фрагменты раздавленного черепа человека. Второй более крупный и хорошо сохранившийся череп взрослого мужчины 35–55 лет лежал около восточной стенки могилы. Челюсть его была откинута на 20 см к северу. Почти в анатомическом порядке сохранились вдоль южной стенки могилы длинные кости рук человека, указывающие, что погребенный был уложен головой на восток. Ребра его большей частью смещены, а бедренные и тазовые кости отброшены в западную часть могилы. В области груди этого костяка взрослого, уложенного вдоль южной стенки, находился раздавленный череп ребенка, а к востоку от него – три ребра и длинные кости детского скелета, что, возможно, говорит о том, что ребенок мог быть положен в могилу головой на запад, диаметрально противоположно ориентации взрослых, уложенных головой на восток.

Конь был уложен вдоль северной стенки могилы, но кости его так перемешаны, что определить его позу и ориентацию точно невозможно. Обломки крупных костей конечностей лошади лежали вперемежку с костями человека. Копыта найдены в средней и восточных частях могильной ямы, а обломок нижней челюсти лежал посередине.

Инвентарь сохранился частично. Предметы из железа сильно повреждены коррозией. В изголовье погребенного вдоль южной стенки ямы, в юго-восточном углу лежал железный наконечник копья, который из-за разрушения коррозией взять не удалось. Сохранилась только часть втулки (рис. 18.-6). Рядом с ним был обнаружен обломок костяного полированного изделия с отверстием (рис. 18.-10). В центральной части, у дна найдены два сильно корродированных железных ножа (рис. 18.-1,2), неопределенные обломки железных предметов, а в юго-восточной части – две железные пластинки от панциря (рис. 18.-8). В северо-восточной части встречена бронзовая круглая бляшка с орнаментом типа розетки, вероятно, от портупей или сбруи (рис. 18.-7). У южной стенки могилы, приблизительно в области пояса погребенного, лежали три железных трехлопастных черешковых наконечника стрел, нож с обломленным лезвием и черешки от наконечников стрел (рис. 18.-3–5,9), а также обломки палаша (рис. 18.-11).

Курган 2 (35), диаметр 8 м, высота 0,35 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3,5 м, глубиной 0,41 м. В насыпи, в 2 м к ЮЮЗ от центра, на глубине 0,5 м встречены три фрагмента керамики, один из которых украшен вдоль венчика наклонными оттисками двузубой гребенки, а ниже ее – двумя рядами гладкой качалки (рис. 19.-2). Сосуд, по-видимому, баночной формы. Край венчика приострен скосом во внутрь и слегка отогнут наружу. Судя по профилировке и орнаментации, эта керамика относится к эпохе энеолита или ранней бронзы и, очевидно, случайно попала в насыпь кургана из бывшей на этом месте кратковременной стоянки, от которой не осталось культурного слоя.

Под центром насыпи располагалась подпрямоугольная могильная яма размером на уровне материка 1,5x1 м, углублявшаяся в материк на 0,15 м и ориентированная ЮЗ-СВ. В яме найдено несколько кусочков пережженных костей и фрагменты железных предметов, напоминающие панцирные пластины (рис. 19.-3–5). Очевидно, в кургане совершено погребение по обряду трупосожжения на стороне, разрушенное при ограблении кургана.

Группа состояла из семи курганов. В шести (№2–7) были совершены погребения по обряду трупоположения, в кургане 1 ритуал из-за разграбления неясен, могли быть трупоположение и кремация.

Курган 1 (36), диаметр 16 м, высота 0,73 м, в центре – грабительская воронка диаметром 7 м, глубиной 0,84 м (рис. 20). В 1,1 м к ЮЗ от центра, около уровня древнего горизонта, на глубине 0,9 м, находилось большое количество углей и золы на пространстве 1,4х1,0 м, примыкая к юго-западному углу могильной ямы. Зола встречалась также в верхней части заполнения могильной ямы до глубины 1,2 м. Тут же найдены три фрагмента грубого лепного глиняного сосуда без орнамента горшковидной формы (рис. 20.-А,3). Находки углей встречались около уровня древнего горизонта, на глубине 0,85 м, на протяжении до 2 м к западу от могильной ямы. Здесь же найдены обломки костей животных, лежавшие разрозненно, часть бревна длиной 1,6 м, толщиной 0,2 м (рис. 20.-А), железная и медная прорезные бляхи-тройники от перекрестия ремней портупей (рис. 20.-3,4).

В насыпи, на глубине 0,4 м, в 3,6 м к ССВ от центра кургана найдено каменное тесло, подтрапцевидное в поперечном сечении со сбитым лезвием (рис. 20.-6), попавшее в насыпь, как и вышеупомянутый фрагмент керамики из кургана 2 Гилево-IV (рис. 19.-2), случайно, по-видимому, из ранней стоянки. Очевидно, тесло и фрагмент одновременны.

Под центром кургана подпрямоугольная могильная яма размером на горизонте материка 3,1х2,5 м, углублявшаяся в материк на 0,8–0,9 м и ориентированная 3-В. Выкид из нее располагался преимущественно с северной стороны ямы (рис. 20.-Б). У северной стенки могильной ямы, на глубине 0,4 м от уровня материка, проходило нечто вроде наклонной ступеньки шириной 0,25 м, за счет этого и наклона стенок ширина ямы у дна уменьшилась до 1,3 м.

Погребение разграблено. В заполнении могильной ямы, сразу под дерном, лежали кости собаки – челюсть, ребра, длинные кости, представлявшие, очевидно, позднее захоронение, а также попадались обломки трубчатых костей лошади, вышеупомянутые фрагменты керамики, фрагменты наконечника стрелы и клинка ножа (рис. 20.-2,5) и бесформенные коррозированные обломки железных изделий, в том числе клинков, палаша и ножа с частью рукояти (рис. 20.-1,7).

Из-за разграбления погребальный обряд точно не определен. Большие размеры могильной ямы и находки в ее заполнении обломков трубчатых костей лошади говорят в пользу ингумации. С другой стороны, большое количество золы и углей рядом с могилой могут свидетельствовать о погребении с кремацией, хотя последнее менее вероятно. Зола и угли здесь могли быть проявлением культа огня или тризны.

Курган 2 (37), диаметр 8 м, высота 0,19 м. В центре – грабительская воронка диаметром 3,5 м, глубиной 0,28 м. В 3,4 м к ССВ от центра кургана, на глубине 0,1 м, в насыпи встречен камень.

Под курганом могильная яма с закругленными углами размером 2,6х1,3 (в восточном) – 1,1 м (в западном) конце, глубиной 0,9 м от уровня материка.

Погребение парное, мужчина и женщина, оба в возрасте 20–35 лет, разграблено. В заполнении ямы в беспорядке находились кости двух человек, группировавшиеся преимущественно в восточной части. У северо-восточного угла лежала раздавленная черепная коробка и в 0,2 м от нее – два обломка нижней челюсти. Обломок второй нижней челюсти находился в середине могилы. В западной ее половине обнаружена бедренная кость человека, а ребра, лучевая и обломки верхних конечностей – в восточной части. По расположению костей можно заключить, что погребенные лежали головами на восток.

В могиле найдены также три кости собаки и лопатка лося.

Курган 3 (38), диаметр 6 м, высота 0,15 м. Под западной полкой кургана находилось погребение младенца в овальной могильной яме размером 0,65х0,35 м, углублявшейся в материк на 5 см и ориентированной 3-В. Погребенный был уложен на правом боку, скорченно, головой на восток. Отдельные кости скелета, в том числе частично длинные, смещены, вероятно, грызунами. Нижняя челюсть была перевернута зубами вниз, и под ней оказались ребра, лопатка и позвонки. Руки, по-видимому, были согнуты, и их кости лежали под углом к костям ног.

Вещей не обнаружено.

Курган 4 (39), диаметр 8 м, высота 0,5 м, в центре – грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0,53 м. Под центром насыпи находилась овальная могильная яма размером 2,1х1,35 м, глубиной от материка 0,6 м, ориентированная 3-В. Погребение разграблено. В восточном конце около дна могилы найдена бедренная кость человека. Других находок не обнаружено.

Курган 5 (40), диаметр 20 м, высота 0,65 м, в центре – грабительская воронка диаметром 7 м, глубиной 0,53 м. Под центром кургана – подпрямоугольная могильная яма размером 4,6х3,15 м, глубиной в материке 0,6 м, ориентирована ЮЗ-СВ (рис. 21). Выкид в виде суглинка располагался со всех сторон могильной ямы, но достигал наибольшей толщины под северной полкой. На уровне древнего горизонта яма была перекрыта продольным бревенчатым накатом, уложенным на деревянные поперечины, концы которых и фрагменты бревен наката сохранились вдоль стенок (рис. 21, рис. 22).

Погребение разграблено. Погребение парное, содержало останки возмужалого мужчины 20–35 лет и молодой женщины 14–19 лет в сопровождении шкур, костей ног и черепов двух коней. Из-за ограбления точные позы их не восстанавливаются. Похоже, что кони были уложены друг за другом с подогнутыми ногами на животе, головами на восток и северо-северо-восток, вдоль юго-восточной стенки, в юго-восточном и северо-восточном углах могилы. В этих углах находились скопления костей лошадей. При этом в южном углу кости ног лошади были почти не потревожены (рис. 22). Тут же возле них лежал железный котел, распавшийся от коррозии на куски, из-за чего его точная форма не восстанавливается. Не исключено, что первоначально котел мог быть приторочен к седлу коня.

Большая часть находок костей двух человек и основная часть предметов инвентаря сосредоточены близ северо-восточной стенки ямы. Здесь обнаружены обломки двух черепов, плечевая, локтевая, лучевая, большая берцовая кости, разрозненные позвонки, ребра, коленная чашечка. Тут же встречались отдельные кости лошади. Центральная часть могильной ямы была почти без находок. В юго-западной части могильной ямы встречены обломок ребра человека, разрозненные кости лошади, в том числе две бабки и вышеупомянутые кости ног коня, сохранившиеся почти нетронуемыми (рис. 22).

Оставшийся от ограбления инвентарь, разбросанный по заполнению могилы, лежал преимущественно у ее дна. Он включал главным образом предметы вооружения и конского снаряжения, сохранившиеся фрагментарно. Почти над центром могильной ямы, на глубине 1,32 м, найдена втулка железного наконечника копья (рис. 23.-20). Преимущественно у северо-восточной стенки ямы встречены разбросанные железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 23.-1–11) и три бронебойных наконечника с головками квадратного сечения (рис. 23.-12–14). У северо-восточной же стенки, ближе к юго-восточному углу, находились кусочки бересты, очевидно, остатки колчана. Здесь же обнаружены небольшой железный нож с остатками дерева на клинке от ножен, фрагмент рукояти и обломки клинка палаша или слабо изогнутой сабли (рис. 23.-15, 17), а также остатки кожи и тонкой шелковой ткани. У северо-восточной стенки найдено звено от железных однокольчатых удилищ, бронзовая сердцевидная бляшка с остатками кожи (рис. 23.-16), очевидно, украшавшая узду, две овальных железных, вероятно, также уздечных пряжки (рис. 23.-18, 23), обломок дужки

с частью широкой подножки от стремени (рис. 23.-31). Посредине южной стенки найдены сильно коррозированное железное кольцо (рис. 23.-28) и кусочек кожи, вероятно, от сбруи. У остатков конских скелетов в юго-восточном и юго-западном углах могильной ямы встречены костяная подпружная пряжка (рис. 23.-30), обломок рамки железной, по-видимому, трапезиевидной подпружной (?) пряжки (рис. 23.-19), железное кольцо (рис. 23.-23) и обломки железных наременных, очевидно, уздечных накладок и наконечников с остатками позолоты и спиральным орнаментом, выполненным золотой инкрустацией (рис. 23.-21, 22, 24, 25, 29), сохранившиеся фрагментарно. Обнаружены также обломки неопределенных сильно коррозированных железных предметов, возможно, стремян, железные панцирная пластина, наконечник ремня и часть скрепы или гвоздя (рис. 23.-8, 26, 32).

Курган 6 (41), диаметр 8 м, высота 0,2 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3 м, глубиной 0,4 м. Под центром насыпи – могильная яма подтрапезиевидной формы размером 2,4х1,6–2 м, углубленная в материк на 0,4 м, ориентированная ЮЗ-СВ. Вдоль северо-западной стенки, на спине, вытянуто лежал костяк возмужалого мужчины 20–35 лет головой на северо-восток, частично потревоженный при ограблении. В первоначальном положении покоились кости правой половины туловища, правой руки, ноги, частично – ребра, позвонки, а также – кости голени и стопы левой ноги (рис. 24). Фрагменты разбитой черепной коробки, перевернутая нижняя челюсть, позвонки, отдельные ребра находились ближе к юго-восточному углу могилы. Лопатка, отдельные ребра и позвонки лежали также вблизи центра могилы, в северо-восточной ее половине. Погребенный сопровождался захоронением головы с частью шеи и конечностями коня, уложенными вдоль юго-западной и юго-восточной стенок ямы. Кости черепа потревожены и смещены в юго-восточный угол (рис. 24). В анатомическом порядке сохранились кости ног и семь шейных позвонков. Около них лежали два железных 8-видных стремени с приплюснутой петлей путлища и широкой подножкой (рис. 25.-18). Одно из них разрушено коррозией. Тут же находилось полуразрушенное коррозией железное кольцо (рис. 25.-15), вероятно, от сбруи.

Инвентарь сильно разрушен коррозией и частью перемешан грабителями. В первоначальном положении вдоль правой руки, от плеча к ногам, лежал железный палаш, или слабо изогнутая сабля (рис. 24.-Б(1)), сохранившаяся в обломках. Он был в ножнах с железным наконечником (рис. 25.-19). Против рукояти палаша лежала круглая розетковидная бляшка из медно-серебряного сплава (рис. 25.-8), а против клинка – пряжка из аналогичного металла (рис. 25.-9). Другая подобная пряжка находилась между клинком палаша и тазовой костью (рис. 24.-Б(10)). Вероятно, это пряжки от ремней для подвешивания палаша к поясу.

С другой стороны палаша, против тазовой кости, лежала костяная подпружная пряжка (рис. 25.-16), смещенная сюда от костей лошади. Рядом с палашом, против верхней части туловища, помещался берестяной колчан, сохранившийся лишь фрагментарно. В нем находились остатки железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, сильно поврежденных коррозией (рис. 25.-1–6, 11). Всего было не менее 10 наконечников. Колчан подвешивался с помощью ремня и пряжки из медно-серебряного сплава с железным язычком (рис. 24.-Б(11); рис. 25.-7), около которой сохранился фрагмент берестяного колчана (рис. 25.-7,а). По-видимому, для украшения колчана или ремешков для его подвешивания служили вышеупомянутая круглая бляшка и два наконечника ремней с гофрированной поверхностью (рис. 25.-10; рис. 24.-Б(7)), отлитые также из медно-серебряного сплава. Рядом с колчаном лежали остатки разрушенного коррозией железного предмета, возможно, ножа.

Вдоль северо-западной и юго-западной стенок могилы встречались остатки дерева в виде тлена, возможно, от перекрытия погребения. Примечательна форма могильной ямы, стенки которой подкопаны снизу так, что образуют небольшие подбой, расширяющие нижнюю часть ямы на 0,4–0,45 м в сравнении с ее величиной на уровне материка (рис. 24.-А).

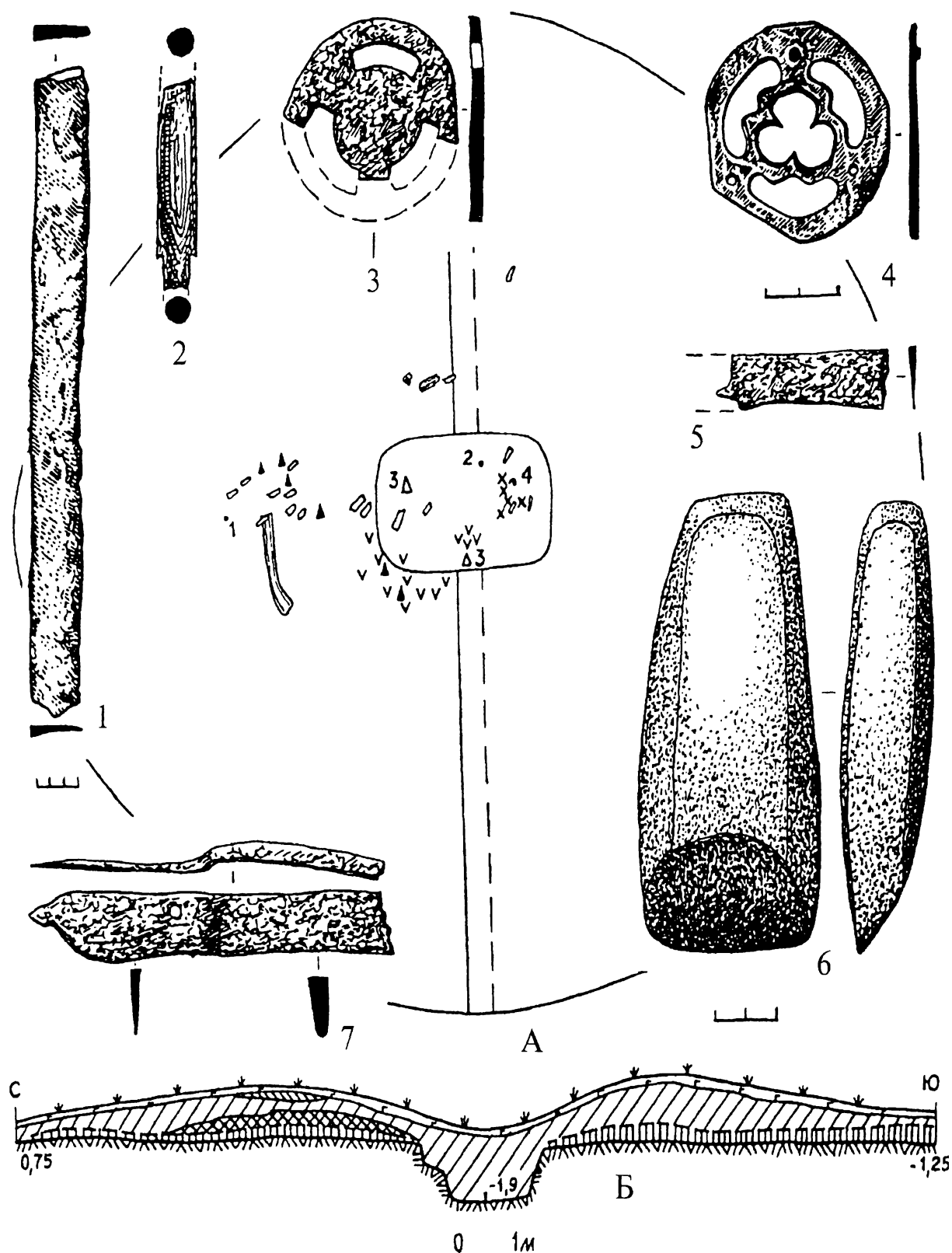

Рис. 20. Гилево-V, курган 1. А, Б – план и профиль (1 – железный тройник; 2 – обломки палаша; 3 – фрагменты керамики; 4 – челюсть собаки); 1 – обломок клинка палаша; 2 – фрагмент наконечника стрелы; 3, 4 – тройники от портупеи; 5, 7 – ножи; 6 – тесло.
1, 3, 5, 7 – железо; 2 – железо со следами дерева; 4 – медь; 6 – сланец

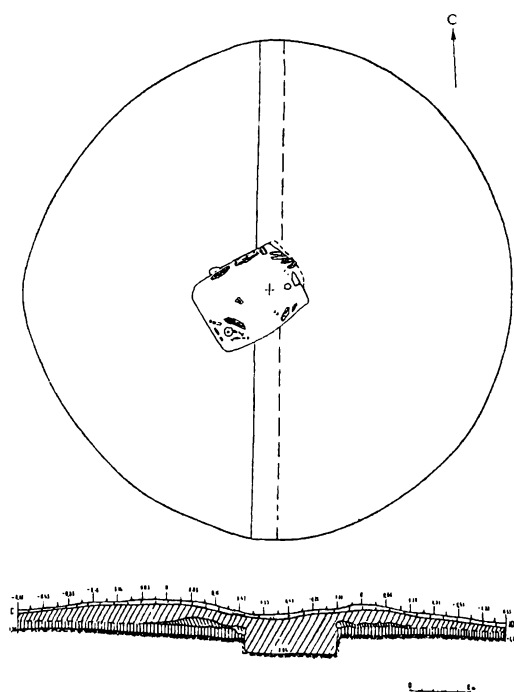

Рис. 21. Гилево-V, курган 5. План и разрез кургана

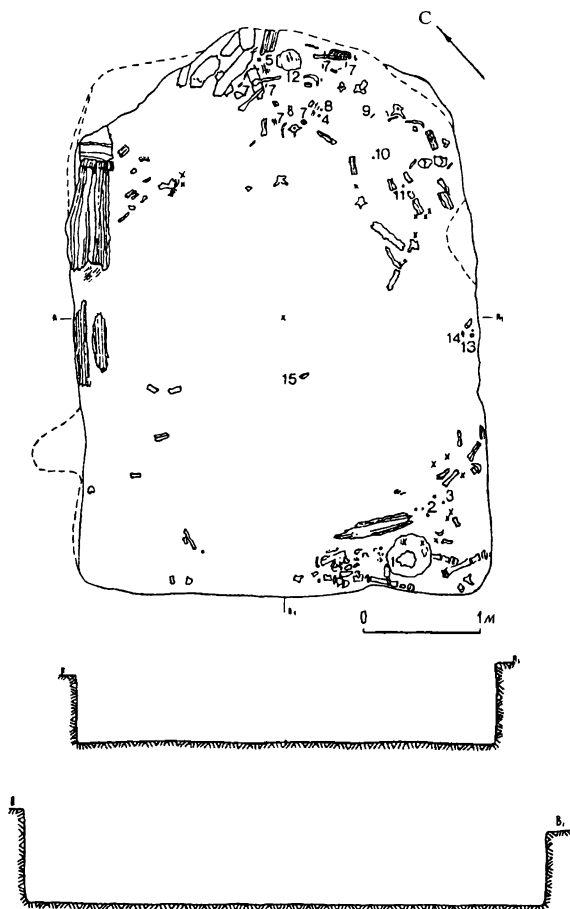

Рис. 22. Гилево-V, курган 5. План и разрезы могильной ямы: 1 – железный котел;
 2–4, 8 – железные сбруйные накладки и наконечники ремней с позолотой;
 5 – сердцевидная медная бляшка; 6 – кусочек шелковой ткани; 7 – железные наконечники стрел;
 9 – нож с остатками ножен; 10 – железная пряжка; 11 – обломки палаша; 12 – остатки колчана;
 13 – кольцо от сбруи; 14 – обрывок ремня; 15 – втулка копья

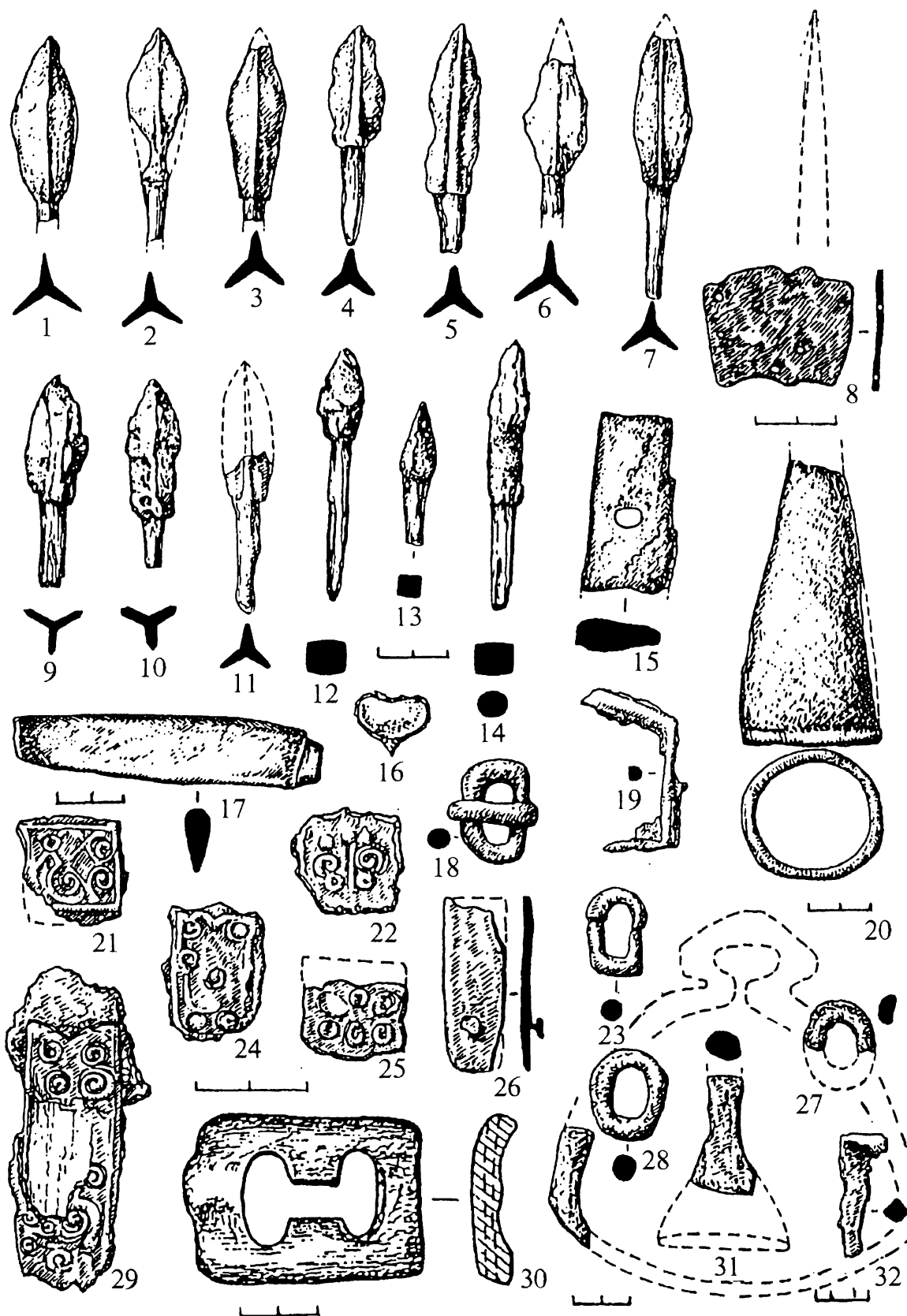

Рис. 23. Гилево-V, курган 5: 1-7, 9-14 – наконечники стрел; 8 – панцирная пластина; 15 – фрагмент рукояти палаша; 16 – бляшка; 17 – нож с остатками ножен; 18, 19, 23, 30 – пряжки (19, 30 – подпружные); 20 – втулка от наконечника копья; 21, 22, 24-26, 29 – бляхи и наконечники ремней; 27, 28 – уздечные кольца; 31 – фрагмент стремени; 32 – гвоздь.
1-15, 18-20, 23, 26-28, 31, 32 – железо; 16 – медь; 17 – железо с остатками дерева от ножен; 21, 22, 24, 25, 29 – железо с золотой инкрустацией; 30 – кость

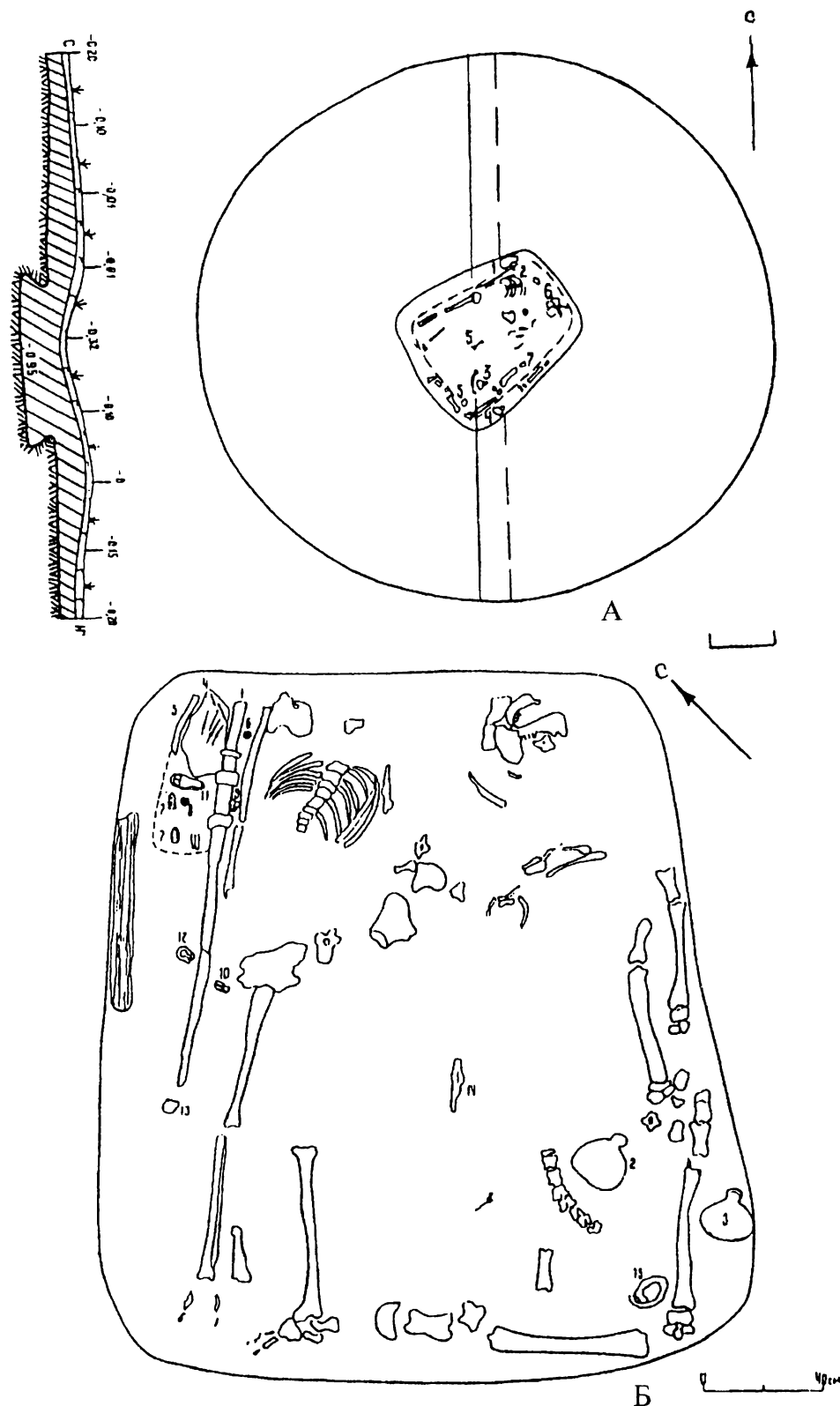

Рис. 24. Гилево-V, курган 6. *А* – план и разрез кургана (1 – колчан; 2 – палаш; 3, 4 – стремена; 5 – фрагменты железных предметов). *Б* – план погребения (1 – палаш; 2, 3 – стремена; 4 – остатки берестяного колчана с наконечниками стрел; 5 – фрагменты ножа; 6, 8 – 2 круглых серебряных бляшки от декора ремней колчана и палаша; 7 – 2 наконечника от ремней для подвешивания колчана; 9, 10 – серебряные пряжки от ремней для подвешивания палаша; 11 – пряжка для подвешивания колчана; 12 – подпружинная пряжка; 13 – железный наконечник ножен палаша; 14 – обломок железного предмета; 15 – железное кольцо (от пут – ?)

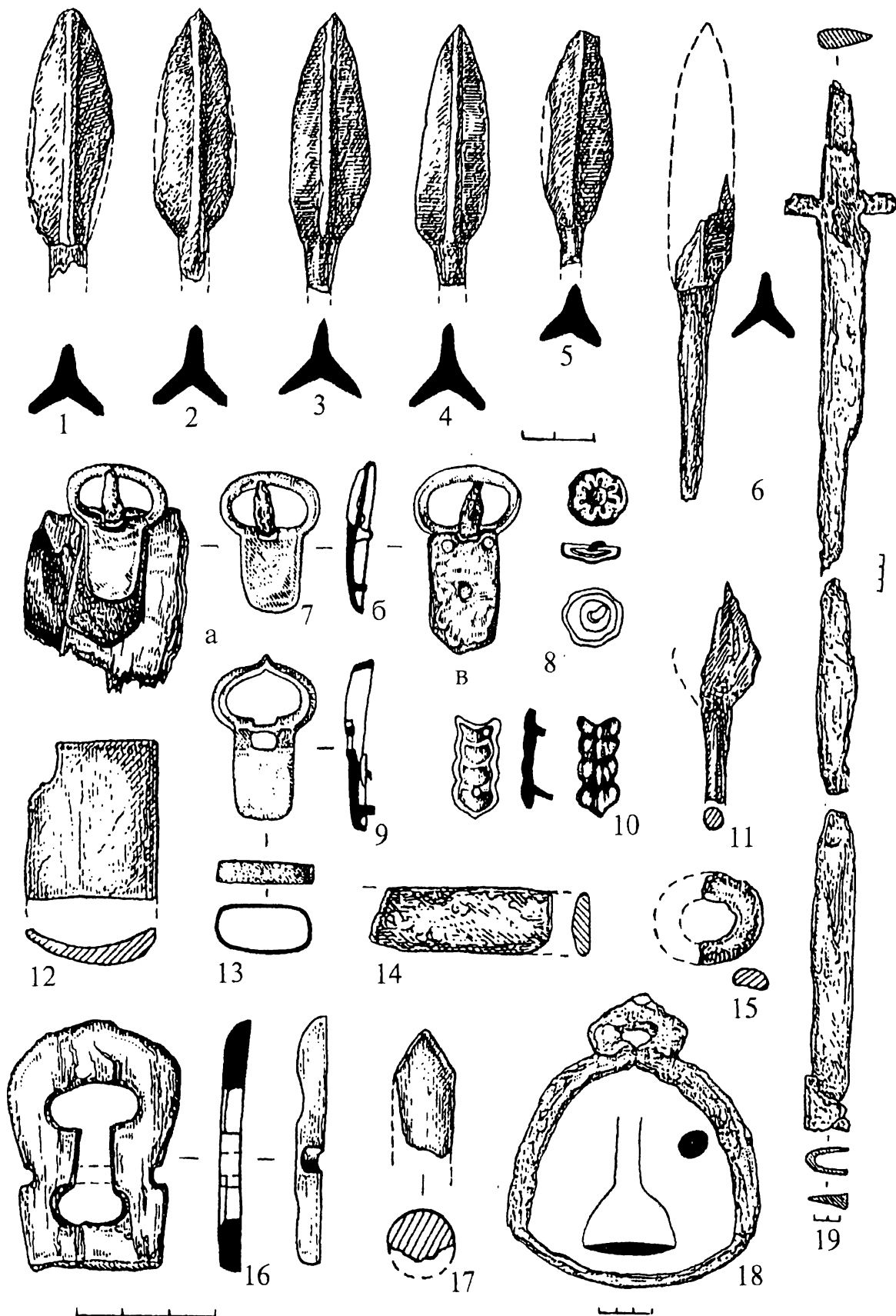

Рис. 25. Гилево-V, курган 6: 1-6, 11 – наконечники стрел; 7 – пряжка с остатками ремня и бересты от колчана; 8 – бляшка; 9 – пряжка от подвески палаша; 10 – наконечник ремня; 12 – накладка; 13 – обойма; 14 – нож; 15 – уздечное кольцо; 16 – пряжка; 17 – обломок костяного предмета; 18 – стремя; 19 – палаш с наконечником ножен. 1-6, 11, 14, 15, 18, 19 – железо; 7-10, 13 – медно-серебряный сплав; 12, 16, 17 – кость. 8-10, 13, 15, 18 – по 2 экз.

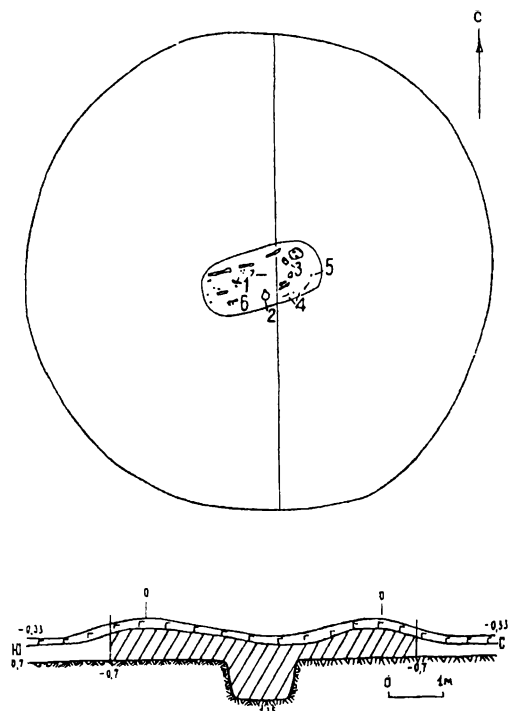

Рис. 26. Гилево-V, курган 7. План и разрез: 1 – три подвески из резцов марала; 2 – чугунная жаровня; 3 – костяная пряжка; 4 – обломки железного ножа; 5 – развал железного котла; 6 – железный крючок

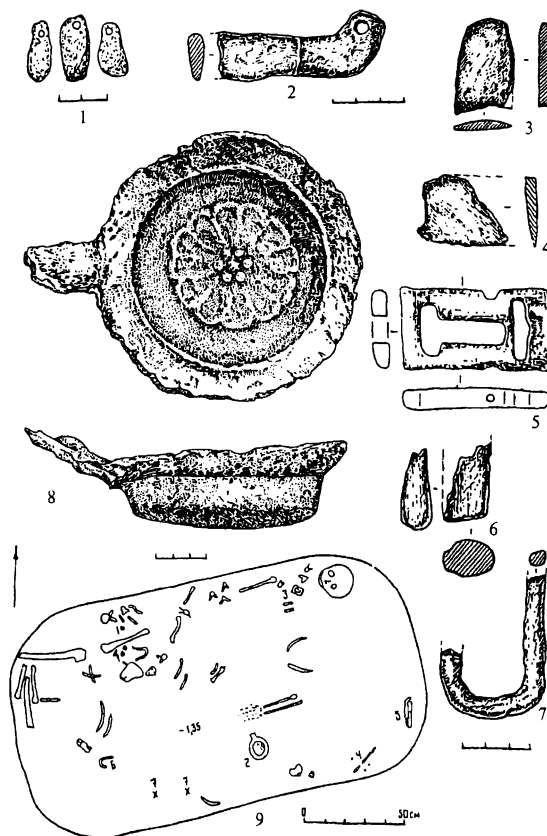

Рис. 27. Гилево-V, курган 7: 1 – подвески из резцов марала; 2 – обломки ножа; 3, 4 – фрагменты железных предметов; 5 – пряжка; 6 – обломок заполированной рукояти (?); 7 – обломок крючко-видного предмета; 8 – жаровня. 2–4, 7 – железо; 5, 6 – рог, кость; 8 – чугун; 9 – план погребения (1 – подвески из резцов марала; 2 – жаровня; 3 – пряжка; 5 – развал котла; 6 – крючок; 7 – обломки железных предметов)

Курган 7 (42), диаметр 8 м, высота 0,33 м, в центре – грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0,3 м (рис. 26). Под курганом находилось захоронение молодой женщины, разрушенное при ограблении кургана. Под центром насыпи – подпрямоугольная с закругленными углами могильная яма размером 2х1,1 м, углубленная в материк на 0,05 м, ориентированная ЗЮЗ-ВСВ. Погребенная была уложена на спине, вытянуто, головой на ВСВ. В первоначальном положении сохранились кости левой кисти и локтевые (предплечья). Череп лежал около северо-восточного угла могилы. В 0,2 м от него, вдоль северо-северо-восточной стенки находились смещенные плечевая кость и разрозненные позвонки. В средней части могильной ямы находились разбросанные отдельные ребра и ключица, а в западной половине – часть позвонков, ребер, нижняя челюсть, длинные кости ног и некоторые мелкие кости скелета.

Вблизи кисти левой руки стояла литая чугунная жаровня с орнаментом внутри в виде розетки на дне (рис. 27.-8). В юго-восточном углу находились фрагменты железного ножа (рис. 27.-9(4)) и обломки железного котла. Около черепа лежали костяная пряжка (рис. 27.-5), а рядом с отброшенной нижней челюстью – три подвески из просверленных резцов марала (рис. 27.-1). В западной половине могилы находился обломок железного предмета в форме крючка (рис. 27.-7). В заполнении встречены также фрагмент костяной накладки, обломки неопределенных костяных предметов (рис. 27.-6) и отдельные сильно коррозированные куски железных вещей (рис. 27.-2–4).

* * *

Резюмируя изложенные данные о погребальном ритуале, отметим, что во взятом в целом могильнике Гилево-I–V преобладают курганы с погребениями с трупосожжениями (20 курганов из 42), курганов с трупоположениями – 12, кенотафы (?) – 2, девять не определены (из-за ограбления и других причин). При этом курганы с погребениями с трупосожжениями приурочены главным образом к пониженной части мыса, располагаясь в цепочках Гилево-I–III, где на 19 курганов с кремациями приходится только четыре кургана с погребениями ингумаций, в том числе одно погребение воина в сопровождении коня (Гилево-III: 5), одно захоронение трех человек, мужчины-воина и двух подростков без коня (Гилево-II: 3) и два, где ритуал ингумации из-за ограбления точно не определен (Гилево-II: 1–2). Кроме того, в этой части некрополя представлен один кенотаф (Гилево-III: 1) и в семи курганах вид ритуала не определен, но это не меняет общей картины преобладания курганов с трупосожжениями в южной части некрополя. В отличие от этого в северной, наиболее возвышенной части, где находятся курганы Гилево-IV, V, сконцентрированы погребения с трупоположениями, в том числе трупоположения с конем. Из девяти курганов цепочек Гилево-IV, V только один (Гилево-IV: 2) наиболее вероятно связан с трупосожжением в яме. Остальные являются погребениями по ритуалу трупоположения с конем или со шкурами коней – по 2 кургана (Гилево-IV: 1; Гилево-V: 1,5–6), трупоположения без коня – три (Гилево-V: 2,4,7) и одном – детское скорченное без вещей (Гилево-V: 3), возможно, эпохи бронзы. Здесь же сосредоточены наиболее крупные курганы и богатые захоронения, среди которых величиной насыпи, размерами могильной ямы и, очевидно, количеством инвентаря, пострадавшим от грабителей, выделяется парное погребение воина и молодой женщины с двумя шкурами коней в кургане Гилево-V: 5 (рис. 21–23).

Такая ситуация, вероятно, объясняется тем, что могильник, по-видимому, возник в наиболее возвышенной части, у основания мыса, в пункте Гилево-V и затем стал постепенно расти к югу, в сторону стрелки мыса, когда к нему стали пристраивать в общую цепь с интервалами курганов и с трупосожжениями и трупоположениями вперемежку. В данной связи следует отметить, что размещение курганов цепочками характерно для некрополей кимаков

предгорий Алтая и, в частности, для рассматриваемого микрорайона Верхнего Аля, где под курганами находятся погребения с труположениями с конем и без коня. Очевидно, к могильнику с ингумациями, заложенному в пункте Гилево-V, стали пристраивать курганы иного, пришлого этноса с погребениями с кремациями, связываемые с древними хакасами [Могильников В.А., 1972, с. 42].

Для погребений с кремациями некрополя Гилево-I–V характерны подкурганные захоронения в виде овального или округлого пятна размером около 0,6х0,8 м, включающего мелкие кусочки пережженных костей, мелкие угольки, золу и находящиеся в этом же пятне или рядом с ним – отдельные вещи, часто имеющие следы пребывания в огне погребального костра, а также отдельные сырые кости животных – остатки ритуальной пищи, или тризны. Насыпи курганов сложены из земли и щебенки, т.е. на ее сооружение брали грунт из окружающей почвы. Обычно под курганом находится одно пятно с останками кремации. В одном случае (Гилево-III: 10) было два таких пятна и в одном (Гилево-III: 9) – три пятна, что позволяет предполагать возможность захоронения под данными курганами двух и, соответственно, трех человек. Такое предположение представляется вероятным еще потому, что во всех пятнах, помимо мелких кусочков пережженных костей, угольков и золы, были встречены предметы инвентаря, в частности, железные панцирные пластины и другие вещи со следами воздействия огня. Однако это также полностью не исключает возможности разделения праха одного погребенного на две или три части по тем или иным соображениям ритуала, что подтверждает материал кургана Корболиха-VIII: 5, рассмотренный ниже.

В пяти случаях (Гилево-I: 1–3; Гилево-III: 4; Гилево-IV: 2) останки кремации полностью или частично помещались в ямах. Ямы овальной формы размером 2,7х1,6х0,25 м, 0,4х0,6х0,15 м, 1,5х1х0,15 м, глубиной до 0,8 м от древней поверхности с наклонными стенками и котловидным дном, ориентированы 3-В, подобно погребениям с труположениями. В ямах находились мелкие кусочки пережженных костей, угольки и зола. Сопровождающий инвентарь вместе с частью кальцинированных костей располагался как в яме (Гилево-I: 2), так и рядом с ней на древнем горизонте (Гилево-IV: 2). Рядом с ямой кургана Гилево-I: 2 лежал также костяк коня без черепа (рис. 3). Подобный ритуал погребения останков кремации, совершенной на стороне, на уровне древнего горизонта и в ямах представлен у древних хакасов в Минусинской котловине, Туве и других местах в памятниках тюхтятской культуры IX–X вв. и в последующих курганах XI–XII вв. аскизской культуры. При этом в XI–XII вв. возрастает доля захоронений останков кремации на уровне древнего горизонта [Кызласов Л.Р., 1969, с. 97–99, 110, рис. 29–30; 1975, с. 205–207; Кызласов И.Л., 1981, с. 206; 1983, с. 21]. Неполные скелеты лошадей без головы, как в кургане Гилево-I: 2, также изредка фиксируются в тюхтятских курганах [Кызласов Л.Р., 1981, с. 55]. Встреченные по периметру под насыпями курганов Гилево-I: 1; III: 12 развалы камней, возможно, являются остатками каменных стенок, аналогичных стенкам у части курганов тюхтятской культуры [Кызласов Л.Р., 1969, с. 97, 99].

Погребальный инвентарь обнаружен в 13 курганах с кремациями. Он довольно беден, что объясняется, очевидно, рядовым характером захоронений пришлой этнической группы, интегрировавшейся в иноэтничную среду. В инвентаре представлены предметы вооружения, конского снаряжения, единично – утварь и украшения. Оружие характеризует обломок палаша, рукоять с частью клинка (рис. 5–7), железные наконечники стрел, панцирные пластины. Наиболее многочисленны панцирные пластины, встреченные в пяти погребениях. Обычно в погребении находится несколько пластинок прямоугольной, трапециевидной и с округлым краем формы с отверстиями для заклепок (рис. 11.–14). Почти все они имеют следы пребывания в огне и повреждены. Подобные пластины представлены в погребениях аскизской культуры IX–X вв. [Кызласов Л.Р., 1969, с. 102]. Малое количество пластин в курганах, очевидно, свидетельствует о том, что с погребенным сжигали не весь панцирь, а толь-

ко его часть, обрывок, или бросали в погребальный костер несколько оторванных от панциря пластин. Подобный обряд помещения в могилу воина только нескольких отдельных пластин от костяного панциря был известен у населения саргатской культуры лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа, когда целиком панцирь укладывали погребенному лишь в исключительных случаях [Могильников В.А., 1992, с. 303]. Наконечники стрел железные, черешковые трехлопастные с наибольшим расширением в верхней части головки и упором у основания черешка (11 экз.) (рис. 12.-1-7; рис. 13.-2-4) встречены в трех погребениях (Гилево-I: 3; Гилево-III: 10,12). Формы их характерны для тюхтятской культуры древних хакасов [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 37] и отличаются от трехлопастных стрел кимаков, имевших треугольную, ромбическую, листовидную форму лопастей и представленных в этом же некрополе в погребениях с трупоположениями (рис. 7.-1-8; рис. 25). Фрагмент палаша – рукоять с частью клинка – обнаружен в наиболее богатом погребении кургана Гилево-I: 2, сопровождавшемся неполным скелетом лошади, тремя комплектами сбруи, железным котлом и серебряными бляхами (рис. 3-5). Палаш имел незамкнутое кольчатое завершение, выкованное из конца пластины рукояти (рис. 5.-7), что является архаической чертой. Наиболее поздние кольчатые завершения рукоятей представлены у палашей и мечей VII-VIII вв. Подобные наконечники имели палаши из Перещепинского клада VII в. [Арсланова Ф.Х., 1972, с. 58, табл. V.-6-8], в Южной Сибири – палаши и мечи из могильников VII-VIII вв. Релка и Вахтовый в Томском и Нарымском Приобье, Елыкаевском клада на средней Томи [Евтюхова Л.А., 1948, рис. 135; Кызласов Л.Р., 1981, рис. 33,34; Савинов Д.Г., 1984, табл. VI.-14]. Подобные наконечники в виде несомкнутого кольца известны также у ножей культуры чаатас VII – первой половины IX в. [Кызласов Л.Р., 1969, табл. III.-39; Савинов Д.Г., 1984, табл. VI.-21]. Для последующего времени такие наконечники были несвойственны, и данный экземпляр представляет, возможно, палаш, уже вышедший из употребления и переданный по наследству. Примечательно, что он встречен в наиболее богатом погребении с трупосожжением данного некрополя, остальной инвентарь которого характерен для IX – начала X в. (рис. 4-5).

Предметы конской сбруи обнаружены в пяти погребениях с кремациями и также немногочисленны. Удила найдены в трех погребениях и представлены пятью экземплярами – тремя целыми и двумя в обломках. Из них две пары удил и фрагменты третьих происходят из богатого погребения Гилево-I: 2 (рис. 4.-5,6,9). Эти удила однотипны. Они имеют 8-видные окончания и витые стержни. Из них одна пара снабжена большими кольчатыми псалиями (рис. 4.-9), распространяющимися в Южной Сибири в основном с X в. Кольчатые псалии у данного экземпляра вставлены в большое внутреннее кольцо 8-видных удил, которое по размерам конструктивно рассчитано на роговые или костяные стержневые псалии. Такое сочетание разных традиций характеризует переходную форму к простым удилам с большими кольчатыми псалиями и может датироваться в пределах конца IX – начала X в. Второй экземпляр и обломок удила из этого погребения (рис. 4.-5,6) имели обычную форму 8-видных удил с витыми стержнями, широко представленную в Южной Сибири в конце VIII-начале XI в. Удила из кургана Гилево-III: 23, найденные вместе с серебряным литым тройником (рис. 16.-2), простые однокольчатые с гладкими стержнями. Их большие кольца предназначены для стержневых псалий, которые были, вероятно, костяными или деревянными и не сохранились. Звено от подобных однокольчатых удил с гладкими стержнями представлено также в кургане Гилево-III: 4 (рис. 8.-2). Данный архаичный тип удил доживает в Южной Сибири до IX-X вв. Примечательно, что такие однокольчатые удила с гладкими стержнями и 8-видные с витыми стержнями представлены в комплексе погребения с трупосожжением кургана 97IX – начала X в. на могильнике Зевакино в Верхнем Прииртышье [Арсланова Ф.Х., 1972].

Стремена (6 экз.) происходят из двух погребений. Из них пять (две пары и одно стремя) находились в кургане Гилево-I: 2 (рис. 4.-8,10), где вместе с тремя вышеописанными удилами с 8-видными концами представляли три комплекта сбруи – три уздечки и три седла. Все пять стремян однотипны – 8-видные с широкой подножкой и приплюснутой петлей путлища – и характерны для IX–X вв. В кургане Гилево-III: 17 находилось стремя с пластинчатой петлей путлища на ножке и с широкой прорезной подножкой (рис. 15.-1). Аналогичного типа стремяна представлены в культуре чаатас VIII – начала IX в. и продолжали существовать в тюхтятской культуре IX–X вв. [Евтюхова Л.А., 1948; Кызласов Л.Р., 1981; Савинов Д.Г., 1984].

Подпружные пряжки были, видимо, в основном костяными и сгорели при сожжении. В кургане Гилево-III: 10 представлена крупная железная подпружная пряжка с овальной рамкой и язычком на вертлюге (рис. 12.-14). Подобные пряжки также имеются в тюхтятской культуре IX–X вв. [Кызласов Л.Р., 1969; Савинов Д.Г., 1984].

Другие принадлежности конской сбруи из курганов с трупосожжениями единичны. Это литой серебряный Т-образный тройник, с фигурно оформленными концами и центральной полусферической выпуклостью, имитирующий форму ремennого узла (рис. 16.-1), найденный вместе с вышеописанными однокольчатыми удилами в кургане Гилево-III: 23. Подобные тройники представлены в ранних курганах тюхтятской и курайской культур Саяно-Алтая IX-начала X в. [Кызласов Л.Р., 1969, табл. III.-34, рис. 35.-2; Арсланова Ф.Х., 1972, табл. V.-5; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 61]. Аналогичны ранним тюхтятским и сrostкинским также литые серебряные пряжки с неподвижным щитком и наконечник ремня с фигурно-скобчатым завершением, найденные в кургане Гилево-III: 17 вместе со стремяном с прорезной подножкой (рис. 15).

Очевидно, к уздечному набору относятся железные предметы – две пряжки с неподвижными щитками, два наконечника ремней и две накладных декоративных бляшки с перехватом (рис. 4.-1–3) из кургана Гилево-I: 2. Их формы свойственны для уздечной и поясной гарнитуры населения Саяно-Алтая IX–X вв., но материал – железо – для изготовления этих изделий стал в основном распространяться со второй половины X–XI вв. [Кызласов Л.Р., 1969, с. 110, рис. 39]. К данному же типу вещей относится железный наконечник ремня из кургана Гилево-III: 2 (рис. 8.-4). Вероятно, уздечной являлась также бронзовая штампованная розетковидная бляшка с четырьмя выпуклостями, найденная в кургане Гилево-III: 10 (рис. 12.-13), имеющая аналогии в комплексах IX–X вв. курайской культуры Саяно-Алтая [Грач А.Д., 1966, рис. 20; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 25; Савинов Д.Г., 1984, табл. IV.-12]. Украшением узды или амулетом служила подвеска из клыка кабана (рис. 8.-1), встреченная в кургане Гилево-III: 4. Здесь же обнаружена железная скоба (рис. 8.-3) от несохранившегося, по-видимому, костяного или деревянного псалия железных однокольчатых удили, звено которых находилось в этом комплексе (рис. 8.-2).

Находки предметов быта в рассматриваемых курганах с кремациями Гилево-I–IV единичны. В кургане Гилево-III: 10 обнаружены небольшой железный нож и шило или пробойник (рис. 10.-8,9). Подобные миниатюрные железные ножи представлены в древнехакасских погребениях IX–X вв. [Кызласов Л.Р., 1979, рис. 6.-12].

В кургане с трупосожжением Гилево-III: 22 встречен довольно грубый круглодонный митровидный сосуд серо-коричневого цвета с гладко заглаженной поверхностью, вылепленный из глины с примесью мелкого шамота, орнаментированный по венчику оттисками крупнозубого штампа (рис. 21.-4). Аналогичной формы сосуд, но орнаментированный по краю гладкой насечкой, происходит из погребения с кремацией IX – начала X в. кургана 99 Зевакинского могильника на Верхнем Иртыше [Арсланова Ф.Х., 1972, табл. VI.-2]. Круглодонная форма указанных сосудов не характерна для керамики тюркоязычного населения и отражает более северные связи. Сосуды с круглым дном, наряду с плоскодонными, имеются в курганах VIII–IX вв. на северо-западе Кулундинской степи и в Павлодарском Прииртышье

(Хорошонок-II, Боброво) [Могильников В.А., 1992, рис. 4.-1,3,4; Арсланова Ф.Х., 1980, рис. 5], где они отражают присутствие тюркизированного угро-самодийского субстрата. Невыразительные фрагменты стенок лепных сосудов встречены также в курганах Гилево-I: 2 (рис. 2.-3-7) и Гилево-V: 1 с трупоположением. В целом же глиняные сосуды в погребениях IX-X вв. у тюркоязычного населения степей редки. В это время они заменяются в основном железными котлами, находки которых довольно широко представлены в погребениях, но почти все они плохой сохранности, так что часто невозможно установить точную форму. В кургане Гилево-I: 2 находился округлодонный железный сосуд типа жаровни (рис. 5.-8). Точные аналогии ему нам неизвестны. Возможно, подражанием этой форме металлического сосуда являются глиняные округлодонные жаровни населения усть-ишимской культуры южнотаяжского Прииртышья [Могильников В.А., 1987, табл. LXXIX.-8; LXXXIV.-16], имевшего тесные контакты с тюркоязычным населением Прииртышья в IX-XII вв. Железный котел-жаровня из кургана Гилево-I: 2, возможно, был поставлен в деревянный сосуд, от которого сохранились серебряные пластины от оковки края, украшенные гравированным растительным и чеканным орнаментом (рис. 5.-6). Подобный растительный узор представлен на сердцевидных сбруйных бляхах [Евтюхова Л.А., 1948, рис. 143] и бляхах из кургана 2 Копенского чаатаса [Евтюхова Л.А., 1948, рис. 55, 57], датированного Б.И. Маршаком [1971, с. 55-57] не ранее середины IX в.

Украшения в рассматриваемых курганах с трупосожжениями единичны. В кургане Гилево-III: 15 встречена овально-цилиндрическая белая стеклянная бусина (рис. 14.-3), которая не дает четкой хронологии. Комплекс декоративных серебряных бляшек с изображением розетки, льва, завитков растительного узора и петушка (2 экз.) происходит из кургана Гилево-I: 2. Бляшки были приклепаны к тонкой серебряной фольге, которой был оправлен край котла или деревянного сосуда вместе с вышеописанными тремя серебряными пластинами-накладками (рис. 5.-1-6). Орнаментальный мотив в виде розетки представлен в декоративном искусстве тюркской культуры [Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, табл. XIII.-17], откуда, вероятно, попал на Алтай. Украшение в форме фигурок петушков или фениксов известно на Алтае в древности, со времен пазырыкской культуры [Руденко С.И., 1960, рис. 35.-а-г]. В рассматриваемом варианте он восходит к фигуркам фениксов в декоре торевтики предметов из курганов древних хакасов, культур тюркской и чаатас [Евтюхова Л.А., 1948, рис. 72, 73]. Описываемые фигурки петушков, а также бляшки с изображением льва, розетки, растительного узора (рис. 5.-1-5) отлиты, вероятно, местными мастерами. Сам же мотив орнамента в виде сопоставленных фигурок петушков, фениксов у населения Южной Сибири конца I тыс. распространился, очевидно, под влиянием искусства Востока, в частности Китая, где был широко представлен в декоре предметов торевтики и других изделий, попадавших в Южную Сибирь [Евтюхова Л.А., 1948, рис. 31, 79].

Как отмечено, погребений с трупоположением – девять, и концентрируются они в наиболее высокой части некрополя, у основания мыса, в пункте Гилево-V (рис. 1). Из них погребений с останками коней – пять, без коня – четыре, в том числе одно детское (в скорченном положении, без вещей). Кроме того, в двух разграбленных курганах (Гилево-II: 1, 2) захоронения, видимо, были совершены по обряду ингумации, но вследствие разграбленности детали ритуала точно не фиксируются. Насыпи курганов с ингумациями округлые и также сложены из окружающего слоя почвенного чернозема со щебенкой. В целом по сравнению с курганами с кремациями они имеют несколько большую величину. Их размеры колеблются от 6,0х0,15 м (Гилево-III: 5, с конем; Гилево-V: 3 – детское) до 20,0х0,65 м (Гилево-V: 5 – парное захоронение, мужчина и женщина со шкурами двух коней). Малые насыпи у погребений с ингумациями по величине фактически не отличались от курганов с кремациями. Под курганом находилось одно погребение в подпрямоугольной яме, ориентированной 3-В с отклонениями. Размеры ям колеблются в погребениях с конем от 1,95х1,85х0,8 м

(Гилево-III: 5) – 2,4х2,0х0,4 м (Гилево-V: 6) до 4,6х3,15х0,6 м (Гилево-V: 5; глубины указаны от уровня материка). Глубина могильных ям в пределах 0,7–1,1 м от древней поверхности. Следует отметить также, что яма в кургане Гилево-V: 6 была в нижней части расширена за счет подкопанных в стенках подбоев. В захоронениях без коня размеры ям несколько меньше и варьируют от 2,0х1,1х0,65 м (Гилево-V: 7) до 2,6х1,3х0,9 м (Гилево-V: 2). Стенки ям обычно вертикальные или слегка наклонные. Из-за разграбленности погребений особенности ритуала прослеживаются не полностью. В погребении Гилево-V: 5 фиксировались остатки перекрытия в виде продольного бревенчатого наката, уложенного на уровне древнего горизонта и базировавшегося на перекладинах, положенных поперек ямы. Следы дерева от перекрытия прослеживались также в кургане Гилево-V: 1 и в погребении с кремацией в яме Гилево-I: 2 (рис. 3, рис. 20, рис. 21). Кроме того, в ямах и около них попадались кусочки древесного тлена, возможно, связанные с остатками перекрытий (Гилево-II: 3). В ямах находятся также кусочки древесного угля, представлявшие, очевидно, остатки ритуального костра, возможно, связанного с тризной.

Среди погребений с ингумациями два тройных (Гилево-II: 3: мужчина 35–55 лет и двое подростков 7–9 и 9–13 лет, без коня, но с уздечкой; Гилево-IV: 1: два мужчины 20–35 и 35–55 лет, ребенок до 7 лет, с конем), два парных (Гилево-V: 2: мужчина и женщина, оба в возрасте 20–35 лет, с собакой, без коня; Гилево-V: 5: мужчина 20–35 лет, женщина 14–19 лет, со шкурами двух коней). Остальные пять курганов с ингумациями содержали индивидуальные захоронения. В их числе – три в сопровождении останков коней (Гилево-III: 5: женщина (?) 20–35 лет с конем; Гилево-V: 6 (со шкурой): мужчина 20–35 лет с палахом (рис. 36); Гилево-V: 1: вероятно, мужчина с конем, встречены обломки палаша) и два без коня (Гилево-V: 3: ребенок без вещей; Гилево-V: 7: женщина 20–35 лет, возможно, с седлом, так как найдена подпружная пряжка (рис. 27.-5). С конем и без коня хоронили и мужчин, и женщин, но с конем – преимущественно мужчин.

Погребенных укладывали на спине, вытянуто, головой на восток с отклонениями, параллельно продольным стенкам ям. В коллективных захоронениях, где это удалось проследить (Гилево-II: 3; IV: 1; рис. 7.-12), погребенные уложены в ряд. В погребениях с конем или с головой и конечностями коня (шкурой) останки лошадей лежат на одном уровне с костями человека и с той же ориентировкой головой или передней частью туловища на восток-северо-восток, слева от погребенного, вдоль южной стенки могилы (Гилево-V: 5,6; со шкурами коней) или справа от него, вдоль северной стенки (Гилево-III: 5; IV: 1; с конями), что менее характерно для ритуала сопроводительных конских захоронений в целом. В парном погребении Гилево-V: 5 две шкуры коней были уложены одна за другой, у южного угла могилы, вдоль юго-западных и юго-восточных стенок (рис. 22). Подобное положение коней друг за другом, вдоль стенок ямы, наблюдалось также в коллективном погребении кургана Гилево-VII: 4, где в некрополе были только погребения с ингумациями X – начала XI в. [Могильников В.А., Отчет ... 1973 г., с. 11–13, рис. 20]. Кони были взнузданы и оседланы. В зубах коня в Гилево-III: 5 сохранились железные удила, в области шеи – медный бубенчик (рис. 9.-8,9). Детское погребение в Гилево-V: 3 выделялось малыми размерами могилы (0,65х0,35х0,35 м), скорченной позой на правом боку и отсутствием инвентаря. Само захоронение детей в отдельных курганах также было нетипичным. Обычно их хоронили в курганах взрослых. Не исключено, что оно относится к эпохе бронзы. Взаиморасположение останков человека и коня в кургане Гилево-V: 1 (рис. 20.-А) не установлено из-за разграбленности погребения.

Погребальный инвентарь из ингумаций представлен предметами вооружения, конского снаряжения, единичными орудиями труда и небольшим числом блях от поясной, сбруйной и портупейной гарнитуры. К предметам вооружения из рассматриваемых погребений относятся прямые однолезвийные палаши (4 экз.), наконечники копий (3 экз.), железные

наконечники стрел, точное количество которых не устанавливается из-за плохой сохранности железа и разграбленности погребений. Возможно, с остатками панцирей связаны отдельные железные пластины, некоторые разрушенные коррозией остатки железных предметов неопределенной формы. Все палаши происходят из погребений с конем (Гилево-IV: 1; Гилево-V: 1) или со шкурами коня (Гилево-V: 5; Гилево-V: 6). От трех палашей сохранились только обломки клинка и фрагменты рукоятей (рис. 18.-11; рис. 20.-1; рис. 23.-15). У четвертого палаша (Гилево-V: 6) клинок распался на три части с утратами, вследствие чего его длина приблизительно определяется около 90 см, в том числе клинок около 80 см. Ширина клинка у основания 6–7 см. Перекрестие прямое, брусковидное, длиной около 12 см. Палаш был уложен в деревянных ножнах, от которых у конца клинка сохранился железный наконечник (рис. 25.-19). Подобные палаши, прямые и слабо изогнутые сабли представлены в кимакских погребениях Верхнего Прииртышья [Арсланова Ф.Х., 1969, табл. 1; 1972, с. 66–67, сноска 10, рис. 2; Трифонов Ю.И., 1987, рис. 63; рис. 97.-20], а также в некоторых курганах с трупоположениями микрорайона Гилево на Алее, у сrostкинскогo населения Верхнего Приобья IX–X вв. и др. [Худяков Ю.С., 1981, рис. 1; 1986, с. 191–192].

Встреченные в трех погребениях с ингумациями (Гилево-II: 3; IV: 1; V: 5) наконечники копий сильно повреждены коррозией. У двух частично сохранились втулки (рис. 18.-6; рис. 23.-20), но перья рассыпались, из-за чего их точная форма и величина не устанавливаются. Третий наконечник копья из Гилево-II: 3 (рис. 7.-12) имел узкое ланцетовидное перо линзовидного сечения, предназначенное для пробивания брони, и частично несомкнутую втулку. Длина наконечника 27 см, в том числе пера 14 см, ширина пера – 2 см. Максимальный диаметр втулки 3,8 см. Древко крепилось во втулке с двух сторон гвоздями.

Наконечники стрел железные, трехперые (рис. 7.-1–4; рис. 9.-1–4; рис. 18.-3,4; рис. 23.-1–11; рис. 25.-1–5) и с граненой бронебойной головкой (рис. 7.-4–8; рис. 18.-5; рис. 23.-12–14). Преобладают трехперые наконечники вытянутой асимметрично-ромбической формы с наибольшим расширением в средней или нижней части пера, без выраженного упора у основания черешка, в отличие от трехлопастных наконечников стрел тухтатской культуры, имевших максимальное расширение в верхней части головки и выраженный упор у основания черешка (рис. 12.-1–7; рис. 13.-2–4). Возле костяка подростка в Гилево-II: 3 наряду с железными лежали три костяных черешковых наконечника плохой сохранности.

В кургане Гилево-V: 6 сохранился фрагмент верхней части берестяного колчана с укрепленной на ней пряжкой из медно-серебряного сплава с железным язычком и куском ремня, с помощью которых колчан подвешивался к поясу. Колчан, видимо, был украшен круглой розетковидной бляшкой из медно-серебряного сплава (рис. 24.-Б(6); рис. 25.-8), а два наконечника ремня из такого же сплава (рис. 25.-10), вероятно, были на концах подвесных ремешков, крепивших колчан к поясу. Они находились в районе местоположения колчана (рис. 24.-Б(7)). В колчанах находилось по 10–12 стрел с наконечниками.

С португеей связаны распределители ремней – медные кольцевой тройник и три сердцевидных бляшки от декора заклепок из кургана Гилево-II: 3 (рис. 6.-4), крепивших ремни к тройнику. Аналогичное крепление прослежено в кургане Гилево-VII: 4 [Могильников В.А., 1981, табл. 26.-79]. Круглые железная и медная бляхи с тремя прорезями от распределителей ремней представлены также в кургане Гилево-V: 1 (рис. 20.-3,4), где входили в гарнитуру портупей палаша и колчана.

Панцирные пластины в погребениях с трупоположениями некрополя Гилево-I–V, возможно, не сохранились из-за ограбления и сильной коррозии железных предметов. С ними могут быть связаны небольшие коррозированные куски железа из погребений с палашами Гилево-IV: 1; V: 5,6, а также небольшой обломок пластинки с округлым краем из кургана Гилево-III: 5 (рис. 9.-5) и пластина из Гилево-V: 5 (рис. 23.-8), но говорить о деталях конст-

рукции панцирей эти фрагменты не дают возможности. Очевидно, панцирь был наборным, ламеллярного типа.

Предметы конского снаряжения представлены в погребениях удилами, стременами и их обломками, подпружными пряжками, бубенчиком, бронзовыми и железными бляшками, наконечниками ремней.

Удила встречены в четырех погребениях с ингумацией, в том числе в трех с останками коня (Гилево-III: 5) или его чучелами (Гилево-V: 5,6) и в одном без останков коня (Гилево-II: 3). Вероятно, удила также были, но не сохранились из-за ограбления погребений в Гилево-IV: 1, V: 1, сопровождавшихся захоронениями коней. В двух погребениях (Гилево-III: 5 – с конем и Гилево-V: 5 – со шкурами коней) находились остатки однокопытчатых крюковых удил (рис. 9.-9) с несохранившимися деревянными или костяными псалиями, подобные встреченным в курганах с кремациями Гилево-III: 4 и III: 23 (рис. 8.-2; рис. 16.-2). Данные архаичные удила доживают на Алтае до VIII–IX вв. и, возможно, бытуют в IX–X вв. как пережиточное явление, сосуществуют с господствовавшими в этот период удилами с 8-видными концами. Последние обнаружены в коллективном погребении мужчины с двумя подростками Гилево-II: 3 (рис. 6.-8). К ним относился также фрагмент рогового заполированного псалия (рис. 6.-7). Такие удила были распространены в Южной Сибири с конца VIII до первой половины XI в. включительно.

Стремена сохранились в двух погребениях – Гилево-V: 6 (2 экз.) и фрагментарно – в Гилево-V: 5 (рис. 23.-31; рис. 25.-18). Принадлежат они к типу 8-видных арочных стремян с широкой подножкой и слегка приплюснутой, приостренной сверху петлей путлища, характерного для Южной Сибири IX–X вв. По форме они близки 8-видным стремянам из кургана с кремацией Гилево-I: 2 (рис. 4.-8), но выглядят более архаичными из-за приостренности дужки.

Костяные подпружные пряжки (3 экз.) также относятся к широко распространенным элементам культуры кочевников. Представлены двумя типами – с прорезями двутавровой (2 экз.) и Т-образной формы (1 экз.) (рис. 23.-30; рис. 25.-16; рис. 27.-5). От четвертой пряжки сохранился только костяной язычок (рис. 6.-10) в кургане Гилево-II: 3. Вероятно, в качестве подпружной служила крупная железная трапециевидная пряжка, обломок рамки которой встречен в погребении (Гилево-V: 5) с головой и конечностями ног лошади (рис. 23.-19).

Судя по отсутствию подпружных пряжек в мужских и женских (Гилево-V: 7) погребениях, седла клали и мужчинам, и женщинам. При этом два погребения (Гилево-II: 3; V: 7) были без коней, положена только сбруя, два – со шкурами коней (Гилево-V: 5,6), одно (Гилево-III: 5) – с конем. В двух погребениях в сопровождении коней (Гилево-IV: 1; V: 1) из-за ограбления бесспорные детали седел не обнаружены.

Бубенчик желудевидной формы со щелевидной прорезью, склепанный из листовой меди, с несохранившимся ушком (рис. 9.-8), найденный под шеей лошади в кургане Гилево-III: 5, имеет аналогии на широкой территории в культурах кочевников степей Евразии, в том числе у кимаков Восточного Казахстана [Могильников В.А., 1981, табл. 26.-17]. Правда, в памятниках кочевников Казахстана, Саяно-Алтая и Южной Сибири находки таких бубенчиков немногочисленны [Евтюхова Л.А., 1948, рис. 49; Левашова В.П., 1952, рис. 1.-27; Алейкин Ю.П., 1998, рис. 1.-4,5; Арсланова Ф.Х., 1968, вклейка, рис. 74.-а-в].

Вследствие ограбления, фрагментарности и перемешанности инвентаря не всегда точно можно определить назначение части пряжек, бляшек и наконечников ремней, использовавшихся в качестве конструктивных элементов и для декора сбруи, поясов и портупей. Встреченные в захоронениях с ингумациями наконечники ремней – бронзовые и серебряные (4 экз.), костяной (1 экз.) и железные (6 экз.). Необычен костяной наконечник ремня, украшенный насечками (рис. 6.-5), копирующий по форме бронзовые наконечники. По-видимому, он изготовлен самим владельцем взамен утраченного медного наконечника. Кстати, в этом же погребении Гилево-II: 3 найден бронзовый позолоченный наконечник с волнис-

тыми краями, украшенный пунсонным и гравированным орнаментом в виде парных Х-образных волют с перевязью (рис. 5.-6). Подобная орнаментация представлена в декоре поясной и уздечной гарнитуры IX–X вв. у населения Южной Сибири и Восточного Казахстана [Кызласов Л.Р., 1969, табл. III.-23–29, рис. 39,40; Арсланова Ф.Х., 1972, табл. VII.-1–4,6–9; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 37.-7]. Железные наконечники и бляхи поясного или уздечного набора, украшенные золотой инкрустацией в виде спиральных волют и геометрических узоров, а также – без орнамента встречены в кургане Гилево-V: 5 (рис. 23.-21,22, 24–26,29). Подобная орнаментация цветным металлом по железу появляется в VIII–IX вв. в культуре чаатас, более широко распространяется в тюхтятской культуре второй половины IX–X вв. [Кызласов Л.Р., 1969, рис. 39], а затем в Южной Сибири в виде инкрустации серебром по железу расцветает в аскизской культуре [Кызласов И.Л., 1983, с. 47; Кызласов Л.Р., 1969, с. 120]. Железные бляхи данного набора из-за коррозии и ограбления кургана сохранились очень плохо. Среди них выявлялись разрушенные коррозией бляхи-оправы порталльной формы с фестончатыми краями и стрелчатым завершием. Подобной формы бронзовые золоченые бляхи были на одном из двух поясов в кургане 2 Узунтала в Ю-В Алтае, которые Д.Г. Савинов [1982, с. 107, рис. 6] датировал IX–X вв.

Очевидно, от сбруи или поясных ремней происходят встреченные в перемещенном состоянии железные кольца и пряжки овальной формы (рис. 9.-6; рис. 23.-18,23,27–28; рис. 25.-15), которые распространены широко территориально и хронологически.

Орудия труда в курганах с ингумациями также редки, как и в курганах с кремацией. В основном это железные черешковые ножи с двумя уступами при переходе от клинка к черешку. Они сильно повреждены коррозией и представлены фрагментами в пяти курганах (рис. 18.-1,2,9; рис. 20.-5,7; рис. 23.-17; рис. 25.-14; рис. 27.-2). Вероятно, первоначально ножи были во всех захоронениях взрослых, мужчин и женщин, кроме детского погребения без вещей Гилево-V: 3, но не сохранилось из-за сильной разграбленности курганов.

В кургане Гилево-II: 3 встречено железное втульчатое тесло (рис. 7.-9), поврежденное коррозией. Подобные тесла представлены в памятниках сроткинской культуры IX–X вв. и могли использоваться как орудия труда, менее вероятно – как предмет вооружения [Худяков Ю.С., 1981, с. 120, рис. 2.-5]. В качестве универсального орудия подобного типа тесла имели широкое распространение.

В кургане Гилево-II: 3 встречен железный сильно корродированный напильник (рис. 7.-10), где он входил, вероятно, в комплект предметов вооружения и использовался для заточки наконечников стрел. В эпоху раннего средневековья напильники были распространены достаточно широко, но находки их немногочисленны, что может частично объясняться трудностью выявления их среди других корродированных вещей из железа, похожих по форме. На Алтае напильник обнаружен в кургане 2 Катанды-II (1925 г.). Подобные напильники известны в тюхтятской культуре IX–X вв., в Тимирязевском-I – могильнике VII–VIII вв. в Томском Приобье [Гаврилова А.А., 1965, рис. 9.-14; Кызласов Л.Р., 1969, табл. III.-44; Чиндина Л.А., 1991, рис. 25.-11]. В рассматриваемом некрополе напильник происходит из погребения с труположением, стоявшем в цепочке с преобладанием курганов с трупосожжениями.

В кургане Гилево-V: 7, в женском погребении встречена чугунная жаровня с ручкой и орнаментом в виде розетки на дне (рис. 27.-8). Вещь скорее всего китайского происхождения. Подобный орнамент в виде розетки выполнен на дне китайской лаковой чашечки из Уйбатского чаатаса VIII–IX вв., а близкий китайскому, позднетанскому орнамент в виде лепестков изображен на серебряной чарке из могильника IX–X вв. «Над Поляной» на среднем Енисее в Хакасии [Евтюхова Л.А., 1948, с. 12, рис. 4; Гаврилова А.А., 1974, с. 177–180, рис. 3].

Как отмечено, в других курганных группах IX–X вв. Гилевского микрорайона курганы с трупосожжениями представлены единично, по одному, по два, среди количественно пре-

обладающих курганов с ингумациями. Это курган-вымостка 19 некрополя Гилево-IX, два кургана (1, 4) – на Гилево-XV, один курган (7) Корболихи-II и два кургана (5, 8) с впускными погребениями с трупосожжениями на могильнике Корболиха-VIII. Поэтому ниже дается самая общая характеристика указанных некрополей с более подробным описанием курганов, содержащих погребения останков кремации.

Сначала остановимся на пункте Гилево-XV. Это восемь курганов, расположенных на мысу левого берега Алея, как раз напротив мыса с курганами Гилево-I–V. В этом месте Алей течет между этими двумя мысами, как бы разрывая их основание, что и определило размещение здесь плотины Гилевского гидроузла, опирающейся на эти мысы. Алей здесь течет по перекату, и в пору межени его можно свободно преодолевать верхом на коне. Так что некрополи Гилево-I–V и Гилево-XV, возможно, взаимосвязаны.

Гилево-XV

На Гилево-XV раскопано шесть курганов. Диаметры насыпей колебались от 6,4 м (кург. 6) до 14,0х16,0 м (кург. 4, центральный в группе), высота от 0,15 м до 1,0 м. Насыпи, как и на Гилево-I–V, сложены из чернозема с включениями щебенки и гравия, лежащих в основании мыса, а также из небольшого количества камней. Все курганы сильно пострадали от ограбления, что затрудняет определение характера погребального ритуала. По-видимому, основные погребения курганов 2–5 были совершены по обряду ингумации головой на восток в соответствии с ритуалом захоронения кимаков. Из указанных курганов в трех (3–5) были, вероятно, погребения с конем, на что указывают величины могильных ям, находки отдельных разрозненных костей лошади и принадлежностей сбруи. Обряд погребения в кургане 6 неясен, поскольку находившаяся под ним овальная яма размером 1,6х0,8 м, глубиной 0,45 м от древнего горизонта, не имела никаких находок.

В курганах 1, 4 находилось по одному впускному погребению с кремацией.

Курган 1 – диаметр 12,5 м, высота 0,65 м, в центре – грабительская воронка диаметром около 5,0 м, глубиной 0,5 м (рис. 28). Насыпь состояла из чернозема с включением мелкой щебенки, что характерно для состава почвы данного мысовидного выступа и говорит о том, что земля для насыпки кургана бралась с окружающей территории. По структуре и цвету насыпь почти не отличалась от погребенной почвы.

Под центром насыпи находилась подтрапецевидная с закругленными углами яма с размерами на уровне материка, 2,0 м (Ю-С)х1,8 м (в южном конце) – 1,4 м (у северного торца, глубиной 1,35 м от древнего горизонта, ориентированная Ю-С. Стенки ямы наклонные, сужающие ее ко дну до размеров 1,2 м (Ю-С)х1,1 м (З-В). Яма заполнена черноземом с включением мелкого щебня. Находок нет, из-за чего неизвестно было ли в этой яме захоронение и какого типа? Однако яма вырыта до устройства насыпи, на что указывает прослойка выкида из сутлинка со щебенкой толщиной до 0,3 м, лежавшая на погребенной почве к северу от ямы.

Погребение с трупосожжением находилось в 1,5 м к ЮЮЗ от центра кургана, на глубине 0,4 м от поверхности насыпи, около уровня древнего горизонта и представляло собой овальное пятно размером 95х62 см, толщиной до 10 см углисто-золистого слоя с включением мелких кусочков кальцинированных костей (рис. 28.-1). В 0,9–1,0 м от этого пятна, на той же глубине лежали в анатомическом порядке 6 поясничных позвонков животного (лошади – ?), представлявшие, очевидно, остатки ритуальной пищи (рис. 28.-2). В 0,7 м к ЮЗ от них на том же уровне, находились обломок трубчатой, часть позвонков и тазовые кости животного (овца – ?), возможно, остатки тризны или погребальной пищи (рис. 28.-3). Вещей не обнаружено. Не исключено, что курган насыпан или сделана дополнительная подсыпка насыпи после устройства этого захоронения останков кремации с ритуальной пищей.

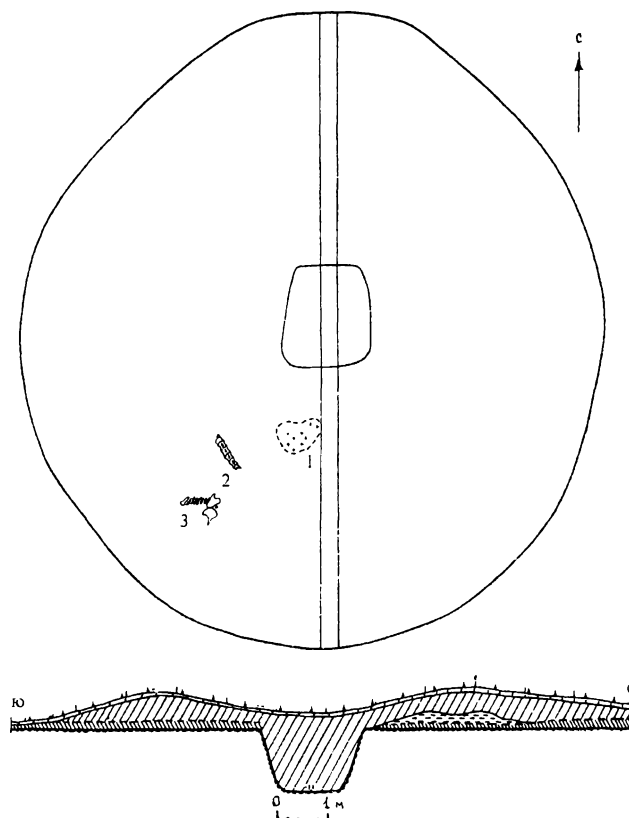

Рис. 28. Гилево-XV, курган 1: 1 – углисто-золистое пятно с кусочками кальцинированных костей; 2 – позвонки лошади; 3 – позвонки и тазовые кости овцы

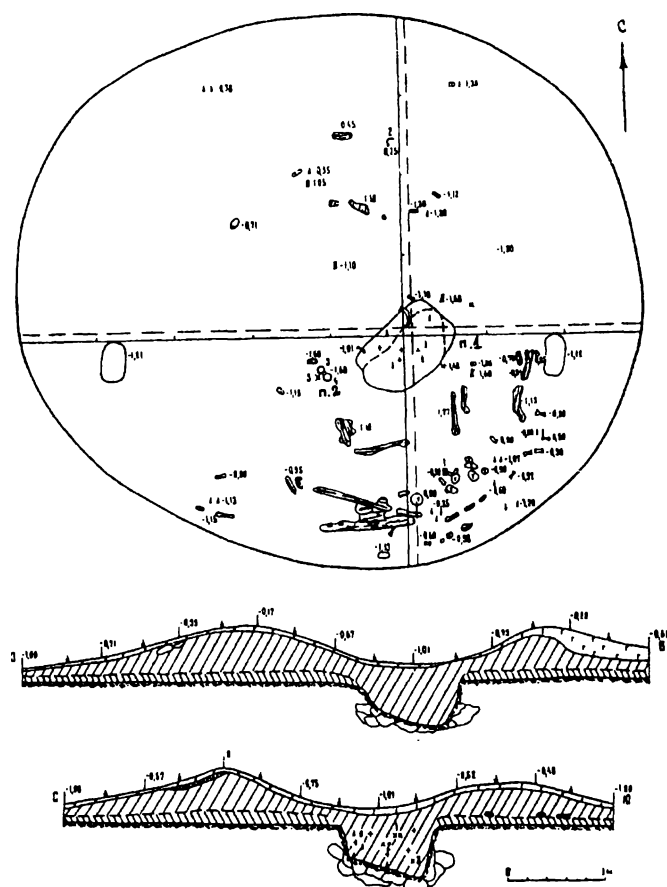

Рис. 29. Гилево-XV, курган 4. План и разрезы

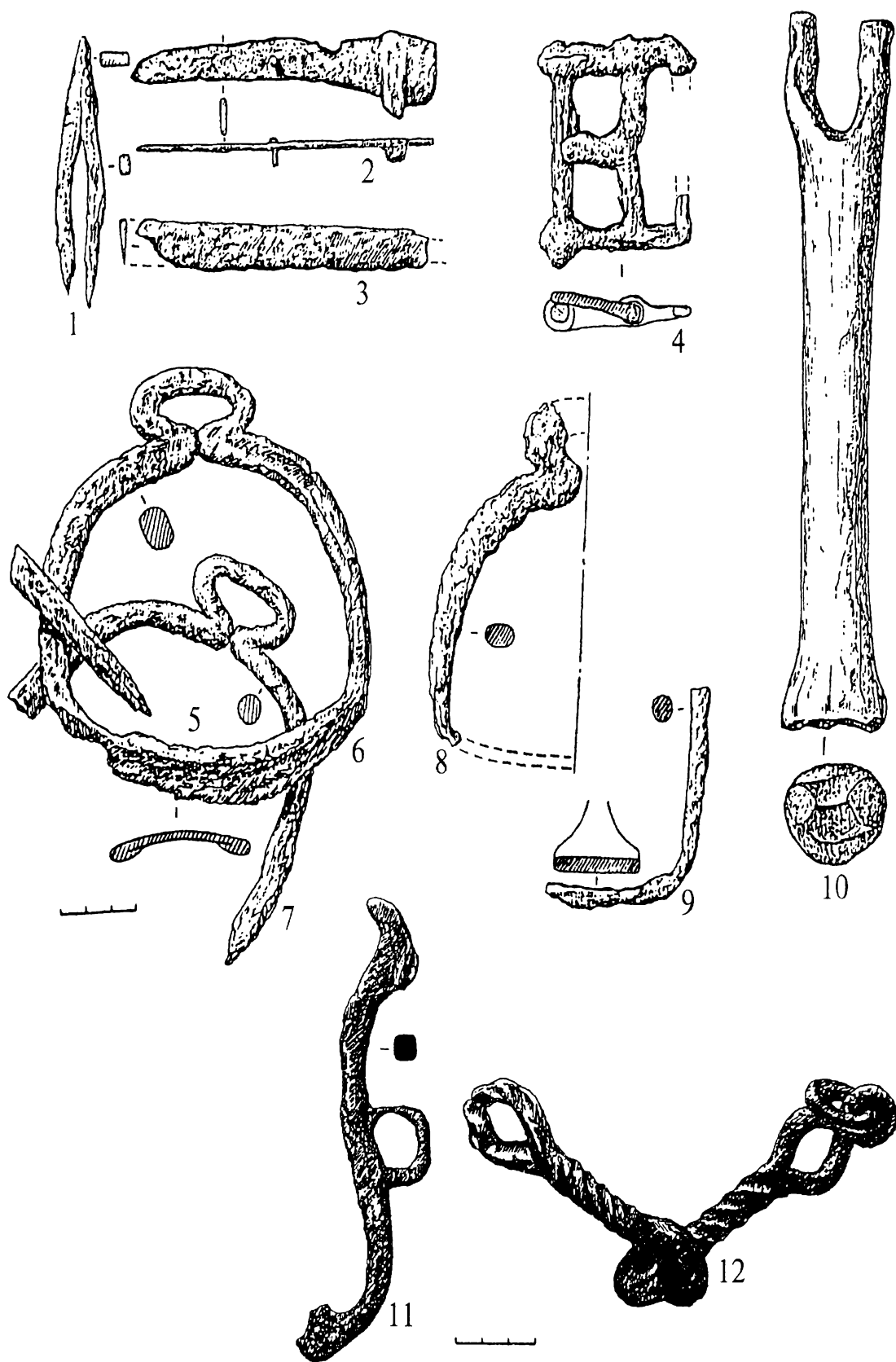

Рис. 30. Гилево-XV, курган 4: 1-3, 8-10 – погребение 1; 4-7, 11, 12 – погребение 2, с кремацией.
1-9, 11, 12 – железо; 10 – кость

Курган 4 с овальной насыпью диаметрами 16,0 м (З-В)х14,0 м (Ю-С), высота – 1,0 м, в центре – грабительская воронка диаметром около 6,5 м, глубиной 1,0 м. Насыпь сложена из чернозема с примесью суглинка и небольшого количества щебенки, входящей в состав почвенного и материкового слоя в данном месте. Во всех секторах насыпи, главным образом около уровня древнего горизонта, а иногда и выше (северо-восточный сектор), в 4,5 и 7,5 м от центра находились скопления мелких угольков. Около уровня древнего горизонта, преимущественно в южной и юго-восточной частях кургана, лежали остатки бревен толщиной до 0,2 м, длиной до 2,65 м, представлявшие, вероятно, подобие обкладки вокруг центральной части кургана, которая была перекрыта насыпью. Некоторые из них были обуглены. Встречающиеся в насыпи угольки, по-видимому, в значительной степени связаны с этими бревнами. Под юго-восточным сектором по периметру насыпи, в 4,5 м от центра, лежали небольшие камни (рис. 29). В насыпи и на древнем горизонте встречены также отдельные разрозненные кости лошади и лисицы. Последние, вероятно, оказались в насыпи естественным путем.

Под центром кургана находилась подпрямоугольная могильная яма, ориентированная ЮЗ-СВ, размером 2,6х1,7 м, глубиной около 1,5 м от уровня древнего горизонта. Нижняя часть ямы выдолблена в материковой скале, причем юго-восточная часть оказалась глубже, возможно, потому, что скальная порода здесь была мягче. Заполнение ямы состояло из чернозема с примесью суглинка и щебенки. В нем встречались мелкие кусочки пережженных костей и угольки. На дне ямы мелкие угольки попадали по всей площади. В южной ее части, на глубине 1,25 м, найдены неопределенные обломки железного предмета, а в центре – клинок небольшого ножа, часть рукояти палаша или сабли (рис. 30.-2–3), в северо-восточном углу – неорнаментированный фрагмент стенки лепного сосуда. Судя по большим размерам грабительской воронки, а также по разбросанности инвентаря и кусочков пережженных костей, можно заключить, что могильная яма основательно перекопана грабителями, а разрозненные кости лошади, встреченные в насыпи кургана, могли быть выкинуты при разрушении погребения в центральной яме. Вероятно, из этого же погребения происходят найденные в насыпи на глубине 0,25 м, в 4,8 м к северу от центра кургана, западнее бровки, обломки пары железных стремян, подобных описываемым ниже (рис. 30.-8–9), вилокподобное изделие из кости лошади (рис. 30.-10), вероятно, закрутка, и железный предмет с раздвоенным концом (рис. 30.-1).

Под насыпью кургана, к западу и востоку от центра, обнаружены еще два овальных углубления. Одно из них размером 1,3х0,6 м, глубиной 0,4 м, ориентированное Ю-С, находилось в 3,5 м к востоку-юго-востоку от центра кургана. Второе, расположенное симметрично, размером 1,33х0,7 м, глубиной 0,45 м, ориентированное Ю-С, помещалось в 7,2 м к западу от центра кургана. Оба углубления были заполнены черноземом и не содержали находок. Не исключено, что это остатки нор.

Погребение 2 с трупосожжением находилось под насыпью, в 1,6 м к ЗЮЗ от центра кургана в слое погребенной почвы и около уровня древнего горизонта. Выявлено оно по скоплению мелких угольков и очень мелких кусочков пережженных косточек. Вместе с ними обнаружены железная подпружная пряжка с вертлюгом, лежавшие друг на друге два железных 8-видных стремени с приплюснутой петлей и широкой подножкой и обломок железного ножа (рис. 30.-4,6–7). Тут же находились железные 8-видные удила с витыми стержнями, аналогичные южносибирским IX–X вв., и железный же S-видный псалий со скобой и стилизованным изображением головки барана на одном конце (рис. 30.-11–12).

Гилево-IX

Курганная группа Гилево-IX расположена в 3 км к западу от д. Гилево, справа от дороги в Павловку Локтевского района Алтайского края на мысовидных выступках надпойменной террасы, возвышающейся над поймой Алея с юга и его притока Щелчихи с запада. Все-

го на могильнике насчитывается 46 курганов, которые размещены отдельными небольшими группами, в целом не образуя какого-либо заметного порядка. Все курганы небольшие, диаметром не более 12 м, высотой до 0,6–0,7 м, чаще всего диаметр 6–8 м, высота 0,3–0,6 м. Насыпи сложены из камней и земли, задернованы, но у большинства курганов камни углами выступают из-под дерна на поверхность. Почти все курганы имеют в центре грабительские воронки, во многих из которых растут небольшие кустарники-ксерофиты. Поверхность террасы, на которой расположены курганы, имеет юго-западную экспозицию, хорошо прогревается солнцем и к тому же защищена от холодных северо-восточных ветров отрогом высокого коренного берега со скально-известняковым основанием. Именно здесь предполагалось брать камень для отсыпки плотины Гилевского водохранилища.

Всего в разных частях некрополя был раскопан 21 курган из числа тех, которые внешне выглядели наименее разрушенными. Из них относятся к эпохе раннего железа, наиболее вероятно к концу I тыс. до н.э., – 13 курганов (1–5, 11, 13–14, 16–17, 20–21, 21–А), VIII–X вв. – семь курганов (№6 – с монетой Кай-Юань-тунбао и фрагментом танского зеркала; №7–8 – с конем или двумя конями; №9–10, 18 – с конем; №19). Курган 15, содержавший разграбленное погребение человека с конем без инвентаря, точно не датирован и может относиться как к раннему железному веку, так и к древнетюркскому времени. Все курганы сильно разграблены, кости перемешаны, подчас в такой степени, что невозможно определить ориентировку погребенных. В курганах раннего железного века преобладает ориентация головой на запад. При этом в 12 курганах были одиночные погребения. В одном кургане (№21) находилось погребение взрослого мужчины, подростка и коня, но кости их также перемешаны при ограблении и представлены не полностью. В курганах древнетюркского времени преобладала ориентация погребенных головой на С-СВ. При этом из семи курганов эпохи раннего средневековья в двух или трех курганах представлены захоронения с конем, остальные – четыре – содержали одиночные захоронения без коня (№6–7, 9–10). Плоский курган-выкладка 19 содержал остатки захоронения на древнем горизонте, предположительно связываемые с трупосожжением ли с культово-поминальной выкладкой.

Курган-выкладка 19. На поверхности сооружение имело вид небольшого возвышения высотой до 0,12 м подовальной формы с диаметром 12,0х9,0 м, покрытого разнотравьем. После расчистки обрисовалась подпрямоугольная вымостка размером 11,0х8,0 м, высотой 0,12 м, ориентированная Ю-С, сложенная из одного ряда рваного камня на древней поверхности почвы (рис. 31). Под северо-восточной частью вымостки, в 1,0 м от ее края, на глубине 35 см от современной поверхности, на горизонте материка найден раздавленный лепной, плоскодонный горшок, грубый, неорнаментированный (рис. 31.-1). Он был поставлен в ямке, вырытой в погребенной почве. Величина ямки в темном почвенном грунте не фиксировалась. Под камнями этой же северо-восточной полы вымостки, на уровне древнего горизонта, у восточного края встречены железные крюковые однокольчатые удила, кованные из прута подквадратного сечения (рис. 31.-2). Вблизи удила лежали разрозненные зубы лошади, происходящие, вероятно, от захороненного здесь черепа коня, другие кости которого не сохранились из-за близкого расположения к поверхности. Под камнями вымостки, преимущественно в северо-восточной части, на древнем горизонте находились также остатки золы, рассыпанной тонким слоем. После снятия погребенной почвы никаких ям или углублений в материковом грунте под вымосткой не обнаружено.

Характер и этническая атрибуция данного памятника недостаточно ясны. Он может быть связан с трупосожжением или иметь какое-то другое культовое назначение. О захоронении останков кремации могут говорить следы золистого слоя, но в то же время кусочки кальцинированных костей здесь не обнаружены. Инвентарь также маловыразителен и неспецифичен. Вышеупомянутый сосуд (рис. 31.-1) серо-коричневого цвета, леплен из глины с примесью песка, по фактуре и форме напоминает керамику из курганов древнетюркского

времени и, в частности, сосуд из кургана 111 с трупосожжением Зевакинского могильника [Арсланова Ф.Х., 1972, табл. VI.-5]. Подобные обнаруженным под выкладкой 19. Одноколычатые удила (рис. 31.-2) применялись с роговыми или деревянными стержневыми псалиями и бытовали достаточно долго, начиная со скифского времени. Они представлены у тюрков VI–VIII вв. В IX–X вв. встречались эпизодически, как пережиток. Их поздним признаком являются крюковое соединение и квадратное, а не круглое, сечение звеньев. Подобные удила встречены в погребении останков кремации в кургане 23 Гилево-III вместе с серебряным литым тройником, характерным для VIII–IX вв. (рис. 16.-1–2), а звено от таких удилищ обнаружено в кургане 4 этого же некрополя (рис. 8.-2). Такие же удила происходят из погребения с трупосожжением IX – начала X в. в кургане 97 Зевакинского могильника на Верхнем Иртыше, что отмечено выше, а также в кургане Бай-Тайга в Туве [Арсланова Ф.Х., 1972, табл. VI.-5; Грач А.Д., 1966, с. 99, 103, рис. 30.-6]. Однако последний по крючку с перекладиной может датироваться V–VI вв. Примечательно, что здесь же имеется подобный описываемому баночный сосуд. В свете приведенных параллелей и отсутствия узкой хронологии нет полной уверенности, что под выкладкой Гилево-IX: 19 совершенно захоронение по ритуалу кремации IX–X вв. Возможно, это более ранний жертвенно-поминальный комплекс, включавший сосуд с пищей, уздечку и голову лошади, от которой сохранились только зубы. Правда, следует отметить, что постановка глиняных сосудов с пищей и укладывание голов лошадей известно по курганам с трупосожжениями IX–X вв. в Верхнем Прииртышье [Арсланова Ф.Х., 1972, с. 57, табл. VI].

Корболиха-II

Группа из семи курганов располагалась на правом коренном берегу Алея, ограниченном с одной стороны склоном в пойму Алея, а с другой – неглубоким оврагом с отлогими бортами, по дну которого протекает пересыхающая речка Косой Мост. Курганы вытянуты цепочкой в направлении Ю-С и стоят несколько вразброс. Насыпи отлогие, задернованные, в отдельных местах из дерна выступали рваные камни, из которых сложены насыпи. Диаметры курганов 6,0–20,0 м, высота 0,2–0,55 м. В центре курганов и отчасти – в полах были видны воронки от грабительских шурфов. Края некоторых насыпей опаканы. В 300 м к северу от курганов проходила проселочная дорога Гилево – Корболиха. До д. Гилево – 8 км на запад, до д. Корболиха – 6 км на восток.

Из семи курганов один (№1) представлял собой захоронение коня в срубе – кенотаф, один – погребение человека с конем (№4), три (№2, 3, 6) – погребения человека без коня; один (№5) – неопределенный, вероятно, несохранившееся детское захоронение без коня, и один (№7), самый южный в цепочке, – захоронение по ритуалу трупосожжения с погребением останков кремации на древнем горизонте. Ритуал захоронения и инвентарь курганов 1–6 характерен для кимаков IX–X вв. – погребение человека с конем или без коня, в яме, под курганом, головой на восток.

Курган 7, с трупосожжением, диаметр 16,0 м, высота 0,55 м, имел на поверхности несколько грабительских впадин, наибольшая из которых диаметром 4,0 м, глубиной 0,55 м располагалась в центре. Насыпь сложена из чернозема и крупных рваных камней, концентрировавшихся в юго-восточной поле (рис. 32). Под северо-западной полой кургана, на глубине 0,8 м от поверхности насыпи, находилась таранная кость ноги лошади, и три аналогичных кости лежали рядом под южной полой насыпи близ центра кургана на древнем горизонте (рис. 32.-А). Около них помещались также зубы лошади, вероятно, от несохранившейся челюсти или черепа, т.е. в курган были положены кости ног и череп или челюсти от одной особи лошади.

Останки кремации, совершенной на стороне, захоронены в слое погребенной почвы около уровня древнего горизонта, в 0,5 м к ЮЮЗ от визуального центра кургана. В 0,5 м

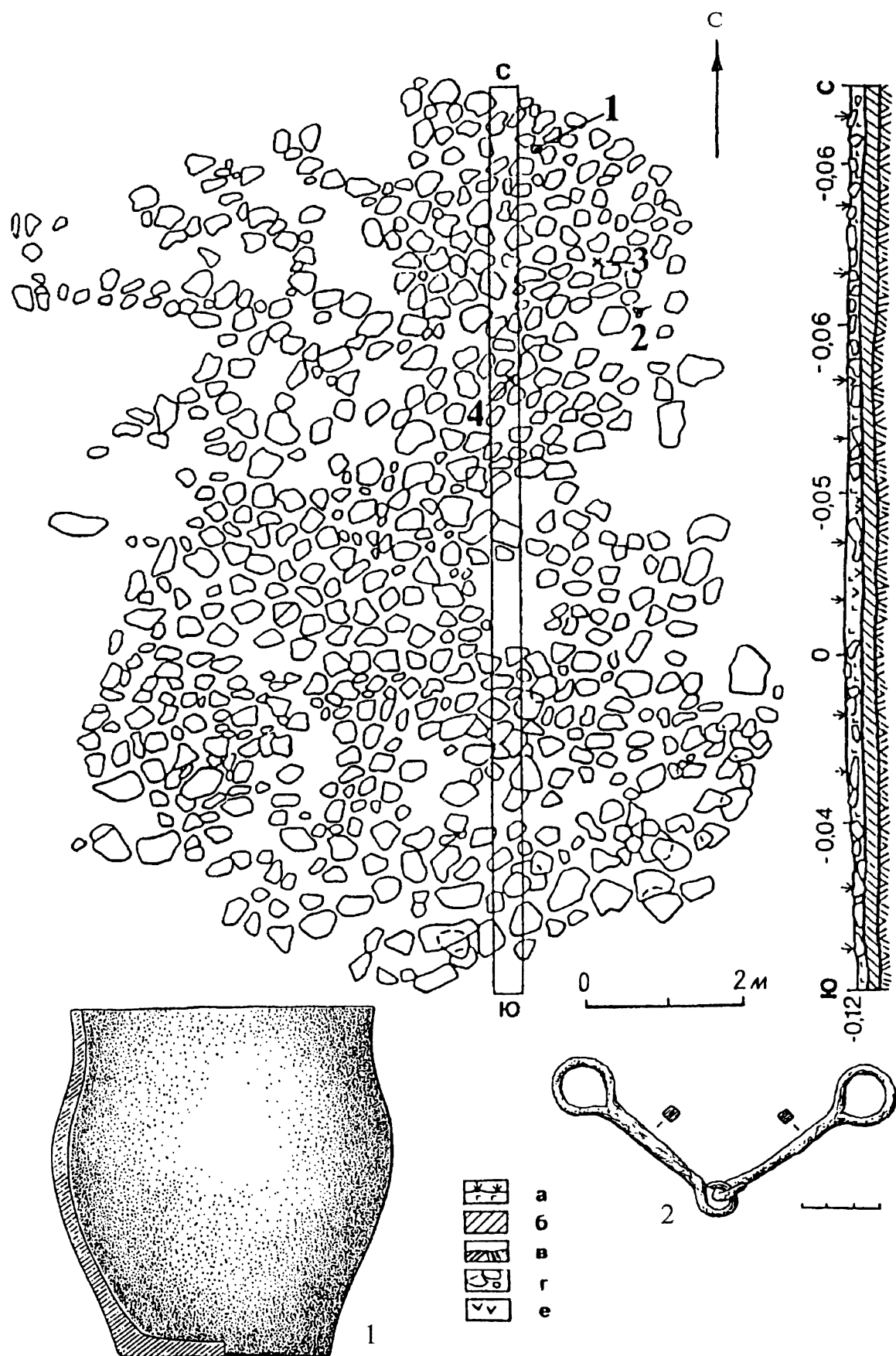

Рис. 31. Гилево-IX, выкладка 19: 1 – сосуд; 2 – удила; 3, 4 – зубы и обломки черепа лошади; а – дерн; б – погребенная почва; в – материковый лессовидный суглинок; г – камни; е – зола

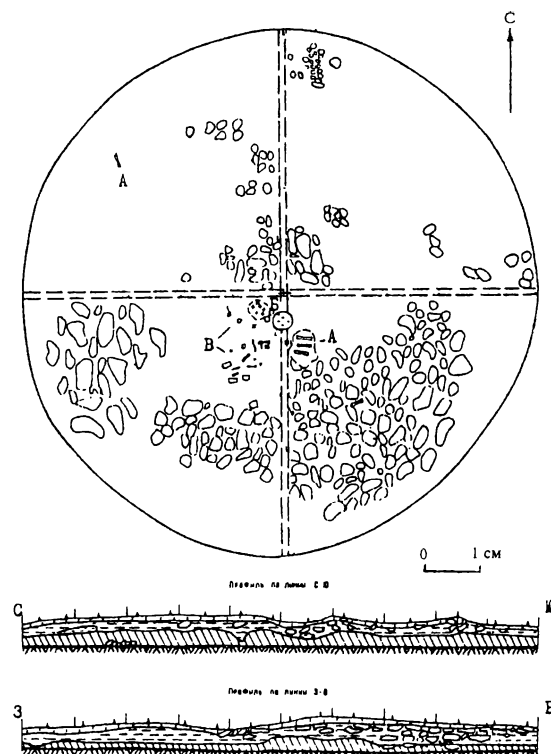

Рис. 32. Корболиха-II, курган 7. План и разрезы: *А* – кости ног лошади; *Б* – пятна обожженной глины и кусочков кальцинированных костей; *В* – скопление находок вещей: панцирные пластины, железные штырьки-заклепки, наконечники стрел и копья, медная обойма, фрагмент стенки котла, обломок черепа человека

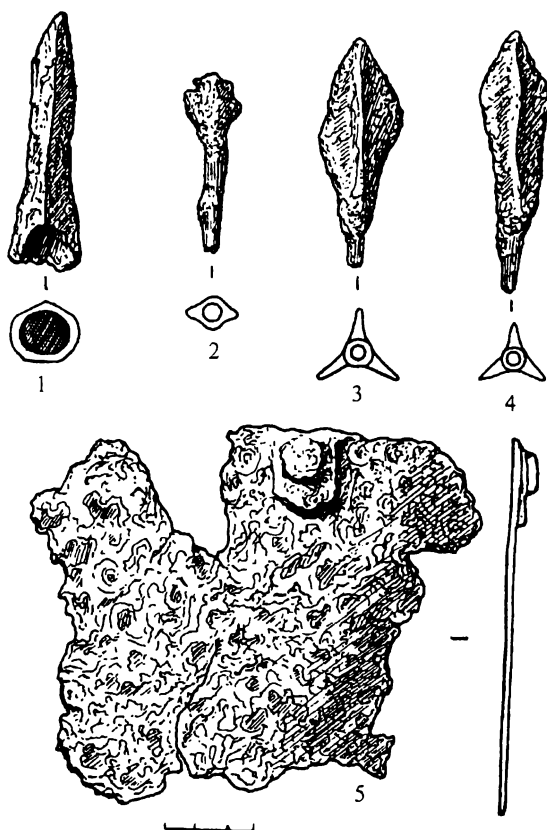

Рис. 33. Корболиха-II, курган 7: *1* – наконечник копья; *2–4* – наконечники стрел; *5* – венчик котла (железо)

к югу от центра кургана, около древнего горизонта, на глубине 0,6 м, находилось овальное пятно обожженной глины размером 36х26 см, толщиной до 15 см (рис. 32.-Б), в котором помещались включения мелких угольков и небольшой железный наконечник копья или дротика с частично обломанной втулкой (рис. 33.-1). Рядом с этим пятном обожженной глины, в слое погребенной почвы на глубине до 0,6 м на пространстве около 0,6х0,4 м встречались мелкие кусочки пережженных костей. Контуры ямы в погребенном черноземе не прослеживались, но, очевидно, в почве была выкопана ямка, которая имела вышеуказанные размеры или близкую к ним величину. К югу и юго-западу от пятна обожженной глины и местонахождения кусочков кальцинированных костей встречены мелкие железные панцирные пластины и их обломки, железные штырьки-заклепки, обоймочка из листовой меди, три железных трехлопастных наконечника стрел, мелкие неопределенные обломки железных предметов и стенки котла (рис. 32.-В; рис. 33.-2–5). Тут же найдены фрагмент черепной крышки, обломок челюсти и зубы человека, вероятно, от бывшего здесь погребения с ингумацией, разрушенного при ограблении кургана.

Расположение данного кургана в общей цепочке с другими курганами группы Корболиха-II, а также погребальный инвентарь позволяют синхронизировать эти курганы в пределах второй половины IX–X вв. Среди указанных курганов группы Корболиха-II курган 7 с трупосожжением, по-видимому, является наиболее поздним, пристроенным к южному концу этой группы подобно расположению наибольшее поздних курганов в южной части могильника Гилево-I–V (рис. 1).

Корболиха-VIII

Группа из девяти курганов, вытянутых цепочкой в общем направлении Ю-С, располагалась на возвышении правого коренного берега Алея, приблизительно в 3 км от его русла и в 1 км от русла Корболихи, притока Алея (рис. 34.-9). В 1,2 км на ЮВ от курганов находится д. Корболиха Третьяковского района Алтайского края. Насыпи курганов задернованы, в центре их имелись углубления от грабительских шурфов, а в полах крупных курганов – ямы от нор барсуков. Диаметры курганов 6,0–17,0 м, высота 0,1–1,1 м. Наиболее крупный курган 4, размерами 17,8х16,5 м, высотой 1,1 м, располагался в южной части курганной группы. Насыпи сложены из земли и камней, образующих конструкции типа подквадратных оград, окружавших могильную яму. Раскопаны курганы 1–8. Курган 9 оставлен нетронутым, поскольку в его центре установлена металлическая опора ЛЭП. Среди исследованных курганов шесть (№1–6) содержали погребения по обряду трупоположения, в том числе один (№2) – с конем, два (№3, 4 – центральные в цепочке и наиболее крупные) – с двумя конями; один (№5) – с разрозненными костями коня и человека; два (№1, 6) – трупоположения без коня. В ямах двух наименьших курганов (№7, 8) останков захоронения костей человека или коня не обнаружено.

Встречено два погребения с сожжениями. Оба впускные, одно – в кургане 5, другое – 8 (1-а). Примечательно, что в данном некрополе это малые курганы. Остановимся на их характеристике.

Курган 5 располагался в южной части цепочки (рис. 34.-9). Диаметр 8,0 м (Ю-С)х7 м (З-В), высота 0,3 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3,5 м, глубиной 0,3 м (рис. 35). Насыпь сложена из чернозема. У края ее северо-восточной полы находилась каменная вымостка неправильной формы размером около 2,0х1,3 м, ориентированная З-В и сложенная на уровне древнего горизонта из одного-двух слоев рваного камня (рис. 36). Среди камней и под ними ничего не обнаружено. Основное погребение (№1) находилось под центром кургана в подпрямоугольной яме размером на уровне материка 2,4х1,1 м, глубиной 1,1 м от уровня погребенного горизонта, ориентированной З-В. Стенки ямы слегка наклонные, так что у дна она имела ширину 0,8 м. Погребение разрушено грабительским

прокопом, и характер его не совсем ясен. В заполнении могильной ямы встречены отдельные позвонки, первая фаланга и часть крестца лошади. Кости человека не обнаружены. Возможно, они были выброшены при ограблении, но не исключено, что здесь был кенотаф с захоронением части туши или чучела коня. От инвентаря сохранились фрагменты двух бронзовых пряжек, обломок бронзовой накладки, два гладких литых бронзовых наконечника ремня (рис. 37.-5–7). По формам пряжка и наконечник ремней относятся к раннесросткинским типам вещей поясной и уздечной гарнитуры и позволяют определять наиболее вероятную дату этого захоронения в рамках второй половины VIII–IX вв.

Погребение с трупосожжением (№2) находилось под южной полкой кургана и было совершено в овальной яме размером 65х50 см, глубиной 80 см от поверхности насыпи, в 50 см от древнего горизонта. Дно ямы котловидное. Северный край этой ямы перекрывал южный борт ямы основного захоронения (рис. 36, врезка). В золисто-углистом заполнении ямы встречались на разных уровнях мелкие кусочки кальцинированных костей, а также инвентарь. В его составе – фрагменты грубого лепного плоскодонного горшка с отогнутым венчиком с защипами. По плечикам и шейке нанесен орнамент из ряда круглых ямок и горизонтальной елочки из оттисков зубчатого штампа (рис. 37.-12). Тут же встречены железные стремя с пластинчатой петлей путлища на выделенной ножке, крюковые 8-видные удила с витыми стержнями, S-видными псалиями и дополнительным кольцом для повода (рис. 37.-10–11), обломки железного котла, входившие в уздечный набор два бронзовых литых позолоченных Т-образных тройника от перекрестий ремней, оборотная накладка из листка меди, бронзовые позолоченные наконечник ремня и две бляхи с растительным орнаментом, а также две золотые круглопроволочные серьги в виде несомкнутого кольца (рис. 37.-1–4, 8–9) и обломок трубчатой кости человека (рис. 36, врезка, 3). Погребенный был, очевидно, сожжен вместе с седлом и уздечкой, а останки кремации, вероятно, ссыпаны в поставленный на дно ямки железный котел, возможно, как и в Гилево-I: 2 (рис. 4.-10). Удила и стремя несут следы огневой патины, бляхи и серьги от огня не пострадали.

Помимо данного захоронения останков кремации под насыпью на уровне древнего горизонта находились еще три углисто-золистых пятна толщиной до 0,1 м с находками кусочков кальцинированных костей. Одно из них размером 58х37 см, овальной формы располагалось в 0,9 м к югу от ямы с останками кремации. На краю этого пятна обнаружена бронзовая позолоченная уздечная бляха, аналогичная двум бляхам из захоронения в яме (рис. 37.-3). Рядом с этим пятном, к западу от него, помещалось небольшое пятно размером 20х30 см с находками кальцинированных костей (рис. 36). Четвертое маленькое углисто-золистое пятно диаметром около 20–25 см находилось в 1,1 м к СЗ от центра кургана, в 30 см от края могильной ямы основного захоронения. Под насыпью кургана, около уровня древнего горизонта встречены также фрагмент неопределенного железного предмета – под северо-западной полкой, и четвертая бронзовая позолоченная уздечная бляха – под юго-восточной полкой, в 1 м к ЮЗ от погребения с сожжением. Она аналогична трем вышеописанным, связанным с захоронением останков кремации (рис. 37.-3). Все эти четыре бляхи скорее всего происходят от одной уздечки. находка одного из них в углисто-золистом пятне с кальцинированными костями к югу от ямы с погребением большей части останков кремации дает основание предполагать, что все указанные углисто-золистые пятна с кусочками кальцинированных костей связаны с одним погребением, где прах был захоронен под курганом в разных местах. Удила, стремя и тройники с наконечниками ремней и бляхами позволяют датировать это погребение второй половиной IX – началом X в. по аналогиям в инвентаре тухтатской культуры.

Курган 8 (I-а) располагался в северной части цепочки курганов Корболиха-VIII, рядом с курганом I (рис. 34; рис. 35). Диаметр 6,0 м, высота 0,1 м, в центре – грабительская воронка диаметром 3,0 м, глубиной 0,2 м. Насыпь задернована и слабо выделялась на поверхности

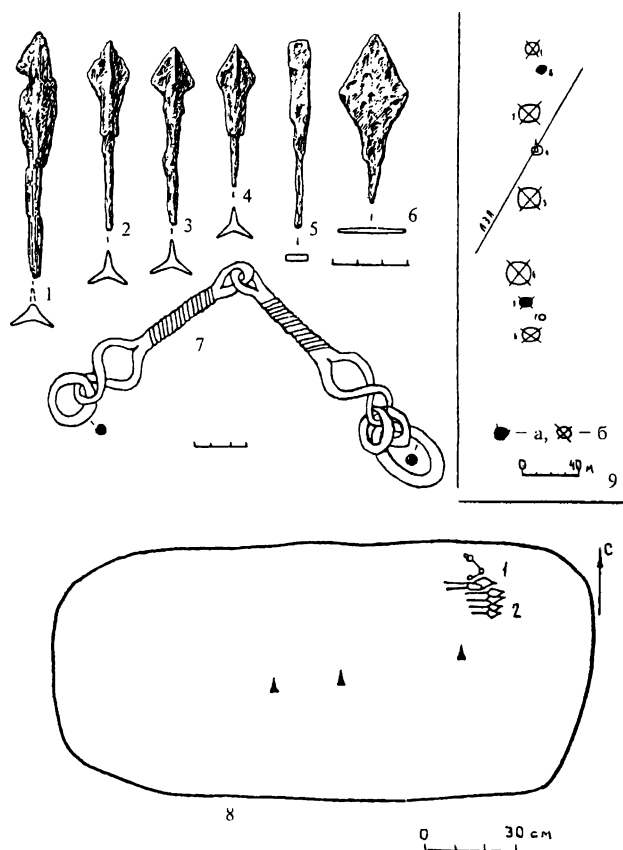

Рис. 34. Корболиха-VIII, 1-8 – курган 8 (1а): 1-6 – наконечники стрел; 7 – удила (железо); 8 – план погребения: 1 – удила; 2 – наконечники стрел. 9 – план некрополя Корболиха-VIII: а – курганы с кремацией; б – с ингумацией

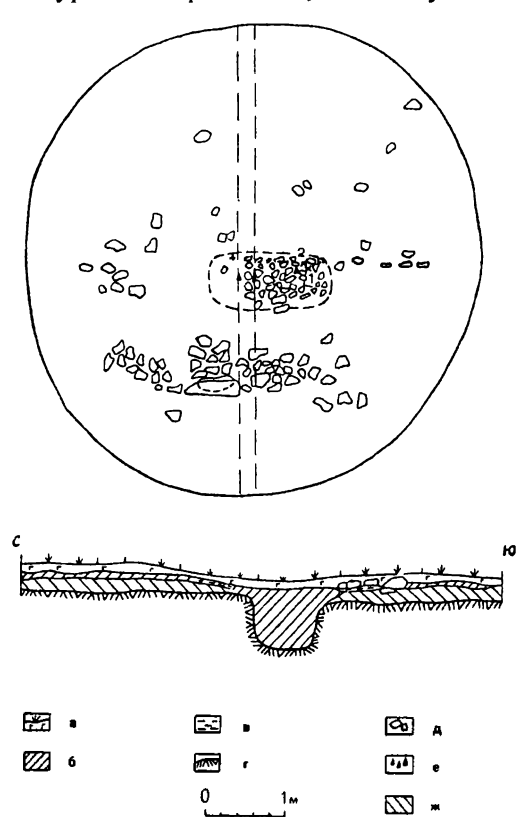

Рис. 35. Корболиха-VIII, курган 8. План и разрез: а – дерн; б – чернозем насыпи; в – суглинок выкида; г – материковый суглинок; д – камни; е – угли; ж – чернозем погребенной почвы

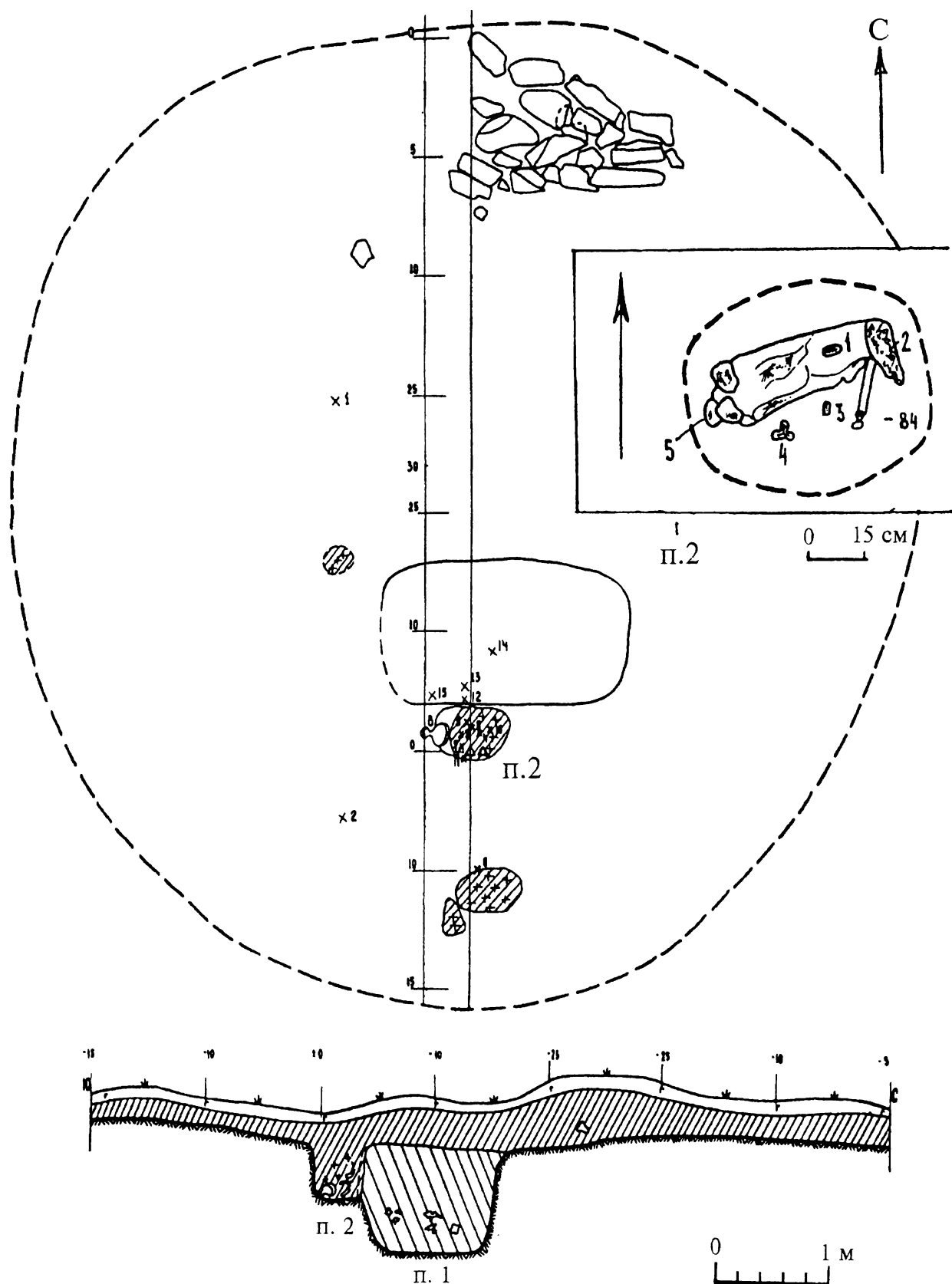

Рис. 36. Корболиха-VIII, курган 5. План и разрез: 1 – фрагмент железного предмета; 2, 6 – бронзовые бляхи; 3, 4 – тройники; 5 – удила с псалиями; 7, 10 – золотые серьги; 8 – стрема; 9 – фрагменты котла; 11 – накладка медная; 12, 14 – бронзовые пряжки; 13, 15 – бронзовые наконечники. Врезка: яма погребения с кремацией (1 – бляха; 2, 5 – развал котла; 3 – наконечник ремня; 4 – тройники; 6 – обломок трубчатой кости человека – ?)

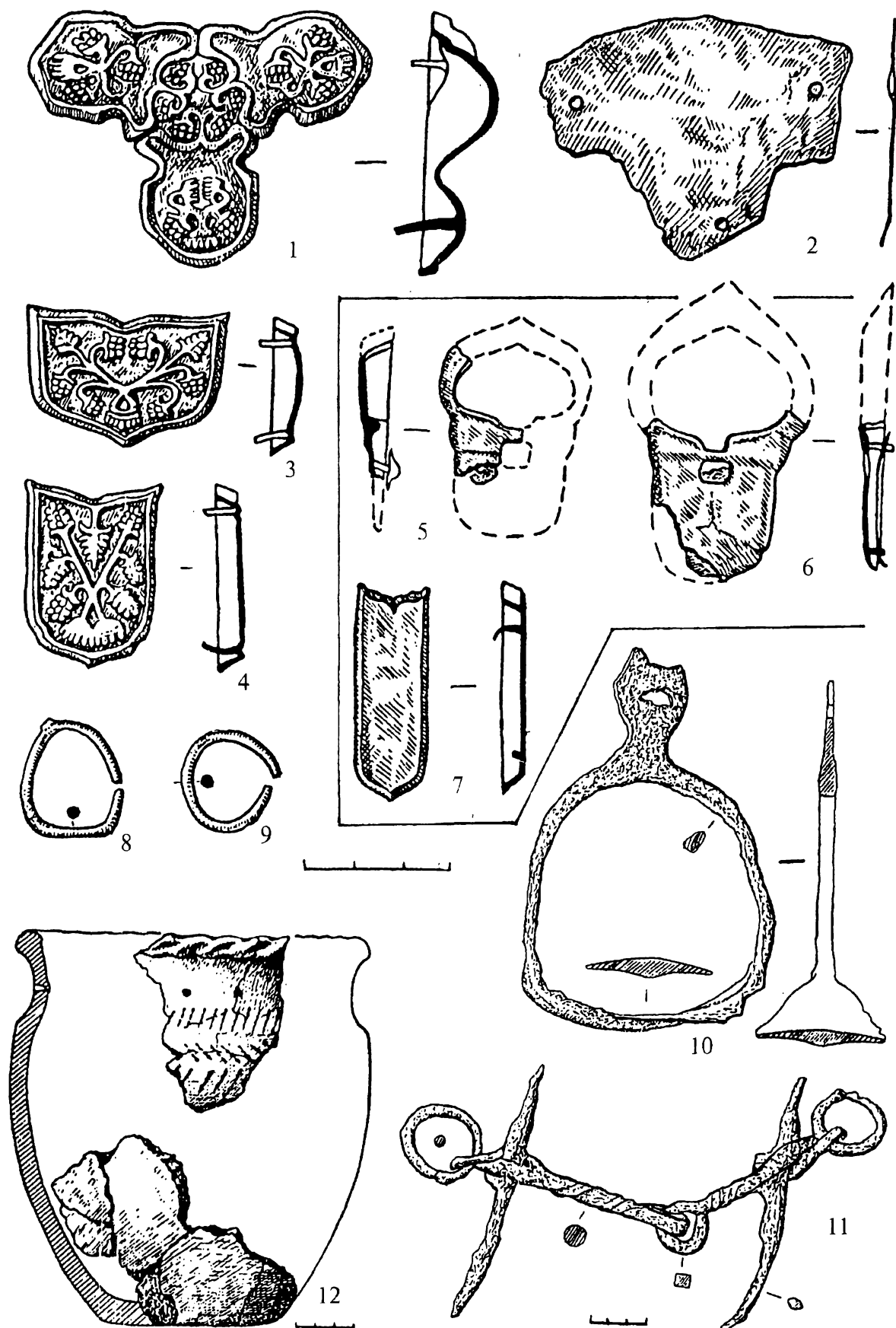

Рис. 37. Корболиха-VIII, курган 5: 1-4, 8-12 – погребение 2, с кремацией;
5-7 – центральное погребение 1 (кенотаф – ?).

1, 3, 4 – бронза с позолотой; 2, 5-7 – бронза; 8, 9 – золото; 10, 11 – железо; 12 – глина
(1, 7 – по 2 экз.; 3 – 4 экз.)

в виде небольшого возвышения с впадинкой посередине. Насыпь сложена из чернозема, а вокруг могильной ямы была устроена выкладка, подобие оградки из небольших камней. Лучше сохранилась ее южная часть в виде прямого отрезка длиной около 3,1 м. С других сторон камни оградки развалены в беспорядке (рис. 35).

Под центром кургана – подпрямоугольная яма с закругленными углами размером 1,5х0,75 м, глубиной 0,75–0,8 м от уровня древнего горизонта, ориентирована З-В. Заполнение ее состояло из чернозема и камней, концентрировавшихся преимущественно в верхней части. В заполнении встречались мелкие кусочки угля. По форме яма аналогична ямам в курганах, содержащих погребения с ингумациями, а каменная оградка вокруг ямы напоминает развалы оградок в курганах кимаков или стенок тюхтятских курганов.

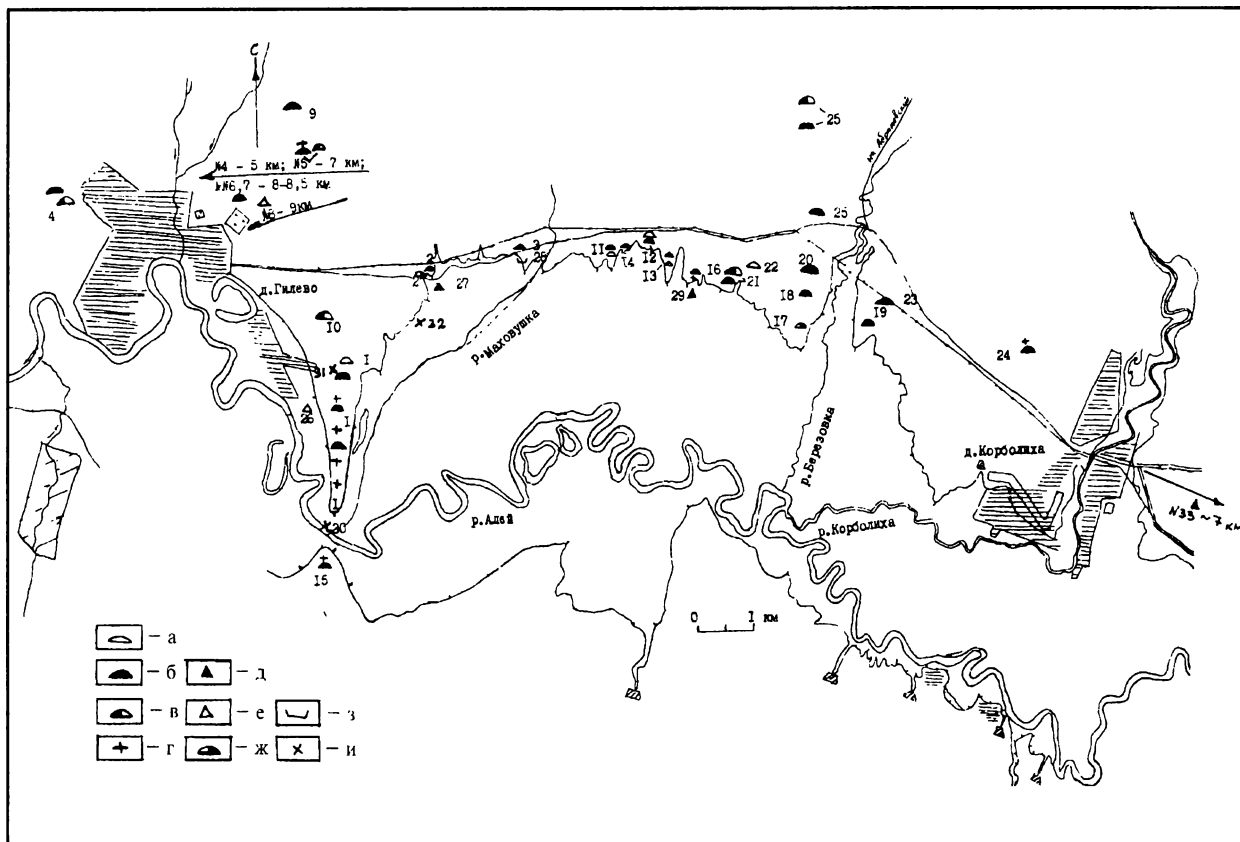
Погребение с трупосожжением было впущено в восточную часть ямы на глубину 0,3 м от уровня древнего горизонта. На этом уровне находились рядом остриями на восток шесть железных черешковых наконечников стрел, помещавшихся, очевидно, в колчане, от которого рядом с наконечниками сохранились остатки кожи. Среди наконечников стрел четыре трехлопастных с упором у основания черешка кыргызского типа, один – долотовидный и один плоский ромбический (рис. 34.-1–6,8). Между наконечниками стрел и северной стенкой ямы лежали железные 8-видные удила с витыми стержнями (рис. 34.-7). Около этого же уровня встречено несколько угольков. Типы удили и наконечников стрел характерны для второй половины IX – первой половины X в. н.э., что позволяет относить к этому времени и описываемое погребение.

Таким образом, в вышеописываемых памятниках микрорайона Верхнего Аля на участке Павловка-Гилево-Корболиха, протяженностью около 20 км, на пяти некрополях исследовано 26 курганов с погребениями по обряду трупосожжения. Основное количество их (20) расположено на могильнике Гилево-I–V, а в совокупности с лежащим по соседству на левом берегу Аля могильником Гилево-XV общее число курганов с кремациями в этом месте достигает 22. Лишь четыре погребения приходится на три других некрополя – Гилево-IX (курган 19), Корболиха-II (курган 7) и Корболиха-VIII (курганы 5,8). Из общего числа погребений с кремациями захоронения в ямах обнаружены в восьми курганах и рассыпанным слоем на уровне древнего горизонта – под 18 курганами. Характер погребального ритуала – трупосожжение на стороне и захоронение останков кремации – мелких кусочков пережженных костей с небольшим количеством золы и мелких кусочков угля вместе с обычно побывавшим в огне инвентарем и с непережженными костями животных, остатками тризны или ритуальной пищи – типичен для тюхтятской культуры древних хакасов. Наличие этих погребений отражает проникновение древнехакасского этноса в северо-западные предгорья Алтая в период возвышения Кыргызского каганата и его завоеваний середины – второй половины IX в., после 841 г.

Во всех описываемых памятниках курганы с трупосожжениями располагаются на одних некрополях с курганами с трупоположениями, характерными для местного огузского (в сопровождении чучела коня) и кимакского (с конем и без него) населения. При этом отношение курганов с кремациями к курганам с ингумациями на описываемых некрополях следующее: Гилево-I–V – 20/12, Гилево-XV – 2/4–5 (?), Гилево-IX – 1/6–7 (?), Корболиха-II – 1/6, Корболиха-VIII – 2/6 (в числителе указано количество погребений с кремациями, в знаменателе – с ингумациями). К этому следует добавить, что в данном микрорайоне представлен еще целый ряд синхронных и несколько более поздних в рамках X – первой половины XI в. кимакских некрополей, содержащих только курганы с захоронениями по обряду трупоположения с конем или без коня, где курганы с захоронениями кремаций отсутствуют. Анализ соотношения количества погребений с трупоположениями и трупосожжениями на совместных некрополях и их планиграфия показывают развитие процесса интеграции пришельцев-завоевателей – древних хакасов – в среде местного более раннего огузского и кимакского населения. Концентрация

курганов с трупосожжениями на могильнике Гилево-I–V (рис. 1) указывает, по-видимому, на относительно компактное проживание группы пришельцев в кимакской среде, на их сосуществование с местными кимаками. Об этом говорит пристройка курганов с трупосожжениями к местному вначале огузскому (Гилево-V, к. 5–6), а затем и кимакскому могильнику группы Гилево-IV–V и даже частичное включение курганов с трупоположениями с конем и без коня (Гилево-II, к. 1–3; III, к. 5; IV, к. 1) в цепочки курганов с кремациями (рис. 1). В то же время единичные погребения с трупосожжениями на могильниках с количественно преобладающими кимакскими погребениями с ингумациями свидетельствуют о развитии ассимилятивного процесса и дисперсном рассеянии пришельцев среди местного этноса. К сожалению, наши возможности датирования не позволяют проследить динамику хода этого явления в относительно короткий отрезок времени, но происходило оно довольно быстро в пределах второй половины IX – начала X в. Быстроте смешения пришлого древнехакасского компонента с аборигенами – более ранними огузами, а затем кимаками – способствовало то, что пришельцами были главным образом мужчины-воины, которые при оседании на вновь занятом или завоеванном месте или оставшись в качестве гарнизона (компактная цепочка курганов с сожжениями на некрополе Гилево-I–V может быть следом такого гарнизона), женились на местных женщинах и в дальнейшем, оказавшись в более многочисленной чужеродной среде, поглощались ею, постепенно воспринимая ее язык и культуру, чему способствовало отсутствие постоянной и стабильной связи с метрополией. Интересные данные в этой связи приводит Ф.Х. Арсланова, также исследовавшая курганы, содержавшие трупосожжения и трупоположения на могильниках Зевакино и Новокамышинка в Верхнем Прииртышье. По ее наблюдениям, под курганами, содержащими оба вида погребений, захоронения с ингумациями принадлежат женщинам и детям, в то время как среди захоронений с кремациями имеются бесспорно воинские, в том числе сопровождавшиеся саблей, копьем и железными наконечниками стрел [Арсланова Ф.Х., 1972, с. 75]. Вероятно, такие курганы были семейными усыпальницами, в которых иноземца-мужа хоронили, согласно его вере, кремированием, а жену и детей по местному обряду ингумации. При этом так же, как и на верхнем Алее, курганы с трупосожжениями в Верхнем Прииртышье составляют весьма незначительный процент от общей массы синхронных памятников и не являются здесь типичной формой погребальных сооружений [Арсланова Ф.Х., 1972, с. 76]. Судя по малочисленности курганов с трупосожжениями и по вышеприведенным свидетельствам смешения населения, вероятно, процесс ассимиляции древнехакасских пришельцев на северо-западных предгорьях Алтая и в прилежащем регионе верхнего Прииртышья совершился уже к концу IX – началу X в., т.е. прошел на протяжении двух-трех поколений. Курганы X–XI вв. на верхнем Алее демонстрируют кимакский обряд захоронения по обряду трупоположения с конем или без коня, погребений с кремациями этого времени пока не обнаружено, хотя вещи древнехакасского производства, в том числе железные изделия с серебряной инкрустацией, присутствуют в погребениях с трупоположениями с конем (Гилево-XIII, к. 5) [Могильников В.А. Отчет... 1972, с. 17–18]. Однако последнее может быть объяснено развитием торгово-обменных контактов и широким распространением в этот период изделий древнехакасских мастеров. Очевидно, аналогичное развитие ассимилятивных процессов имело место и на некоторых других территориях, завоеванных в середине – второй половине IX в. древними хакасами, – в Туве, Центральной Азии, Забакайлье, где в XI в. древнехакасские погребения с кремациями отсутствуют или представлены в очень ограниченном количестве. Конечно, здесь играли роль и внешнеполитические факторы, давление возвысившихся в этот период монгольских племен, государства киданей и других, приводивших к отступлению сохранивших этническое своеобразие древних хакасов из завоеванных в прошлом областей на свою метрополию, на Средний Енисей с прилегающей к нему территорией.

В отношении же курганов Гилево-I–V следует отметить следующее. Принимая во внимание компактное расположение на некрополе курганов с трупосожжениями и наличие в их ин-

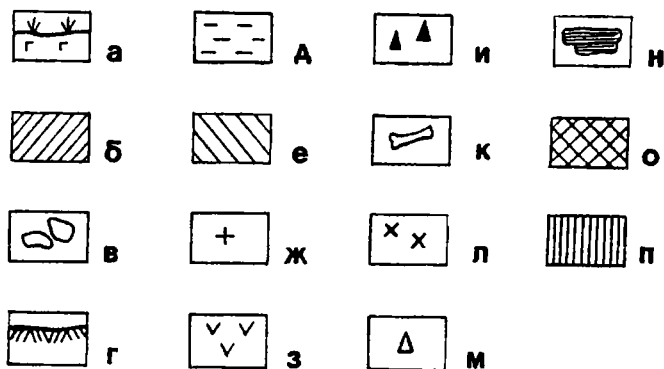
Карта. Расположение памятников микрорайона Павловка-Гилево-Корболиха на Верхнем Алее в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края (по материалам Алейской экспедиции ИА АН СССР 1971–1976 гг.)

вентаре вещей, несущих архаические черты VIII–IX вв. – стремя уйбатского типа, тройник, удила одноколычатые с гладкими стержнями (рис. 8.-2; рис. 15.-1; рис. 16.-1–2), можно полагать, что он скорее всего оставлен первым поколением пришельцев, древних хакасов середины – второй половины IX в., еще сохранившим этнографические черты в погребальном ритуале и инвентаре. Появление в наиболее поздней, мысовой части некрополя (Гилево-I) погребений с останками кремации в ямах, аналогичных ямам для погребений с ингумациями, знаменовало начало интеграции пришельцев в местную кимакскую среду. Другие некрополи демонстрируют продолжение этого процесса.

Условные обозначения к карте:

а – курганы конца VIII–IX вв. с ингумациями в сопровождении чучел (головы и конечностей) коня (огузские – ?); б – кимакские курганы IX – первой половины XI в. с ингумациями в сопровождении коня или без такового; в – курганы с ингумациями эпохи раннего железа; г – кыргызские курганы с кремациями IX–начала X в.; д – поселения андроновской культуры; е – то же валиковой керамики; ж – курганы андроновской культуры; з – грунтовый могильник андроновской культуры; и – местонахождения отдельных вещей и керамики.

1 – Гилево-I–V (ГI–V); 2 – ГVI; 3 – ГVII; 4 – ГVIII; 5 – ГIX; 6 – Павловка-I (ПI); 7 – ПII; 8 – ПIIa, поселение валиковой керамики и грунтовые погребения X–XI вв.; 9 – ГХVI; 10 – ГХ; 11 – ГII; 12 – ГХII; 13 – ГХIII; 14 – ГХIV; 15 – ГХV; 16 – Корболиха-II (КII); 17 – КI; 18 – КII; 19 – КIV; 20 – KV; 21 – KVI; 22 – KVII; 23 – KIX; 24 – KVIII; 25 – KX; 26 – ПIa; 27 – ПIIa; 28 – ПIIб; 29 – КIIa; 30 – находки на прирусловом галечнике Алея кремния (отдельные орудия, сколы) эпохи мустье, верхнего палеолита, керамики андроновской и валиковой культур из размытых рекой памятников; 31 – местонахождение шлифованного тесла и фрагмента керамики большемысской культуры; 32 – то же ретушированного каменного топора; 33 – Андронкина Заимка.

Условные обозначения (ко всем рисункам):

а – дерн; б – чернозем с включением щебенки; в – камни; г – материк, суглинок со щебенкой; д – выкид, суглинок с включением чернозема и щебенки; е – погребенная почва; ж – кусочки кальцинированных костей; з – зола; и – уголь; к – кости; л – мелкие обломки костей, отдельные находки (под номерами); м – фрагменты керамики; н – дерево; о – мешаный чернозем со щебенкой; п – черноземная засыпка.

Архивные материалы

Могильников В.А. Отчет о работах Алейской экспедиции в 1972 г. Архив ИА РАН. Р-I, №4737. С. 17–18.

Могильников В.А. Отчет о работах Алейской экспедиции в 1973 г. Архив ИА РАН. Р-I, №5832.

Шер Я.А. Отчет об археологическом обследовании зоны строительства Алейской оросительной системы. Архив ИА РАН. Р-I, №4488.

Библиографический список

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX.

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Павлодарского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980.

Волтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган // РА. 1994. №3.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Гаврилова А.А. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-холе и Бай-Тайге // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. II.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов-хакасов. Абакан, 1948.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI.

Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып. ЕЗ–18.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Кызласов Л.Р. Курганы тюркоязычных племен северной Тувы IX–X вв. // Известия СО АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1979. Вып. I.
- Кызласов Л.Р. Тухтатская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952. №24.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971.
- Могильников В.М. Исследование Мало-Тебендинских курганов // КСИА. 1969. Вып. 120.
- Могильников В.А. Археологические исследования на верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая (тезисы докладов к конф.). Барнаул, 1972.
- Могильников В.А. Керамика из тюркских памятников юга Западной Сибири // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992.
- Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Релкинская культура. Томск, 1991.

А.А. Тишкин

Барнаул

СУХИЕ ГРИВЫ – ПАМЯТНИК МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ОБИ¹

Главной задачей этой статьи является введение в научный оборот имеющихся у нас сведений о грунтовом могильнике Сухие Гривы, обнаруженном в Усть-Пристанском районе Алтайского края. Это необходимо для проведения обобщающей работы на основе изучения памятников эпохи развитого средневековья, исследованных на юге Западной Сибири и сопредельных территориях. Некоторые шаги по реализации данного направления в последние годы уже были сделаны [Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000; Тишкин А.А., 2000а,б; 2001а,б; и др.].

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №00-06-80393.

В Бийском краеведческом музее (БКМ) хранится коллекция №197 с предметным комплексом монгольского времени (XIII–XIV вв.). Вместе с находками в лотке лежит листок бумаги с записями следующего содержания: «Материалы из погребения, собранные на дюне у с. Камышенка напротив с. Вяткино. 1969 г. Кадиков Б.Х., Членова Н.Л., Марков А.П.

- 1) железных стремян – 2;
- 2) железных наконечников стрел – 5;
- 3) железный нож – 1;
- 4) костяные детали рукояти ножа – 3;
- 5) железное кольцо – 1;
- 6) серьги медные – 2;
- 7) керамика – 8;
- 8) зубы и кости человека – 8.

ИТОГО: 29»

В Книге описи коллекций №2 (инв. №240) приводятся сведения о заинвентаризированных позже предметах. Там, в частности, дана такая информация: «Материалы с погребения, собранные у с. Камышенка напротив с. Вяткино. 1969 г. Кадиков Б.Х., Марков А.П., Членова Н.Л.

№№1–30 – окислившиеся обломки железных вещей;

№№31–42 – окисленные железные обломки двулопастных стрел с черенками;

№43 – обломок древесины;

№44–46 – железное кольцо, $d \approx 5$ см, толщ. 8–10 мм;

№№47–48 – обломки железных предметов;

№49 – обломок железного ножа;

№50–52 – составные части рукояти ножа из рога оленя;

№53–56 – обломки стремян с овальной площадкой;

№57 – обломок удил;

№58–63 – кости человека;

№64 – фрагмент керамики, орнаментированный зубчатым штампом, распол. вдоль сосуда и поперек;

№65 – фрагмент венчика с horiz. срезом;

№66–70 – фрагменты керамики орнам.;

№71–72 – медные кольчатые серьги;

№73–75 – зубы человека».

Приведенные выше данные, при внимательном сравнении, несколько отличаются друг от друга, так как они составлялись в разное время и разными сотрудниками музея.

В декабре 1997 г. коллекцию №197 осматривал автор статьи². В связи с тем, что многие вещи находились в плохом состоянии и требовали скорейшей консервации, то, по договоренности с руководством БКМа, предметный комплекс, обнаруженный в свое время на памятнике Сухие Гривы, был передан по акту на временное хранение в Музей археологии и этнографии Алтая при АГУ. В течение 1998 г. железные изделия из коллекции тщательным образом осматривались, очищались от грязи и бесформенных окислов, склеивались, а затем покрывались лаковым каллоксилином. Всю кропотливую работу, связанную с реставрацией и консервацией предметов, проделал директор МАЭА АГУ В.В. Горбунов, а рисунки восстановленных вещей выполнил И.А. Чудилин³. После этого находки были возвращены в БКМ, где ныне и находятся.

В процессе осуществления мероприятий, связанных с изучением нами предметного комплекса коллекции №197, получены следующие результаты в соответствии с их музейной и графической фиксацией:

² Автор благодарен главному хранителю БКМа Н.И. Заниной и тогдашнему сотруднику этого учреждения Д.В. Папину за предоставленную возможность обстоятельно поработать с необходимыми коллекциями музея.

³ Автор считает своим долгом выразить им благодарность за проделанную работу.

- 1) железный наконечник стрелы с обломанным черешком (кол. 197/31) – рис. 1.-1;
- 2) железный наконечник стрелы с обломанным пером и черешком (кол. 197/32) – рис. 1.-2;
- 3) фрагмент железного наконечника стрелы (кол. 197/33) – рис. 1.-3;
- 4) фрагменты железного наконечника стрелы (кол. 197/24, 34) и черешок (кол. 197/41) – рис. 1.-4,8;
- 5) крупный фрагмент железного наконечника стрелы (кол. 197/38) и черешок (кол. 197/39) – рис. 1.-5,9;
- 6) железный наконечник стрелы с обломанным пером и черешком (кол. 197/27, 36, 40) – рис. 1.-10;
- 7) фрагменты железных предметов, возможно, от наконечников стрел (кол. 197/35, 37) – рис. 1.-6,7;
- 8) железный нож с обломанным клинком и череном (кол. 197/49); на нем местами сохранились «прикипевшие» фрагменты от деревянных ножен и рукояти – рис. 1.-13;
- 9) три изделия из рога (кол. 197/50–52), которые отнесены находчиками к деталям рукояти ножа, – рис. 4.-10–12;
- 10) железное кольцо (кол. 197/44, 45) с внешним диаметром около 5 см, внутренним – около 3 см – рис. 1.-11;
- 11) два фрагмента (кол. 197/46, 57), вероятно, от железного кольца, аналогичного предыдущему, – рис. 1.-12;
- 12) железное стремя, склеенное из имевшихся фрагментов (кол. 197/2, 29, 53, 54, 56 и др.) – рис. 2;
- 13) остатки железного стремени, реконструированного по частично сохранившимся более или менее крупным обломкам (кол. 197/1, 10, 11, 23, 28, 30, 55), – рис. 3;
- 14) фрагмент дерева, размером 3,1х1,1 см (кол. 197/43), возможно, происходит от ножен или основы седла – на рисунках не представлен;
- 15) фрагменты железных предметов, два из которых (кол. 197/47, 48) имеют следы от ткани, «прикипевшей» в процессе коррозии, – рис. 4.-13, 14;
- 16) бронзовые серьги (кол. 197/71, 72), одно изделие сохранилось полностью, а у другого отсутствует небольшой фрагмент – рис. 4.-15, 16;
- 17) фрагменты керамики (кол. 197/64–70); происхождение их трудно связать с погребением, но тем не менее часть из них явно от одного сосуда – рис. 4;
- 18) зубы человека.

Таким образом, сохранившийся погребальный инвентарь из могилы, обнаруженной на памятнике Сухие Гривы, был представлен бронзовыми серьгами, железными наконечниками стрел (не менее шести), ножом с наборной ручкой и ножнами из дерева, стремями и кольцами от седла или удила. Сведения о найденной могиле с описанным выше предметным комплексом были кратко опубликованы Н.Л. Членовой в «Археологических открытиях 1969 года». В небольшой заметке говорилось о том, что «...Алтайский отряд Западно-Сибирской экспедиции проводил раскопки в лесной и предгорной зонах Алтая, ... на правом берегу р. Оби, против дер. Вяткино (Усть-Пристанский р-н) обнаружен грунтовый могильник тюркской эпохи. Расчищено одно погребение с бронзовыми серьгам, железным ножом и обломками железных стремян и других предметов» [Членова Н.Л., 1970, с. 200–201]. В том же 1969 г. Б.Х. Кадиков указал местонахождение открытого памятника Д.Г. Савинову, который раскопал там еще две могилы. Результаты этих исследований и вещи частично опубликованы. Тем не менее следует, на наш взгляд, данную информацию продублировать, чтобы иметь возможность представить более или менее целостную картину о грунтовом могильнике монгольского времени для сравнения и реконструкции подобных погребальных комплексов, а также для упорядочения имеющихся сведений о памятнике Сухие Гривы. Д.Г. Савинов, без учета выявленного ранее объекта, дал собственную нумерацию могил. На доне в урочище

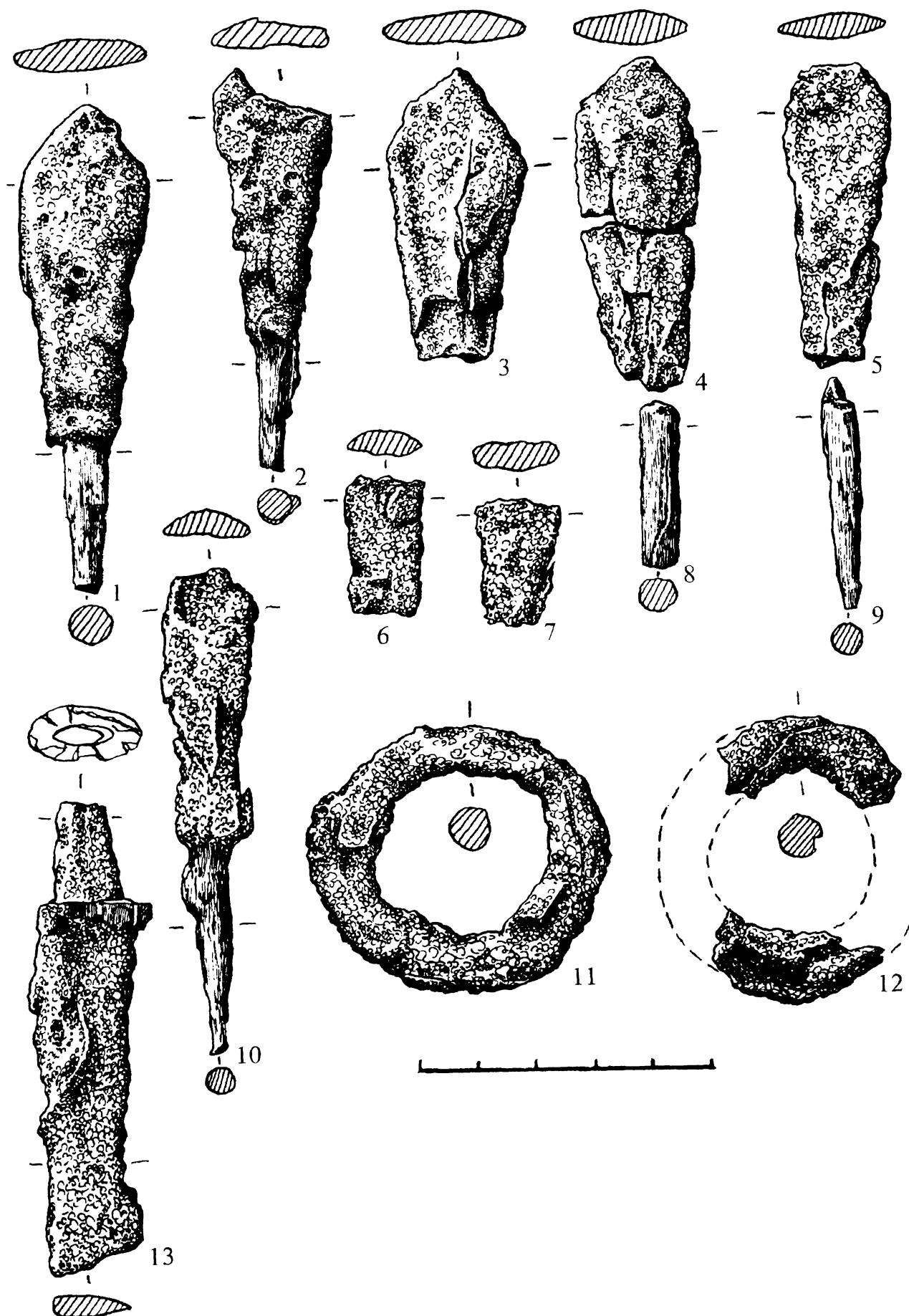

Рис. 1. Остатки железных наконечников стрел (1–10), колец (11–12) и ножа (13) из могилы 3 памятника Сухие Гривы

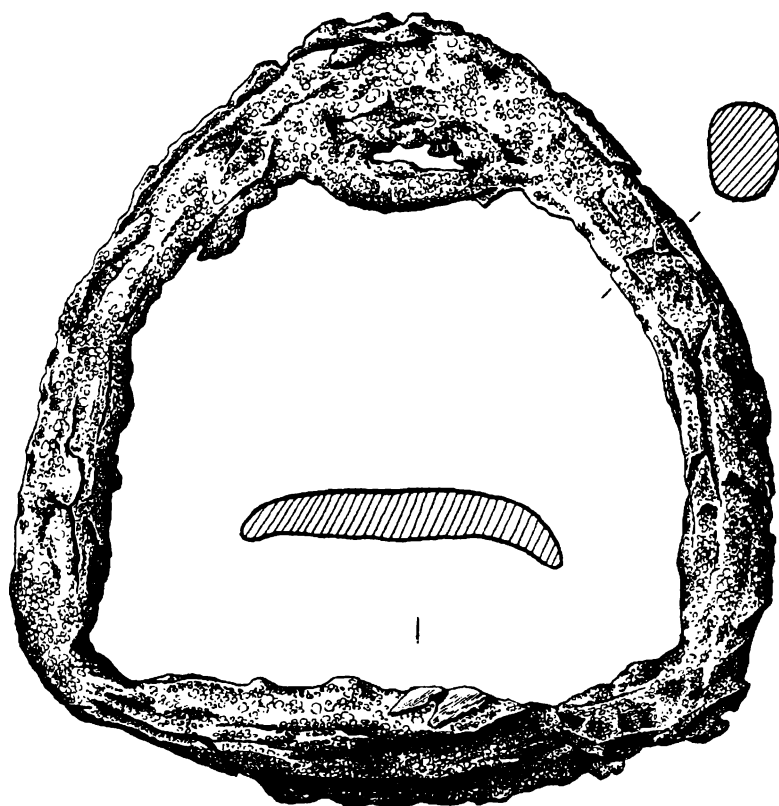

Рис. 2. Сухие Гривы. Могила 3. Железное стремя

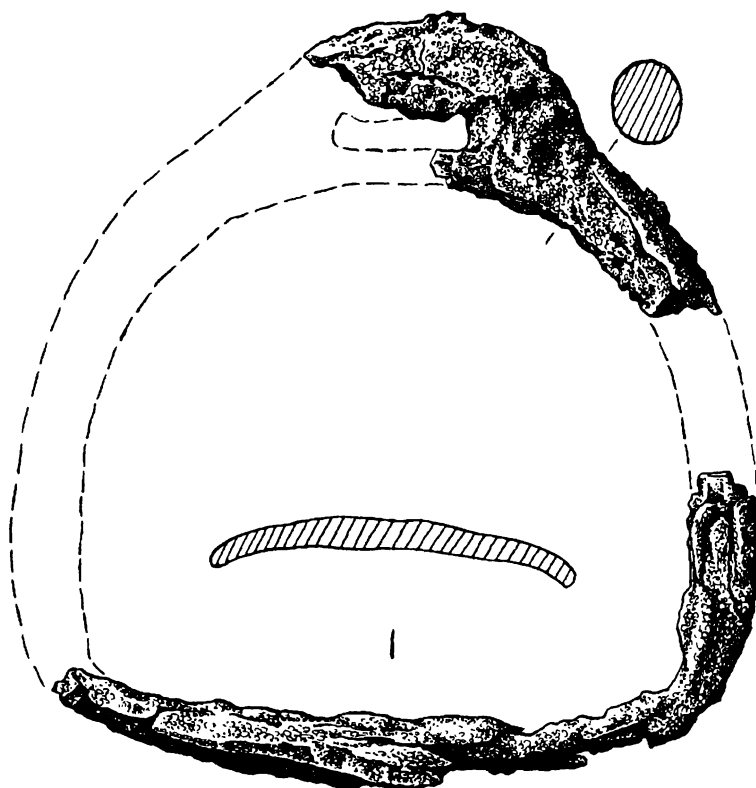

Рис. 3. Сухие Гривы. Фрагменты железного стремени. Могила 3

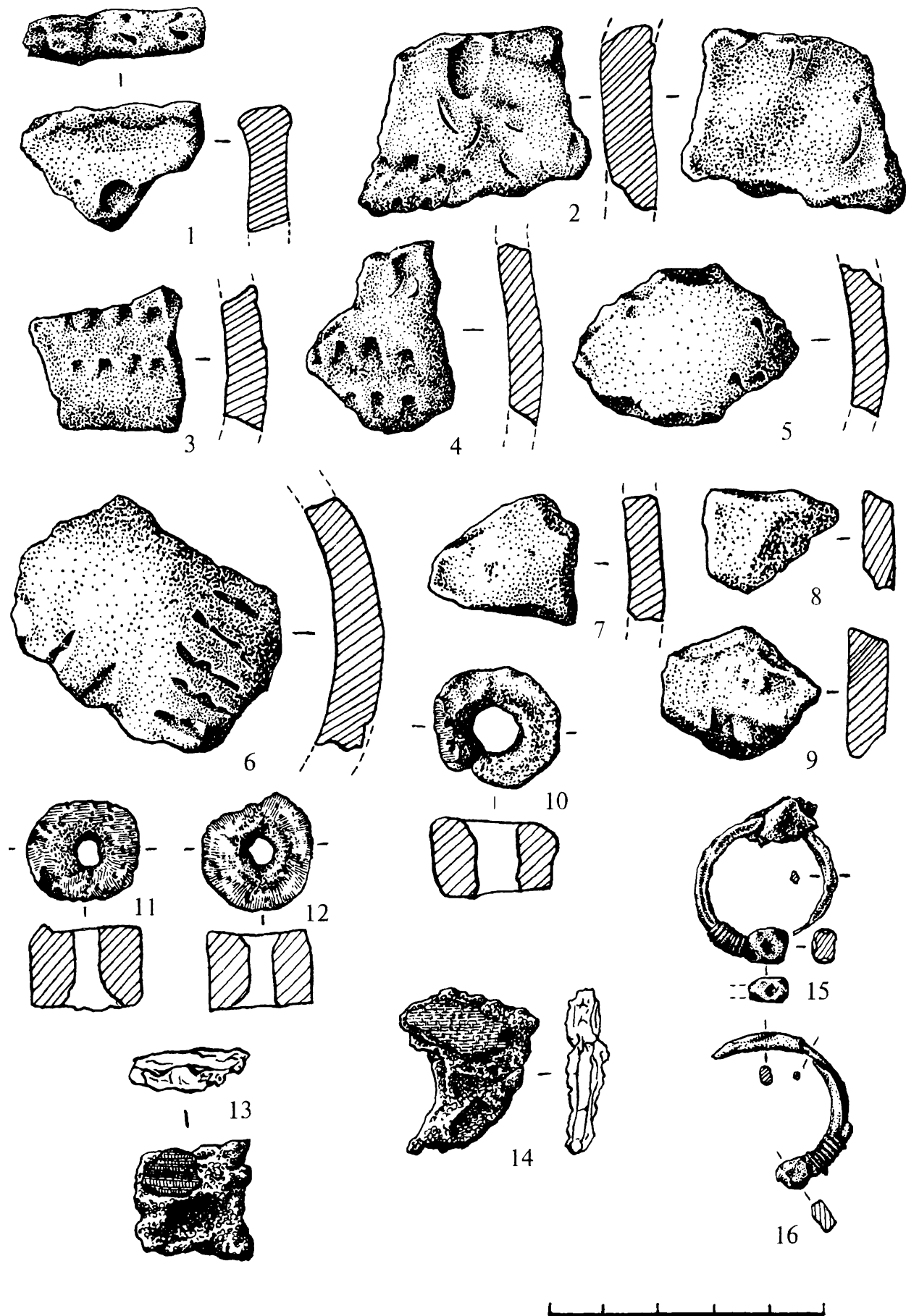

Рис. 4. Предметы из коллекции №197 БКМ: 1-9 – керамика; 10-12 – рог; 13-14 – железо, ткань; 15-16 – бронза

Сухие Гривы им были, как выше сказано, раскопаны две могилы, «... одинаково залегающие на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности. Могила 1 имела на глубине 0,15 м перекрытие из ряда тонких поперечных жердей, которые были сломаны, провалились внутрь и лежали непосредственно на погребенном. На дне ямы находился скелет мужчины, 40–50 лет, положенный головой на СЗ с вытянутыми руками и кистями рук, лежащими сверху на тазовых костях. Рядом с погребенным с левой стороны была положена сабля с напускным перекрестием и короткий черешковый нож, на пальце надето медное кольцо с овальным щитком. Между колен найдены астрагалы барана и плоские железные наконечники стрел, обращенные остриями вниз. В ногах на невысокой приступке лежали кольчатые удила и большая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком. В могиле 2 не было никаких дополнительных сооружений, но рядом с могилой с северной стороны был отдельно захоронен череп лошади. В могилу 2 была положена женщина 25–30 лет точно в таком же положении, что и мужчина в могиле 1. Около правого колена находились пять наконечников стрел (один из них трехгранный костяной) остриями вверх. Справа на том же уровне – железный молоточек и костяная изогнутая поделка (проколка?). В ногах на невысокой приступке лежали железное стремя с отверстием в дужке и обломок железной пластины, инкрустированный вставкой из мягкого зеленого камня, по форме напоминающий обкладку передней луки седла (рис. 3) По форме стремени и типам наконечников стрел (плоские ромбические, типа срезней – один – кунжутолистный) могильник Сухие Гривы может быть датирован XIII–XIV вв. Могилы здесь одинаковы по обряду захоронения... и составу сопроводительного инвентаря и оставлены, вероятно, какой-то восточной группой, входившей в состав кыпчакского объединения и продолжавшей жить здесь и в монгольское время [Савинов Д.Г., 1979, с. 69–71]. На представленном в статье Д.Г. Савинова рисунке отражены фотографии некоторых вещей (восемь наконечников стрел, железные пряжка, кольцо, стремя и др.) и дается подпись: «Рис. 3. Материал из кыпчакских могил XIII–XIV вв. на Северном Алтае (Сухие Гривы; раскопки автора, 1969 г.)» [Савинов Д.Г., 1979].

Таким образом, на грунтовом могильнике, за которым закрепилось название Сухие Гривы, в 1969 г. было найдено и исследовано три могилы монгольского времени. В связи с тем, что Д.Г. Савинов уже опубликовал описание исследованных погребений и дал им обозначение под номерами 1 и 2, то предлагаю закрепить за обнаруженной ранее Б.Х. Кадиковым, Н.Л. Членовой и А.П. Марковым могилой номер 3, чтобы не было путаницы с уже введенной в научный оборот информацией.

Интерес к памятнику Сухие Гривы проявил бывший сотрудник АГУ В.Б. Бородаев. В 1982 г. он вместе с Б.Х. Кадиковым и П.И. Шульгой раскопал одно погребение [Фролов Я.В., 1999, с. 14–15]. Однако результаты этих исследований до сих пор не опубликованы.

Следует указать, что место расположения могильника во всех известных нам случаях точно не указано. Повторяющиеся данные весьма приблизительны и по ним в условиях пойменной местности сложно сориентироваться. Небольшое дополнение в приводимые выше описания сделал Я.В. Фролов [1999, с. 14], уточнив, что памятник располагается «... на правом берегу р. Оби напротив (к востоку) от с. Вяткино на раздуваемой дюне...». Им же проводилась картография археологических объектов Усть-Пристанского района, составлена сводка и представлена схема расположения памятников, на которой под №61 обозначен грунтовый могильник Сухие Гривы [Фролов Я.В., 1999, рис. 1.-61].

В заключение необходимо указать на важность публикации и других материалов интересующего нас периода. Это обеспечит возможность дать наиболее полную характеристику культуры населения Алтая монгольского времени.

Библиографический список

Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А. Захоронения первой половины II тыс. в пункте Ближние Елбаны-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №5. Горно-Алтайск, 2000. С. 124–135.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1999. С. 262–266.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 53–72.

Тишкин А.А. Проблемы изучения культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнография: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 2000а. С. 169–173.

Тишкин А.А. Изучение М.П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы Всероссийской конференции (Омск, 19–20 октября 2000 г.). Омск, 2000б. С. 108–110.

Тишкин А.А. Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001а. С. 127–133.

Тишкин А.А. Изучение археологических памятников монгольского времени на Алтае // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001б. С. 82–84.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Завершение раскопок курганов монгольского времени на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН, декабрь 1998 г. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 365–368.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. Ползуновские чтения. Барнаул; Усть-Пристань, 1999. С. 6–29.

Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // АО 1969 г. М., 1970. С. 200–201.

А.П. Уманский, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов

Барнаул

ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. Н.Э НА МОГИЛЬНИКЕ ИЛЬИНКА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ¹

Весной 1972 г. от учительницы истории В.С. Усачевой из села Ильинка поступила небольшая коллекция древних предметов, собранная учащимися местной школы на песчаных выдувах нижней террасы реки Оби в окрестностях села (рис. 1). Это были фрагменты керамики и бронзовые поделки – три бляхи и четыре серьги. Преподавательница сообщила о том, что мелиораторы в зоне находок ведут работы, грозящие памятнику уничтожением. Надо отметить, что изделия и керамика, переданные в тогдашний кабинет истории и археологии БГПИ, были уже не первой находкой из Ильинки. Оттуда же в 1962 г. от директора школы В.А. Петренко поступили бронзовый андроновский кинжал и фрагменты керамики, относящиеся к карасукско-ирменскому времени [Уманский А.П., 1962]. Они были переданы в фонды Алтайского краевого музея.

На основании имевшихся сведений управление культуры Алтайского крайисполкома приняло решение о проведении в окрестностях села Ильинка ограниченных по масштабам

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №00-06-80393.

аварийных работ. С такой просьбой руководство Алтайского отделения ВООПИК обратились на кафедру отечественной истории Барнаульского пединститута.

Район работ экспедиции, организованной под руководством А.П. Уманского, представлял собой обширную луговину в пойме Оби. В древности река проходила у самого левого берега, крутого и обрывистого, высотой до 40 м. Потом она пробилась себе русло восточнее, отошла на расстояние до 3–4 км от левого берега. В результате этого большой участок низменной стороны превратился в обширный луг с озерами и лягами. Кустарником поросли песчаные дюны бывшего правобережья Оби, а многие из них оказались развеянными ветром. Однако ниже Ильинки (по течению Оби), близ села Селезнево и еще далее у села Киприно, такие дюны хорошо сохранились. Они достаточно высокие. В древности на таких местах, называемых на Алтае елбанами, люди селились, устраивали могильники и т.п. Это хорошо зафиксировано работами Новосибирской экспедиции под руководством М.П. Грязнова (1952–1954 гг.), когда отряд М.Н. Комаровой произвел сборы и первые раскопки на у села Киприно, а также разведками А.П. Уманского там же в 1959 г. и у села Селезнево в 1972 г. Некоторые случайные находки с Кипринского Борка опубликованы позднее П.Л. Рудометовым [1991].

Вдоль кромки бывшего правого берега Оби, на развеянных и срезанных бульдозерами песчаных елбанах обнаружены древние поселения и могильники, обследованные в 1972 г. около с. Ильинка. Полоса песков протянулась там на 2,0–2,5 км, достигая шириной до 100–150 м. Общая площадь обследования и проведенных аварийных работ составила около 4 кв. км. На этих местах прежде всего осматривались выдувы на елбанах. Сделанные при этом сборы подъемного материала оказались довольно бедными: несколько фрагментов керамики от сосудов и мелкие обломки костей животных. Однако удалось установить, где находился могильник карасукско-ирменского времени (Ильинка-I). К сожалению, ни одного погребения не сохранилось, так как кости истлели в песчаном грунте, а сосуды разрушились. Обнаружены только единичные фрагменты керамики с типичным ирменским орнаментом.

Основное время экспедиции было посвящено тщательной работе на семи елбанах, на которых или рядом с ними было прошурфовано 49 участков. Таким образом, в разных местах на песчаных дюнах обследовано не менее 1600 кв. м.

Стратиграфически раскопанные траншеи (рис. 2), глубиной от 0,5 до 1,0 м, состояли из трех основных горизонтов:

- 1) дерновый слой (местами) или шлак (елбан №2), толщиной 0,05–0,1 м;
- 2) слабо гумусированный песок, мощностью от 0,45 до 0,8 м;
- 3) материк – речной песок.

Материал, полученный в этих траншеях, оказался довольно бедным. Только в объекте №11, на втором елбане, была обнаружена яма овальной формы, в которой найдены остатки поперечных жердей и железное кресало (рис. 12.-1). Тем не менее на первом и втором елбанах зафиксировано и исследовано пять погребений (рис. 2), относящихся, судя по обряду и инвентарю, к первой половине II тыс. н.э.

Предварительная информация о работах археологической экспедиции Барнаульского пединститута в 1972 г. опубликована [Уманский А.П., Караваев А.В., 1992]. Материалы, полученные из раскопок, а также соответствующая документация и научный отчет [Уманский А.П., 1992], хранятся в Историко-краеведческом музее БГПУ (коллекция №59)². Антропологические определения обнаруженных человеческих останков проводились В.А. Дремовым (ТГУ).

Номера исследованным могилам давались в порядке их обнаружения. Глубины измерялись от уровня современной поверхности.

² Авторы благодарны главному хранителю музея Н.С. Грибановой за оказанную помощь в работе с коллекцией при подготовке данной статьи.

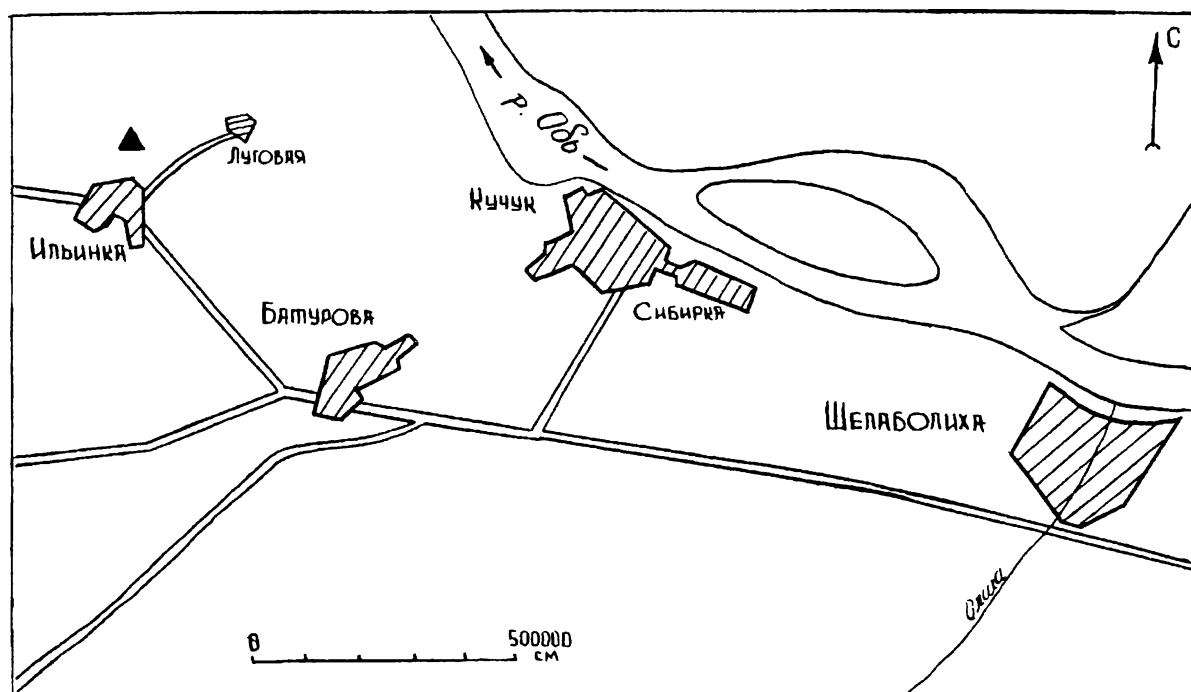

Рис. 1. План местонахождения грунтового могильника Ильинка

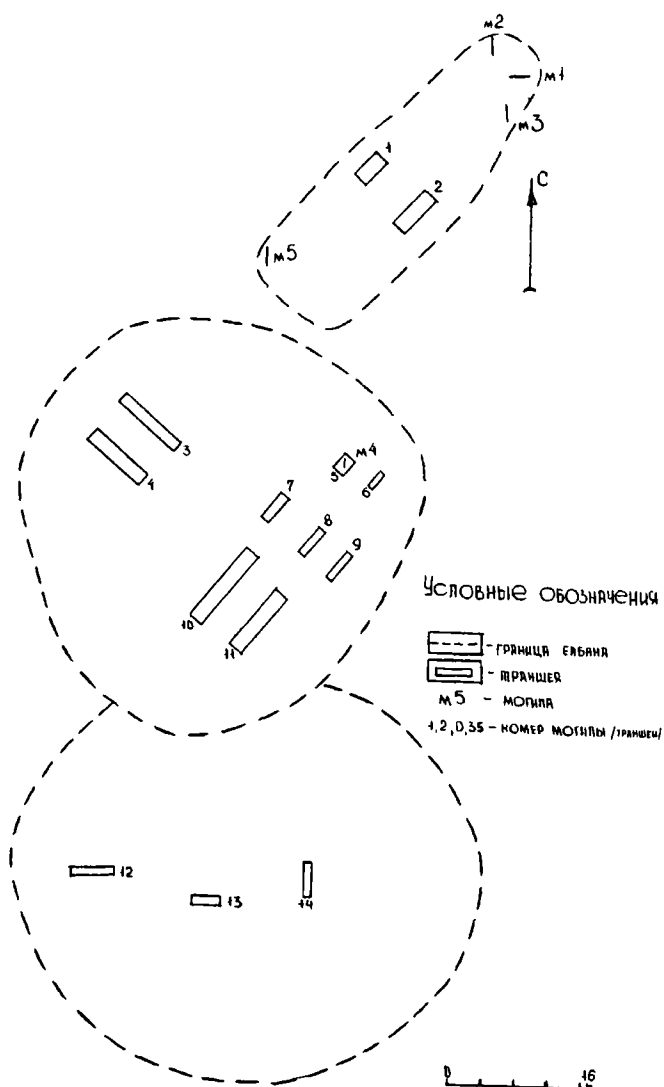

Рис. 2. План расположения могил и траншей на елбанах у с. Ильинка

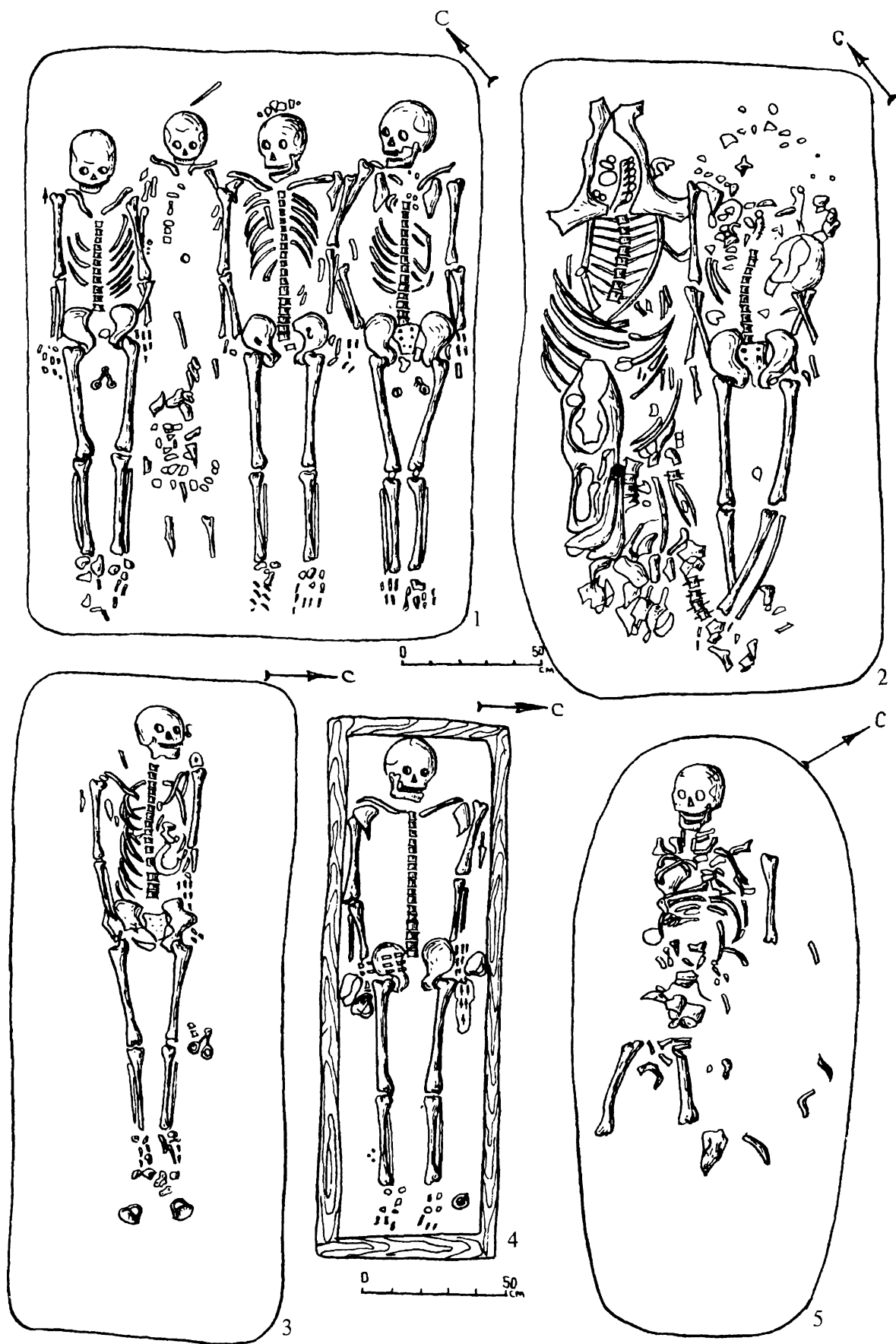

Рис. 3. Планы погребений, исследованных на грунтовом могильнике Ильинка: 1 – могила 3; 2 – могила 2; 3 – могила 5; 4 – могила 4; 5 – могила 1

Могила 1 (рис. 3.-5) обнаружена в останце дюны 1, на северо-восточном крае выдува, на глубине около 0,1 м от поверхности. Могильное пятно овальной формы просматривалось слабо. Глубина до дна могилы – 0,3 м. Границы ее не установлены. Погребен мужчина 30–35 лет. Скелет частично разрушен, некоторые кости вообще отсутствуют. Однако расположение черепа и части костей погребенного позволяет установить общее положение – вытянуто на спине, головой на ССЗ. За пределами могилы, в северо-северо-западной части раскопа, зафиксированы кости птицы. Инвентарь в могиле отсутствует.

Могила 2 (рис. 3.-2) расположена в том же останце дюны, в нескольких метрах к ЮЮВ от предыдущего объекта. Погребение обнаружено при зачистке обрывистого участка. Могильное пятно размерами 2,1х1,2 м имело овальную форму. При выборке заполнения могилы были отмечены остатки бересты, а в юго-восточной части – древесный тлен. Глубина ямы – 0,8–1,0 м. Погребен мужчина 25–30 лет, который находился на спине в вытянутом положении, головой на СВВ. При зачистке зафиксировано, что берцовые кости ног перекрещивались в области голеностопного сустава. Практически все части скелета находились в анатомическом порядке, за исключением черепа, фрагменты которого были обнаружены на грудной клетке. С правой стороны найдены останки лошади, лежавшей головой на ЮЗЗ. У скелета животного отсутствовали кости конечностей, а череп, располагавшийся нижней челюстью вверх, покоился на ребрах и позвоночнике. Сопроводительный инвентарь в могиле отсутствует. Стенки ямы укреплены деревянной рамой, а сверху нее погребение закрывалось берестой.

Могила 3 (рис. 3.-1) обнаружена западнее погребения 1 и находилась практически у поверхности выдува. Точные размеры погребального сооружения не установлены. В могиле обнаружено коллективное захоронение. Умерших было пять человек, из них трое взрослых и двое детей. Все погребенные ориентированы головами на СВВ и лежали вытянуто на спине.

Скелет 1 (нумерация на рисунке справа налево). Сохранность костей хорошая. Череп повернут вправо, нижняя челюсть отпала. У левого бедра находились два железных крюка (рис. 4.-6). Ниже тазовых костей, между ног, лежали два железных кольца (рис. 4.-7,8). У левой ноги располагался фрагмент железного ножа (рис. 4.-5). Согласно антропологическим определениям, скелет принадлежал мужчине 25–30 лет.

Скелет 2. Сохранность костей хорошая. Череп слегка повернут направо. Погребен мужчина 25–30 лет, у правой ноги которого лежал топор-тесло (рис. 4.-1). На костях левой стопы обнаружены следы железа и остатки железной пластины (рис. 4.-4). На левой тазовой кости найден железный крюк и обломки двух колец (рис. 4.-9,10), а на правой – черный тлен. Между скелетами 1 и 2 в области ног находились железные удила (рис. 4.-13).

Скелет 3 принадлежал ребенку 6–10 лет. Отмечены останки черепа, части костей плечевого пояса и несколько позвонков.

Скелет 4 был плохой сохранности. Обнаружены мелкие обломки черепа, несколько ребер, часть позвонков и другие кости, принадлежавшие ребенку 5–6 лет.

Скелет 5. Кости хорошей сохранности. Погребен мужчина 35–40 лет, у левого предплечья которого находились бусины (рис. 4.-12), возле правого плеча располагался железный наконечник стрелы (рис. 4.-3), а между ног – удила (рис. 4.-14). У кисти правой руки обнаружен обломок железного черешкового ножа (рис. 4.-2).

Необходимо отметить, что за черепом скелета 2 зафиксированы человеческие позвонки, за черепом скелета 3 – кости мелкого копытного, очевидно, овцы. На черепе скелета 2 обнаружены пятна бурого тлена, возможно, от головного убора.

Могила 4 (рис. 3.-4) обнаружена в разведывательной траншее 5, на глубине 0,85 м от поверхности. Могильное пятно просматривалось слабо. Погребение совершено в деревянном гробовище (размеры – 1,8х0,6х0,3 м). Умершая женщина (?) 30–40 лет лежала в нем вытянуто на спине, несколько завалившись на левый бок, головой строго назапад. Руки ее

были вытянуты вдоль тела, а кисть правой покоилась на поясе. Погребальный инвентарь располагался следующим образом. Железные стремяна (рис. 6; рис. 7), оказавшиеся выше (на 20–25 см) скелета, лежали подножками вверх (одно – у правой руки, другое – у левой). У левого плеча находился железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 5.-6). С левой стороны, у бедра, были найдены остатки колчана и пять наконечников стрел (четыре – костяных (рис. 5.-1–4) и один – железный, со свистункой (рис. 5.-5)). Там же лежал железный крюк с фрагментом кольца (рис. 5.-8). С правой стороны, у голени и кисти руки, обнаружены угольки. Примерно в этом же месте (у кисти правой руки) находились два точильных камня (рис. 5.-11,12) и два камня для кресала (рис. 5.-9,10), а возле левой ступни – остатки железного кольца (рис. 5.-7). Выше погребения зафиксирован слой шлака, а на поверхности и на глубине одного штыка – фрагменты керамических сосудов.

Могила 5 (рис. 3.-3) находилась на глубине 0,2 м. Захоронение совершено в гробовище, остатки которого обнаружены по контуру погребения. Умершая женщина (?) 25–30 лет лежала вытянуто на спине, головой на запад, кисти располагались в районе пояса. Сохранность костей хорошая, но они слегка потревожены мелиоративными работами. Череп слегка повернут влево, нижняя челюсть лежал отдельно на груди, зубы были рассеяны между ребер. Остальные кости находились в анатомическом порядке. В могиле были обнаружены железные стремяна (рис. 10; рис. 11), находившиеся в ногах умершей, но по уровню немного выше их. Между стремянами и ногами погребенного человека найдены многочисленные детали от седла: 8-видные накладки с двумя отверстиями (рис. 8.-1–4), С-видные (рис. 9.-1,2) и округлые накладки с кольцами (рис. 8.-9,10; рис. 9.-3–6), умбон с кольцом (рис. 9.-11), гвозди (рис. 9.-7–10), скоба (рис. 9.-17), отдельные кольца и их фрагменты (рис. 8.-8; рис. 9.-13,14), остатки костяного канта (рис. 8.-12,13). У правого плеча найден железный черешковый нож (рис. 8.-11); под черепом, слева, – бронзовая проволоочная серьга (рис. 8.-14), две бусины (рис. 8.-15,16). Рядом с нижней челюстью лежал фрагмент керамики (другой такой же оказался ниже костей). У левого колена зафиксированы железные удила с большими кольцами (рис. 8.-19). Там же обнаружены фигурные железные бляхи, вероятно, от узды (рис. 8.-18; рис. 9.-12,15,16,18). Кроме этого, в заполнении могилы найдены фрагмент железного крюка на кольце (рис. 8.-17), обломки трех железных изделий вильчатой формы (рис. 8.-5–7), а также точильный камень (рис. 12.-2).

На многочисленных выдувах елбанов 1 и 2 обнаружена целая серия железных предметов, как правило, в сломанном виде. Из них следует отметить фрагмент железного котла (?) с дужкой для ручки (рис. 12.-3), обломки ножей (рис. 12.-4,5), наконечников стрел (рис. 12.-11,12), колец (рис. 12.-6–8,13,14), скобы (рис. 12.-15) и гвоздей (рис. 12.-9,10). Исключение составляют два предмета вооружения хорошей сохранности из сборов – наконечник копья (рис. 13) и кинжал (рис. 14).

Наконечник копья длиной 22,6 см имеет перо вытянутом ромбической формы (длина 12 см, ширина до 4,6 см, толщина до 1,2 см). В сечении перо – ромбовидное, с одной наиболее сильно сглаженной гранью. Втулка наконечника имеет коническую форму, длину 10,6 см, диаметр в основании 4,3 см, толщину стенок до 3 мм. В нижней части втулки фиксируются два противоположащих сквозных отверстия диаметром 7 и 9 мм. Втулка наконечника немного помята, ее основание местами сплющено, перо притуплено и слегка загнуто, лезвия – в мелких зазубринах.

Кинжал имеет общую длину 25,3 см. Его клинок подтреугольной формы (длина 15,3 см, ширина до 4 см, толщина до 7 мм). Сечение клинка ромбовидное, окончание обломано, лезвия – в зазубринах. Перекрестие кинжала – напускное, брусковидное: слегка изломленной формы в продольной плоскости и ромбической – в поперечной. Длина перекрестия 6 см, ширина 1,1 см, толщина до 1,7 см. Рукоять кинжала (длина 8,9 см, ширина до 2,3 см, толщина 1,2 см) имеет подромбическую форму с выделенным уплощенным навершием. В сечении она овальная.

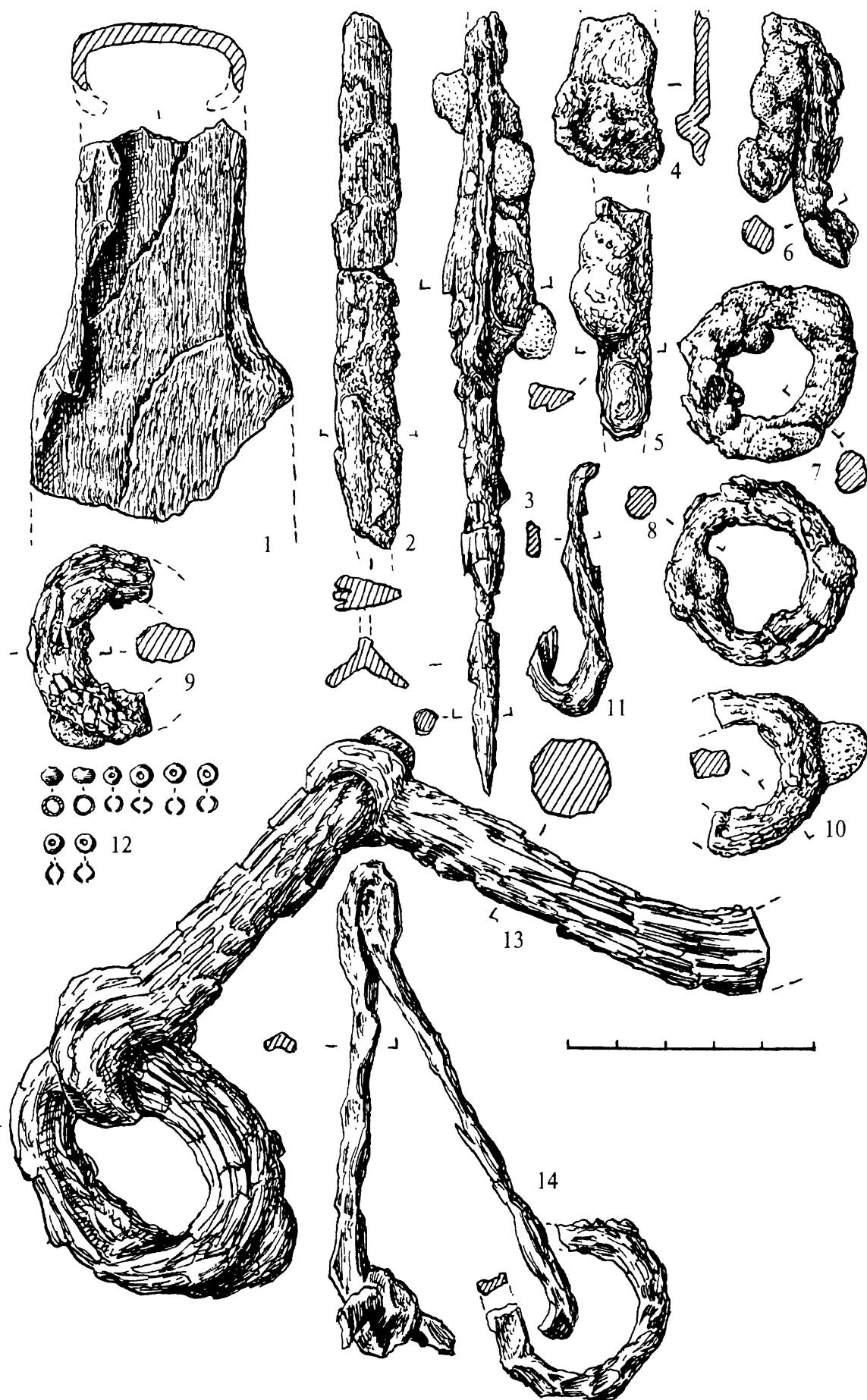

Рис. 4. Ильинка. Инвентарь могилы 3: 1-11, 13, 14 – железо; 12 – стекло

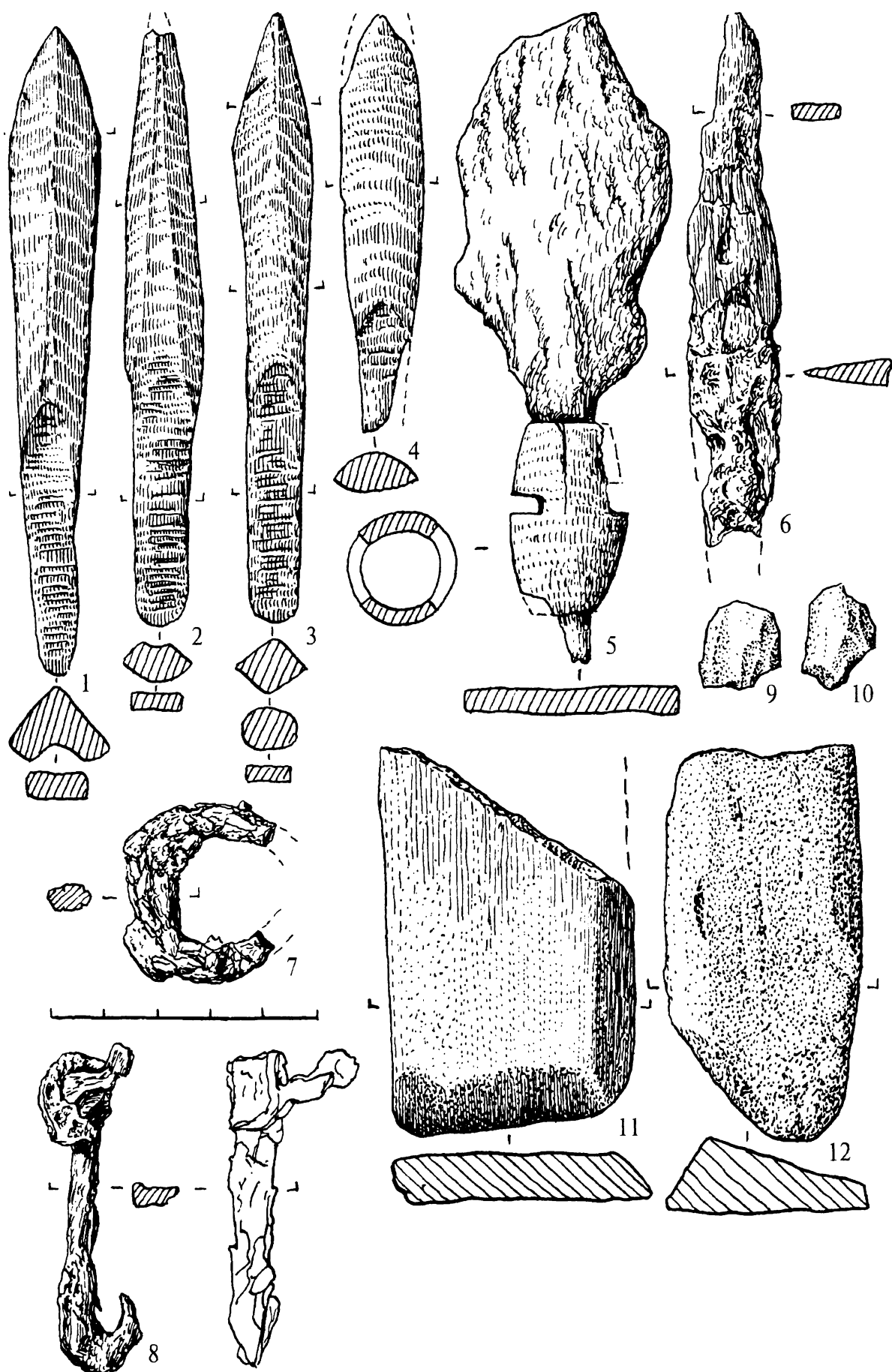

Рис. 5. Ильинка. Инвентарь могилы 4: 1-4 – кость; 5 – железо, рог; 6-8 – железо; 9-12 – камень

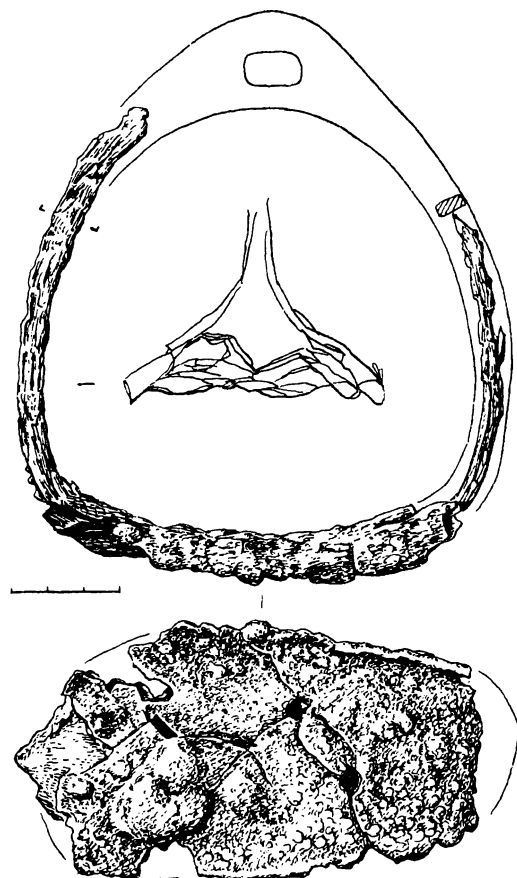

Рис. 6. Ильинка. Могила 4. Железное стремя

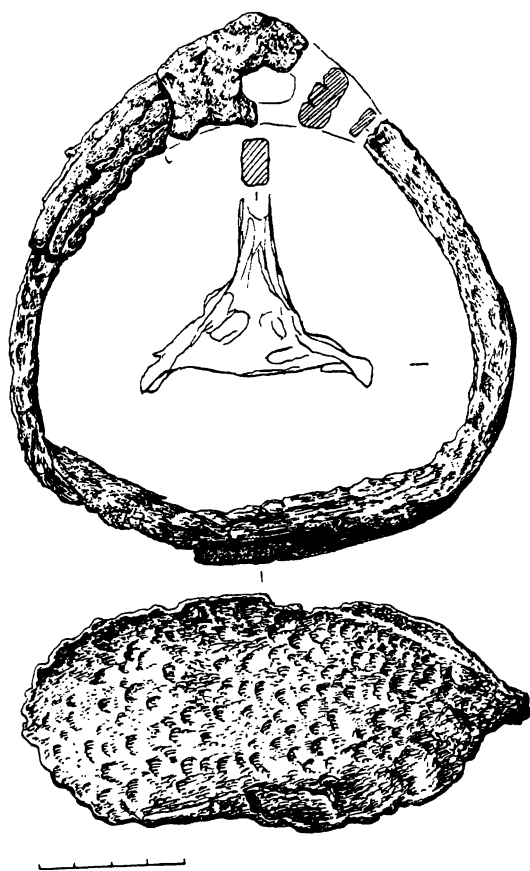

Рис. 7. Ильинка. Могила 4. Фрагмент железного стремя

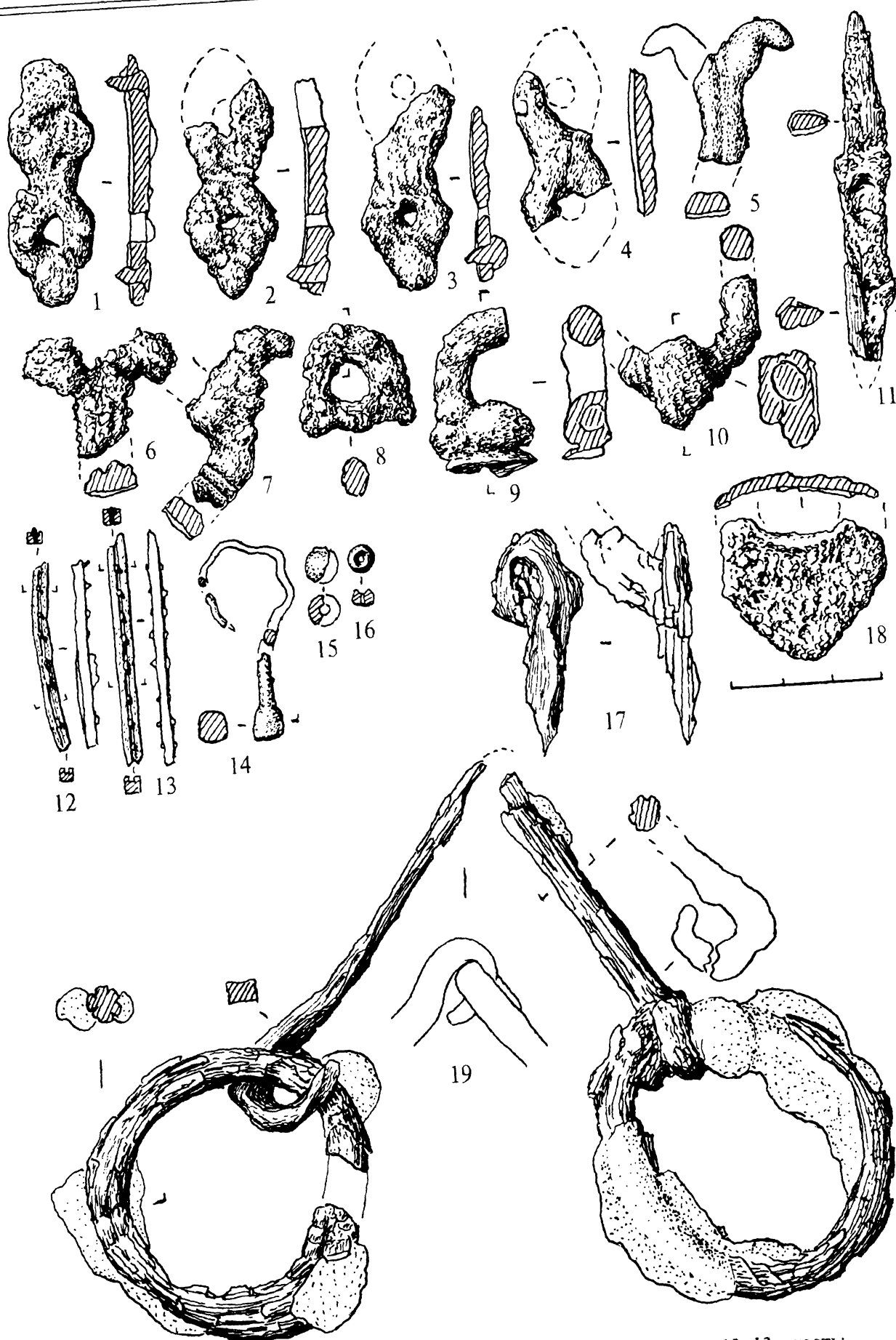

Рис. 8. Ильинка. Инвентарь могилы 5: 1-11, 17-19 – железо; 12, 13 – кость; 14 – бронза; 15, 16 – стекло

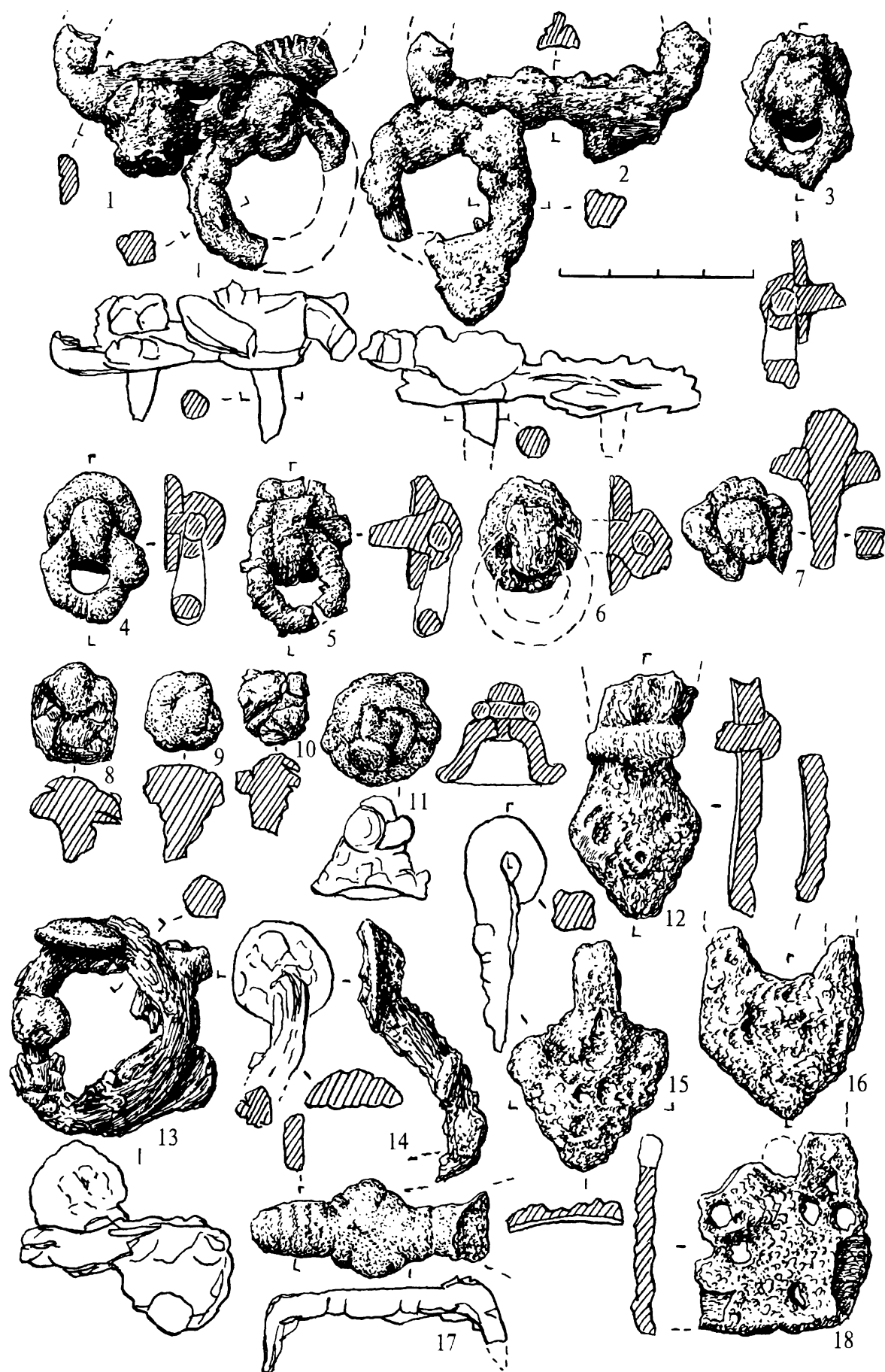

Рис. 9. Ильинка. Железный инвентарь из могилы 5

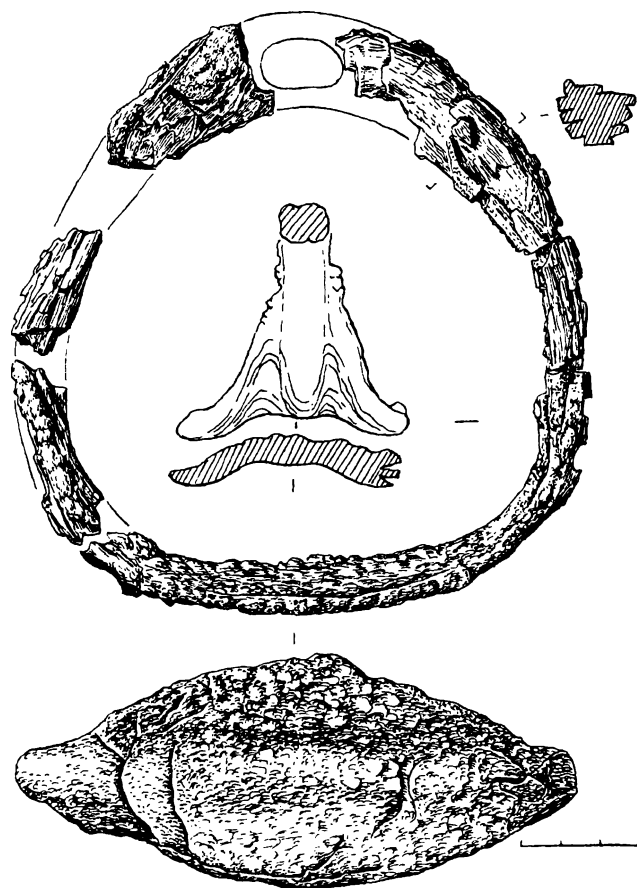

Рис. 10. Ильинка. Могила 5. Железное стремя

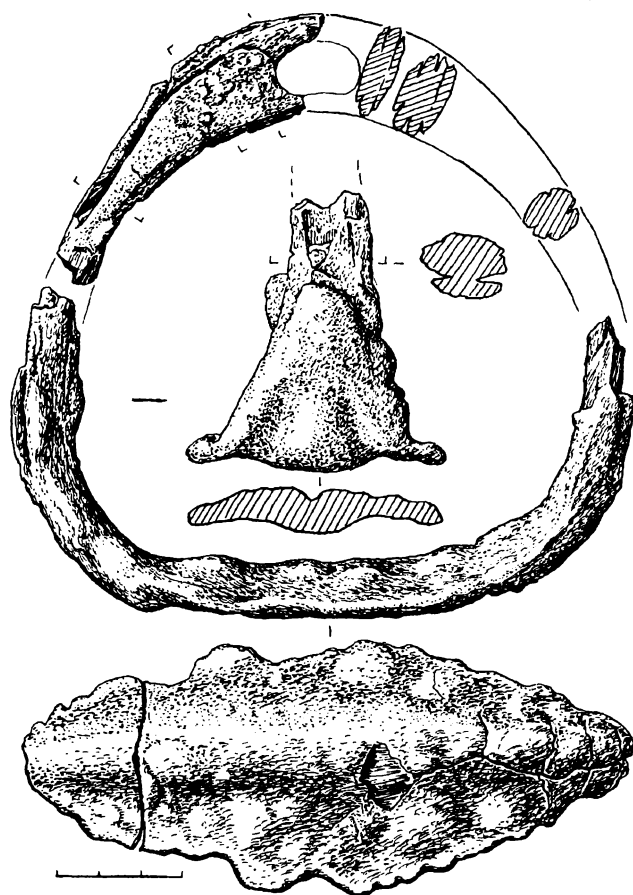

Рис. 11. Ильинка. Железное стремя из могилы 5

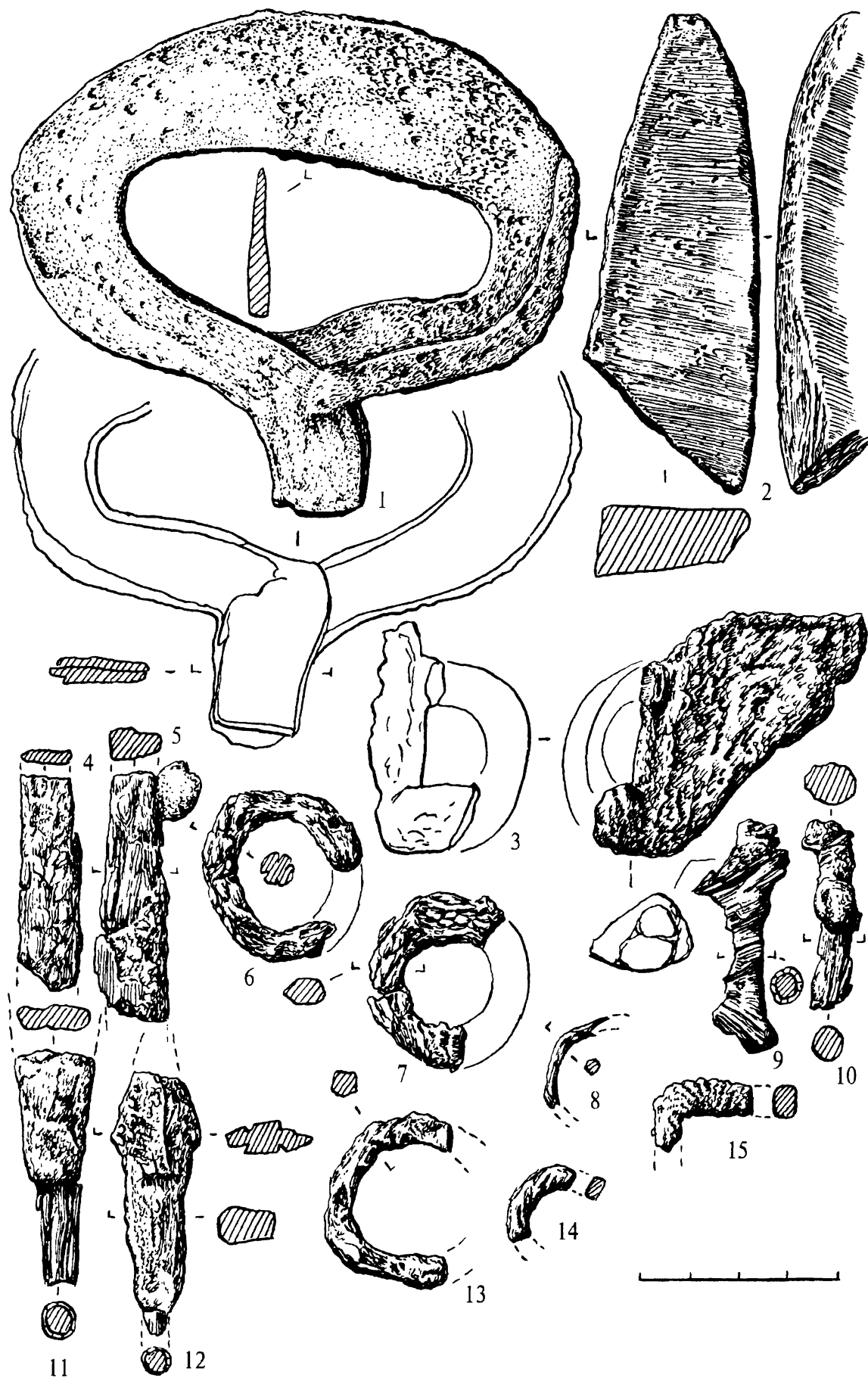

Рис. 12. Ильинка: 1 — кресало из ямы в траншее 11; 2 — тогильный камень из могилы 5; остальное — сборы на выдувах. 1, 3–8, 13–15 — железо; 2 — камень; 9–12 — железо, дерево

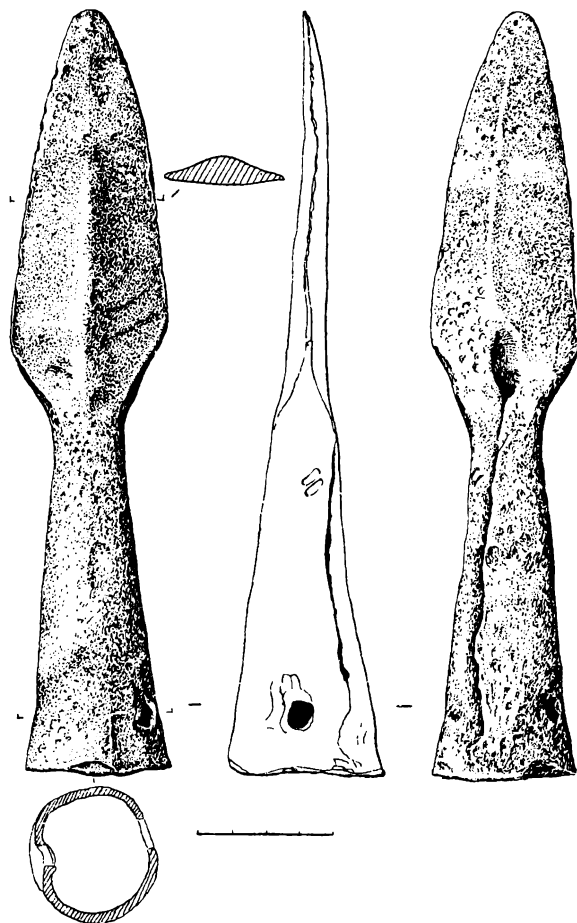

Рис. 13. Ильинка, сборы. Железный наконечник копья

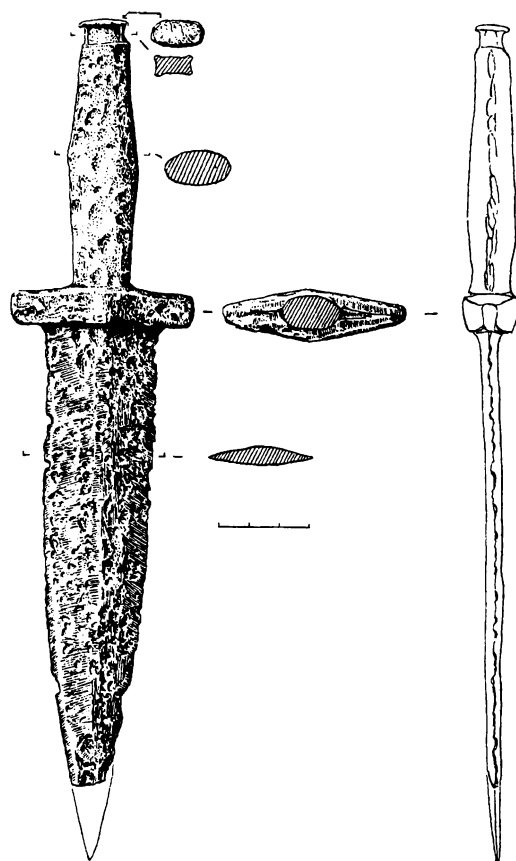

Рис. 14. Ильинка, сборы. Железный кинжал

Инвентарь, обнаруженный в исследованных погребениях, позволяет определить их относительную хронологию.

Для могилы 3 датирующее значение имеют удила с псалиями, наконечник стрелы и крюки на кольцах. Крюковые удила с кольчатыми псалиями, аналогичные нашим экземплярам, известны в Лесостепном Алтае с эпохи «великого переселения народов» IV–V вв. н.э. [Егоров Я.В., 1993, рис. 1.-6], затем они исчезают, и их новое распространение фиксируется с X в. н.э. [Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 169]. Трехлопастной, вытянуторомбической формы, наконечник стрелы также имеет широкую хронологию бытования, однако верхняя граница распространения подобных изделий приходится на рубеж XII–XIII вв. н.э. Поясные крюки на кольцах для крепления голенищ сапог появляются в памятниках Лесостепного Алтая с X в. н.э. [Савинов Д.Г., 1998, рис. 1.-9; рис. 5.-13] и бытуют до XIII–XIV вв. н.э. включительно [Адамов А.А., 2000, с. 57]. Таким образом, корреляция дат позволяет отнести могилу 3 к X–XII вв. н.э. Положение и ориентация погребенных находят ближайшие аналогии в памятниках сросткинской культуры. Наличие же коллективного захоронения характерно для ее заключительного Змеевского этапа (вторая половина XI–XII вв. н.э.) [Ширин Ю.В., 1994, рис. 1–3].

Вещи, обнаруженные в могилах 4 и 5, надежно датируют их периодом XIII–XIV вв. н.э. Это прежде всего стремена с отверстием для путлища в дужке, крюковые удила с большими кольчатыми псалиями, наконечники стрел, серьга в виде знака вопроса, а также металлические детали седла. Данные предметы хорошо представлены в памятниках Лесостепного Алтая монгольского времени [Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1.-9, 11; рис. 2.-3; рис. 3.-4, 5; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 3.-1; рис. 4.-2–13; рис. 6.-12; рис. 7.-3–10]. Внутримогильные конструкции, положение и ориентация умерших также характерны для погребальной обрядности населения монгольского времени.

Две безынвентарные могилы 1 и 2 могут быть отнесены к определенному периоду времени и культуре, благодаря основным элементам зафиксированного погребального обряда. Так, захоронение в могиле 2 человека в сопровождении коня с ориентацией первого на СВВ, отражает тюркскую традицию. В лесостепном Алтае такие погребения появляются со второй половины VIII в. н.э. в памятниках сросткинской культуры [Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177, 178]. Обычно подобные могилы содержат богатый инвентарь и над ними сооружается курганный насыпь. Наличие на памятнике Ильинка грунтового безынвентарного погребения по тюркскому обряду, но с необычными показателями, может свидетельствовать о его более позднем происхождении, когда тюркский компонент постепенно утратил господствующее положение в сросткинской общности. Следовательно, могила 2 может быть синхронна могиле 3 и относится к Змеевскому этапу (вторая половина XI–XII вв. н.э.). Одиночное захоронение человека, ориентированного на ССЗ, в могиле 1 вполне сопоставимо с погребениями в объектах 4 и 5 этого памятника и, вероятнее всего, также относится к монгольскому времени.

Таким образом, на грунтовой могильнике Ильинка исследованы могилы двух смежных хронологических периодов, относящиеся к сменяющим друг друга археологическим культурам: сросткинской и культуре монгольского времени. Данная ситуация, помимо памятника Ильинка, фиксируется еще на одном грунтовой могильнике лесостепного Алтая – Осинках [Савинов Д.Г., 1994, с. 156–157; Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177].

Вещи, собранные на выдувах, также в основном происходят из разрушенных средневековых погребений. Наконечник копья (рис. 13) относится к сросткинским типам изделий, наконечники стрел (рис. 12.-11, 12) – к предметному комплексу монгольского времени. Остальные вещи могли присутствовать как в первой, так и во второй группах захоронений. Исключение составляет только железный кинжал (рис. 14), относящийся, вероятнее всего, к кругу древностей скифской эпохи (вторая половина I тыс. до н.э.).

Архивные материалы

Уманский А.П. Об археологических раскопках в окрестностях с. Ильинка Шелаболихинского района Алтайского края, проведенных летом 1972 года. Барнаул, 1992. 7 с., прил. Архив Историко-краеведческого музея БГПУ.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.
- Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А. Захоронение первой половины II тыс. в пункте Ближние Елбаны-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №5. Горно-Алтайск, 2000. С. 124–135.
- Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
- Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск, 1991. С. 161–168.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163–191.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.
- Рудометов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. Вып. II. С. 44–47.
- Савинов Д.Г. Государства и культуригенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 215 с.
- Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998. С. 175–190.
- Уманский А.П. Андроновский кинжал из с. Ильинка // СА. 1964. №2. С. 191–193.
- Уманский А.П., Караваев А.В. Аварийные раскопки у села Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 84–85.
- Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 122–129.

Ю.С. Худяков

Новосибирск

**ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПАМЯТНИКОВ КЫРГЫЗОВ
XI–XII ВВ. В ГОРНОМ АЛТАЕ**

Изучение памятников культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае представляет самостоятельный научный интерес. В последние десятилетия данная тема рассматривалась в связи с гипотезой о происхождении современного кыргызского этноса в Горном Алтае и Верхнем Прииртышье.

Вопроса о проживании кыргызов в средние века в Горном Алтае касались многие исследователи. Одним из первых эту тему затронул Ч.Ч. Валиханов [1985], который предположил, что «кара-кыргызы» являются автохтонным населением Тянь-Шаня, но могли кочевать до Черного Иртыша и Алтая. В.В. Радлов [1989] связывал с кыргызами происхождение некоторых алтайских родов. Впервые достоверно в Горном Алтае кыргызский памятник был исследован в Яконуре в 1939 г. М.П. Грязновым [1940]. Кыргызская принадлежность погреб-

бений по обряду трупосожжения была определена спустя несколько десятилетий. Вопросы включения Горного Алтая в состав Кыргызского каганата в IX–X вв. коснулся С.В. Киселев. Он отметил характерные «кыргызские черты» в инвентаре средневековых памятников Горного Алтая и Верхнего Приобья и сделал вывод: «... этот этап отличался особенно большой близостью к минусинскому того же времени. Очевидно, кыргызское преобладание играло определяющую роль в культуре соседних областей. Значительность кыргызских черт в алтайской культуре IX–X вв. может служить новым основанием для предположения не только о культурной, но и о политической зависимости Алтая от кыргызов» [Киселев С.М., 1949]. Мнение С.В. Киселева о вхождении Горного Алтая в государство енисейских кыргызов поддержал Л.П. Потапов [1953].

В связи с дискуссией о происхождении кыргызского народа в 1955 г. вопроса о проживании кыргызов на Алтае коснулся Б.М. Юнусалиев [1955]. На основе лингвистических и этнографических данных о сходстве языка и культуры алтайцев и кыргызов он предположил, что кыргызы могли обитать на юге Алтая и в верховьях Енисея до конца XIII в., откуда были вытеснены монголами и калмыками. Вопросы происхождения современного кыргызского народа и расселения его предков на Алтае были затронуты в работах К.И. Петрова. По его мнению, кыргызы расселились по территории Алтая и Приобья в конце I тыс. н.э. Здесь они смешались с кимакско-кыпчакскими племенами, утратив свой язык и культуру, но сохранив этноним «кыргызы», что буквально означает «красные». В XIII–XV вв. они переселились с Алтая на Тянь-Шань. В подтверждение своей точки зрения он приводит данные антропологии, языка, родоплеменного состава кыргызов и алтайцев, топонимии Горного Алтая. По его мнению, топонимы «кызыл» и «улаган» свидетельствуют о проживании кыргызов на Алтае [Петров К.И., 1963].

На территории Горного Алтая встречаются топонимы с названием «кыргыз», которые несомненно свидетельствуют о пребывании здесь кыргызов. Например, р. Кыргыз, правый приток Курагана. Эти материалы остались неизвестны К.И. Петрову и не были им использованы.

В 1964 г. Н.А. Баскаков [1964] отметил гипотетичность этимологических построений К.И. Петрова и предложил объяснять этноним «кыргызы» как «красные огузы» или «южные огузы». В 1966 г. им были опубликованы переводы нескольких, не известных ранее рунических надписей из Горного Алтая из Мендур-Соккона, в одной из которых упомянут «знаменитый кыргыз» [Баскаков Н.А., 1966]. В 1969 г. ряд соображений о пребывании кыргызов на Алтае был изложен Л.Р. Кызласовым [1969]. Он пришел к выводу, что кыргызы завоевали Горный Алтай в IX в. и продолжали здесь обитать до XIII в. [Кызласов Л.Р., 1969, с. 125, 133]. В XII в. на Алтае «обособилось» самостоятельное кыргызское княжество, правитель которого подчинился Чингисхану в начале XIII в. Правителем этого княжества в источниках назван Олебек-дигин, а местом его расположения «был, скорее всего, Алтай». Согласно его предположению, часть населения Алтая переселилась в Минусинскую котловину [Кызласов Л.Р., 1969, с. 129, 133]. В 1969 г. А.М. Кулемзиным были раскопаны два кыргызских кургана XI–XII вв. на памятнике Ак-Таш в Горном Алтае. Материалы этих раскопок были опубликованы позднее [Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 162]. В 1971 г. С.М. Абрамзон [1971] обобщил этнографические материалы по этногенезу кыргызов. Согласно его представлениям, основу современных кыргызов составили тюркоязычные племена, жившие в Восточном Прииттышье, Прииртышье и Алтае. В 1972 г. Д.Г. Савинов [1973] раскопал на памятнике Узунтал-VIII в юго-восточном Алтае кыргызский курган с погребением по обряду трупосожжения и разнообразным инвентарем, относящийся к IX–X вв. Ф.Х. Арслановой [1972] были опубликованы материалы из раскопок курганов с погребениями по обряду трупосожжения в Верхнем Прииртышье, отнесенные к кыргызской культуре IX в. На Верхнем Алее кыргызские захоронения по обряду кремации были исследованы В.А. Могильниковым на памятниках Гилево и Корболиха [Могильников В.А.,

1972а; 1972б; Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1976]. При анализе материалов кыргызской культуры на Алтае памятники из горной и степной его частей, Верхнего Приобья и Прииртышья нередко рассматривались суммарно как свидетельства кыргызской экспансии в юго-западном направлении.

Первый опыт обобщения материалов из памятников культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае был предпринят в 1979 г. Д.Г. Савиновым [1979, с. 161–168]. Он отметил находки вещей «кыргызского облика» на могильниках Яконур и Узунтал-ХIII. Эти памятники были отнесены к IX–X вв. Д.Г. Савинов поддержал мнение о том, что кыргызы могли переселиться на Тянь-Шань с территории Алтая [Савинов Д.Г., 1979, с. 167].

В 1980 г. на памятнике Куях-Танар Ю.С. Худяковым [1990] были найдены предметы кыргызской культуры XI–XII вв. В 1983 г. находки из кыргызских курганов Ак-Таша были опубликованы И.Л. Кызласовым. Он включил в число кыргызских памятников X–XII вв. Ак-Таш, Сростки, Чарыш и Яконур [Кызласов И.Л., 1983].

Гипотеза о переселении кыргызов на Тянь-Шань с Алтая и Прииртышья была развита в работах С.Г. Кляшторного, А.М. Мокеева, В.П. Мокрынина [История Киргизской ССР, 1984; Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П., 1988]. По мнению этих исследователей, кыргызы, проникшие на Алтай и в Прииртышье в IX в., в течение X–XII вв. были ассимилированы кимако-кыпчакскими племенами, воспринявшими этноним «кыргызы». Именно на Алтае находилось в XII–XIII вв. «княжество Кыргыз», завоеванное монголами. В середине XV в. эти кимако-кыпчаки, называвшиеся «кыргызами», переселились на Тянь-Шань.

«Алтайский период» в формировании кыргызского народа и языка на лингвистических материалах выделен Э.Р. Тенишевым [1989]. Наличие сходных элементов в языке, фольклоре, традиционной культуре и родоплеменном составе алтайцев и кыргызов отмечали многие исследователи [Молдобаев И.Б., 1989; Савинов Д.Г., 1989].

В 1990 г. Ю.С. Худяковым [1990, с. 186–195] были обобщены обнаруженные к этому времени материалы кыргызской культуры в Горном Алтае. Помимо уже опубликованных к этому времени находок из Ак-Таша и Узунтала в научный оборот были введены материалы из Яконура и Куях-Танара, ранее не издававшиеся. Было выделено два этапа развития кыргызской культуры в Горном Алтае. К эпохе великодержавия IX–X вв. отнесены курганы Яконура и Узунтала, к эпохе сууктэр XI–XII вв. – памятники Ак-Таш и Куях-Танар. На основе анализа этих материалов был сделан вывод о том, что в XI–XII вв. кыргызы продолжали населять Горный Алтай и их культура сохранила все черты своеобразия, не смешавшись с кимакской, памятников которой на этой территории не обнаружено [Худяков Ю.С., 1990].

Вопрос о пребывании кыргызов на Алтае был рассмотрен в ряде последующих работ [Худяков Ю.С., 1991; 1993; 1995].

Источниковая база предметного комплекса кыргызской культуры за последние годы расширилась. К числу памятников кыргызов отнесена находка из Беш-Озека [Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 1993]. Погребение по обряду кремации с разнообразным инвентарем XI–XII вв. исследовано в одном из курганов могильника Кок-Эдиган [Худяков Ю.С., 1995; 1996]. И.Л. Кызласов отнес к числу енисейских большинство известных рунических надписей Горного Алтая [Кызласов И.Л., 1994]. Отдельные предметы, относящиеся к кыргызской культуре, обнаружены жителями с. Куюс на стоянке Кам-Баин в долине р. Верхняя Куба.

Расширение круга находок, относящихся к культуре кыргызов периода развитого средневековья, позволяет полнее охарактеризовать ее предметный комплекс на территории Горного Алтая. Среди железных предметов, обнаруженных в кыргызских памятниках XI–XII вв. – Ак-Таш, Кам-Баин, Кок-Эдиган, Куях-Танар – в различных районах Горного Алтая представлены предметы вооружения, конской сбруи, бытовые инструменты, предметы туалета и украшения.

Оружие дистанционного боя в кыргызских курганах XI–XII вв. в Горном Алтае представлено железными черешковыми наконечниками стрел. По сечению пера среди них выделяется несколько групп.

Группа I. Трехлопастные.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает один экземпляр из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Длина пера – 2,2 см, ширина – 1,1 см, длина черешка – 3,7 см. Наконечник с остроугольным острием, узким пером, покатыми плечиками, упором (рис. 1.-3). Подобные наконечники имели широкое распространение в культурах кочевников в Южной Сибири и Центральной Азии в эпохи поздней древности и раннего средневековья [Худяков Ю.С., 1986, с. 31, 54, 70, 92, 111, 143, 183]. Встречаются они и в памятниках енисейских кыргызов XI–XII вв. в Минусинской котловине и Туве [Худяков Ю.С., 1980, с. 82].

Группа II. Четырехгранные.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает один экземпляр из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Длина пера – 3 см, ширина – 1 см, длина черешка – 3 см. Наконечник с остроугольным острием, узким пером, выступающим упором (рис. 1.-2). Близкие по форме бронебойные наконечники характерны для древних тюрок и кимаков [Худяков Ю.С., 1986, с. 146, 186]. В памятниках енисейских кыргызов они обнаружены в Минусинской котловине и Туве [Худяков Ю.С., 1980, с. 92].

Группа III. Ромбические.

Тип 1. Боеголовковые. Включает один экземпляр из кургана 27 памятника Ак-Таш [Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 162]. Длина пера – 5 см, ширина – 1 см, длина черешка – 3 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой и упором (рис. 3.-2).

Данный тип относится к числу самых распространенных кыргызских наконечников XI–XII вв. [Худяков Ю.С., 1980, с. 95].

Группа IV. Плоские.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает один экземпляр из кургана 9 памятника Ак-Таш [Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 151]. Длина пера – 4 см, ширина – 1,8 см, длина черешка – 4,5 см. Наконечник с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором (рис. 2.-1).

Данный тип наконечников является наиболее распространенным для кочевников степного пояса Евразии в предмонгольское и монгольское время [Худяков Ю.С., 1991б, с. 75, 105]. Подобные наконечники характерны и для енисейских кыргызов в XI–XII вв. [Худяков Ю.С., 1980, с. 95].

Коллекция железных наконечников стрел из кыргызских курганов XI–XII вв. в Горном Алтае немногочисленна, но типологически разнообразна. В ее составе представлены широко распространенные формы, характерные для развитого средневековья.

К числу предметов вооружения относится железный кинжал.

По сечению клинка он принадлежит к группе I – трехгранных с долами. По форме клинка – к типу 1, слабоизогнутых в сторону лезвия. Включает один экземпляр из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Длина клинка – 11 см, ширина до 2,5 см, длина черешка – 5,5 см. Кинжал имеет черешок, скошенный в сторону лезвия, пластинчатый упор для ограничения рукояти и однолезвийный клинок, слабоизогнутый в сторону лезвия. Клинок кинжала в сечении трехгранный. По всей длине полосы с двух сторон имеются пологие доли. Острие клинка – ромбическое, в сечении двулезвийное, с елманью, выступающей над спинкой клинка (рис. 1.-1).

Эта находка в кыргызских комплексах является уникальной и не имеет точных аналогов. По общей конфигурации клинка и рукояти, изогнутых в сторону лезвия, кок-эдиганский кинжал напоминает кинжалы, изображенные на некоторых изваяниях древних тюрок

в Центральной Азии, и кинжал, найденный в Уйбатском чаа-тасе в Минусинской котловине [Евтюхова Л.А., 1952, с. 112].

Судя по находке в могильнике Кок-Эдиган, подобные кинжалы бытовали у кыргызов не только в эпоху чаа-тас, но и в период развитого средневековья.

Значительную часть предметного комплекса из памятников кыргызской культуры в Горном Алтае составляют сбруйные принадлежности.

Железные удила относятся к типу двусоставных с неравновеликими однокольчатыми звеньями, кольчатыми псалиями. Включают один экземпляр из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Длина звеньев удил – 9–10 см, диаметр кольчатых псалиев – 7 см. Удила имеют звенья разной длины и сечения, большие, свободно вращающиеся витые кольчатые псалии, в которые укреплены по два дополнительных витых кольца и по одной пластинчатой накладке для крепления нащечных ремней. В кольчатые окончания звеньев удил помимо псалиев продеты дополнительные витые кольца, продолговатой овальной формы с вогнутыми сторонами (рис. 3.-1).

А.А. Гаврилова [1965, с. 80] подобные удила в памятниках древних тюрок в Горном Алтае отнесла к «курайскому типу» и датировала VII–VIII вв. Она отметила находки таких удил в кургане 1 могильника Курай-VI на Алтае и кургане 45 памятника Уюк в Туве [Гаврилова А.А., 1965, рис. 15.-2,3]. В.Д. Кубарев [1985, с. 143, 148; рис. 5.-2] находку близких по форме удил из впускного захоронения лошади в кургане 82 могильника Боротал в Горном Алтае отнес к VIII–IX вв. В.А. Могильников [1981, с. 40, рис. 19.-100] считает удила из кургана 1 памятника Курай-VI на Алтае принадлежащими к VIII–IX вв. Он включил в эту группу и находку удил из кургана Капчалы-II в Минусинской котловине. Л.Р. Кызласов [1969, с. 114] подобные удила с большими витыми кольцами из памятника Кызыл-Булак, к. 139 в Туве датировал IX–X вв.

Кок-эдиганская находка позволяет предполагать, что подобная форма удил продолжала бытовать у кочевников Саяно-Алтая и в начале II тыс. н.э. Интересно, что подобные большие витые кольца с продетыми в них малыми витыми кольцами сохранились в этнографической культуре современных кыргызов Тянь-Шаня. Они крепились к железному основанию предмета для привязывания домашнего скота*.

Железное стремя относится к типу с округлой петлей и пластинчатой подножкой. Включает один экземпляр из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Диаметр проема – 10,5 см, диаметр петли – 3 см, ширина подножки – 3 см. Стремя с кольцевой петлей, округлым проемом и узкой пластинчатой подножкой. Оно изготовлено из округлого в сечении железного стержня, склепанного в верхней части петли. Подножка имеет снизу выступающее ребро по всей ширине проема (рис. 3.-2).

Подобные стремена, известные в научной литературе под названием «восьмеркообразных», имели широкое распространение в кочевых культурах степного пояса Евразии в течение эпохи раннего средневековья. Известны они и в памятниках кыргызов в Минусинской котловине и Туве VI–X вв. [Кызласов Л.Р., 1981, с. 49]. Близкие по форме стремена обнаружены в кыргызском захоронении в Узунтале в Горном Алтае [Савинов Д.Г., 1979, с. 162]. В культурах кочевников евразийских степей подобные стремена встречаются очень редко [Мажитов Н.А., 1981, с. 222, рис. 90.-14]. В этот период получают распространение стремена иных форм, с пластинчатой петлей без перехвата или с отверстием в дужке [Могильников В.А., 1981а, с. 192]. В памятниках кыргызов XI–XII вв. в Минусе и Туве стремена почти не встречаются [Кызласов И.Л., 1981, с. 205].

В кыргызских памятниках начала II тыс. н.э. в Горном Алтае найдено значительное число железных принадлежностей конской сбруи.

Среди них выделяются две группы: объемные и плоские.

* Экспонируются в Историческом музее Кыргызстана в г. Бишкек.

Первая группа представлена бляшками одного типа.

Тип 1. Подквадратные. Включает 2 экз. из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Площадь бляшки 1,5х1,5 см, высота – 1,3 см. Бляшки – пирамидальные, односторонне выпуклые, подквадратной формы. На сторонах имеются небольшие вырезы, придающие бляшке вид четырехлистника. На двух гранях одной из бляшек нанесен резьбой циркульный орнамент. Вершину бляшки венчает шарообразная головка заклепки, с помощью которой она крепилась к ремню (рис. 1.-4, 5).

Близкие по форме, но плоские бляшки известны в памятниках кыргызов XI–XII вв. в Минусинской котловине [Худяков Ю.С., 1982, с. 74].

К группе плоских относятся бляшки пятиугольной формы с подвесными пластинами.

Тип 1. Пятиугольные. Включает 3 экз. из кургана 1 памятника Кок-Эдиган. Длина бляшки – 2 см, ширина – 1,5 см. Бляшки пятиугольной формы с приостренным верхним концом и сферической головкой от заклепки в центре. Нижний конец загнут назад и соединен заклепкой с бляшкой. В него продета подвесная пластина длиной 5,7 см, шириной 1 см. Она имеет прямоугольный держатель с отверстием и удлиненную пластину с приостренным концом (рис. 1.-6–8, 10, 11).

Схожие по конструкции накладки, соединенные шарнирным способом с удлиненными подвесками, представлены в кыргызских памятниках XI–XII вв. в Минусинской котловине [Худяков Ю.С., 1982, с. 76, 132; Кызласов И.Л., 1983, с. 46–47]. Нередко они имеют вычурную фигурную форму и богатую орнаментацию. Вероятно, пирамидальные и пятиугольные бляшки с подвесками входили в состав украшений одного сбруйного набора.

К деталям сбруи должны относиться: железный многочастный стержень с пластинчатой обоймой, железное кольцо, обломки вытянутых железных пластин с отверстиями и прямоугольная обломанная пластинка с заклепкой. За исключением пирамидальных и пятиугольных бляшек с подвесками, которые, судя по размерам и количеству, могли входить в состав уздечного набора, определить местоположение остальных железных деталей в составе сбруи довольно сложно.

В ак-ташском наборе представлены пряжка, петли, обоймы, бляшки и накладки.

Пряжка с подвижным язычком относится к одному типу.

Тип 1. С овальной рамкой. Включает один экземпляр из кургана 27 памятника Ак-Таш. Длина рамки – 2,2 см, ширина пряжки – 3 см, длина язычка – 2,5 см. Пряжка с овальной рамкой, украшенной насечками и шаровидными выступами (рис. 2.-7). Аналогичная пряжка найдена в кыргызском Оглахтинском могильнике в Минусинской котловине [Кызласов И.Л., 1983, табл. XIII.-19].

Петли относятся к двум типам.

Тип 1. С треугольной рамкой. Включает один экземпляр из кургана 27 памятника Ак-Таш. Длина петли – 2,3 см, ширина петли – 2,2 см. Петля с насечкой на рамке и заклепкой на пластинчатом соединении (рис. 2.-8).

Тип 2. С овальной рамкой. Включает один экземпляр из кургана 27 памятника Ак-Таш. Длина петли – 1,7 см, ширина петли – 2,3 см. Петля с насечкой на рамке и заклепкой на пластинчатом соединении (рис. 2.-9).

Близкие по форме петли обнаружены в кыргызских курганах XIII–XIV вв. в Минусинской котловине [Кызласов И.Л., 1983, табл. XIV.-28, 29].

Обоймы относятся к одному типу.

Тип 1. Прямоугольные. Включает 2 экз. из кургана 27 памятника Ак-Таш. Длина обойм – 2,5 см, ширина – 1,3 см. Прямоугольные обоймы с насечкой на рамке (рис. 2.-10, 11).

Судя по сходству орнаментации, пряжка, две петли и две обоймы входили в состав одного набора. Среди ак-ташских находок имеются две бляшки сердцевидной формы с тре-

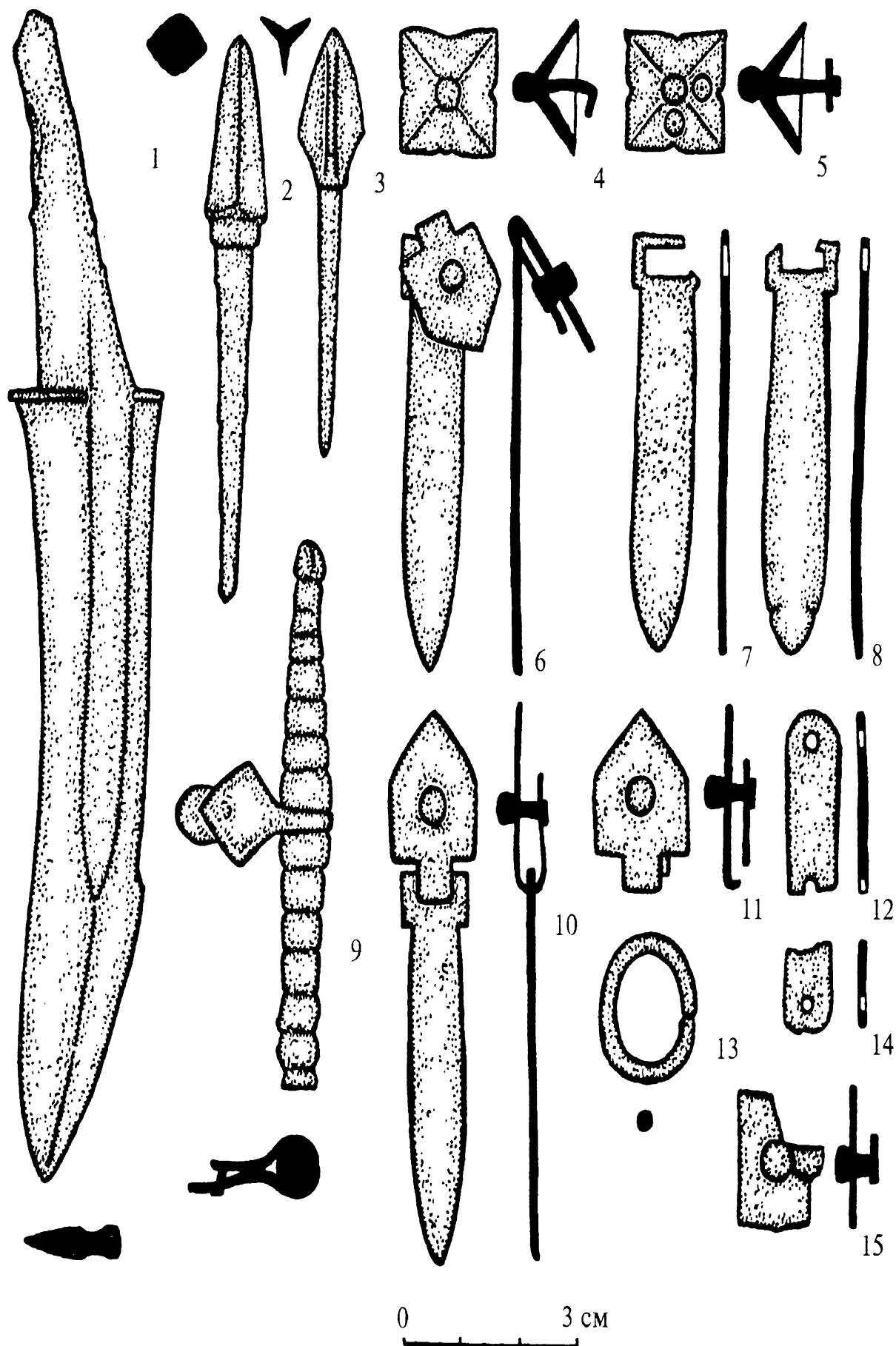

Рис. 1. Предметы вооружения и сбруи из памятника Кок-Эдиган. Курган 1:
1 – кинжал; 2, 3 – наконечники стрел; 4–15 – сбруйные принадлежности

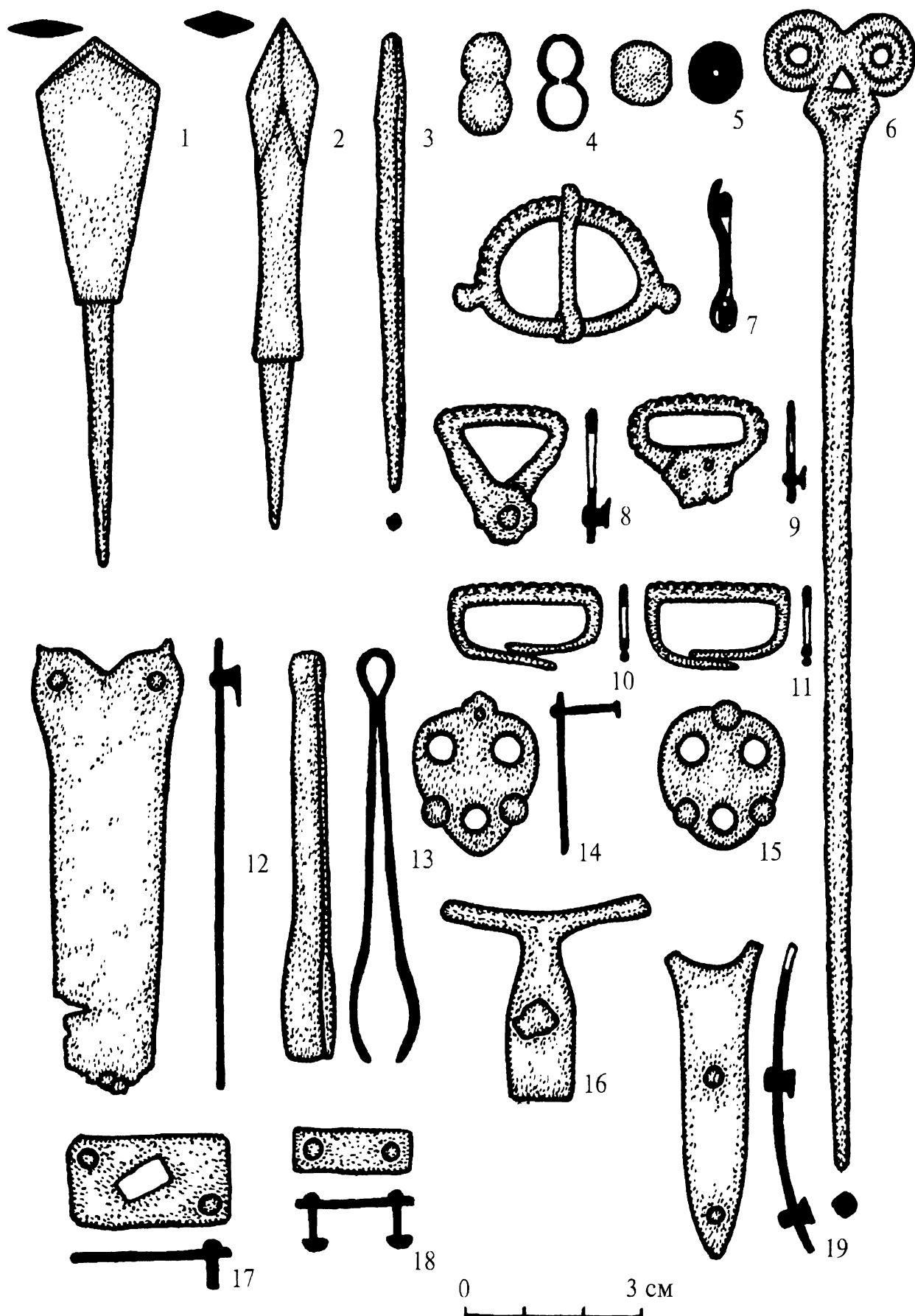

Рис. 2. Предметы вооружения, сбруи, украшения. Бытовые инструменты из памятников Ак-Таш, Куях-Танар, Кам-Баин: 1, 2 – наконечники стрел; 3, 6 – шилья; 5 – бусина; 7 – пряжка; 8, 9 – петли; 10, 11 – обоймы; 12 – накладка; 13 – пинцет; 14–16, 19 – бляшки и накладки; 17–18 – пластины

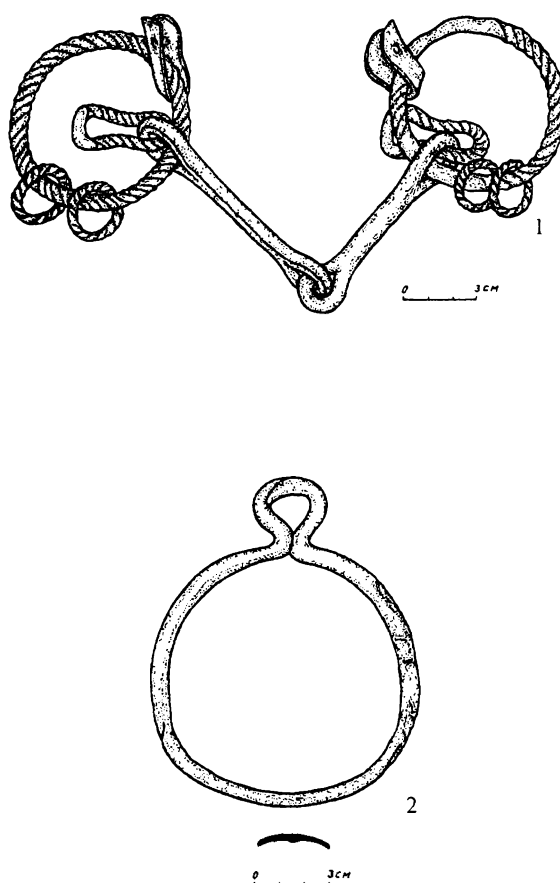

Рис. 3. Удила и стремя из памятника Кок-Эдиган. Курган 1: 1 – удила; 2 – стремя

мя отверстиями и тремя заклепками (рис. 2.-14,15), две обломанных накладки, у одной из которых раздвоенный конец, у другой – приостренный (рис. 2.-16, 19), две пластинки с заклепками (рис. 2.-17, 18). Накладки с раздвоенным концом встречаются в кыргызских курганах в начале II тыс. н.э. довольно часто [Худяков Ю.С., 1982, рис. 86.-5; 87.-8; 105.-4; Кызласов И.Л., 1983, табл. XII.-25–27, 32–41]. Относятся ли все эти детали к одному сбруйному набору, сказать трудно.

Еще одна удлиненная накладка с раздвоенным концом и заклепками найдена на памятнике Куях-Танар. Ее противоположный конец обломан (рис. 2.-12).

Подобные накладки известны в составе сбруйных принадлежностей из кыргызских курганов эпохи сууктэр в Минусе [Худяков Ю.С., 1982, рис. 104.-2, 8, 9]. При сходстве форм большинства накладок и бляшек из кыргызских курганов XI–XII вв. в Минусе и Горном Алтае нельзя не отметить, что последние отличаются бедностью оформления и орнаментации в сравнении с минусинскими, на них не встречается серебряная аппликация. Вероятно, это объясняется периферийным положением кыргызов, проживавших в XI–XII вв. на Алтае, по отношению к Минусинской котловине.

К кыргызской культуре эпохи развитого средневековья относится железное шило из памятника Кам-Баин. Длина стержня – 16 см, диаметр стержня – 0,5 см, высота навершия – 1,5 см. Длинное массивное шило с фигурным навершием в виде уплощенного ромба с треугольным отверстием и двумя спиралями по бокам, напоминающими стилизованные бараньи рога (рис. 2.-6). Подобные инструменты характерны для кыргызской культуры в XI–XII вв. [Кызласов И.Л., 1977а, с. 88, рис. 1.-1,2].

Вероятно, к кыргызской культуре может относиться найденное на памятнике Куях-Танар железное шило, квадратное в сечении, крепившееся в деревянной рукояти (рис. 2.-3). Близкие по форме шилья известны в материалах кыргызской культуры эпохи развитого средневековья в Минусинской котловине [Кызласов И.Л., 1983, табл. XXIII.-7-9].

На памятнике Куях-Танар был обнаружен железный пинцет, изготовленный из согнутой пополам узкой пластины (рис. 2.-13). Аналогичные пинцеты являются характерными бытовыми предметами в памятниках кыргызской культуры XI-XII вв. в Минусинской котловине [Кызласов И.Л. 1983, с. 39; табл. XXIII.-10, 11, 13].

Вероятно, к кыргызской культуре эпохи развитого средневековья могут относиться найденные на памятнике Куях-Танар парные полые железные шарики, которые могли служить пуговицей и каменная бусина (рис. 2.-4, 5). Близкие по форме бусины известны из кыргызских захоронений XI-XII вв. в Минусе [Кызласов И.Л., 1977б, с. 139].

В целом предметный комплекс из памятников кыргызов XI-XII вв. в Горном Алтае типичен для кыргызской культуры этого периода по всей территории ее распространения. Его отличает меньшее видовое и типологическое разнообразие предметов, отсутствие богатой орнаментации и серебряной аппликации на сбруйных накладках. Судя по всему, памятники, исследованные в Горном Алтае, принадлежали рядовому кыргызскому населению, воинам из немногочисленных кыргызских военных отрядов и членам их семей. Эти материалы доказывают, что в XI-XII вв. енисейские кыргызы населяли ряд районов Горного Алтая, и их культура не отличалась от культуры кыргызов Минусы и Тувы. Нет никаких свидетельств смешения кыргызов и кимако-кыпчаков на данной территории в начале II тыс. н.э. и следов их переселения на Тянь-Шань. Вероятно, в этот период территория Горного Алтая оставалась периферией Кыргызского государства.

Библиографический список

- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
- Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // СЭ. 1964. №2.
- Баскаков Н.А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // СЭ. 1966. №6.
- Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений: В 5-ти т. Алма-Ата, 1985. Т. II.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. №24.
- История Киргизской СССР. Фрунзе, 1984. Т. 1.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. №9.
- Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88. Фрунзе, 1988.
- Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV. Ч. II.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977а.
- Кызласов И.Л. Бусы средневековой Хакасии // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977б.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // Свод археологических источников. М., 1983. Вып. Е 3-18.

- Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985.
- Медникова Э.М., Могильников В.А. Суразаков А.С. Работы на Верхнем Алее // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.
- Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972а.
- Могильников В.А. Работы Алейской экспедиции // Археологические открытия 1971 года. М., 1972б.
- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981а.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981б.
- Молдобаев И.Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989.
- Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XII–XV вв. Фрунзе, 1961.
- Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
- Петров К.И. К этимологии этнонима «кыргыз» // СЭ. 1964. №2.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Савинов Д.Г. Археологические данные о связи енисейских и тянь-шаньских кыргызов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989.
- Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1.
- Савинов Д.Г. Раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Тенишев Э.Р. К вопросу о происхождении киргизов и их языка // Советская Тюркология. 1989. №4.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.
- Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
- Худяков Ю.С. Енисейские кыргызы на Алтае и в Прииртышье // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2.
- Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – памятник культуры енисейских кыргызов на Средней Катуни // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.
- Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
- Худяков Ю.С. Кыргызы на Алтае и в Западной Сибири // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991.
- Худяков Ю.С. Новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // III итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1995.
- Худяков Ю.С. Проблемы культурогенеза кыргызов на территории Алтая и Прииртышья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.
- Юнусалиев Б.М. Проблема формирования общенародного киргизского языка // Вопросы языкознания. 1955. №3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ** – Алтайский государственный университет (Барнаул)
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет (ранее – БГПИ)
ВДИ – Вестник древней истории
ВМГУ – Вестник Московского государственного университета
ВООПИК – Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИФ – исторический факультет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛИК – Лаборатория исторического краеведения БГПУ
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая АГУ
МИА – Материалы по археологии СССР
МНСК – Международная научная студенческая конференция
ОФ – основной фонд
РА – Российская археология
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая конференция
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
С – север
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников (Москва)
СВВ – северо-восток-восток
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СЗ – северо-запад
СЗЗ – северо-запад-запад
СИКНАК – Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края
СМИКЭ – Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция
СНВ – Страны и народы Востока
СЭ – Советская этнография
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТГУ – Томский государственный университет
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
УЗ – Ученые записки
Ю – юг
ЮВ – юго-восток
ЮВВ – юго-восток-восток
ЮЗЗ – юго-запад-запад

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Боровков А.С.</i> Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая	3
<i>Горбунов В.В., Ситников С.М.</i> Исследование аварийного кургана сrostкинской культуры на памятнике Кайгородка-V	9
<i>Дашковский П.К.</i> Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае	16
<i>Кубарев В.Д.</i> Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий)	24
<i>Кунгуров А.Л.</i> Материалы эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с поселенческих комплексов Верхнего Приобья	54
<i>Кызласов Л.Р.</i> Династийная традиция и возникновение древнехакасского государства	63
<i>Могильников В.А.</i> Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая	77
<i>Тишкин А.А.</i> Сухие Гривы – памятник монгольского времени на правом берегу Оби	139
<i>Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В.</i> Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае	146
<i>Худяков Ю.С.</i> Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. в Горном Алтае	161
Список сокращений	172

Научное издание

АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сборник научных трудов

Редакторы: Л.И. Базина, Н.Я. Тырышкина

Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Технический редактор: А.А. Тишкин

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14 января 1997 г.

Подписано в печать 07.12.2001 г. Формат 60х84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 19,7.

Тираж 350 экз. Заказ №

Типография Некоммерческого партнерства «Азбука»
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98-а

